

АННА ТЮТЧЕВА

ВОСПОМИНАНИЯ

АННА
ТЮТЧЕВА

ЗАХАРОВ

**АННА
ТЮТЧЕВА**

ВОСПОМИНАНИЯ

ЗАХАРОВ • МОСКВА • 2002

ББК 84-4
УДК 882-94
Т 98

*Текст печатается
по двухтомному изданию:*

А.Ф.Тютчева
ПРИ ДВОРЕ ДВУХ ИМПЕРАТОРОВ
Воспоминания. Дневник.

Перевод Е.В.Герье
Вступительная статья и примечания С.В.Бахрушина
Издание М. и С. Сабашниковых
Москва
1928—1929

ISBN 5-8159-0232-2

© И.В.Захаров, 2002

Нет, жизнь тебя не победила,
И ты в отчаянной борьбе
Ни разу, друг, не изменила
Ни правде сердца, ни себе.

Федор Тютчев — дочери.

Анна Федоровна Тютчева,

*старшая дочь поэта Ф.И.Тютчева,
родилась 21 апреля 1829 года в Мюнхене,
18-летней девушкой переехала в Россию
и в 1853 году была назначена фрейлиной
цесаревны Марии Александровны,
жены будущего царя Александра II.*

*Была воспитательницей их детей,
вел. княжны Марии и вел. князей Сергея и Павла.*

*После 13 лет службы двум императорам
в 1866 году вышла замуж за Ивана Сергеевича Аксакова
и удалилась от двора. В 1886 году она овдовела,
а в 1889 году умерла в Сергеевом Посаде.*

*Ее воспоминания и дневник — умные, искренние,
проницательные и бесконечно интересные —
давно заслужили самую высокую оценку:
«Кто, как она, прошел через горнило двора,
не утратив самостоятельности и личного
достоинства, не охладев душой, тот выдержал
одно из самых трудных испытаний
в человеческой жизни».*

ВОСПОМИНАНИЯ

Мне было 23 года, когда я была назначена фрейлиной двора великой княгини цесаревны, супруги наследника русского престола. Это было в 1853 году. Я в то время жила в деревне, в Орловской губернии¹. Цесаревна никогда меня не видела и согласилась приблизить к себе лишь по просьбе великой княгини Марии Николаевны, которая была очень расположена к моему отцу². Наша семья находилась в то время в обстоятельствах довольно стесненных. Сестры мои³ только что вышли из Смольного. Нас было дома три взрослых барышни, кроме того мачеха⁴ имела еще девочку⁵ и двух маленьких сыновей⁶. Семья

---

¹ В имении Ф.И.Тютчева Овстуг, Брянского уезда Орловской губернии.

² Ф.И.Тютчев в письмах к жене в 1852 г. неоднократно упоминает о хлопотах по устройству дочери к двору. 23 августа 1852 г. он пишет: «Я собираюсь написать великой княгине Марии Николаевне... Как утопающий хватается за соломинку, так я не теряю надежды на успех». 3 сентября 1852 г.: «Третьего дня, первого числа, я отнес свое письмо к великой княгине Марии Николаевне и не могу помешать себе надеяться — так сильна во мне потребность, неутолимая необходимость успеха... Если успех будет, я сообщу тебе написанное мною письмо и сделаю это с чувством настоящей гордости, как в старину Чаадаев или Северин. Ты увидишь, возможно ли было написать более убедительно и более ясно, до унизости ли ясно. Я не могу утверждать, что написать такое письмо мне многого стоило... в конце концов, я обращался к женщине. Но, в случае неудачи, я бы почувствовал себя глубоко униженным во многих отношениях» (письма написаны по-французски).

³ Дарья Федоровна (род. 1834) и Екатерина Федоровна (род. 1835).

⁴ Эрнестина Федоровна Тютчева, урожд. Пфедфель, а первом браке баронесса Дернберг.

⁵ Мария Федоровна (род. 1840).

⁶ Дмитрий Федорович (род. 1841) и Иван Федорович (род. 1846) Тютчевы.

наша, таким образом, была большая, состояние же незначительное, и моей мачехе, иностранке по происхождению, с трудом удавалось при наших ограниченных средствах удовлетворять требованиям петербургской жизни в той среде, к которой мы принадлежали по связям моего отца, но отнюдь не по положению и не по состоянию.

Мой отец всю свою молодость провел в Германии, на дипломатической службе. Он там женился первым браком на моей матери¹, вдове господина Петерсона, после которого у нее осталось четыре сына. Отец мой имел от нее трех дочерей и потерял ее после двенадцати лет брака. Вторично он женился также на вдове, баронессе Дернберг, и вскоре после этого второго брака вернулся в Россию, где и обосновался.

Я получила воспитание отчасти у сестры моей матери², отчасти в Мюнхенском институте, где провела три года вместе с моими сестрами, которые были несколькими годами моложе меня. Когда мне минуло шестнадцать лет, отец выписал нас в Россию. Сестры были помещены в Смольный для продолжения образования, я же возвратилась в родительский дом. Мой отъезд из Германии навсегда оставил во мне грустное воспоминание. Меня так внезапно, как бы с корнем, вырвали из того мира, в котором протекло все мое детство, с которым меня связывали все мои привязанности, все впечатления, все привычки, — для того, чтобы вернуть в семью, совершенно мне чуждую, и на родину, также чуждую мне по языку, по нравам, даже по верованиям; правда, я принадлежала к этой религии, но никто меня ей не обучал.

С каким-то странным сжиманием сердца высадилась я в одно холодное и туманное сентябрьское утро на Английской набережной в Петербурге и впервые увидела эти тяжеловесные каменные громады, всегда окутанные туманной мглой и сыростью, и это низкое небо, серое и грязное, лениво нависающее в течение всего почти года

---

¹ Элеонора Тютчева (урожд. Ботмер, в первом браке Петерсон), первая жена Ф.И.Тютчева, умерла 28 августа/9 сентября 1838 г.

² Клотильда Ботмер, замужем за бароном Аполлоном Петровичем фон Мальтиц.

над Северной Пальмирой¹. Впечатление, вынесенное мною тогда, не изменилось и впоследствии; никогда мне не удалось полюбить эту великолепную и мрачную столицу, в которой усилия человека, деньги, промышленность и искусство ведут тщетную борьбу с отвратительным климатом и с болотистой почвой и холодные красоты которой, лишенные прелести и поэзии, являются как бы символом деспотической силы. Эти первые впечатления не стали отрадней, когда тяжелая наемная карета привезла нас в отель «Демут», где жили мои родители и где мы провели всю зиму в неудобной обстановке русской гостиницы того времени. Мы занимали помещение очень безобразное, грязное и вонючее, с окнами на не менее грязный двор, которое, однако, обходилось нам очень дорого. Эта обстановка представляла печальный контраст с просторными и светлыми залами моего института в Германии, окруженного свежеею зеленью сада с его липами и кустами роз.

Мои сестры были вскоре помещены в Смольный, одна пенсионеркой цесаревны, другая пенсионеркой великой княгини Марии Николаевны. Я постоянно их навещала, и эти посещения были моей единственной радостью и единственным развлечением, а вскоре сделались для меня обязанностью и даже целью жизни. Несмотря на свою молодость, я скоро была поражена недостатками того воспитания, которое давалось детям в этом учебном заведении. Образование, получаемое там, было вообще очень слабо, но особенно плохо было поставлено нравственное воспитание. Религиозное воспитание заключалось исключительно в соблюдении чисто внешней обрядности, и довольно длинные службы, на которых ученицы обязаны были присутствовать в воскресные и праздничные дни, представлялись им только утомительными и совершенно пустыми обрядами. О религии, как об основе нравственной жизни и нравственного долга, не было и речи. Весь дух, царивший в заведении, развивал в детях прежде всего тщеславие и светскость. Хорошенькие

¹ В 1863 г. А. Ф. Тютчева писала Победоносцеву: «Вот я и в Петербурге, который более чем когда-либо похож на Петербург, т. е. более серый, более угрюмый, более мрачный, чем когда-либо».

ученицы, те, которые лучше других умели танцевать и грациозно кланяться, умели причесываться со вкусом и искусно оттенять клюквенным соком бледность лица, всегда могли рассчитывать на расположение со стороны начальницы, г-жи Леонтьевой, а следовательно, и со стороны директрисы и классных дам. Дети богатых и сановных родителей составляли особую аристократию в классах. Для них почти не существовало правил институтской дисциплины. Они могли безнаказанно пропускать уроки, по утрам долго спать, не обращая внимания на звон колокола, пренебрегать обедом, подаваемым в общей столовой (кстати сказать, отвратительным), и питаться лакомствами из соседней лавочки. Как с нравственной, так и с физической стороны весь режим был отвратительный. Мои сестры, благодаря своим хорошеньким личикам и положению родителей, а главным образом благодаря протекции великих княгинь, пенсионерками которых они состояли, сразу попали в категорию аристократок, т.е. детей, обреченных на порчу. Благодаря Мюнхенскому институту они имели достаточно познаний, чтобы легко занять первое место в классе среди своих сверстниц, но я скоро поняла, как плохо их воспитывают, и старалась противодействовать злу, проводя с ними как можно больше времени; не давала им читать плохих романов, которые ученицы добывали себе с большой легкостью, поощряла их к серьезным занятиям и говорила с ними о религии, поскольку сама была в этом сведуща. В Мюнхенском королевском институте, где я окончила свое образование, я находилась под влиянием католических священников; они старались, поскольку это доступно нашему возрасту, привить нам благочестие, правда, несколько узкое и фанатическое, очень ригористическое, очень мелочное и в достаточной степени иезуитское, тем не менее это религиозное воспитание внушило нам душеспасительный страх перед тщеславием, легкомыслием, светскими удовольствиями, спектаклями, нарядами, чтением дурных книг, так что я относилась с ужасом ко всему тому, что превозносилось и ценилось в Смольном; в течение всей своей молодости я никогда не стремилась ни к развлечениям, ни к наря-

дам, и, несмотря на полную свободу в чтении и на любопытство, которое живо возбуждали во мне нарядные книжки романов, я никогда не находила удовольствия в французской литературе, в то время имевшей большой успех и оказавшей такое развращающее влияние на мысли многих молодых девушек.

Нет сомнения, что суровое воспитание дает характеру известную выдержку, которой всегда недостает людям, получившим слишком мягкое воспитание. Касаясь здесь вопроса о воспитании в женских учебных заведениях России, я совсем не имею в виду входить в подробности, которые завели бы меня слишком далеко, я хочу лишь сказать, что в этом отношении я узнала жизнь нашей родины с одной из ее самых характерных и самых тяжелых сторон: это поверхностное и легкомысленное воспитание является одним из многих результатов чисто внешней и показной цивилизации, лоск которой русское правительство, начиная с Петра Великого, старается привить нашему обществу, совершенно не заботясь о том, чтобы оно прониклось подлинными и серьезными элементами культуры. Отсутствие воспитания нравственного и религиозного широко раскрыло двери пропаганде нигилистических доктрин, которые в настоящее время нигде так не распространены, как в казенных учебных заведениях.

Ко времени моего приезда в Россию, благодаря полученному мною воспитанию и природным склонностям, религиозный интерес был во мне преобладающим. В Мюнхенском институте католические патеры, само собою разумеется, пустили в ход все возможные средства, чтобы привлечь меня к католицизму. Но та несколько искусственная экзальтация, которую они сумели мне внушить, не имела характера глубокого и сознательного убеждения и не могла не рассеяться под влиянием умственного развития. Вначале, не понимая по-русски, я не могла следить за нашей службой, которая мне казалась длинной и утомительной. Но потребность в молитве постоянно приводила меня в церковь, и я постепенно стала понимать наши молитвы и проникаться красотой православных обрядов. Два или три года спус-

тя одна брошюра в несколько страниц — небольшой религиозный полемический трактат о нашей церкви, очень краткий, но яркий и вдохновенный, — произвела целый переворот в моем нравственном сознании. Это краткое изложение догматов нашей церкви принадлежало перу москвича Ал.С.Хомякова. За первой брошюрой последовали еще две, также религиозно-полемического характера, дополнявшие первую. Эти брошюры, запрещенные в России и напечатанные за границей, первое издание которых было немедленно уничтожено иезуитами, были написаны на французском языке, затем переведены на английский и немецкий и наконец уже — на русский¹. Этим немногим вдохновенным страницам, еще теперь слишком мало известным, предстоит огромное будущее; они явятся тем невидимым звеном, благодаря которому западная религиозная мысль, измученная отрицанием и сомнением, сольется с великой идеей церкви, — церкви истинной, православной, церкви идеальной, основанной Христом, а не церкви, понимаемой как организация государственная или общественная. Я никогда не забуду, какой лучезарной радостью исполнилось мое сердце при чтении этих страниц, которые с тех пор я так часто перечитывала и которые всегда производили на меня то же впечатление глубокой содержательности. Хомяков, однако, не был богословом по специальности; это был просто человек умный, писатель, поэт, ученый и прежде всего душа, глубоко проникнутая богосознанием. Он жил в Москве и стоял во главе той небольшой группы умных людей, которых наше глупое общество иронически прозвало «славянофилами», ввиду их националистических тенденций, но которые, по существу, были первыми мысля-

---

¹ Речь идет о следующих брошюрах А.С.Хомякова: 1) *Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les Communions occidentales...* Paris, impr. Ch. Meyrueis et Co, 1853; 2) *Id.* Leipzig. Brockhaus, 1855, 3) *Id.* 1858. В русском переводе статьи напечатаны под заглавием: «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях» (см. Полное собр. соч. А.С.Хомякова. Сочинения богословские. Москва, Кушнерев, 1907, изд. 5-е. Т. III).

щими людьми, дерзнувшими поднять свой протестующий голос во имя самобытности России, и первые поняли, что Россия не есть лишь бесформенная и инертная масса, пригодная исключительно к тому, чтобы быть вылитой в любую форму европейской цивилизации и покрытой, по желанию, лоском английским, немецким или французским; они верили, и они доказали, что Россия есть живой организм, что она таит в глубине своего существа свой собственный нравственный закон, свой собственный умственный и духовный уклад и что основная задача русского духа состоит в том, чтобы выявить эту идею, этот идеал русской жизни, придавленный и не понятый всеми нашими реформаторами и реорганизаторами на западный образец.

В своих воспоминаниях я часто буду возвращаться к этой группе лиц; большинству из них, благодаря преждевременной смерти и вследствие неблагоприятных обстоятельств, не удалось выполнить той интеллектуальной работы, к которой они, казалось, были призваны, но они бросили семена плодотворной и оригинальной мысли, и в свое время эти семена принесут свои плоды.

Таким образом, моя душа и мое сердце сроднились с Россией благодаря брошюрам Хомякова. Я окончательно привязалась к своей новой родине после летнего пребывания в деревне отца в Орловской губернии. Вскоре я страстно полюбила русскую природу. Широкие горизонты, обширные степи, необозримые поля, почти девственные леса нашего Брянского уезда создавали самую поэтическую обстановку для моих юных мечтаний. Поэтому, когда отец написал мачехе о моем назначении в фрейлины к цесаревне и о том, что он приедет за мной в деревню, чтобы везти меня ко двору¹, я ни одной мину-

---

¹ Это письмо (от 26 дек. 1852 г.) напечатано. «Наконец, наконецто, — пишет Федор Иванович, — дело, слава Богу, сделано: назначение Анны состоялось. Третьего дня я получил от m-lle Воейковой записку, написанную по поручению великой княгини Марии Николаевны, в которой сообщалась мне радостная весть. Вчера я был вызван к великой княгине цесаревне для официального уведомления. Она была очаровательна, высказывала очень разумные суждения и окончательно покорила мое сердце. Перед тем

ты не испытала чувства радости перед новой и сравнительно блестящей карьерой, открывавшейся передо мной.

Был конец декабря, и я помню, какие горькие слезы я проливала перед окном своей маленькой комнаты, откуда взору открывалось необозримое пространство, окутанное снежной пеленой. Я надеялась, что ко двору будет назначена одна из моих сестер. Дарьи, старшей, было семнадцать лет, Китти, младшей, — шестнадцать, они обе были очень милостивы, на виду в Смольном и жаждали попасть ко двору и в свет, между тем как мне и то, и другое внушало инстинктивный ужас. Но выбор цесаревны остановился именно на мне, потому что ей сказали, что мне двадцать три года, что я некрасива и что я воспитывалась за границей. Великая княгиня больше не хотела иметь около себя молодых девушек, получивших воспитание в петербургских учебных заведениях, так как благодаря одной из таких неудачных воспитанниц она только что пережила испытание, причинившее ей большое горе. Брат цесаревны, принц Александр Гессенский, старше ее всего на один год и неразлучный товарищ ее детства, сопровождал свою сестру в Россию, когда она вышла замуж за цесаревича, чрезвычайно полюбившего своего шурина. Действительно, принц был очень привлекателен; обладал прелестной наружностью и элегантной военной осанкой при умении носить мундир; умом живым, веселым, склонным к шутке, — на устах у него всегда были остроумные анекдоты и выпады, одним словом, он представлял из себя личность тем более незаменимую при дворе, что резко выделялся на общем фоне

как представиться цесаревне, я видел императрицу, которая была ко мне олицетворенной добротой; она особенно подробно говорила со мной о маленьких Дарьи и Китти. Теперь я жду только аудиенции у цесаревны, чтобы пуститься в путь... Здесь все того мнения, что Анне следует торопиться приездом... Одно обстоятельство должно доставить удовольствие Анне, — это всеобщее удовлетворение, которое вызывает ее назначение... Я действительно думаю, что она будет счастлива в своем новом положении. Цесаревна, говоря со мной о будущей молодой сослуживице Анны — маленькой Долгорукой, сказала, что она заранее ее поручает ее дружбе. Словом, это одно из тех удачно завершенных дел, какие нравились г-же Севинье».

господствующих там банальности и скуки. Цесаревна обожала своего брата. Император Николай относился к нему благосклонно, и все, казалось, предвещало молодому принцу легкую карьеру и блестящее будущее. К несчастью, при цесаревне в то время состояла фрейлиной некая Юлия Гауке, воспитанница Екатерининского института, дочь генерала, убитого в Варшаве на стороне русских в 1829 году¹, и благодаря этому получившая воспитание под специальным покровительством императорской семьи, а затем назначенная ко двору цесаревны. Эта девица в то время, т.е. в 52-м году, уже не первой молодости, никогда не была красива, но нравилась благодаря присущим полькам изяществу и пикантности. Скандальная хроника рассказывает, что принц был погружен в глубокую меланхолию вследствие неудачного романа с очень красивой дочерью графа Петра Шувалова, гофмейстера высочайшего двора², так как император Николай наложил категорический запрет на его намерение жениться на молодой девушке. М-лле Гауке решила тогда утешить и развлечь влюбленного принца и исполнила это с таким успехом, что ей пришлось броситься к ногам цесаревны и объявить ей о необходимости покинуть свое место. Принц Александр как человек чести объявил, что женится на ней, но император Николай, не допускавший шуток, когда дело шло о добрых нравах императорской фамилии и императорского двора, пришел в величайший гнев и объявил, что виновники немедленно должны выехать из пределов России с воспрещением когда-либо вернуться; он даже отнял у принца его жалованье в 12 000 р., а у m-lle Гауке пенсию в 2500 р., которую она получала за службу отца. То был тяжелый удар для цесаревны, ее разлучали с нежно любимым братом, терявшим всякую надежду на какую-либо карьеру и вместе с тем все свои средства к существованию благодаря игре кокетки, увлекшей этого молодого человека без настоя-

---

¹ Генерал от артиллерии граф М.О.Гауке убит в начале польского восстания в 1830 г.

² Ошибка: гофмейстером был граф Андрей Петрович Шувалов, у которого была дочь София Андреевна, впоследствии замужем за гр. А.А.Бобринским.

щей страсти и с той, и с другой стороны. Говорят, что она долго и неутешно плакала и что впоследствии к ней уже никогда не возвращалась веселость и оживление, которыми она отличалась в то время, как брат принимал участие в ее повседневной жизни. И другие фрейлины императрицы, вышедшие из петербургских учебных заведений, давали повод для сплетни скандального характера. Некая Юлия Бодэ была удалена от двора за ее любовные интриги с красивым итальянским певцом Марио и за другие истории. Все эти события и послужили причиной моего назначения ко двору; меня выбрали как девушку благоразумную, серьезную и не особенно красивую; правда, великая княгиня знала меня исключительно по моим письмам к Карамзиным, которые ей прочли, чтобы познакомить ее с моим литературным развитием.

Отец мой приехал в Овстуг (название деревни, где мы жили) накануне нового, 1853 года с тем, чтобы увезти меня с собой в Петербург. Но с ним сделался припадок подагры, или, лучше сказать, его обуял ужас при мысли о необходимости исполнять роль шаперона при дочери, которую нужно было представить ко двору. Поэтому, к моему величайшему отчаянию, было решено, что я поеду в Петербург одна, под покровительством нашего управляющего Василия Кузьмича, и что по приезде в Петербург я прибегну на первых порах к гостеприимству наших друзей Карамзиных и попрошу их позаботиться о моем первом представлении ко двору. 4-го января вечером я вместе со своей девушкой поместилась в большом возке, запряженном почтовыми лошадьми, за которым следовала кибитка с знаменитым Василием Кузьмичом, и покинула снежные равнины родительской вотчины, чтобы вступить в новую для меня жизнь. Я хорошо помню, что, несмотря на все красноречие моего отца, старавшегося изобразить в самых привлекательных красках эту новую жизнь, я уезжала с чувством ужасной тоски, в глубоком убеждении, что ожидавшее меня положение, в конце концов, не представляет из себя ничего иного, как неволю, правда, красивую и позолоченную, но все же неволю, которую, по своему характеру,

я тысячу раз охотно променяла бы на независимость, хотя бы в самых скромных условиях, даже в бедности. Поэтому я без всякой радости шла навстречу будущему и с тяжелым сердцем порывала с прошлым моей первой молодости не потому чтобы в этом прошлом было для меня много светлого и теплого, но потому, что я привязалась к нему с той силой привязанности, которой мы обладаем только в юности и к которой уже не способны в последующих жизненных обстоятельствах и отношениях. Долго и обильно текли мои слезы во мраке этой январской ночи, но наконец молодость взяла свое, меня стало занимать то, что я одна и совершенно самостоятельна; меня забавляло слышать, как на всякой подставе Василий Кузьмич кричал своим самым важным тоном: «Скорей лошадей для ее превосходительства, генеральши фрейлины Тютчевой!» Мне доставляло удовольствие давать большие начаи ямщикам, чтобы они гнали лошадей во весь дух, и я достигла того, что в ночь перед нашим приездом в Москву, около Подольска, я очутилась вместе с своим опрокинутым возком в глубоком овраге, с контуженной головой. Василий Кузьмич в полном отчаянии подобрал меня и уложил в кибитку, в которой я и доехала до Москвы. Здесь я, совсем разбитая, причалила к своей тетушке, сестре отца, г-же Сушковой¹. Вид у меня, очевидно, был очень плачевный, ибо добрая тетушка расстроилась и немедленно велела поставить мне к голове пиявки, которые оказались очень кстати. Сколько я ни протестовала, я сделалась предметом самых тщательных забот, но я чувствовала, что в моем лице ухаживали не за мной лично и не жили не Анну Федоровну, а «казенное имущество»². Через два дня я уже настолько оправилась, что меня могли отправить по железной дороге в Петербург под опекой семьи Самсоновых, одновременно отправлявшейся туда. В Петербурге меня встретили с ласковым и сердечным гостеприимством барышни Карамзины и их замужня сестра, княгиня Екатери-

¹ Дарья Ивановна Тютчева, замужем за Николаем Васильевичем Сушковым.

² По-русски в подлиннике.

на Николаевна Мещерская, с которой они жили после смерти матери, Екатерины Андреевны Карамзиной, скончавшейся за год перед тем временем, о котором идет речь.

Имя Карамзиных воскрешает в моей памяти одно из самых дорогих и светлых воспоминаний юности. Салон Е.А.Карамзиной в течение двадцати и более лет был одним из самых привлекательных центров петербургской общественной жизни, истинным оазисом литературных и умственных интересов среди блестящего и пышного, но мало одухотворенного петербургского света. Историк Карамзин не принадлежал ни по своему происхождению, ни по состоянию к тому кругу, который принято называть высшим петербургским светом, ни к той аристократии, правда, более или менее случайной, которая тем не менее имеет претензию составлять обособленную касту. Однако благодаря своему таланту и своим работам Карамзин рано привлек к себе расположение императора Александра I; он был принят при дворе и стал близким человеком при императрицах Марии Федоровне и Елизавете Алексеевне; великая княгиня Екатерина Павловна питала к нему самые дружественные чувства. Он был связан тесной дружбой с Жуковским, которому впоследствии было поручено воспитание наследника, и с Вяземским, на внебрачной сестре которого он был женат. Вся литературно образованная и культурная молодежь моего времени принадлежала к высшим слоям русского общества, и Карамзин незаметным образом, как-то само собой, сделался руководителем и центром того литературного кружка, который в то время являлся и наиболее аристократическим кружком. После смерти Карамзина весь этот литературный мир продолжал группироваться вокруг его вдовы; так случилось, что в скромном салоне Е.А.Карамзиной в течение более двадцати лет собиралась самая культурная и образованная часть русского общества.

Я познакомилась с этим салоном лишь в самые последние годы жизни Екатерины Андреевны, уже в то время, когда самые выдающиеся писатели, входившие в него, как Пушкин, Дашков, Боратынский, Лермонтов, сошли со сцены. Но традиции остроумной беседы и ум-

ственных интересов сохранялись по-прежнему, и в этой скромной гостиной, с патриархальной обстановкой, с мебелью, обитой красным шерстяным штофом, сильно выцветшим от времени, можно было видеть самых хорошеньких и самых нарядных петербургских женщин в элегантных бальных туалетах, прямо с придворного бала или пышного праздника, расположившимися на красной оттоманке за затянувшейся иногда до четырех часов утра беседой. Вельможи, дипломаты, писатели, светские львы, художники — все дружески встречались на этой общей почве: здесь всегда можно было узнать самые последние политические новости, услышать интересное обсуждение вопроса дня или только что появившейся книги; отсюда люди уходили освеженные, отдохнувшие и оживленные. Трудно объяснить, откуда исходило то обаяние, благодаря которому, как только вы переступали порог салона Карамзиных, вы чувствовали себя свободнее и оживленнее, мысли становились смелее, разговор живей и остроумней. Серьезный и радушный прием Екатерины Андреевны, неизменно разливавшей чай за большим самоваром, создавал ту атмосферу доброжелательства и гостеприимства, которой мы все дышали в большой красной гостиной.

Но умной и вдохновенной руководительницей и душой этого гостеприимного салона была, несомненно, София Николаевна, дочь Карамзина от его первого брака с Елизаветой Ивановной Протасовой, скончавшейся при рождении этой дочери. Перед началом вечера Софи, как опытный генерал на поле сражения и как ученый стратег, располагала большие красные кресла, а между ними легкие соломенные стулья, создавая уютные группы для собеседников; она умела устроить так, что каждый из гостей совершенно естественно и как бы случайно оказывался в той группе или рядом с тем соседом или соседкой, которые лучше всего к ним подходили. У ней в этом отношении был совершенно организаторский гений. Бедная и дорогая Софи, я как сейчас вижу, как она, подобно усердной пчелке, порхает от одной группы гостей к другой, соединяя одних, разъединяя других, подхватывая остроумное слово, анекдот, отмечая хорошенький туалет, организуя партию в карты для стариков, jeux-

d'esprit для молодежи, вступая в разговор с какой-нибудь одинокой мамашей, поощряя застенчивую и скромную дебютантку, одним словом, доводя умение обходиться в обществе до степени искусства и почти добродетели.

В Софии Николаевне общительность была страстью, но страстью совершенно невинной, потому что в этой общительности не было тени погони за личным успехом, к которому более или менее стремится всякая женщина. Софи была очень некрасива, и ей было уже сорок лет, когда я с ней познакомилась. Она никогда не была хорошенькой: крупные и грубые черты, глаза, окаймленные страшными черными бровями, мужской рост делали ее несколько похожей на переодетого женщиной Пьеро. И тем не менее под этой некрасивой оболочкой скрывалась какая-то обаятельность, какая-то женственная грация или, лучше сказать, грация мотылька; грация мотылька чувствовалась и в ее уме, который так любил перелетать от одного предмета разговора на другой и порхать по цветущим верхам мысли, но всего больше грации мотылька было в ее счастливом детском характере, умевшем горячо и глубоко наслаждаться маленькими ежедневными радостями жизни и любившем видеть, как наслаждаются ими другие. И, как бедный мотылек, она была унесена и уничтожена в вихре той бури, которая несколько лет спустя грозно разразилась над Россией и разрушила наш общественный покой и наше политическое величие.

У мачехи Софии Николаевны, второй жены Карамзина, было две дочери и три сына. Старшая дочь Екатерина, вышедшая замуж за князя Мещерского, жила в одном доме с матерью, в верхнем этаже. Болезненная и в то же время очень своеобразная и капризная в выборе своих друзей, она никогда не появлялась в салоне матери. Гости, интересовавшиеся политикой, поднимались к ней наверх, и там разгорались жестокие и страстные споры. Ум княгини Екатерины Николаевны был необычайно язвительный, характер цельный и страстный, столь же абсолютный в своих симпатиях, как и антипатиях, в утверждениях, как и в отрицаниях. Для нее не существовало переходных оттенков между любовью и ненавистью, на ее палитре были только эти две определенные краски.

Ее младшая сестра Лиза была незамужней. В тридцать лет она была еще очень красивой девушкой, тоже очень страстной в своих религиозных и политических убеждениях, еще более страстной в своих привязанностях к семье, культ которой у нее доходил до идолопоклонства. С особой страстной преданностью она относилась к матери. Екатерина Андреевна страдала болезнью сердца, припадками которой требовали немедленных кровопусканий, и Лиза научилась обращаться с ланцетом, чтобы приходить матери на помощь летом, когда семья жила в деревне, где не было поблизости врача. Это не помешало тому, что ей пришлось потерять эту горячо любимую мать, скончавшуюся внезапно — именно так, как она за нее больше всего опасалась.

Все три сына Екатерины Андреевны были красивые молодые люди, пользовавшиеся большим успехом в петербургском свете. Один из них, Александр, наименее блестящий, но наиболее серьезный из трех братьев, женился на маленькой княжне Оболенской, очень хорошенькой девушке, и поселился с ней в деревне в Нижегородской губернии, где еще до наступления эпохи освобождения с энергией посвятил себя улучшению положения крестьян. Андрей и Владимир блистали в свете, и их успехи долгое время питали романическую хронику Петербурга. Наконец оба они женились, — Андрей на богатой и красивой вдове Авроре Демидовой, которая была старше его, Владимир — на богатой m-lle Дука, принесшей ему в приданое великолепное имение в Курской губернии. Сыновья Карамзина всегда пользовались репутацией очень умных людей, но эта репутация так и не вышла за пределы салонов.

Интересно было бы разрешить вопрос, почему самые талантливые натуры в нашей русской жизни не дают того, что они наверное бы дали во всякой другой стране в Европе. Вероятно, причина заключается в низком уровне общего интеллектуального развития; успех слишком легок, нет достаточно стимулов, достаточно точек опоры, нет пищи для сравнения, нет ничего, что бы поощряло развитие умов и характеров; вот почему самые одаренные натуры долго остаются детьми, подающими блестящими надежды, чтоб затем сразу, без перехода стать

стариками, ворчливыми и выжившими из ума. Но в эпоху салона Екатерины Андреевны Карамзиной мы все еще были детьми, подававшими блестящие надежды, и это создавало очень приятное маленькое общество. Гости собирались каждый вечер. В будни бывало человек восемь, десять, пятнадцать. По воскресеньям собрания бывали гораздо многочисленнее: собиралось человек до шестидесяти. Обстановка приема была очень скромная и неизменно одна и та же. Гостиная освещалась яркой лампой, стоявшей на столе, и двумя стенными кенкетами на противоположных концах комнаты; угощение состояло из очень крепкого чая с очень густыми сливками и хлеба с очень свежим маслом, из которых Софья Николаевна умела делать необычайно тонкие тартинки, и все гости находили, что ничего не могло быть вкуснее чая, сливок и тартинок карамзинского салона.

Когда я приехала в Петербург для поступления ко двору, этот салон уже не существовал. Екатерина Андреевна умерла за год перед тем¹, Софи и Лиза переселились к сестре, Екатерине Николаевне Мещерской, которая продолжала принимать некоторых друзей и близких людей, но прежнего широкого гостеприимства и оживления уже не было. С потерей матери Лиза все потеряла. Софья Николаевна также была глубоко потрясена смертью мачехи, может быть, не столько горем ее потери, сколько впечатлением близости смерти; эта неумолимая страшная действительность, которую она никогда до тех пор не хотела признавать, так внезапно ворвалась в ее жизнь, дотеле веселую и беспечную, и навсегда нарушила ее покой. Все ее оживление, весь ее веселый оптимизм исчезли. Мрачная и печальная, сидела она в углу гостиной, с раздражением прислушиваясь к политическим спорам, которые вела сестра и которые вскоре приобрели животрепещущий интерес вследствие создавшихся на Востоке осложнений. Ее меланхолия все усиливалась, и, наконец, она совершенно потеряла рассудок. Но я не хочу опережать события, о которых в дальнейшем буду говорить подробнее. В начале 1853 года Восточный вопрос еще не возникал.

---

¹ Е.А. Карамзина умерла 1 сентября 1851 г.

Итак, по приезде моем в Петербург меня приютили Софи и Лиза Карамзины, и я временно поместилась у княгини Мещерской в ожидании своего окончательного устройства во дворце. Княгиня Екатерина Николаевна выказала мне при этом самое сердечное участие. Она с большой заботливостью отнеслась к заказу моего платья для представления ко двору, вникая в мельчайшие подробности туалета, который вследствие наложенного в то время на двор траура должен был быть совершенно белый. Она заставляла меня принимать множество освежающих напитков, чтобы восстановить цвет лица, пострадавший от пятидневного путешествия в суровые январские морозы. Софи написала m-lle Воейковой, фрейлине великой княгини Марии Николаевны, которая своей рекомендацией более всего содействовала моему назначению ко двору цесаревны и должна была представить меня. Через Воейкову я получила приказание явиться в Зимний дворец 9 января в 11 часов утра. Белое платье было готово вовремя, белая шляпа была изящна, так что при отъезде во дворец я хоть и была взволнованна, но сознавала, что приблизительно удовлетворяю требованиям моей будущей повелительницы, которая желала иметь при себе фрейлину приличной наружности, хотя и не отличающуюся красотой.

Сердце мое усиленно билось, когда я поднималась по лестнице дворца и входила в Золотую гостиную, служившую местом ожидания для лиц, которые представлялись цесаревне в личной аудиенции. Появившийся четверть часа спустя камердинер сообщил, что цесаревна меня ждет, и ввел меня в ее кабинет.

Я раньше никогда не была представлена ко двору и никогда не видела близко никого из членов императорской фамилии, за исключением именно цесаревны, которую мне пришлось как-то раз очень внимательно рассмотреть, не подозревая, кто она такая. Вот как это случилось. Дело происходило за год или за два до моего назначения ко двору. Я была на балу у графини Орловой-Давыдовой; не принадлежа к числу барышень, имеющих успех, к тому же застенчивая и робкая, я танцевала мало и старалась скрываться в укромных уголках, любуясь оттуда блеском и движением бального зала, — препровожд-

дение времени, в котором я часто находила удовольствие, несмотря на малый успех в свете. Так я однажды сидела на одном из диванчиков бального зала, скромная и одинокая, когда молодая дама села на другой конец диванчика. На ней был прелестный туалет из голубого крепа с кружевами, который выделял необычайную белизну ее лица и ее изящество. Я долго и с удовольствием любовалась ею. В ней было что-то исключительно молодое и воздушное, то обаяние, которое больше всего меня привлекает в женской красоте. Я не знаю, заметила ли она, как я ее рассматривала, — это могло бы ей показаться невежливым. Когда она удалилась, я спросила у одной своей знакомой: «Скажите, кто эта очаровательная особа в голубом, которая здесь сидела?». Она ответила мне презрительно: «Откуда вы, моя милая? Ведь это цесаревна». Я очень смутилась, так как не встала при ее приближении и разглядывала ее с таким вниманием, которое могло показаться ей чрезвычайно нескромным; ведь она не могла угадать, что это внимание было вызвано причинами скорее для нее лестными. Я искренно восхищалась ею, не зная, кто она. Впрочем, она, вероятно, и не обратила на меня внимания, так что моя неловкость прошла для нее незамеченной.

После стольких лет, протекших с тех пор, я живо припомнила эту минуту и все впечатления, мною пережитые, когда я в первый раз увидела ту, которая должна была иметь такое большое влияние на мою жизнь и быть предметом моей величайшей привязанности в течение многих лет.

Мне хотелось бы воспроизвести свежесть этих первых впечатлений, тех впечатлений, которые принято называть иллюзиями молодости, но которые часто, быть может, более справедливы и более верны, чем мрачные оценки, внушаемые нам впоследствии возрастом и печальным жизненным опытом. Молодость верит в идеал, она ищет его и старается найти в том мире, который ее окружает, и эта вера в идеал помогает ей видеть хорошие и благородные черты в людях и событиях. По мере того, как жизненные разочарования накладывают свою печать на душу, она утрачивает ту отзывчивость, которая служила ей ключом для проникновения в чужую душу,

она сжимается, замыкается в себе и вновь теряет, но в противоположном смысле, способность верной оценки людей и событий. Я могу засвидетельствовать относительно самой себя, что если я не всегда была достаточно дальновидна и проницательна в своих впечатлениях или оценках, я всегда была искренна и чистосердечна. Иногда я оделяла лиц, с которыми мне приходилось соприкасаться, красками, созданными моим воображением, но никогда никому я не льстила. Я часто обманывалась, но никогда сознательно не вводила в обман других.

Великой княгине, когда я впервые увидела ее, было двадцать восемь лет. Она вышла замуж шестнадцати лет, и у нее уже было пятеро детей: дочь Александра, умершая в семилетнем возрасте, и четыре сына: Николай, Александр, Владимир и Алексей; последнему в то время было три года. Цесаревна была принцессой Дармштадтской, младшим ребенком и единственной дочерью правящего герцога¹. Потеряв в девятилетнем возрасте мать, принадлежавшую к княжескому дому Бадена², она была воспитана m-lle de Грансе, эльзаской по происхождению. Почти все детство она провела в небольшом загородном замке в окрестностях Дармштадта, живописно расположенном на Бергштрассе. Брат ее Александр воспитывался вместе с ней. Когда наследник русского престола путешествовал по Германии для выбора невесты, она не была даже включена в список имевшихся для него в виду принцесс, так как в то время ей было всего четырнадцать лет. Наследник совершенно случайно остановился в Дармштадте на один день и вечером поехал в театр. Он был так тронут скромной прелестью молодой принцессы, почти ребенка, скрывавшейся в глубине ложи, что, вернувшись домой, объявил своему наставнику Жуковскому, Кавелину и графу Орлову, сопровождавшим его, что он нашел жену, которая ему нужна, и что дальше он никуда не поедет. Орлов написал об этом императору Николаю, который не возражал против выбора сына.

Год спустя молодая принцесса была привезена в Россию, где, будучи наставлена в вероучении нашей церк-

¹ Людвиг II.

² Герцогиня Вильгельмина-Луиза умерла в 1836 г.

ви, приняла православие и венчалась 14 апреля 1839 года, в тот самый день, когда наследнику исполнилось 21—22 года. Ей в то время еще не было 17 лет¹.

Она мне рассказывала, что, скромная и в высшей степени сдержанная, она вначале испытывала только ужас перед той блестящей судьбой, которая столь неожиданно открывалась перед ней. Выросшая в уединении и даже в некотором небрежении в маленьком замке Югендгейм, где ей даже редко приходилось видеть отца, она была более испугана, чем ослеплена, когда внезапно была перенесена ко двору, самому пышному, самому блестящему и самому светскому из всех европейских дворов, и в семью, все члены которой старались наперерыв друг перед другом оказать самый горячий прием молодой иностранке, предназначенной занять среди них такое высокое положение. Она мне говорила, что много раз после долгих усилий преодолеть застенчивость и смущение она ночью в уединении своей спальни предавалась слезам и долго сдерживаемым рыданиям. Затем, чтобы устранить следы своих слез, она открывала форточку и выставляла свои покрасневшие глаза на холодный воздух зимней ночи. Вследствие такой неосторожности у нее на лице появилась сыпь, от которой чуть не навсегда пострадала изумительная белизна ее цвета лица. Эта болезнь, затянувшаяся довольно долго, заставила ее безвыходно просидеть в своей комнате в течение нескольких недель и дала ей возможность постепенно освоиться с членами своей новой семьи и особенно привязаться к своему царственному жениху, который не только не отдалился от молодой невесты вследствие болезни, одно время угрожавшей ей потерей красоты, но, наоборот, удвоил свои заботы и проявления нежной внимательности и этим привязал к себе ее сердце, еще слишком юное, чтобы испытывать более страстные чувства.

Я сказала, что когда я впервые увидела великую княгиню, ей было уже 28 лет. Тем не менее она выглядела

---

¹ Тут вкралась неточность: бракосочетание Александра Николаевича с принцессой Дармштадтской имело место 16 апреля 1841 г. Александр Николаевич родился 14 апреля 1818 г., следовательно, ему только что минуло 23 года; Мария Александровна родилась в 1824 г.

еще очень молодой. Она всю жизнь сохранила эту молодую наружность, так что в 40 лет ее можно было принять за женщину лет тридцати. Несмотря на высокий рост и стройность, она была такая худенькая и хрупкая, что не производила на первый взгляд впечатления *belle femme*; но она была необычайно изящна, тем совершенно особым изяществом, какое можно найти на старых немецких картинах, в мадоннах Альбрехта Дюрера, соединяющих некоторую строгость и сухость форм со своеобразной грацией в движении и позе, благодаря чему во всем их существе чувствуется неуловимая прелесть и как бы проблеск души сквозь оболочку тела. Ни в ком никогда не наблюдала я в большей мере, чем в цесаревне, это одухотворенное и целомудренное изящество идеальной отвлеченности. Черты ее не были правильны. Прекрасны были ее чудные волосы, ее нежный цвет лица, ее большие голубые, немного навывкат, глаза, смотревшие кротко и проникновенно. Профиль ее не был красив, так как нос не отличался правильностью, а подбородок несколько отступал назад. Рот был тонкий, со сжатыми губами, свидетельствующий о сдержанности, без малейших признаков способности к воодушевлению или порывам, а едва заметная ироническая улыбка представляла странный контраст к выражению ее глаз. Я настаиваю на всех этих подробностях потому, что я редко видала человека, лицо и наружность которого лучше выражали оттенки и контрасты его внутреннего чрезвычайно сложного «я».

Мне бы хотелось суметь изобразить эту натуру, как я ее понимаю, со всеми теми качествами и недостатками, которые составляли ее прелесть и в то же время делали ее слабость. Это прежде всего была душа чрезвычайно искренняя и глубоко религиозная, но эта душа, как и ее телесная оболочка, казалось, вышла из рамки средневековой картины. Религия различно отражается на душе человека: для одних она — борьба, активность, милосердие, отзывчивость, для других — безмолвие созерцание, сосредоточенность, самоистязание. Первым — место на поприще жизни, вторым — в монастыре. Душа великой княгини была из тех, которые принадлежат монастырю. Ее хорошо можно было себе представить под монашеским покрывалом, коленопоклоненной под сенью высо-

ких готических сводов, объятую безмолвием, изнуренную постом, долгими созерцательными бдениями и продолжительными церковными службами, пышную торжественностью которых она бы с любовью руководила. Вот подходящая обстановка для этой души, чистой, сосредоточенной, неизменно устремленной ко всему божественному и священному, но не умевшей проявить себя с той горячей и живой отзывчивостью, которая сама и дает, и получает радость от соприкосновения с людьми.

В своем окружении матери, жены, государыни она казалась как бы чужой и неосвоившейся. Она была нежно привязана к мужу и к детям и добросовестно исполняла обязанности, которые налагали на нее семья и ее высокий сан; она, по крайней мере, всеми силами старалась их исполнять, но в самом этом усилии чувствовалось отсутствие непосредственности в этих отношениях; она искала и находила власяницу там, где характер более открытый нашел бы удовлетворение интимных стремлений и применение природных способностей. Какая тайна вообще в судьбе человеческой — тайна неиспользованных способностей! Сколько людей призвано с трудом выполнять дело, к которому они совершенно не способны, тогда как рядом с ними другие с таким же трудом выполняют дело, которое вызвало бы проявление всех лучших способностей первых!

Итак, цесаревна, вскоре после того сделавшаяся императрицей, не была призвана по своей натуре, совершенно лишенной темперамента, к тому положению, которое ей предназначила судьба. Все в ней было одно методическое усилие, все для нее было предлогом для самоистязания, и такое постоянное нравственное напряжение привело ее, в конце концов, к тому, что в этой робкой пассивной натуре иссяк последний источник энергии. Ее много судили и много осуждали, часто не без основания, за отсутствие инициативы, интереса и активности во всех областях, куда она могла бы внести жизнь и движение; и те, кто ее близко знал и любил, не могут ее защищать, но они знают, что ее неспособность к выполнению тяжелой задачи, к которой призвала ее судьба, зависела скорее от ее природы, чем от воли. И несмотря на все это, во всем ее существо была какая-то интимная

прелесть, тем более обаятельная, что она не обладала даром широко расточаться, — прелесть, благодаря которой к ней можно было глубоко и серьезно привязаться. Жизнь, обстоятельства и различие характеров нас давно разъединили, и все-таки я понимаю, почему я ее так сильно любила. Ум цесаревны был подобен ее душе: тонкий, изящный, пронизательный, очень иронический, но лишенный горячности, широты и инициативы. Многие обвиняли ее в слабости характера, а между тем она не была лишена силы воли, но весь запас этой воли был направлен внутрь, против нее самой, против всякого непосредственного импульса. Она так научилась остерегаться первого своего движения, что создала себе, в конце концов, как бы вторую, совершенно условную натуру. Она была осторожна до крайности, и эта осторожность делала ее слабой в жизни, которая так сложна, что всегда выходит за пределы наших расчетов и требует порыва, решительности, непосредственности, инстинкта от тех, кто хочет ею овладеть и над нею властвовать. Из этой осторожности вытекала большая нерешительность, которая делала, в конце концов, отношения с нею утомительными и тягостными.

Понятно, что характер ее выяснился для меня таким, как я его здесь описываю, далеко не сразу, а лишь через много лет. Очень долго я находилась исключительно под впечатлением того, что было чарующего и интимного в этой натуре, самая сдержанность которой меня привлекала своей таинственностью. Ее кротость, доброжелательность и ровность настроения, ее слегка насмешливый ум таили в себе тысячу чар. В эпоху, когда я ее узнала, жестокие жизненные испытания еще не коснулись ее. Она жила исключительно своей семейной жизнью; счастливая жена, счастливая мать, боготворимая своим свекром, императором Николаем, питавшим своего рода культ к своей невестке, она была окружена, как золотым ореолом, великим престижем императорской власти, который был так высоко поднят личностью императора Николая, но должен был скоро поблекнуть среди катастрофы конца его царствования. Она знала тогда только радости и величие своего положения, но не вкусила еще ни горечи его, ни тяготы.

Я была очень взволнованна и очень смущена, когда камердинер Грюнберг ввел меня к великой княгине. Она заметила это и с большой приветливостью старалась приободрить меня, усадила около себя и стала расспрашивать с таким участием и так ласково, что я была тронута до глубины души. Я не могу хорошо припомнить, о чем мы говорили, но живо помню впечатление, вынесенное мною из этого первого свидания, помню, как великая княгиня меня очаровала, и я сразу подпала под ее обаяние. Она обладала в исключительной степени престижем государыни и обаянием женщины и умела владеть этими средствами с большим умом и искусством. При продолжительном общении хотелось найти в ней больше простоты и непосредственности, но в ее прелести, хотя и несколько условной, было много достоинства и очарования.

Я помню, что у меня от волнения руки дрожали, как листья, но, несмотря на это волнение, как только она обратилась ко мне с несколькими словами, я почувствовала себя настолько с нею свободной, что отвечала ей без неловкости. Мои ответы ей понравились, как мне потом передали лица, которым она это говорила.

Побеседовав немного со мной, цесаревна вышла из комнаты и вскоре вернулась со своим мужем, наследником-цесаревичем, которому она меня представила. Я уже видела великого князя на одном балу, где танцевала кадрили *vis-à-vis* с ним, и он мне тогда очень не понравился, — впечатление, очевидно, обоюдное, так как уже в то время шла речь о том, чтобы назначить меня фрейлиной к цесаревне, но во время этой кадрили внешность моя не понравилась великому князю, и дело на том остановилось.

Цесаревичу в то время было 35 лет. Он был красивый мужчина, но страдал некоторой полнотой, которую впоследствии потерял. Черты лица его были правильны, но вялы и недостаточно четки; глаза большие, голубые, но взгляд мало одухотворенный; словом, его лицо было маловыразительно и в нем было даже что-то неприятное в тех случаях, когда он при публике считал себя обязанным принимать торжественный и величественный вид. Это выражение он перенял от отца, у которого оно было природное, но на его лице оно производило впечатление

неудачной маски. Наоборот, когда великий князь находился в семье или в кругу близких лиц и когда он позволял себе быть самим собой, все лицо его освещалось добротой, приветливой и нежной улыбкой, которая делала его на самом деле симпатичным. В ту пору, когда он был еще наследником, это последнее выражение было у него преобладающим; позднее как император он считал себя обязанным почти всегда принимать суровый и внушительный вид, который в нем был только плохой копией. Это не давало ему того обаяния, каким в свое время обладал император Николай, и лишало его того, которое было ему дано природой и которым он так легко мог бы привлекать к себе сердца. Это двойное выражение его лица отражало до известной степени двойственность его натуры и его судьбы. Чужие качества, которые он старался себе присвоить, парализовали в нем его подлинные качества, полученные им от природы.

Его основной дар — было сердце, доброе, горячее, человеколюбивое сердце, которое естественно влекло его ко всему щедрому и великодушному и одно побуждало его ко всему, что его царствование создало великого. Умом, который страдал недостатком широты и кругозора и к тому же был мало просвещен, он не был способен охватить ценность и важность последовательно проведенных им реформ, которые сделают его царствование одним из наиболее славных и прекрасных эпизодов в истории нашей страны. Его сердце обладало инстинктом прогресса, которого его мысль боялась. Его сердце страдало за крепостных, и он даровал свободу 18 миллионам людей, предоставив им участки земли, которые должны были навеки обеспечить их от пролетаризации. Его сердце возмущалось неправосудием и взяточничеством, и он даровал России новые судебные учреждения. Потом, когда этот поток новой жизни прорвался сквозь разрушенную им самим плотину, поднимая при первом разливе немного пены и тины и увлекая в своем течении остатки исчезнувшего прошлого, тогда смелый реформатор, недоумевающий и огорченный, испугавшись собственного великого дела, стал отказываться от него и пытался встать на защиту порядка, основы которого он сам подорвал. В результате этого странного противоречия между велени-

ями сердца и данными ума этот государь, более чем какой-либо другой широко и глубоко демократичный, наивно и совершенно искренно претендовал на имя первого дворянина своей империи и на роль представителя аристократического принципа. Он был тем, чем не хотел быть, и хотел быть тем, чем не был, но, во всяком случае, в его душе было что-то такое, что сделало его для России избранным орудием Божьего благословения, а имя его не только навеки прославленным, но и возлюбленным даже теми, кто видел вблизи его слабости и недостатки.

Великая княгиня назначила день моего окончательного переезда во дворец на 13-е число.

От нее я отправилась к великой княгине Марии Николаевне, которой была обязана своим назначением ко двору. Я застала ее в роскошном зимнем саду, окруженной экзотическими растениями, фонтанами, водопадами и птицами, настоящим миражом весны среди январских морозов. Дворец великой княгини Марии Николаевны был поистине волшебным замком, благодаря щедрости императора Николая к своей любимой дочери и вкусу самой великой княгини, сумевшей подчинить богатство и роскошь, которыми она была окружена, разнообразию своего художественного воображения. Это была, несомненно, богатая и щедро одаренная натура, соединявшая с поразительной красотой тонкий ум, приветливый характер и превосходное сердце, но ей недоставало возвышенных идеалов, духовных и умственных интересов. К несчастью, она была выдана замуж в возрасте 17 лет за принца Лейхтенбергского¹, сына Евгения Богарнэ, красивого малого, кутилу и игрока, который, чтобы пользоваться большей свободой в собственном разврате, постарался деморализовать свою молодую жену.

В общественной среде петербургского высшего света, где господствуют и законодательствуют исключительно тщеславие, легкомыслие и стремление к удовольствиям, деморализация — не трудное дело. В этом мире, столь наивно развращенном, что его нельзя даже назвать пороч-

---

¹ Максимилиан Лейхтенбергский вступил в брак с великой княгиней Марией Николаевной в 1837 г.

ным, среди жизни на поверхности, жизни для внешности, нравственное чувство притупляется, понятия добра и зла стираются, и вы встречаетесь в этих сферах со своеобразным явлением людей, которые, при всех внешних признаках самой утонченной цивилизации, в отношении кодекса морали имеют самые примитивные представления дикарей. К числу таковых принадлежала и великая княгиня. Не без неприятного изумления можно было открыть в ней, наряду с блестящим умом и чрезвычайно художественными вкусами, глупый и вульгарный цинизм.

Мне кажется, однако, что, несмотря на сплетни, которые она вызывала, цинизм ее проявлялся скорее в словах и манерах, чем в поведении. Доказательством служит настойчивость, с которой она стремилась урегулировать браком свои отношения к гр. Строганову, с которым она тайно повенчалась тотчас после смерти герцога Лейхтенбергского, хотя этот брак подвергал ее настоящей опасности, если бы он стал известен ее отцу. Император Николай имел достаточно высокое представление о своем самодержавии, чтобы в подобном случае насильственно расторгнуть брак, послать гр. Строганова на верную смерть на Кавказ и заточить свою дочь в монастырь. К счастью, он никогда не подозревал о событии, которое навсегда оттолкнуло бы его не только от любимой дочери, но также и от наследника и наследницы, которые содействовали этому браку. Говорят, что бракосочетание состоялось в домовый церкви г-жи Потемкиной. Ум великой княгини был живой и веселый, она умела вести беседу и явно старалась напускной простотой и фамильярностью заставить своих собеседников чувствовать себя свободно. Но на меня, по крайней мере, эта непринужденность по заказу никогда не действовала благоприятно. Наоборот, фамильярность великой княгини стесняла меня больше, чем несколько холодная и полная достоинства сдержанность цесаревны. Хорошо, когда великие мира сего забывают на время свое величие, если они могут искренно это сделать, но они никогда не должны притворяться, что забывают его; иначе это создает фальшь, которая тотчас же отражается на окружающих. Вот мысли, внушенные мне обращением великой княгини Марии Николаевны, с которой я никогда не могла разговаривать

непринужденно, несмотря на все ее усилия поднять меня на уровень с собой.

Цесаревна приказала мне переселиться во дворец во вторник 13 января, чтобы мне не пришлось приступить к своим обязанностям в понедельник, который считается тяжелым днем. В то время фрейлинский коридор был очень населен. При императрице Александре Федоровне состояло двенадцать фрейлин, что значительно превышало штатное число их. Некоторых из них выбрала сама императрица, других по своей доброте она позволила навязать себе, так что фрейлинский коридор походил на благотворительное учреждение для нуждающихся бедных и благородных девиц, родители которых переложили свое попечение о дочерях на императорский двор.

Во дворце тогда жили София и Мария Фредерикс, мать которых¹, пруссачка по происхождению, но замужем за русским, была подругой детства и другом императрицы. Умирая, она поручила ей своих дочерей, которые с тех пор жили во дворце, и императрица относилась к ним с материнской заботливостью.

Две сестры Бартеневы — Полина и Надежда, также исполнявшие обязанности фрейлин, имели странную судьбу. Их мать жила в Москве; будучи в стесненных обстоятельствах и почти не имея никаких доходов, она существовала за счет широкого гостеприимства, в то время господствовавшего в аристократических домах старой столицы. С утра она усаживалась вместе со своим многочисленным потомством в огромную карету, которая перевозила всю семью в различные концы города, из дома какой-нибудь родственницы в дом добрых знакомых или богатого и гостеприимного покровителя. Чай пили у одних, обедали у других, ужинали у третьих. В домах близких друзей детвора допускалась к семейному пиршеству. Там, где отношения были более далекие, мать являлась одна, но не забывала посылать со стола, к которому была приглашена, что-нибудь поесть голодному выводу в карете. После нескольких лет такого кочевого образа жизни почтенная дама в один прекрасный день скончалась, и императрице доложили, что на московской мостовой в

---

¹ Цецилия Владиславовна Фредерикс.

карете осталось шесть хорошеньких девочек и три мальчика. Императрица приняла дело к сердцу, велела разместить всех детей по различным учебным заведениям, за исключением старшей дочери Полины, которая по возрасту уже переросла школьную скамью. Ей было восемнадцать лет, она была недурна собою и говорила на том странном языке, представлявшем смесь русского с французским, который в то время был принят в московском обществе. Взятая во дворец, она впоследствии получила шифр и заменяла своим сестрам мать в заботах о их воспитании. Одна из них, Надежда, тоже сделалась фрейлиной императрицы, другая — Мария — вышла замуж за некоего г-на Нарышкина; третья — Вера — была назначена фрейлиной к принцессе Ольденбургской, а последняя — Наталия — к великой княгине Александре Иосифовне. Полина была очень добрая девушка, чрезвычайно толстая и с прелестным голосом; мой отец про нее говорил, что это соловей, заключенный в перину. Другая сестра, Надежда, представляла из себя тип очень характерный — как результат прививки нашего утонченного институтского воспитания к первобытной стихии провинциальных нравов. Маленькая, пухленькая и довольно хорошенькая, она прелестно танцевала, очень мило одевалась, как никто умела смастерить бант и при всем том была вульгарна до крайности. Всегда влюбленная направо и налево, пускавшая в ход кокетство самого пошлого пошиба, она говорила о своих нежных чувствах и о своих ощущениях с цинизмом, равным лишь ее простосердечию. Притом добрейшее существо, всегда готовая оказать услугу, сплетница по темпераменту, но сплетница доброжелательная, она рассказывала о вас какие-нибудь крупные гадости без капли желчи в душе и в церкви молилась так смиренно и так горячо, что я часто думала, что, несмотря на все, она попадет в рай прежде всех нас.

Положение при дворе двух сестер Гудович, также фрейлин, было несколько фальшиво. Это были протеже церемониймейстера г-на де Рибопьер. Благодаря его протекции и целому ряду ловких шагов, им удалось утвердиться при дворе почти против желания императрицы. Их держали на расстоянии, и, несмотря на их миловидность, кокетливость и вкрадчивость, несмотря также на то, что одна из них открыто афишировала такую безум-

ную страсть к императору, что падала в обморок при его появлении, им не удалось войти в круг близких к императрице лиц. Их редко допускали в интимные собрания, им даже редко предоставляли случай по обязанностям службы приблизиться к императрице. Одна из них вышла замуж за старого графа Гендрикова, вдовца со взрослыми детьми, другая несколько лет спустя — за князя Голицына и была, говорят, прекрасной женой.

Маленькая княжна Трубецкая, хорошенькая и скромная девушка, служила очень недолго и вышла замуж за князя Голицына.

М-ше Пиллар была назначена одновременно со мной по просьбе ее тетки, графини Тизенгаузен, которая состояла камер-фрейлиной при императрице, пробыв при ней фрейлиной в течение нескольких лет, что обеспечивало за ней положение лица, приближенного к ее августейшей повелительнице. Говорили, что в молодости она была очень красива и что ее любил король прусский *en tout bien tout honneur*. При внешности *grande dame*, это было доброе существо с легкими и невинными претензиями на роль умной женщины и на политическое влияние. Но главной ее заботой было охранять доступ в приемную государыни; удалить из нее всех незаконно и законно стремящихся туда проникнуть и победоносно отстаивать свое первенствующее положение. Преобладающей страстью в ней было желание знать новости и тайны двора раньше всех прочих. Будь она злой по природе, эта властность характера могла бы сделать ее неприятной или даже опасной. Но она была так безобидна, что все ее усилия и мелкие интриги делали ее скорее комичной, чем опасной. Доброй Александре Федоровне, любившей ее по привычке и терпевшей ее по слабости, иногда надоедали ее вторжения и полицейские меры, которыми она ее окружала, и тогда она отстраняла ее настолько резко, насколько позволяла ей ее мягкая натура. Свое первенствующее положение гр. Тизенгаузен разделяла с гр. Барановой, бывшей воспитательницей дочерей императрицы, в настоящее время гофмейстериной.

Но любимой фрейлиной императрицы была Элиза Раух, пруссачка по происхождению и настоящая немка по характеру. Это была девушка лет более тридцати, несколько сухая и угловатая как физически, так и нрав-

ственно, но с остатками красоты и с умом колким и властным (одним из признаков расы соотечественников графа Бисмарка). Как бы то ни было, она сумела стать угодной и необходимой императрице и была предметом скрытой зависти всех своих товарок, менее ее любимых. Она была центром небольшого полунемецкого кружка, который с успехом добивался милостей императрицы. Рассказывали, что в ранней молодости она была предметом глубокой страсти со стороны брата императрицы, принца Карла-Фридриха, но что из уважения к прусскому королевскому дому она отклонила сделанное ей принцем предложение на ней жениться.

Другим влиятельным лицом при дворе была m-lle Нелидова, которая ко времени моего поступления во дворец уже пятнадцать лет как состояла фрейлиной. Ее красота, несколько зрелая, тем не менее еще была в полном своем расцвете. Ей, вероятно, в то время было около 38 лет. Известно, какое положение приписывала ей общественная молва, чему, однако, казалось, противоречила ее манера держать себя, скромная и почти суровая по сравнению с другими придворными. Она тщательно скрывала милость, которую обыкновенно выставляют напоказ женщины, пользующиеся положением, подобным ее. Причиной ее падения не было ни тщеславие, ни корыстолюбие, ни честолюбие, она была увлечена чувством искренним, хотя и греховным, и никто даже из тех, кто осуждал ее, не мог отказать ей в уважении, когда на другой день после смерти императора Николая она отслала в «Инвалидный капитал»¹ те 200 000 р., которые он ей оставил по завещанию, и окончательно удалилась от света, так что ее можно было встретить только во дворцовой церкви, где она ежедневно бывала у обедни. Вскоре ее и там не стало видно, и я думаю, что немногие из тех, кто теснился вокруг нее при дворе, могут сказать теперь, жива она или нет².

---

¹ «Инвалидный капитал», основанный по частной инициативе в 1813 г., служил для выдачи пенсий и вспомоществований раненым военнослужащим, вдовам и детям убитых воинов.

² В Памятной книжке А. Ф. Тютчевой 1856 г. под 2 января читаем: («Визит к m-lle Нелидовой. Она очень заброшена и грустна и чрезвычайно благодарна всякому знаку внимания. Она плакала и говорила мне вещи, которые меня огорчили»).

Кроме дам, о которых я говорила, в мансардах Зимнего дворца проживало еще два существа — обломки двора императрицы Елизаветы Алексеевны: m-lle Шишкина, автор двух или трех исторических романов, пользовавшихся известным успехом в свое время, и княжна Волконская, бедная сморщенная старушка, по целым дням сидевшая у себя в салоне в перчатках, разубранная, как икона. Каждое утро можно было видеть, как она мелкими шажками семенила по фрейлинскому коридору, направляясь в церковь, где ежедневно на хорах присутствовала у обедни и усердно молилась. Разбитая параличом несколько лет спустя, с парализованными ногами и почти впавшая в детство, она чуть не до последнего дня своей жизни настаивала, чтобы ее в кресле возили на церковные хоры к обедне. Я часто навещала эту бедную старушку, очень одинокую в старости. Она рассказывала мне, что во время нашествия французов в 12-м году, когда русское дворянство со всех сторон приносило огромные жертвы для обороны страны, она, не имея никаких средств, кроме своего жалованья фрейлины, в то время очень скромного, и лишенная, таким образом, возможности принести денежную жертву, дала обет ежедневно до конца своей жизни ходить к обедне, если Россия выйдет победительницей из борьбы. Этот обет она добросовестно продолжала выполнять по истечении сорока лет со времени французского нашествия, будучи уже 80 лет, и выполняла его до первого дня Рождества 1860 года. В этот день и в тот самый час, когда в дворцовой церкви с большой торжественностью служили благодарственный молебен, ежегодно справляемый после обедни в воспоминание избавления державы Российской от нашествия галлов, в ту минуту, когда звонили колокола и победные песнопения молебна раздавались под сводами больших залов, наполненных гвардейскими войсками, княжна Волконская тихо и одиноко отдала Богу свою немудреную душу, душу, однако, таившую в себе такую прекрасную искру патриотизма, что Бог почел ее достойной предстать пред ним среди чудных благодарственных песнопений нашей церкви.

Графиня Тизенгаузен и ее племянница, графиня Баранова, две сестры Бартеневы, Элиза Раух и Нелидова

жили в нижнем этаже дворца, другие фрейлины, о которых я говорила, помещались в комнатах, выходящих в фрейлинский коридор, обращенный на Александровскую площадь, к которому вела лестница в 80 ступеней. Мы занимали на этой большой высоте очень скромное помещение: большая комната, разделенная на две части деревянной перегородкой, окрашенной в серый цвет, служила нам гостиной и спальней, в другой комнате, поменьше, рядом с первой, помещались с одной стороны наши горничные, а с другой — наш мужик, неизменный Меркурий всех фрейлин и довольно комическая принадлежность этих девических хозяйств, похожих на хозяйства старых холостяков. Он топил печку, ходил за водой, приносил обед и по десяти раз в день бегал заказывать карету, ибо истинное местопребывание фрейлины, ее палатка, ее ковчег спасения — это карета. В дни дежурства эта карета была запряжена с утра, чтобы быть готовой на тот случай, если фрейлине придется сопровождать великую княгиню: случалось ездить с ней к кому-нибудь из великих княгинь или в Летний сад, и если великий князь позднее присоединялся к ней, фрейлина освобождалась и возвращалась во дворец в собственной карете. Но еще больше эта карета была в ходу в дни недежурные, когда фрейлина могла располагать собой.

С какой поспешностью бедные фрейлины бежали из своих одиноких комнат, которые никогда не могли быть для них домом и создать им ни уюта домашнего очага, ни уединения келий. Среди шумной и роскошной жизни, их окружавшей, они находили в этих комнатах лишь одиночество и тяжелое чувство заброшенности. Не знаю, разделяли ли все мои товарки мои грустные впечатления в этом отношении; может быть, для некоторых из них развлечения придворной жизни, туалеты, театр, иногда царская милость вознаграждали за утрату более глубоких радостей жизни, которых они были лишены. Однако я видела, что многие из них теряли здоровье, веселость и страдали от нервных болезней, вызванных гораздо более душевным настроением, чем физическим состоянием. Те из них, которые выходили замуж, становились прекрасными матерями и женами и тем усерднее посвящали себя семье, чем сильнее они раньше предавались светской

жизни; я знала и таких, которые после всей роскоши жизни при дворе с радостью соглашались променять ее на положение более чем скромное, даже сравнительно стесненное.

Я нашла в своей комнате диван стиля ампир, покрытый старым желтым штофом, и несколько мягких кресел, обитых ярко-зеленым ситцем, что составляло далеко не гармоничное целое. На окнах ни намека на занавески. Я останавливаюсь на этих деталях, мало интересных самих по себе, потому что они свидетельствуют, при сравнении с тем, что мы теперь видим при дворе, об огромном возрастании роскоши за промежутки времени менее четверти века. Дворцовая прислуга теперь живет более просторно и лучше обставлена, чем в наше время жили статс-дамы, а между тем наш образ жизни казался роскошным тем, кто помнил нравы эпохи Александра I и Марии Федоровны.

В день моего переезда во дворец цесаревна познакомила меня с княжной Александрой Долгорукой, которая уже шесть месяцев исполняла при ней обязанности фрейлины. Это была совсем молоденькая семнадцатилетняя девушка, один из самых сложных и самых непонятных характеров, какие мне пришлось встретить в течение всей моей жизни. На первый взгляд эта девушка, высокого роста, худая, развинченная, несколько сутуловатая, с свинцово-бледным лицом, бесцветными и стеклянными глазами, смотревшими из-под тяжелых век, производила впечатление отталкивающего безобразия. Но как только она оживлялась под влиянием разговора, танцев или игры, во всем ее существовании происходило полнейшее превращение. Гибкий стан выпрямлялся, движения округлялись и приобретали великолепную чисто кошачью грацию молодого тигра, лицо вспыхивало нежным румянцем, взгляд и улыбка приобретали тысячу нежных чар, лукавых и вкрадчивых. Все ее существование проникалось неуловимым и поистине таинственным обаянием, которое подчиняло себе не только мужчин, но и женщин, как ни мало чувствительны они, вообще говоря, к красоте лиц своего пола; но в Александре Долгорукой, в ее хорошие минуты, было какое-то совершенно неотразимое обаяние, которое очаровывало всех, кто к ней при-

ближался. Ее нравственное существо представляло те же контрасты, как и физическое. Высокомерная, молчаливая и мрачная, пренебрегавшая всеми житейскими отношениями, надменная, капризная и своевольная, она умела там, где хотела нравиться, с неотразимым воодушевлением пускать в ход всю вкрадчивость своей гибкой натуры, всю игру самого тонкого, самого смелого ума, полного колкости и иронии. Это был фейерверк остроумных слов, смешных замечаний. Она была изумительно одарена, совершенно бегло, с редким совершенством, говорила на пяти или шести языках, много читала, была очень образованна и умела пользоваться всею тонкостью своего ума без малейшей тени педантизма или надуманности, жонглируя мыслями и особенно парадоксами с легкой грацией фокусника. Я никогда не слышала, чтобы она о ком-либо дурно отзывалась, но черт от этого ничего не терял: в изумительной степени владела она искусством коварства, и величайшим для нее наслаждением было уязвлять собеседника жалом своих сарказмов, не давая ему возможности защищать себя из страха попасть в смешное положение. Понятно, что ее не любили. Но в известные минуты невозможно было не подпасть под ее обаяние, как невозможно было затем не сердиться на себя за это. Во всяком случае, и по своим качествам, и по своим недостаткам это была натура далеко не заурядная; в гордой и вкрадчивой пленительности ее, по существу, жестокой и властной натуры было что-то хищное, напоминавшее не кошку с ее мелким коварством, а скорее тигра, горделивого и царственного в своей развращенности. Вот то лицо, с которым судьба заставила меня провести много лет в вынужденной близости, в таком положении, которое делало из нас невольных соперниц и в котором почти невозможно было избежать трений, даже и в том случае, если бы с обеих сторон в отношения вносилась честность и прямота. Прошло много времени, пока я дала себе полный отчет в характере Александры Долгорукой. В моем возрасте меня легко было увлечь и подчинить, и Александра вначале употребила много усилий к тому, чтобы пленить меня. Однако я вскоре инстинктивно почувствовала во всем ее существе какую-то замкнутость, заставившую и меня быть сдержан-

ной. Она испытывала или, по крайней мере, выказывала страстную привязанность к цесаревне; и не было оснований подозревать ее в неискренности. Великая княгиня взяла ее к себе, чтобы вырвать из той тяжелой обстановки, в которой она находилась в семье. Рассказывали, что она всегда была предметом ненависти со стороны своей матери¹, которая так ее била и подвергала таким лишениям, что развила в ней болезнь, похожую на падучую. Она впадала в состояние столбняка, продолжавшееся иногда целые часы. Великая княгиня, охваченная жалостью к ней и в то же время, вероятно, плененная тем обаянием, которым Александра так умела пользоваться, когда этого хотела, проявляла по отношению к своей молодой фрейлине совершенно материнскую заботливость и очень ее к себе приближала. Проведя одна около цесаревны целых шесть месяцев, Александра была очень огорчена, когда в моем лице получила товарища по службе. Она, говорят, много плакала, но тем не менее приняла меня приветливо.

Все фрейлины, которых я назвала, состояли при императрице; только княжна Долгорукая и я состояли исключительно при цесаревне, хотя мы жили в том же коридоре, как и фрейлины императрицы. Наследник занимал в Зимнем дворце помещение, непосредственно примыкавшее к покоям императрицы, с которыми оно соединялось галереей. Окна императрицы выходили на Неву, окна наследника — на Адмиралтейскую площадь; покои императора Николая находились этажом выше. Позднее, чтобы не ходить по лестнице, он устроил себе маленькое помещение из двух очень скромных комнат в нижнем этаже. Члены императорской фамилии жили, таким образом, в большой близости, что создавало интимную семейную жизнь, по крайней мере насколько дело касалось привычек ежедневной жизни.

Во время утреннего кофе, между девятью и десятью часами, вокруг императрицы собирались все — и дети, и внучата, которые регулярно приходили к ней здороваться. Это не всегда было удобно, особенно для маленьких

---

¹ Мария Александровна Долгорукая, жена Сергея Алексеевича Долгорукого.

детей, которые уже учились и занятия которых прерывались потому, что они должны были идти приветствовать бабушку. В Зимнем дворце приходилось только переходить через множество коридоров, залов и лестниц, но в Царском и в Петергофе императрица любила пить утренний кофе в одном из отдельных павильонов в парке, приходилось следовать туда за ней, и добрая часть утра проходила в таких прогулках, не говоря уже о развлечении, которое мешало затем детям заниматься. В частной жизни, живя в одном и том же доме, естественно детям приходиться к родителям здороваться; при дворе, однако, благодаря размерам дворца и садов, благодаря торжественному церемониалу, которым сопровождаются все передвижения членов императорского дома, эти семейные собрания принимали характер событий исключительной важности. В Царском и в Петергофе по утрам можно было видеть большой запряженный фургон, нагруженный кипящим самоваром и корзинами с посудой и с булками. По данному сигналу фургон мчался во весь опор к павильону, назначенному для встречи. «Ездовые»¹ с развешивающимися по ветру черными плюмажами скакали на ферму, в Знаменское, в Сергиевку предупредить великих князей и великих княгинь, что императрица будет кушать кофе в Ореанде, на «мельнице», в «избе», в Монплезире, в «хижине», в «шале», на «ферме», в Островском, на Озерках, на Бабьем гоне, на Стрелке, словом, — в одном из тысячи причудливых павильонов, созданных для развлечения и отдохновения императрицы баловством ее супруга, который до конца жизни не переставал относиться к ней, как к избалованному ребенку. Через несколько минут можно было наблюдать, как великие князья в форме, великие княгини в туалетах, дети в нарядных платьицах, дамы и кавалеры свиты поспешно направлялись к намеченной цели. При виде всего этого церемониала по поводу простого питья кофе я часто вспоминала анекдот про пастуха, который на вопрос, что бы он стал делать, если бы был королем, отвечал: «Я бы стал пасти своих овец верхом». Великие мира сего все более или менее выполняют программу пастуха, они па-

---

¹ По-русски.

сут свои стада верхом, и если они редко совершают великие дела, зато превращают житейские мелочи в очень важные дела. Громадное значение и грандиозные размеры, которые принимают для них самые простые события в жизни, как обеды, прогулки или семейные встречи, требуют столько времени, столько внимания и сил, что их уже не хватает на более серьезные предметы.

Жизнь государей, наших, по крайней мере, так строго распределена, они до такой степени ограничены рамками не только своих официальных обязанностей, но и условных развлечений и забот о здоровье, они до такой степени являются рабами своих привычек, что неизбежно должны потерять всякую непосредственность. Все непредусмотренное, а следовательно, и всякое живое и животворящее впечатление навсегда вычеркнуто из их жизни. Никогда не имеют они возможности с увлечением погрузиться в чтение, беседу или размышление. Часы бьют, — им надо быть на параде, в совете, на прогулке, в театре, на приеме и завести кукольную пружину данного часа, не считаясь с тем, что у них на уме или на сердце. Они, как в футляре, замкнуты в собственном существовании, созданном их ролью колес в огромной машине. Чтобы сопротивляться ходу этой машины, нужна инициатива гения. Ум, даже хорошо одаренный, характер, но без энергии Петра Великого или Екатерины II, никогда не справится с создавшимся положением. Отсюда происходит то, что как государи они более посредственные, чем были бы в качестве простых смертных. Они не рождаются посредственностями, они становятся посредственностями силой вещей. Если это не оправдывает их, то, по крайней мере, объясняет их несостоятельность. Они редко делают то добро, которое, казалось, было бы им так доступно, и редко устраняют зло, которое им так легко было бы уврачевать, не вследствие неспособности, а вследствие недостатка кругозора. Масса мелких интересов до такой степени заслоняет их взор, что совершенно закрывает от них широкие горизонты.

Тем не менее надо признать, что в ту эпоху русский двор имел чрезвычайно блестящую внешность. Он еще сохранял весь свой престиж, и этим престижем он был всецело обязан личности императора Николая. Никто

лучше него не был создан для роли самодержца. Он обладал для того и наружностью, и необходимыми нравственными свойствами. Его внушительная и величественная красота, величаявая осанка, строгая правильность олимпийского профиля, властный взгляд, все, кончая его улыбкой снисходящего Юпитера, — все дышало в нем земным божеством, всемогущим повелителем, все отражало его незыблемое убеждение в своем призвании. Никогда этот человек не испытал тени сомнения в своей власти или в законности ее. Он верил в нее со слепой верою фанатика, а ту безусловную пассивную покорность, которой требовал он от своего народа, он первый сам проявлял по отношению к идеалу, который считал себя призванным воплотить в своей личности, идеалу избранника Божьей власти, носителем которой он себя считал на земле. Его самодержавие милостию Божией было для него догматом и предметом поклонения, и он с глубоким убеждением и верой совмещал в своем лице роль кумира и великого жреца этой религии: сохранить этот догмат во всей чистоте на святой Руси, а вне ее защищать его от посягательств рационализма и либеральных стремлений века — такова была священная миссия, к которой он считал себя призванным самим Богом и ради которой он был готов ежечасно принести себя в жертву.

Как у всякого фанатика, умственный кругозор его был поразительно ограничен его нравственными убеждениями. Он не хотел и даже не мог допустить ничего, что стояло бы вне особого строя понятий, из которых он создал себе культ. Повсюду вокруг него в Европе под веянием новых идей зарождался новый мир, но этот мир индивидуальной свободы и свободного индивидуализма представлялся ему во всех своих проявлениях лишь преступной и чудовищной ересью, которую он был призван побороть, подавить, искоренить во что бы то ни стало, и он преследовал ее не только без угрызения совести, но со спокойным и пламенным сознанием исполнения долга. Глубоко искренний в своих убеждениях, часто героический и великий в своей преданности тому делу, в котором он видел миссию, возложенную на него провидением, можно сказать, что Николай I был Дон-Кихотом самодержавия, Дон-Кихотом страшным и зловердным,

потому что обладал всемогуществом, позволявшим ему подчинять все своей фантастической и устарелой теории и попирать ногами самые законные стремления и права своего века. Вот почему этот человек, соединявший с душою великодушной и рыцарской характер редкого благородства и честности, сердце горячее и нежное и ум возвышенный и просвещенный, хотя и лишенный широты, вот почему этот человек мог быть для России в течение своего 30-летнего царствования тираном и деспотом, систематически душившим в управляемой им стране всякое проявление инициативы и жизни. Угнетение, которое он оказывал, не было угнетением произвола, каприза, страсти; это был самый худший вид угнетения — угнетение систематическое, обдуманное, самодовлеющее, убежденное в том, что оно может и должно распространяться не только на внешние формы управления страной, но и на частную жизнь народа, на его мысль, его совесть и что оно имеет право из великой нации сделать автомат, механизм которого находился бы в руках владыки. Отсюда в исходе его царствования всеобщее оцепенение умов, глубокая деморализация всех разрядов чиновничества, безвыходная инертность народа в целом.

Вот что сделал этот человек, который был глубоко и религиозно убежден в том, что всю свою жизнь он посвящает благу родины, который проводил за работой восемнадцать часов в сутки из двадцати четырех, трудился до поздней ночи, вставал на заре, спал на твердом ложе, ел с величайшим воздержанием, ничем не жертвовал ради удовольствия и всем — ради долга и принимал на себя больше труда и забот, чем последний подданный из его подданных. Он чистосердечно и искренно верил, что в состоянии все видеть своими глазами, все слышать своими ушами, все регламентировать по своему разумению, все преобразовать своею волею. В результате он лишь нагромоздил вокруг своей бесконтрольной власти груды колоссальных злоупотреблений, тем более пагубных, что извне они прикрывались официальной законностью и что ни общественное мнение, ни частная инициатива не имели права на них ни указывать, ни возможности с ними бороться.

И вот когда наступил час испытания, вся блестящая фантазмагория этого величественного царствования рассеялась, как дым. В самом начале Восточной войны армия — эта армия, столь хорошо дисциплинированная с внешней стороны, — оказалась без хорошего вооружения, без амуниции, разграбленная лихоимством и взяточничеством начальников, возглавляемая генералами без инициативы и без знаний; оставалось только мужество и преданность ее солдат, которые сумели умирать, не отступая там, где не могли победить вследствие недостатка средств обороны и наступления. Финансы оказались истощенными, пути сообщения через огромную империю непроездными, и при проведении каждого нового мероприятия власть наталкивалась на трудности, создаваемые злоупотреблениями и хищениями. В короткий срок полутора лет несчастный император увидел, как под ним рушились подмости того иллюзорного величия, на которые он воображал что поднял Россию. И тем не менее именно среди кризиса последней катастрофы блестяще выявилось истинное величие этого человека. Он ошибался, но ошибался честно, и когда был вынужден признать свою ошибку и пагубные последствия ее для России, которую он любил выше всего, его сердце разбилось, и он умер. Он умер не потому, что не хотел пережить унижения собственного честолюбия, а потому, что не мог пережить унижения России. Он пал первой и самой выдающейся жертвой осады Севастополя, пораженный в сердце, как невидимой пулей, величайшей скорбью при виде всей этой крови, так мужественно, так свято и так бесполезно пролитой. Его смерть была поистине искупительной жертвой. Тот, кто присутствовал при захватывающей драме его быстрого умирания, кто видел вблизи его полную тоски молитву и последние дни его жизни, кто подходил к его смертному одру, тот, конечно, сохранит к его памяти только чувство самого глубокого и скорбного уважения.

Мне вспоминается, что однажды, когда двор находился на маневрах в Красном, я нашла убежище от жары в тенистом уголку парка, чтобы почитать там в прохладе. Книга, которая меня занимала, была «История царствования императора Николая», сочинение де Бомон-Васси.

Вдруг в ту минуту, когда я менее всего этого ожидала, передо мной предстала высокая фигура самодержца, вид которого всегда внушал мне невольный трепет. Смущенная, покрасневшая, я встала, чтобы поклониться. Одним из тех жестов изысканной учтивости, тайной которой он обладал, он пригласил меня сесть и спросил, что я читаю. «Историю вашего царствования, ваше величество», — робко отвечала я, прерывающимся голосом. «Она вся перед вами, сударыня, к вашим услугам», — сказал он с полупоклоном. В этой шуточной фразе, обращенной к оробевшей девушке, он бессознательно высказался весь целиком. История его царствования, история его родины и его народа — это был он и исключительно он.

Я очень хорошо помню тот очень торжественный для меня момент, когда я была представлена императору Николаю. Это было двадцать пятого января, через двенадцать дней после моего поступления во дворец, в маленькой церкви, где обыкновенно по воскресеньям служили обедню.

В дни больших праздников и особых торжеств богослужение отправлялось в большой церкви Зимнего дворца: в таких случаях мужчины были в парадной форме, при орденах, а дамы в придворных костюмах, т.е. в повойниках и сарафанах с треном, расшитым золотом, производивших очень величественное впечатление. Такое торжество носило название большого выхода. В обычные воскресные дни и второстепенные праздники имел место малый выход, т.е. кавалеры свиты в обыкновенной форме, а придворные дамы в городских платьях, все же очень нарядных, собирались к обедне в маленькую церковь. Обедня начиналась в 11 часов, и после службы император и императрица, цесаревна и цесаревич принимали лиц, желавших им представиться, в прилежавшем к церкви зале, называемом ротондой. Я помню, как в первое время мне было трудно приходить к обедне разряженной в голубой или розовый цвет и держаться в церкви, как в зрительном зале, не смея ни становиться, как я привыкла, на колени, ни класть земных поклонов, так как этикет не допускал подобных проявлений благочестия. Все стояли прямо и вытянувшись, молодые фрейлины в самой церкви, старые дамы и кавалеры свиты в

ротонде, где они проводили время в разговорах sotto voce на предметы менее всего религиозного содержания. Воскресенье, мне казалось, чтилось, таким образом, весьма плохо. Члены императорского дома, однако, держали себя в церкви примерно и, казалось, молились с истинным благочестием. Император Николай стоял один впереди, рядом с хором певчих и подпевал им своим красивым голосом. Лицо цесаревны выражало полную сосредоточенность. Ее сопровождали все дети, даже самый маленький, которому не было еще 3 лет и который стоял молча и неподвижно, как и остальные, в продолжение всей длинной службы. Я никогда не понимала, как удавалось внушить этим совсем маленьким детям чувство приличия, которого никогда нельзя было бы добиться от ребенка нашего круга; однако не приходилось прибегать ни к каким мерам принуждения, чтобы приучить их к такому умению себя держать, оно воспринималось ими с воздухом, которым они дышали. Императрица, которая была болезненна и с трудом переносила какое бы то ни было утомление, приходила всегда после первой половины службы. Император Николай был чрезвычайно точен и аккуратен. Он входил в церковь с боем часов, ударявших одиннадцать, и тотчас же начиналась служба. Тогда можно было видеть, как дамы, слишком задержавшиеся дома за своими туалетами, а иногда и великие князья, появлялись с выражением отчаяния на лицах и старались незаметно проскользнуть на свои места. Помню, как однажды я спустилась в ротонду к одиннадцати часам. Я была там еще совершенно одна, когда двери внутренних покоев широко распахнулись, появился император Николай и сказал мне: «По-видимому, сударыня, мы с вами единственные аккуратные люди в этом дворце!» На другой день чиновник министерства двора явился к дамам и кавалерам свиты с официальной бумагой, содержащей высочайший выговор за неаккуратность, под которой виновные должны были расписаться, в виде «*mea culpa*».

После смерти императора Николая весь этот этикет был очень скоро нарушен. Каждый мог запаздывать, пропускать службу по желанию, не будучи обязан никому отдавать отчета. Я не могу, однако, сказать, чтобы от

этой распушенности жизнь во дворце стала легче или приятней. Придворная жизнь, по существу, жизнь условная, и этикет необходим для того, чтобы поддержать ее престиж. Это не только преграда, отделяющая государя от его подданных, это в то же время защита подданных от произвола государя. Этикет создает атмосферу всеобщего уважения, когда каждый ценой свободы и удобств сохраняет свое достоинство. Там, где царит этикет, придворные — вельможи и дамы света, там же, где этикет отсутствует, они спускаются на уровень лакеев и горничных, ибо интимность без близости и без равенства всегда унизительна равно для тех, кто ее навязывает, как и для тех, кому ее навязывают. Дидро очень остроумно сказал о герцоге Орлеанском: «Этот вельможа хочет стать со мной на одну ногу, но я отстраняю его почти-тельностью».

Я была представлена цесаревной императору Николаю в самой церкви после обедни. Он обратился ко мне с двумя-тремя вопросами, а затем вечером в театре, где я находилась в качестве дежурной при цесаревне, в маленькой императорской ложе, он в несколько приемов и довольно долго разговаривал со мной. Я была крайне удивлена, что этот самодержец, одно имя которого вызывало трепет, беседует с молоденькой девушкой, только что приехавшей из деревни, так ласково, что я чувствовала себя почти свободно. Разговаривая с женщинами, он имел тот тон утонченной вежливости и учтивости, который был традиционным в хорошем обществе старой Франции и которому старалось подражать русское общество, — тон, совершенно исчезнувший в наши дни, не будучи, однако, заменен ничем более приятным или более серьезным.

Император Николай имел дар языков; он говорил не только по-русски, но по-французски и по-немецки с очень чистым акцентом и изящным произношением; тембр его голоса был также чрезвычайно приятен. Я должна поэтому сознаться, что сердце мое было им пленено, хотя по своим убеждениям я оставалась решительно враждебной ему. Я не могу отказать себе задним числом в маленьком удовлетворении самолюбия и не привести здесь мнения, высказанного императором по поводу меня:

он сказал великой княгине Марии Николаевне, которая поспешила мне это передать, как большую и очень лестную для меня новость, что я ему очень понравилась и что оживленное выражение моего лица делало меня лучше, чем красивой. Достаточно было этих одобрительных слов с уст владыки, чтобы с самого начала прочно поставить меня в новой окружавшей меня среде. Никто после этого не посмел бы усомниться в том, что я хороша собой и умна.

Мне остается еще сказать несколько слов об императрице Александре Федоровне. О ней не раз высказывались очень строгие суждения, и ее часто обвиняли в том, что она была главной виновницей деморализации русского общества, благодаря той безграничной роскоши и легкомыслию, которым она способствовала своим примером. Тем, кто видел вблизи эту нежную детскую душу, не хотелось бы возлагать столь тяжелую ответственность на эту изящную и воздушную тень. Дочь прусского короля, она была воспитана в то время, когда вся немецкая молодежь зачитывалась поэзией Шиллера и его последователей. Под влиянием этой поэзии все тогдашнее поколение было проникнуто мистической чувствительностью, мечтательной и идеалистической, которая для нежных натур и слегка ограниченных умов вполне заменяла религию, добродетель и принципы. Александра Федоровна принадлежала к числу таковых; ее моральный кодекс и ее катехизис — это была лира поэта. Добрейший Жуковский, который преподавал ей русский язык по прибытии ее в Петербург и был впоследствии воспитателем ее старшего сына, — Жуковский, вдохновенный и милый переводчик немецких поэтов, поддерживал в ней те же умственные и нравственные вкусы. Император Николай питал к своей жене, этому хрупкому, безответственному и изящному созданию, страстное и деспотическое обожание сильной природы к существу слабому, единственным властителем и законодателем которого он себя чувствует. Для него это была прелестная птичка, которую он держал взаперти в золотой и украшенной драгоценными камнями клетке, которую он кормил нектаром и амброзией, убаюкивал мелодиями и ароматами, но крылья которой он без сожаления обрезал бы, если бы она захо-

тела вырваться из золоченых решеток своей клетки. Но в своей волшебной темнице птичка не вспоминала даже о своих крылышках.

Для императрицы фантастический мир, которым окружало ее поклонение ее всемогущего супруга, мир великолепных дворцов, роскошных садов, веселых вилл, мир зрелищ и фееричных балов заполнял весь горизонт, и она не подозревала, что за этим горизонтом, за фантазмагорией бриллиантов и жемчугов, драгоценностей, цветов, шелка, кружев и блестящих безделушек, существует реальный мир, существует нищая, невежественная, наполовину варварская Россия, которая требовала бы от своей государыни сердца, активности и суровой энергии сестры милосердия, готовой прийти на помощь ее многочисленным нуждам. Александра Федоровна была добра, у нее всегда была улыбка и доброе слово для всех, кто к ней подходил, но эта улыбка и это доброе слово никогда не выходили за пределы небольшого круга тех, кого судьба к ней приблизила. Александра Федоровна не имела ни для кого ни сурового взгляда, ни недоброжелательного жеста, ни сурового осуждения. Когда она слышала о несчастьи, она охотно отдавала свое золото, если только что-нибудь оставалось у ее секретаря после расплаты по громадным счетам модных магазинов, но она принадлежала к числу тех принцесс, которые способны были бы наивно спросить, почему народ не ест пирожных, если у него нет хлеба.

Александра Федоровна постоянно посещала воспитательные заведения для молодых девиц, она любила детей, советовала им быть умными и прилежными, посылала им к празднику пакеты с конфетами, но она ласкала всегда самых красивых из них, улыбалась тем, которые танцевали с особенной грацией, а улыбка императрицы была законом, и целые поколения будущих жен и матерей ее подданных воспитывались в культе тряпок, жеманства и танца «с шалью». Александра Федоровна любила, чтобы вокруг нее все были веселы и счастливы, любила окружать себя всем, что было молодо, оживленно и блестяще, она хотела, чтобы все женщины были красивы и нарядны, как она сама; чтобы на всех было золото, жемчуга, бриллианты, бархат и кружева. Она оста-

навливала свой взгляд с удивлением и с наивным восхищением на красивом новом туалете и отвращала огорченные взоры от менее свежего, уже ношенного платья. А взгляд императрицы был законом, и женщины рядились, и мужчины разорялись, а иной раз крали, чтобы наряжать своих жен, а дети росли мало или плохо воспитанные, потому что родителям не хватало ни времени, ни денег на их воспитание. Так золотой сон доброй и милостивой императрицы превращался в действительность, горькую для бедной России. Культ, которым император Николай, а по его примеру и вся царская семья окружали ее, создал вокруг нее настоящий престиж. Кроткая и скромная по натуре, она все-таки была императрицей, и казалось законным окружать ее преданностью, почестями и вниманием, которые император первый спешил ей оказывать.

В эпоху моего вступления в Зимний дворец там еще в полной силе господствовала особая атмосфера двора, которая в наши дни почти совершенно исчезла отовсюду и, вероятно, никогда не возродится. В воздухе как бы ощущался запах фимиама, нечто торжественное и благоговейное: люди говорили вполголоса, ходили на цыпочках, у всех вид был напряженный, сосредоточенный и стесненный, но удовлетворенный этим чувством стесненности; каждый торопился, становился в сторонку, старался быть незаметным и ждал. Воздух, которым мы дышали, был насыщен всеприсутствием владыки. Этот своего рода культ имел своих фанатиков, вполне искренних, но даже вольнодумцы и скептики не были вполне ограждены от силы этого престижа. Можно было прекрасно отдавать себе отчет в том, что за этой грандиозной театральной постановкой, за всей этой помпезной обрядностью скрывается величайшая пустота, глубокая скука, полнейшее отсутствие серьезных интересов и умственной жизни, и все-таки нельзя было не испытывать чувства некоторого благоговения. Не имея веры в идола, ему возжигали фимиам.

ДНЕВНИК

1853 год

13 января.

С утра я переехала в Зимний дворец и могу сказать, как в песенке:

*Я живу в четвертом этаже,
Там, где кончается лестница.*

Впрочем, я разделяю эту участь со всеми обитательницами фрейлинского коридора. Утро я провела за устройством своего хозяйства. Добрейшая Лиза Карамзина привезла мне красивый чайный сервиз и самовар, который будет товарищем моих одиноких чаепитий. Не могу скрыть, что в первый раз, когда я пила чай в своем новом помещении, мне стало так грустно и так одиноко, что я горько заплакала. Вечером я в первый раз была призвана к исполнению своих обязанностей при цесаревне и должна была сопровождать ее в театр. Это происходило совершенно иначе, чем я себе представляла. Я думала, что царская семья всегда торжественно восседает в большой императорской ложе, и была очень удивлена, когда меня ввели в маленькую литерную ложу у самой сцены, в одном ряду с ложами бенуара. Здесь, кроме цесаревича и цесаревны, находились еще трое молодых великих князей: Константин, Николай и Михаил. Меня представили им, и я была лишней раз приятно изумлена, когда великий князь Константин обратился ко мне очень вежливо на хорошем французском языке. В обществе он слывет свирепым славянином, говорящим только по-русски и намеренно пренебрегающим всеми

формами европейской цивилизации. Цесаревна выказывала мне необычайную доброту, преисполнившую мое сердце благодарностью. Она выразила желание, чтобы я не ездила в свет иначе, как сопровождая ее, в остальное же время держалась бы только своих близких знакомых.

15 января.

14-го цесаревна сама представила меня императрице и герцогине Мекленбургской, сестре императрицы. Я была поражена контрастом между лицом императрицы — лицом совсем старой женщины, и ее фигурой, сохранившей все изящество и всю стройность молодости. Она говорила со мной о моих сестрах с большим участием.

18 января.

Сегодня мое первое воскресенье во дворце; чувствуя себя не совсем здоровой, я не могла быть у обедни, ни сопровождать цесаревну в Аничков дворец, где давали представление обезьяны. В течение этой недели моя служба заключалась в том, что я сопровождала цесаревну в театр, куда она ездит почти ежедневно. Во время балета я была представлена великой княгине Александре Иосифовне, молодой жене великого князя Константина. Она очень красива и напоминает портреты Марии Стюарт. Портит ее голос, гортанный и хриплый, кроме того, она плохо говорит по-французски, и манеры ее недостаточно изысканны для того положения, которое она занимает.

21 января.

Вот уже 10 дней, как я состою при дворе и нахожусь при исполнении своих новых обязанностей. Когда прошел первый момент возбуждения, я почувствовала себя очень грустной и одинокой. Я живу как во сне среди нового для меня мира и незнакомых мне людей, живу только внешней и поверхностной стороной своего существа, и где мое настоящее «я» — я не знаю. Цесаревна мне очень нравится, она держит себя с большим достоинством, очень замкнута, очень величественна; проникнута сознанием своего положения и в то же время очень добра и приветлива; минутами у нее бывают такие интонации и

она говорит такие вещи, которые сразу вам проникают в сердце. Она совершенно на своем месте, что очень редко встречается на этом свете. Она умеет внушить уважение не в ущерб привязанности и привязанность не в ущерб уважению. Остальные, особенно молодые великие князья, очень приветливы и добры, даже слишком просты и недостаточно выдерживают свою роль полубогов. Великий князь Константин самый величественный из них, но он, как и прочие, очень прост в обращении; тем не менее, несмотря на его невысокий рост, в его взгляде, в его осанке чувствуется владыка. Впрочем, я обо всем этом сужу только поверхностно, сквозь призму своей робости и своего смущения, так как я совершенно еще ошеломлена всем этим великосветским блеском. Императора я еще не видела; у меня такое возвышенное о нем представление, что я смертельно его боюсь.

25 января.

Сегодня я в первый раз была в маленькой дворцовой церкви, где собирается весь двор. Я видела там императора. Цесаревна представила меня ему; он сказал мне несколько слов по-французски. По виду он очень добрый и совсем не такой страшный, как я себе представляла. Вероятно, потому, что я женщина, я всегда находила мужчин гораздо менее внушительными и страшными, чем женщины, — они более доброжелательны. Императрица, которая считается такой доброй, цесаревна, великие княгини вызывают во мне в тысячу раз более робости, чем император и великие князья. По отношению к женщинам я чувствую разницу положения, по отношению к мужчинам — только разницу пола, и с императором я чувствую себя почти так же свободно, как с любым мужчиной из общества.

Обедня навела на меня грусть. Это так великолепно, так пышно, так торжественно. На колени становиться нельзя, это было бы нарушением этикета, и здесь перед Богом стоишь в полном параде. Я чувствовала себя как ребенок, которому приказали сделать реверанс перед матерью вместо того, чтобы обнять ее. Но чтобы вознаградить себя, я завтра пойду к обедне скромненько помолиться в уголку.

Цесаревна уже три дня не вызывала меня и не разговаривала со мной сегодня утром. Неужели я уже успела навлечь на себя немилость? Это было бы забавно; во всяком случае, я не успела еще стать честолюбивой, и меня еще мало беспокоит милость или немилость моей государыни. Честолюбие — это струна, которая не имеет до сих пор отклика в моей душе. Насколько я ревниво отношусь к привязанностям, настолько равнодушна к почестям. Вчера я получила от мамы¹ письмо, прелестное по своей нежности и полное заботливости обо мне.

27 января.

Мне ужасно хочется видеть маму. Вчера, ложась спать, я так живо представила себе ее дорогое лицо, ее чудесные грустные глаза, ее руки, которые я так любила целовать...

После обеда ко мне зашла Лиза²; в ее присутствии тоска одиночества меня покидает. Ее доброе и честное лицо дает мне спокойствие и уверенность. Побывала у меня и Надя Бартенева; она долго сидела и ни на минуту не переставала говорить. Утомленная и подавленная горем, я пребывала в состоянии довольно приятного безразличия и предоставила ей изливаться над собой этот поток слов. Я люблю болтливых людей, с ними чувствуешь себя так легко; лишь бы они могли говорить, и они удовлетворены и от вас ничего не требуют. Александра Долгорукая тоже приходила на минуту. Бедняжка похожа на покойницу; я очень боюсь, что система Мандта сведет ее в гроб.

Цесаревна вызывала меня и просила съездить к княгине Салтыковой³. Я еще никак не могу в ней разобраться. Иногда, особенно при публике, в ней есть что-то холодное и торжественное. А потом она вдруг говорит с вами с такой добротой, в ее голосе и в ее жестах есть что-то такое ласковое, что самые обыкновенные слова в ее устах приобретают особую цену. То я люблю ее, то боюсь. Княгиня Салтыкова завтра сделает со мною мои

¹ Мачеха А.Ф.Тютчевой — Эрнестина Федоровна Тютчева.

² Карамзина.

³ Гофмейстерина двора цесаревны княгиня Е.В.Салтыкова.

визиты, она очень добра ко мне и приветлива. Когда чувствуешь себя печальной, малейший знак внимания, даже от постороннего нам лица, вызывает в нас горячую благодарность. Не могу выразить, до какой степени я чувствую себя одинокой и какая у меня потребность встретить ласковый взгляд и ободряющее слово. Впрочем, мне не следует жаловаться. Хотя много говорится о человеческом эгоизме, тем не менее есть много людей добрых и ласковых, может быть, не надолго, но по крайней мере на то время, когда это нужно.

10 февраля.

Мое нормальное состояние -- спешить. Я спешу, даже когда занимаюсь у себя дома; я пишу, читаю, работаю, все делаю второпях.

На днях у цесаревны был большой бал, очень блестящий, очень роскошный. Странное чувство я испытываю на балах и вообще в свете. Когда я нахожусь среди этой блестящей толпы, нарядной и оживленной, среди улыбок и банальных фраз, среди кружев и цветов, скрывающих под собой неизвестных и малопонятных мне людей, ибо даже близкие знакомые принимают на балу такой неестественный вид, что их трудно узнать. — мною овладевает какая-то тоска, чувство пустоты и одиночества, и никогда я так живо не ощущаю ничтожество и несовершенство жизни, как в такие минуты. Впрочем, я люблю это чувство, я люблю свет, чтобы его ненавидеть, люблю ощущать, как звучат самые глубокие и самые грустные струны моей души от соприкосновения со всей этой суетой. В жизни совершенно ровной душа становится слишком ясной, слишком покойной и многого уже не чувствует так глубоко...

Впрочем, мне здесь нравится; я испытываю большую симпатию к цесаревне, и мне кажется, что я могу искренно полюбить ее. Меня также очень привлекает моя товарка Александра Долгорукая; в ней есть что-то совсем необычное. Но мы обе очень сдержанны в отношении друг друга. Я начала с того, что откровенно выказывала ей свою симпатию, но она держала себя слишком настороже, тогда я тоже отстранилась, и теперь уже она

старается привлечь меня. Я очень этим довольна, но решила никогда не идти слишком далеко ей навстречу. Насколько я могу судить — это одна из тех натур, которые мне внушают несчастную любовь, то экспансивные, то сдержанные, которые, подобно некоторым цветам, раскрываются, когда от них удаляешься, и закрываются, когда к ним подходишь, — одна из тех натур, которые действуют на воображение и о которых люди думают либо слишком хорошо, либо слишком дурно, одним словом, натура, похожая на маму, — предмет моей любви, моих страданий. Я постараюсь поэтому вооружиться против этого влечения: эта девочка внушает мне слишком много привязанности безо всякого основания¹.

14 февраля.

Сегодня вечером я получила письмо из дому, мама пишет, что гиацинты, которые я ей подарила, расцвели. Дорогая мама, во всем, что она говорит, есть что-то, что трогает и волнует меня до глубины души. Как только перед моим мысленным взором воскресает ее грустный и милый образ в печальной рамке Овстуга, все сердце мое рвется к ней. В ней столько поэзии и чего-то такого, что вызывает нежность. Милая, дорогая мама! Ее печаль, ее разочарованность жизнью, ее страстные сожаления о про-

---

¹ 4 февраля Ф. И. Тютчев писал жене: «Анна совсем акклиматизировалась; со всех сторон по поводу ее сыпятся на меня комплименты и похвалы, на которые я не знаю, как реагировать. Люди как-никак необычайно тщеславное и легкомысленное порождение, и их благочестивое раболепство в отношении тех, кто имеет успех, совершенно непостижимо. Те, кто в прошлом году не потрудились бы спросить меня о здоровье той же Анны, готовы теперь присудить мне чуть ли не лавровый венок за то, что я произвел на свет Божий подобный шедевр. И все это делается самым что ни на есть естественным образом...» 11 февраля: «Несомненно, что судьба как будто хочет исправить в отношении к Анне всевозможными нежностями и любезностями прежнюю свою грубость. Приветливость, предупредительность, похвалы не ослабевают, и моя отцовская скромность уже истощила все условные формулы, чтобы ответить на этот поток благожелательности. Что касается ее самой, то справедливость требует сказать, что она мало переменилась в новом своем положении, по крайней мере не чрезмерно, а в приличных и благоразумных границах».

шлом и отсутствие интереса к окружающему, словом — все, что мой рассудок в ней осуждает и что мое сердце так любит и так понимает, — в ней это-то и создает обаяние и притягательную силу, которые непрестанно влекут меня к ней.

Меня интересует, во что выльются мои отношения к цесаревне. По-моему, у нее очень много обаяния; во всем ее существе есть то высшее изящество, которое гораздо лучше красоты. Но в ней есть то, что еще глубже проникает мне в сердце, это ее голос, ее манера говорить. Когда я ее не вижу или когда я убеждаю себя, что это цесаревна, — она мне чужда, далека и я робею перед ней. Но когда я ее вижу, слышу, как она говорит, — я чувствую к ней непреодолимое влечение; я испытываю такое чувство, как будто я ее знала раньше, и она вызывает во мне какие-то далекие воспоминания детства. Я думаю, что ее голос и ее немецкий акцент похожи на голос и акцент моей матери. Все это очень смутно, тем не менее производит на меня сильное впечатление. Но в сущности, совершенно неуместно испытывать непреодолимое влечение к одной из великих княгинь, которых принято любить по расчету и по соображениям рассудка. Поэтому я всячески буду сдерживаться, чтобы любить ее лишь ровно столько, сколько подобает. Но все-таки она очень мила.

15 марта.

Вчера у императрицы был музыкальный вечер. Пели m-me Виардо и ее кузина m-me Леонард. Цесаревна не появлялась в Концертном зале. По окончании концерта Александра Долгорукая и я подошли к двери в соседнюю комнату, чтобы посмотреть, не там ли наша великая княгиня. Великий князь Михаил сказал нам, что она почувствовала себя утомленной и только что ушла; я спросила, не чувствует ли она себя нездоровой, он отвечал: «нисколько». Минуту спустя Александра Долгорукая исчезла; она вернулась уже во время ужина и на мой вопрос о причине ее отсутствия отвечала, что ходила справляться о здоровье великой княгини. Она прекрасно слышала ответ великого князя. Уже не в первый раз я замечаю в ней эту несколько преувеличенную заботливость о

великой княгине. Зачем ходить узнавать о том, что знаешь — исключительно ради того, чтобы выказать усердие?

Мне очень хотелось бы разобраться в этом характере, представляющемся мне очень загадочным. Александра обладает непреодолимым обаянием. Я не могу провести с ней получаса, чтобы не восхищаться ею, столько в ней ума, изящества, ласковости, не только в словах, но и в обращении. К тому же в ней есть какое-то спокойствие, небрежная лень, полное самообладание, которые мне нравятся. Она если не скрытна, то замкнута до такой степени, что никогда не позволяет касаться ее личных дел. Вы прекрасно чувствуете в том, что она говорит, не то что совершенную неправду, а мелкую монету, которой она пользуется, чтобы не дать вам раскрыть настоящего своего «я». Я же очень искренна по своей натуре, по беспечности и отчасти по духу противоречия и временами своими порывами искренности, видимо, привожу ее в смущение. В своем обращении она держится не то что несвободно, а неестественно стесненно, как чувствовал бы себя человек, движения которого связаны окутывающим его покрывалом. Мне очень интересно разобраться в ней. Нужно допустить одно из двух: Александра была несчастна в детстве вследствие дурного обращения матери, это, естественно, вызывало в ней некоторую скрытность. Здесь она страстно привязалась к великой княгине, на которую смотрит как на свою избавительницу. По своей сдержанности, она не любит говорить с другими об этой страсти, но стремится всячески проявлять ее по отношению к той, которая ей ее внушает, и также, насколько возможно, монополизировать ее привязанность. Отсюда вытекает ее мелкое коварство по отношению ко мне и несколько показное усердие в отношении к великой княгине. В таком случае я совершенно оправдываю ее. Возможно и то, что она не любит великой княгини, но из честолюбия хочет играть первенствующую роль, пользуясь милостью своей государыни. В таком случае я предоставляю ей свободное поле действия, так как сама не честолюбива... Пусть каждая идет по собственному пути, согласно присущей ей натуре. Интрига никогда бы мне не удалась, я в ней только запутаюсь...

В настоящее время я в больших финансовых затруднениях. Мне еще не удалось поговорить с цесаревной о своем жалованье, так как я никогда не вижу ее наедине. Однако до апреля необходимо принять какие-нибудь меры, иначе я пропала и войду в долги. Конечно, очень тяжело говорить о деньгах и просить, но не знаю почему, а мне доставит даже известное удовлетворение сделать этот шаг по отношению к моей великой княгине...

23 марта.

Я собралась наконец с храбростью и говорила сегодня с великой княгиней....

В течение всего утра у меня судорожно сжималось сердце. В половине первого я пошла к великой княгине с книгами, которые она давала мне читать и которые надо было ей вернуть. При моем входе она сказала: «А! Вы принесли мои книги». Я ответила: «В сущности, ваше высочество, я пришла не для того, чтобы вернуть вам книги, я хотела видеть вас одну». Я приготовила по этому поводу маленькую речь, которой, разумеется, не произнесла. Я только сказала: «Ах, ваше высочество, у меня не хватит смелости вам сказать». Тогда она с большой приветливостью сказала мне: «Ну, соберитесь с храбростью». И я ей все высказала. «Я сама думала об этом и говорила великому князю, что дальше так не может продолжаться», — ответила она и стала расспрашивать меня о подробностях с большим практическим смыслом и очаровательной простотой. Она так очаровательно добра, не так, как люди, которые хотят быть добры, но как те, у которых доброта врожденная и которые по природе своей склонны принимать участие в делах своих близких. Она так пряма, и с ней так легко быть откровенной. Она прекрасно понимает свое и ваше положение, и это делает отношения с ней легкими и простыми. С ней никогда не забываешь, что имеешь дело с великой княгиней, но в то же время чувствуешь, что перед тобой человек, исполненный доброжелательства и здравого смысла, что очень редко встречается в лицах высокопоставленных. С ней невозможна фамильярность, как бы добра она ни была, и в то же время к ней всегда относишься с доверием, несмотря на ее сдержанность и достоинство...

5 мая.

Я так рада, что мы здесь, в Царском Селе. Я снова вошла в спокойную и правильную жизнь. Здешний образ жизни мне очень нравится. У нас весь день свободен для занятий и прогулок. По вечерам нас приглашают в покои великого князя, где сидит великая княгиня с своей работой. Великий князь читает вслух, после девяти мы пьем чай в живописной Турецкой комнате. После чая забавляемся тем, что магнетизируем столы и шляпы, а затем идем спать. Моя душа совершенно расцветает от этой правильной и покойной жизни.

Последнее время, проведенное мною в Петербурге, совершенно подорвало меня. Мое несчастье — это моя семья. В ней господствует дух уныния, отрицания и сплина, благодаря которым жизнь превращается в непрерывную пытку. Никто из нас не умеет пользоваться маленькими радостями жизни, но зато мы превосходно умеем, благодаря неуживчивости и резкости характера, превращать мелкие жизненные невзгоды в настоящие несчастья.

Мы все очень умны умом нашего века, разлагающим, мятежным и презрительным; во всех нас очень мало преданности, очень мало участливости и полное отсутствие сердечной простоты. Из всех членов моей семьи я более других способна к привязанности, и то мои чувства совершенно пассивны. Когда я к кому привязываюсь, то скорее по слабости; поэтому всегда, принося жертву, я испытываю некоторое раздражение. Я делаю то, что приятно другим, не из сердечного порыва, а потому, что мне тяжело доставлять неудовольствие. Истинную привязанность внушают мне только люди одного рода, люди, преданные долгу, искренно и без софизмов движущиеся по пути исполнения своих обязанностей. Вот что я так ценю и люблю в маме — в ней так сильно чувство долга, хотя крайняя слабость ее воли и капризный характер часто сбивают ее с пути. Что касается моих сестер, они благодаря глупому воспитанию, ими полученному, воображают, что живут на свете исключительно ради удовольствий и ради удовлетворения своего тщеславия; поэтому в их душе вечный бунт против жизни и тяжелых ее уроков. Их постоянные жалобы и всегдашнее

дурное настроение, хандра мамы, софизмы отца, который весь — воплощенный парадокс, а с другой стороны, праздная жизнь, которую я вела, — всего этого было больше чем достаточно, чтобы я стала такой же инертной, апатичной, забывчивой ко всякому долгу, как и те, кто меня окружал.

Я распускалась, потому что впадала в уныние, испытывала как бы нравственную тошноту, и во мне не было сил реагировать ни на что.

Какая разница между нашей семейной жизнью и той, которую я вижу здесь! Какая простота, какая прямота мысли, какая любовь, какое чувство долга, какая свежесть впечатлений, какое отсутствие парадокса! Как все здесь покойно, свежо, здорово и нормально! Большое утешение сознавать, что государи бесконечно выше своих подданных и что им совсем неизвестен недуг, который всех нас более или менее подтачивает. Может быть, больше всего я в них ценю и уважаю эту нравственную чистоту и прямоту сердца и ума.

15 мая.

Я ездила в город навестить маму. Тетя¹ предложила взять к себе Китти на лето. Мне пришлось просить разрешения взять Дашу к себе. Мне было очень трудно пойти на это. Я здесь еще так недавно, и мне очень тяжело постоянно просить о различных милостях; кроме того, мне вообще трудно просить. Мама решила было написать цесаревне, чтобы освободить меня от необходимости самой говорить с ней. Но так как неприятен для меня не разговор, а самая просьба, то я предпочла говорить сама. Вернувшись, я поднялась к великой княгине, и когда я ей сказала, что мне нужно с ней поговорить, она усадила меня. Она отнеслась к моей просьбе со своей обычной добротой, сказала, что для этого нужно разрешение государя, но что она думает, что это легко устроится. Потом она стала подробно расспрашивать меня о нашем положении и наших семейных отношениях, и я говорила с ней о них совершенно откровенно. В ней есть способность оценивать и понимать жизненные обстоятель-

---

¹ Дарья Ивановна Сушкова, урожденная Тютчева.

ства, указывающая на большую проницательность, особенно в том положении, в котором она находится и благодаря которому от нее ускользает множество обстоятельств реальной жизни. Она все угадывает и ко всему относится с участием. Она сказала мне: «Я не знаю того горя, о котором вы мне говорите, но, поверьте мне, у каждого из нас есть свои печали». При этих словах вид ее был такой грустный, что это меня глубоко растрогало. Отпуская меня, она сказала: «Я не хочу, чтобы у вас были какие-либо огорчения, по крайней мере, поскольку это зависит от меня; хотя совсем не страдать, к сожалению, невозможно на этом свете». Затем она продолжала: «Я надеюсь, что мы и дальше будем хорошо уживаться и понимать друг друга, как до сих пор».

Есть слова, которые западают в душу, и эти слова именно из тех, которые я никогда не забуду и за которые я буду ей всегда благодарна. В ее обращении есть что-то такое мягкое, простое. Это первый человек, который сумел подчинить меня своему авторитету и покровительству. Чувство привязанности и уважения, которые я к ней питаю, делает меня лучше и возрождает во мне веру в силу моих чувств. Привязанность к членам моей собственной семьи подвергалась во мне тяжелым испытаниям; к ним примешивается столько раздражения, скорби и разочарований, что они меня только мучат, а сердцу ничего не дают. У меня большая потребность уважать и благоговейно почитать тех, кого люблю, а в своих близких я вижу только, о чем скорбеть или что извинять. В них я не нахожу ни нравственной силы, ни чувства долга, ни принципов, ни воли, никакой твердой и прочной опоры, ни покоя, ни ясности духа. То, что я люблю в великой княгине, — это ее твердость, ее спокойствие и доброжелательство; она так чувствует себя на месте, она так умеет держаться намеченного пути, настроение у нее такое ровное и приятное. Встречи с семьей меня расстраивают и мучат, а ее присутствие действует мне на душу, как бальзам.

24 мая.

Великий князь уехал в военные поселения на четыре дня. Мы гуляли сегодня вечером с великой княгиней и

пили у нее чай. Мы говорили о Москве, о ее чудных церквях, о прошедших временах царей и цариц. Великая княгиня много всем этим занималась, она рассказала нам очень много любопытных подробностей, которые в ее устах приобрели особенную поэтическую прелесть. Мы сумерничали так часов до одиннадцати, не зажигая огней...

25 мая.

Сегодня вечером мне необычайно живо вспомнились деревня, леса, поля, печальный простор русской степи и русского горизонта. Я испытала, живя в деревне, очень счастливые минуты, когда блуждала одна по этим пустынным местам. Испытываешь не восхищение, не жизнерадостность при созерцании этой природы, а какое-то смутное чувство печали и религиозной сосредоточенности, чувствуешь близость Бога, но в то же время что-то тягостное ложится на сердце. Идеалом счастья была бы жизнь в деревне с существами любящими и простыми. Но надо при этом, чтобы сердце было покойно, а мысль ясна; если же вносить в эту жизнь сплин и неуравновешенность ума и сердца, которыми страдает наша семья, то она мало может дать радостей. Я люблю вспоминать только минуты своего одиночества в Овстуге, но не могу примириться с воспоминаниями о всех сценах и приступах дурного настроения, которые я видела и сама разделяла. Я так люблю мир и тишину, мне кажется, что среди них успокаиваются натянутые струны моей души. Никогда я не жила в такой атмосфере покоя, как теперь. Поэтому, очень живо ощущая иногда отсутствие семейных привязанностей и разлуку со своими, я не могу не наслаждаться всей душой этим покоем, хотя и упрекаю себя в эгоизме. Как будто сердце, измученное мелкими уколами, страдает от каждого прикосновения и счастливо остаться в покое.

12 июля. Петергоф.

Я поистине удивляюсь, что были люди, которые когда-либо писали воспоминания о дворе. Вероятно, я одарена очень слабой долей наблюдательности, но вот шесть месяцев, как я при дворе, и ничего выдающегося я не

заметила. Наряды, наряды и еще наряды. Это предмет, конечно, очень богатый и разнообразный, но книга, посвященная подобной теме, вышла бы, по правде сказать, очень скучной. Мне хотелось бы самой себе отдать отчет в своих впечатлениях, я тщетно роюсь в своем мозгу, но ни одного впечатления не нахожу.

Вот, например, вчерашний день был чрезвычайно суетлив: справлялись именины великой княгини Ольги Николаевны. С утра нас предупредили, что во дворце обедни не будет, но что нас приглашают присутствовать на молебне в церкви в Александрии¹. Кстати сказать, я была скверно одета. После молебна, на котором присутствовала вся августейшая семья, отправились завтракать в коттедж. Были чудные цветы и очень хорошие фрукты. Кушали вкусно, но почти ничего не говорили, по крайней мере, ничего интересного. Александра Долгорукая и я пошли к цесаревне; мы не пропускаем случая повидать ее; можно сказать, что мы придерживаемся самой утонченной вежливости. Я так люблю видеть ее. Правда, не будь она великой княгиней, я бы любила ее по-настоящему, теперь же я стараюсь поддерживать в себе почтительное безразличие. Вот в чем фальшь нашего положения. Мы живем в неестественной близости с лицами, стоящими неизмеримо выше нас, мы их видим постоянно, видим исключительно их и совершенно невольно отождествляем себя с ними, тогда как они могут интересоваться нами, только поскольку мы соприкасаемся с ними, и остаются и должны оставаться по отношению к нам равнодушными и более или менее чуждыми. Это и делает придворную жизнь такой пустой для тех, кто не погружен исключительно в суетность; ищешь интереса сердечного или умственного и не находишь ничего, что бы удовлетворяло.

16 июля.

Со вчерашнего вечера мы опять в Красном. Я так люблю это место. Здесь мне кажется, что я дома в деревне, живу совсем запросто. Сад здесь огромный, с маленькими аллеями, извивающимися среди лужаек, засаженных

---

¹ Нескучный дворец.

плодовыми деревьями и кустами. Это напоминает мне сады, в которых я играла в детстве, сад в Овстуге, и уносит меня в далекое прошлое, дает мне покой и сосредоточенность. Покой и сосредоточенность — вот что мне нужно в моей жизни, пустой и беспокойной. Мне кажется, что неделя полного уединения, с возможностью совершенно уйти в себя, принесла бы мне огромную пользу...

2 августа.

Вчера был обряд водосвятия. Обставлено чрезвычайно торжественно. По этому случаю, как по всем вообще выдающимся и парадным случаям, мы выставляем на показ наши плечи, более или менее желтые и более или менее худые. Нет ничего безобразней и печальней женщины в бальном платье при дневном свете: это истина, вышедшая со дна колодца. И нас смеют обвинять в кокетстве, когда мы так откровенно обнаруживаем на виду у всех свои несовершенства. Ну, не права ли я, когда говорю, что все мои придворные впечатления сводятся к слову — туалет? И действительно, как только я попадаю в это море движущихся лиц, цветов, драгоценных камней, газа, кисеи и кружев, я сама превращаюсь в тряпку, становлюсь куклой, наряженной в платье и прическу. Мною овладевает чувство совершеннейшей пустоты. По возвращении мне кажется, что я проснулась после случайного сна.

Вчерашняя церемония отличалась большою торжественностью. Духовенство, за которым следовала вся императорская семья и весь двор, спустилось в сад, наполненный военными. В момент освящения воды раздались пушечные залпы; святой водой окропили знамена. Вслед за водосвятием состоялся парад, затем завтрак. Мы наряжаемся для Господа Бога, устраиваем парады для Господа Бога, кушаем для Господа Бога, а в остальном обращаемся с ним, как с хозяевами дома, которые дают бал. К ним приезжают, но о них не думают, и даже считается признаком хорошего тона не замечать их и не здороваться с ними. Я обедала за маршальским столом и вечер провела у великой княгини с Александрой Долгорукой. Я делала большие усилия, чтобы разговаривать, ибо

иногда во время этих вечеров нами овладевает дух безмолвия, и тогда положение становится тяжким. Но эти разговоры по заказу тоже тяжелы и глупы.

Как странно мы все устроены! Великая княгиня — женщина очаровательная, добрая, симпатичная, простая, рассудительная, полная ума и здравого смысла, я люблю ее от всей души, и если бы мне пришлось с ней встретиться на равной ноге, я бы разговаривала с ней совершенно естественно и просто и, вероятно, понравилась бы ей. А теперь совсем не то: мне всегда приходится делать усилие, чтобы говорить при ней, и в том, что я говорю, нет никакой непосредственности. Я совершенно не могу раскрыться ей. От этого у меня такое чувство, что ей со мной смертельно скучно, и от этого я еще больше падаю духом. Мы рано вернулись домой. Я села у окна. Ночь была темная, небо сверкало звездами, ветер шумел в листьях соседних деревьев. Передо мной был тот же двор, тот же деревянный забор, те же дома, тот же прозаический вид, что и днем, но теперь он совершенно преобразился и ночь придавала ему поэтическую и таинственную прелесть. Ночь — то же, что смерть: она все идеализирует. «Ничто так не красит, как смерть» (*The greatest beautifier is death*). Как материальный мир раскрывается перед светом, так мир духовный раскрывается перед ночью. Сколько мыслей, сколько чувств, сколько вдохновений, а прежде всего, сколько воспоминаний ждут только безмолвия и уединения ночи, чтобы проснуться! О, как понятно становится в эти минуты, что душа во всей своей интенсивности будет жить только тогда, когда для нее исчезнет весь чувственный мир.

29 сентября.

Со времени возвращения двора в Царское все здесь очень заняты вертящимися и пишущими столами. С ними производится множество опытов даже на вечерах у императрицы. Адъютант Кушелев очень увлечен этим занятием, он видит в нем новое откровение Святого Духа. Факт тот, что столы вертятся и что они пишут; утверждают даже, что они отвечают на мысленно поставленные им вопросы. Не подлежит, однако, сомнению, что получае-

мые ответы неопределенны и банальны: как будто духи, прибегающие к этому странному способу общения с людьми, боятся скомпрометировать себя, сказав что-нибудь такое, что вышло бы за пределы самого банального общего места. Столы, предназначенные к тому, чтобы служить средством общения с духом, имеют доски величиной не больше дна тарелки, сердцевидной формы и стоят на трех ножках, из которых одна снабжена карандашом. Эта игрушка неизбежно поддается малейшему нажиму со стороны руки, якобы магнетизирующей стол, и легко проводит знаки на бумаге, которая принимает сообщения духов. Отсюда один шаг до невинного обмана, который невольно создается в уме увлеченного магнетизера, и эту черту очень трудно не переступить тому, кто убежден, что находится под влиянием духов. Человека странным образом тянет ко всему сверхъестественному, и он необычайно легко обманывает себя самым честным образом, — вот чем объясняется широкое влияние Калиостров всех времен, и это же создает огромный успех пишущих столов. Конечно, существуют явления необъяснимые и чудесные, но вокруг этих очень редких явлений группируются тысячи опытов, основанных не столько на обмане, сколько на самообмане. Тем не менее я твердо верю в сверхъестественное, но именно поэтому я не могу допустить, чтобы сверхчувственный мир стал в зависимость от нашего воображения и нашей воли, чтобы люди делали из него салонную забаву, какую-то игру в прятки. Когда этот сверхчувственный мир вступает в общение с душой человека, инициатива этого общения исходит от силы, стоящей вне души и выше ее, сама же душа остается пассивной при этом общении, ключа к пониманию которого у нее нет. Это твердое мое убеждение. Поэтому весь вздор вертящихся столов занимает меня как игра, но я не могу к нему относиться серьезно, как Кушелев и некоторые другие лица, приглашаемые на вечера к императрице¹...

---

¹ Об увлечении столоверчением в 1853 г. см. письмо митрополита Филарета и письмо А.С.Стурдзы от 23 октября 1853 г. («Русский Архив», 1892, №8).

4 октября.

Судя по последним известиям из Константинополя, война неминуемо должна разразиться. 14/26 сентября (день Воздвижения креста, празднуемый нашей церковью) состоялось заседание Дивана, по настоянию которого султан обязался отклонить Венскую ноту и объявить, что если княжества не будут очищены русскими войсками в течение семи дней, то будет объявлена война. Знамя Магомета было водружено в мечети, что сразу разожгло фанатизм всего магометанского населения. Итак, предстоит война, несмотря на все человеческие усилия предотвратить ее, несмотря на официальное вмешательство западных держав в наши дела, несмотря, наконец, на умеренность имп. Николая, — война в осуществление того предсказания, которое предвещает на 54-й год освобождение Константинополя и восстановление храма св. Софии. Возгорится страшная борьба, гигантские и противоречивые силы вступят между собой в столкновение: Восток и Запад, мир Славянский и мир Латинский, православная церковь в борьбе не только с исламом, но и с прочими христианскими исповеданиями, которые, становясь на сторону религии Магомета, тем самым изменяют собственному жизненному принципу. Ум, пораженный ужасом, с тоской спрашивает себя, каков будет исход этой борьбы между двумя мирами. Сомнения нет, мы, Россия, на стороне правды и идеала: Россия сражается не за материальные выгоды и человеческие интересы, а за вечные идеи. Потому невозможно, чтобы она была побеждена, она должна, в конце концов, восторжествовать. Как справится она тогда с тем великим наследием, которое ей выпадет на долю, окажется ли она на высоте своей великой исторической судьбы или отступит перед разрешением задачи, равной которой еще не было в истории? При одной мысли об этом кружится голова. Неужели, как постоянно и в прозе и в стихах повторяет мой отец, неужели правда, что Россия призвана воплотить великую идею всемирной христианской монархии, о которой мечтали Карл Великий, Карл Пятый, Наполеон, но которая всегда рассеивалась, как дым, перед волей отдельных личностей? Неужели России, та-

кой могущественной в своем христианском смирении, суждено осуществить эту великую задачу?

Н.В. Мне было 24 года, когда я писала эти строки, и я была дочерью поэта, вдохновленного историческими судьбами России.

5 октября.

Родилась маленькая великая княжна. Княгиня Салтыкова зашла ко мне около 3 часов, очень взволнованная, и объявила, что у цесаревны родилась дочь. Эта маленькая девочка — большая радость в императорской семье, ее очень ждали и желали, так как после великой княжны Лины¹, которая не дожила до семи лет, у цесаревны были только сыновья. Этой новой пришелице предназначили имя Веры, но старая кн. Горчакова написала императрице, что она видела сон, будто у цесаревны родится дочь, если она обещает назвать ее Марией. Итак, назовут ее Марией...

6 октября.

Вечер у императрицы. Опять вертящиеся столы. Сестра моя написала про свой стол довольно забавное трехстишие:

*Table ne daigne,
Esprit ne puis,
Mensonge je suis².*

Это все, что можно о них сказать при некотором остроумии, но по поводу этих столов люди обнаруживают глупейшее легкоеверие и еще более глупую склонность к мелкому обману, которые приводят к самым печальным размышлениям о природе человеческой.

¹ Великая княжна Александра.

² *Столom быть не хочу,
Духом быть не могу,
Я — обман.*

Перифраз известного мотто сира де Куси:

*Marquis ne daigne,
Roi ne puis,
Je suis le sire de Coucy.*

(Маркизом быть не хочу, королем быть не могу, я сир де Куси.)

22 октября.

Большой парад гвардии в Петербурге. Войскам будет прочитан манифест по поводу объявления войны. Итак, война, несмотря на все усилия предотвратить ее! Император Николай имеет вид очень озабоченный, а наследник чрезвычайно грустен. По-видимому, мы не уверены в себе, опасаемся неудач, не чувствуем себя достаточно подготовленными. Но неудачи пробудят национальный энтузиазм, который еще дремлет, а когда вся Россия поднимется, она, в конце концов, восторжествует, как всегда. Молодежь с восторгом идет на бой. Великие князья Михаил и Николай в совершенном восторге. Молодой князь Орлов, которого я очень много видела эти дни на вечерах у императрицы, в полном одушевлении. С оживленным и одухотворенным лицом, с блестящими и выразительными глазами, он выглядит настоящим «héros en herbe». У меня с ним завязался одно время маленький флирт, придававший известную прелесть этим придворным вечерам, всегда таким скучным.

25 октября.

Сегодня состоялось крещение великой княжны Марии Александровны. Все было обставлено с величайшей помпой и торжественностью. На императрице был трен, осыпанный бриллиантами и драгоценными камнями. Августейшего младенца, покрытого императорской мантией из сукна, отороченного горностаем, держала на руках княгиня Салтыкова. Восприемниками были император Николай и великая княгиня Мария Николаевна. Служба была чудная. Великолепный хор пел *sotto voce* для того, чтобы сильные голоса не испугали ребенка. Пение тихое и заглушенное, как отдаленная мелодия, наполняло душу умилением грустным и торжественным¹. В этих напо-

---

¹ Любопытно сравнить это описание крестин Марии Александровны с тем, которое, со свойственным ему сочетанием изящного юмора с художественностью и тонкостью впечатлений, сделал Ф. И. Тютчев в своем письме к жене от 22 окт. 1853 г. «Приятно, — пишет он между прочим, — молитв пение *sotto voce*; эта заглушенная гармония — как бы приспособленная к слабости новорожденного ребенка, эта сурдина, наложенная на прекрасные и богатые голоса императорской капеллы, все это действительно производит сильное впечатление».

вину светских, наполовину религиозных придворных торжествах есть какая-то странная смесь божественного и мирского. Совершаются самые священные церковные таинства, и нужно сказать, что члены царской семьи всегда присутствуют на них с видом глубочайшего благоговения, многие из них молятся с искренним благочестием, и все строго соблюдают приличие, внушаемое святостью места. Нельзя того же сказать о придворных: из них каждый, по-видимому, чувствует себя скорей в театре, нежели в церкви, и многие прекрасные люди, которые наедине усердно молятся Богу, в дворцовой церкви считают себя совершенно свободными от всяких обязательств по отношению к нему. Для всех них церковь является как бы местом светских собраний; считается совершенно ненужным ни молиться, ни даже держать себя прилично. Болтают, шепчутся, смеются. Иногда, когда разговор становится слишком громким, император Николай поворачивает голову и обводит взором Юпитера-громовержца эту стрекочущую толпу. Мгновенно наступает тишина, но не надолго, и очень скоро разговоры возобновляются. Церемония продолжалась очень долго, так как обедне предшествовал еще молебен, сопровождаемый залпами из пушек. Когда я пошла поздравить цесаревну, она показала мне великолепные украшения из драгоценных камней, которые ей подарили государь, государыня и наследник-цесаревич: диадему из рубиновых звезд с расходящимися бриллиантовыми лучами и такую же парюру на корсаж. Цесаревна подарила мне красивую брошку из жемчугов с бриллиантами.

28 октября.

В дворцовой церкви служили молебен по случаю начала войны. При выходе из церкви государь обратился с речью к офицерам, присутствовавшим на церковной службе. Он сказал им, что гвардия пока не вступит в дело, но что, если обстоятельства этого потребуют, он сам поведет ее и уверен, что она покажет себя достойной этой чести. Наследник подошел к государю и произнес сакраментальное: «Рады стараться», которое офицеры повторили хором. Государь обнял его. В этой малень-

кой сцене не чувствовалось ни малейшего одушевления или увлечения. Восточный вопрос — вопрос совершенно отвлеченный для ума петербургского и особенно для ума «гвардейского». Этот бедный ум, крылья которого постоянно обрезались, перед ним никогда не открывалось других горизонтов, кроме Марсового поля и Красносельского лагеря, не вырисовывалось других идеалов, кроме парадов и фойе оперы или французского театра. Как может ум, воспитанный на такой тощей пище, возвыситься до понимания крупных социальных и политических замыслов или воодушевиться идеей освобождения славянских народов и торжества православия? Нужно основательно растрясти наше общество, перевернуть его вверх дном, прежде чем идеи такого порядка смогут проникнуть в тупые мозги петербургских гвардейцев. Двор завтра переезжает в Гатчину. У императрицы вчера был вечер, бесцветный и скучный, как всегда. Сегодня вечером возобновляются наши вечера в маленьком составе у цесаревны с чтением «Дон-Кихота», который нас так забавляет. Я в прекрасном настроении духа.

14 ноября.

Отец провел у меня вчерашний день. Он с головой увлечен столами, не только вертящимися, но и пророческими. Его медиум находится в общении с душой Константина Черкасского, которая поселилась в столе после того, как, проведя жизнь далеко не правоверно и благочестиво, ушла из этой жизни не совсем законным образом (утверждают, что он отравился). Теперь эта душа, став православной и патриотичной, проповедует крестовый поход и предвещает торжество славянской идеи. Странно то, что дух этого стола, как две капли воды, похож на дух моего отца: та же политическая точка зрения, та же игра воображения, тот же слог. Этот стол очень остроумный, очень вдохновенный, но его правдивость и искренность возбуждают во мне некоторые сомнения. Мы часами говорили об этом столе, отец страшно рассердился на меня за мой скептицизм, и хотя я отстояла независимость своего мнения, однако душа моя была очень смущена, и я поспешила отправиться к великой

княгине, чтобы восстановить нравственное равновесие своих чувств и мыслей. Какая разница между натурой моего отца, его умом, таким пламенным, таким блестящим, таким острым, парящим так смело в сферах мысли и особенно воображения, но беспокойным, не твердым в области религиозных убеждений и нравственных принципов, и натурой великой княгини, с умом совершенно другого рода, глубоко коренящимся в «единственном на потребу»! Какой душевный мир я испытываю, когда после этих столкновений с отцом я нахожусь опять с ней, какое успокоение нахожу при соприкосновении с этой душой, чистой и прямой, с этим умом, рассудительным и трезвым! Для нее религия не есть игра воображения, это сосредоточенная и серьезная работа всего ее внутреннего существа.

15 ноября

Наследник-цесаревич говорил сегодня на вечере у цесаревны, что утром получена из Вены телеграмма с известием, что турки соглашаются вступить в переговоры. Он имел вид озабоченный и добавил: «Вести переговоры, но на каких началах? Все равно все придется начинать сызнова». — «Надо бы предложить туркам переехать», — заметила я. «Вот это хорошо, — сказал, смеясь, великий князь, — этим я был бы очень доволен». Во время чая наследнику-цесаревичу подали телеграмму от государя. Он прочел ее, и лицо его прояснилось. «Английские и французские флоты вошли в Черное море, — сказал он, — тем лучше, это делает войну, неизбежной». Эти слова в его устах знаменательны. Великий князь слишком привык к сдержанности, чтобы позволить себе высказать подобное мнение, если бы его не разделял государь. Весь вечер разговор шел о политике. Я спросила великого князя, почему мы не обращаемся с призывом к христианскому населению, находящемуся под игом магометан и ожидающему только одного слова России, чтобы восстать против своих угнетателей. Он мне ответил, что этого еще нельзя сделать, что, до тех пор пока наши войска не перешли через Дунай, невозможно организовать движение и что оно ни к чему не приведет. Этот

ответ успокоителен, так как в публике существует уверенность, что император Николай не хочет пользоваться помощью христианского населения Турции против султана, чтобы не поколебать принципа подчинения законной власти, которого он сам является первым защитником...

От великой княгини я поехала к графине Блудовой; она передала мне записку Александра Попова и записку Погодина все по тому же вопросу о войне, в смысле совершенной необходимости действовать открыто и смело, не рассчитывая на помощь Запада и не добиваясь ее. Мне поручено передать эти записки цесаревне.

16 ноября.

Я видела Рашель в драме «Полиевкт», немедленно после которой она декламировала языческую оду «Гораций и Лидия», чтобы показать все разнообразие своего таланта. Из театра я поехала к Софье Мещерской и застала у нее писателя И. С. Тургенева. Его разговор, блестящий и остроумный, недостаточно содержателен. Это набросок, отлично схватывающий контуры вещей, но не передающий ни красок, ни форм.

1854 год

1 января.

Наступил Новый год. Я встретила его с стесненным сердцем, ибо, как всегда, в нем кроется неведомое. Вечер под Новый год я провела у императрицы, где говорили о войне и шипали корпию для армии. В одиннадцать часов подали шампанское, поздравили друг друга, и императрица отпустила нас: так принято в царской семье, чтобы к двенадцати часам каждый удалялся к себе. М-ле де Грансе, Александра Долгорукая и я подождали цесаревну, когда она проходила, чтобы пожелать ей счастливового Нового года.

В день Нового года — обедня в парадных туалетах, принесение поздравлений, визиты. Вечером я сопровождала великую княгиню во Французский театр, где Ра-

шель была великолепно в роли m-me Тартюф. Я окончила вечер, как почти все свои вечера, в гостиной Екатерины Мещерской.

2 января.

Мы спустились к чаю к цесаревне. Великая княгиня Ольга (Николаевна)¹ дала ей знать, что она проводит вечер одна, и просила ее зайти к ней вместе с нами. У меня не было перчаток, цесаревна дала мне пару своих. У великой княгини Ольги были только ее фрейлина Эвелина Массенбах² и Анолита Виельгорская³. Мы занялись «гаданиями»⁴, давали петуху клевать овес, топили олово.

1 марта.

У императрицы читается курс русской истории неким профессором Арсеньевым. На лекциях присутствует цесаревна вместе со мной и Александрой Долгорукой. Это очень скучно и совершенно неинтересно благодаря бесцветной и тяжелой манере читать старого профессора. По окончании императрица удалилась на $\frac{1}{4}$ часа в свой кабинет, и когда она вышла оттуда, я слышала, как она сказала цесаревне, что хорошие известия из Пруссии подтверждаются и что Пруссия сохранит нейтралитет. Так мы еще должны быть благодарны за то, что эта Пруссия, которая обязана России самым своим существованием, не пользуется положением, в котором мы находимся, затравленные Европой, как медведь в берлоге, и не нападает нам в спину! Мы должны быть благодарны, что наши так называемые друзья не проявляют по отношению к нам величайшего предательства! Австрия прислала через Мейендорфа новый проект соглашения с Турцией все в том же духе и такой же неприемлемый. А за-

---

¹ Замужем за наследным принцем Вюртембергским; гостила в описываемое время в Петербурге; об отъезде ее в Штутгарт см. ниже.

² Ф.И. Тютчев характеризует m-me Массенбах в письме к жене от 12 июня 1858 г. как «приятную особу... французский лепет <которой> живо напомнил мне миленькие германские дворы».

³ Anolide Wielhorsky, фрейлина Анна Михайловна Виельгорская, которую в семье называли Анолитой.

⁴ В подлиннике слово «гадание» написано по-русски.

тем они нам скажут: «Мы сделали все, что от нас зависело, чтобы устроить ваши дела. Вы не захотели»... И нападут на нас.

У Антонины Блудовой были живые картины, в которых турки фигурировали во всех видах. Среди зрителей было два свирепого вида черногорца, которые завтра отправляются резать головы туркам, что, судя по их выражению, им более по нраву, чем живые картины Антонины Блудовой.

7 марта.

В французской прессе появилась глупая и дерзкая статья некоего Ле-Дюка, бывшего гувернером в Петербурге, в которой он подробно расписывает, что император Николай сошел с ума, что он потерял рассудок, потому что Сенат не поднес ему титула «Великого» в день 25-летия его царствования, как он того ожидал. Все это утверждается самым серьезным и уверенным тоном. Вот к чему ведет свобода печати в странах, стоящих во главе европейской цивилизации! Что касается нас, мы задыхаемся от противоположного зла, мы немые, мы молчим и безнаказанно позволяем себя оскорблять даже в том случае, когда на нашей стороне правда и здравый смысл. Отец показал мне письмо, присланное ему Александром Поповым, которое он хотел бы довести до сведения царевича. Попов доказывает необходимость издания политической газеты, которая могла бы выражать русскую национальную мысль, чтобы не приходилось для доказательства нашей правоты прибегать к заимствованию из немногих доброжелательных к нам статей, печатающихся в заграничных газетах, или же довольствоваться исключительно пером Лабенского, выставляющего нас в статьях, помещаемых им для нашего оправдания в *Journal de St. Petersburg*, бесконечно смиренными и униженными перед ее величеством Европой. Его меморандум и ответ на речь Джона Ресселя представляют из себя настоящее «*mea culpa*». В шутку говорят, что эти статьи очень хороши, но что покаянные псалмы еще лучше, что они выражают такие же смиренные чувства, но более отделаны по форме. Действительно, необходима газета, в

которой бы русская мысль могла находить себе выражение с известной свободой и противопоставлять свои доводы и свою правоту глупому и крикливому недоброжелательству, ежедневно изливаемому против нас европейской прессой. Но при существующем порядке вещей такая газета может существовать лишь при условии покровительства свыше, которое защитило бы ее от когтей цензуры. Поэтому отец хотел бы заинтересовать цесаревича вопросом о такой газете. Но Олсуфьев, человек разочарованный, во всяком деле видит только затруднения и осложнения, и в этом отношении он похож на всех здешних. Совершенно невероятно, до какой степени в этом придворном мире ни у кого не хватает инициативы и порыва, до какой степени каждый боится сделать шаг вперед, сказать что-либо утвердительно, словом, скомпрометировать себя...

Говорят, что мелкие германские княжества примкнули к политике Пруссии, а это заставит Австрию сидеть смирно. Ультрарусские этим недовольны: им бы хотелось, чтобы против нас выступила вся Европа: когда вино налито, надо пить до дна. А надо еще посмотреть, как мы из всего этого выпутаемся.

17 марта.

Говорят, что около Ревеля замечено английское судно, затертое льдами. Государь говорит, что если мы захватим его, он отошлет его обратно англичанам, так как не желает пользоваться нечестными приемами (*mauvais precedès*) нашего единственного союзника — скверного климата. Это, конечно, очень по-рыцарски, но я сомневаюсь, так ли поступили бы господа англичане.

18 марта.

Цесаревич нездоров; нас поэтому не позвали к вечернему чаю, и я поехала к Екатерине (Николаевне) Мещерской. Ее брат Андрей Карамзин утром уехал на Дунай. Бедная Софи была мрачна и подавлена. Вертящиеся столы, предсказавшие ей войну, сказали ей также, что Андрей не вернется. Остальная семья держится все на том же диапазоне горячего патриотизма. М-ме Калерджи была тут же, белая и улыбающаяся, и своим ритмич-

ным и мягким голосом произносила самые ужасающие политические ереси, заставлявшие бедную Екатерину Николаевну вскакивать от ярости. Мой отец, Михаил Голицын и Муханов обсуждали опубликованную английским правительством тайную переписку, имевшую место между ним и нашим правительством незадолго до войны. В то время оба правительства собирались делить шкуру медведя, не убив его, но, совершенно как в басне, им не удалось столкнуться между собой. Лорд Джон Рессель, которого в ответ на его дерзкую речь очень отделили в одной статье в *Journal de St. Petersburg*, с чисто британским хладнокровием нашел нужным опубликовать эту тайную переписку во всех подробностях. Император Николай будто бы предлагал Англии Египет и Кандию при условии, что Молдавия, Валахия, Сербия, Болгария и Черногория образуют самостоятельные княжества под протекторатом России. Англии это пришлось не по вкусу, и она выступила в защиту неприкосновенности Турецкой империи. Об этой переписке много кричат как в Германии, так и во Франции. Славяне тоже вряд ли будут особенно польщены тем, что их маленькие дела устраиваются помимо них самих, совместно с Англией. Между тем мой отец, увлеченный с головой Восточным вопросом, написал прекрасные стихи:

*И своды древние Софии
Вновь осенит Христов алтарь!
Пади пред ним, о царь России,
И встань, как всеславянский царь!*

Цензура смутилась, повергла это лирическое произведение на благоусмотрение императора, который собственноручно зачеркнул эту строфу и написал на полях: «Подобных фраз не допускать». Отец, в качестве цензора, контрсигновал эту резолюцию, но как примирить такую строгость с неуместной доверчивостью по отношению к Джону Ресселю?!

21 марта.

Вчера адъютант Мирбах приехал с Дуная и привез известие, что наши войска перешли через реку в трех

местах: в Тульче, Мачине и Галаце — и что потери не особенно велики. Сегодня утром во дворцовой церкви состоялся молебен по поводу этого первого успеха наших войск.

6/18 апреля.

Ходит слух, что 9 апреля нового стиля Австрия и Пруссия подписали протокол, в котором они гарантируют неприкосновенность Турецкой империи и проектируют союз четырех западных держав с целью заставить Россию вывести войска из княжеств. Австрия понемногу раскрывает свою двойную игру мнимого приятеля, но что другое можно было от нее ожидать? Вадим Блудов приехал из Вены. Он говорит, что там свирепствует антирусское озлобление. Эрцгерцогиня София без всякого стеснения провозглашает в императорских салонах во всеуслышание, что Россия ослаблена, что она напугана, что стоит только немного надавить, и она пойдет на все уступки. Вот какова эта Австрия, ради спасения которой император Николай несколько лет тому назад бросился в непопулярную войну и которая при первом внутреннем осложнении может быть опять спасена только вмешательством России! Тем не менее слепая и роковая злоба, которую она к нам питает, сильнее в ней чувства самосохранения.

Мой отец находится в состоянии крайнего возбуждения, он весь погружен в предсказания своего стола, который по поводу восточного вопроса и возникающей войны делает множество откровений, как две капли воды похожих на собственные мысли моего отца. Стол говорит, что восточный вопрос будет тянуться 43 года, что он разрешится только в 1897 г., когда потомок теперешнего императора вступит на константинопольский престол под именем Михаила I. Он говорит, что русские дойдут до Константинополя и там глупейшим образом останутся. Австрия развалится и, как повешенный на дереве, будет задущена своей собственной политикой. Политика Англии изменится в конце восточного кризиса, и она вступит в союз с Россией. Наполеон III погибнет; после его смерти во Франции вспыхнет анархия и

красные на время возьмут верх, но скоро будут раздавлены. Я предоставляю моим племянникам проверить эти предсказания, которые, думаю, гораздо больше выражают политическую программу моего отца, чем продвижение стола...

18 апреля.

Получено известие о бомбардировке Одессы англичанами. Чтобы открыть огонь по городу, они выбрали Страстную пятницу и тот самый час, когда народ был в церкви. Бомбардировка продолжалась 12 часов; большинство наших батарей не могли действовать, так как английские суда, вооруженные гораздо более дальнобойными орудиями, держались настолько далеко от берега, что оставались вне сферы нашего огня. Единственная из наших батарей, огонь которой производил действие, под командой некоего Щеголева повредила три английских суда, которые и были уведены на буксире. Английская граната разорвалась около собора в то самое время, когда шел крестный ход с плащаницей во главе с преосв. Иннокентием. Епископ без малейшего волнения обратился в сторону неприятельского флота и провозгласил анафему тем, которые не побоялись кощунственно нарушить священный обряд. Народ был наэлектризован, никто не бежал и не пытался лечь на землю, все с полным спокойствием и благоговением достояли до конца службы. Город вообще держался геройски.

20 апреля.

Мы читали сегодня вечером у цесаревны интересную статью одного американца, который отдает должное императору Николаю и России; он говорит, что одиночество России в настоящей войне для нас лучший залог славы и величия. Вообще весь тон американской прессы по отношению к нам представляет полный контраст к той брани и лжи, которые изливает на нас европейская пресса...

21 апреля.

Мне сегодня минуло 25 лет. Я была у обедни в дворцовой церкви, где происходила заупокойная служба по до-

чери императора Николая, Александре, умершей после года брака с герцогом Гессен-Кассельским, и по дочери цесаревича, также носившей имя Александры и умершей семи лет от последствий кори. Это был первый ребенок от брака цесаревича и цесаревны, и цесаревич исключительно любил ее; она также страстно была к нему привязана, так что, будучи еще совсем маленькой, горько плакала, когда отец ее бывал в отсутствии. Цесаревна говорила мне, что никогда великий князь так не играл с другими детьми, как с этим ребенком; он был ее товарищем и постоянно носил ее на руках. Привязался он к ней так сильно потому, что ее рождение было некоторым разочарованием для остальных членов семьи, особенно для императора Николая, рассчитывавшего сразу иметь наследника престола и потому оставшегося недовольным рождением девочки. Доброе и нежное отцовское сердце чувствовало потребность вознаградить ребенка усиленной лаской за холодность, проявившуюся вначале к новорожденной, за которой, впрочем, через год явился и наследник.

Великая княгиня позвала меня утром к себе, чтобы поздравить. Она приготовила мне целый стол с подарками, напомнивший мне мои детские именинные столы. Великий князь также поздравил меня и подарил мне литографированный портрет императора Николая. Я не могу сказать, как я тронута и удивлена таким баловством и вниманием...

4 мая.

Сегодня великая княгиня Ольга Николаевна уехала в Штутгарт. Она простилась с нами после молебна. Она была грустна и очень плакала...

6 мая.

Получено известие, что английское судно «Тигр» захвачено нашими сухопутными войсками. Производя разведку вдоль наших берегов и подвигаясь среди сильного тумана, они село на мель у самого берега. Немедленно было послано туда несколько полков из нашего военного поселения Люстдорфа, другие войска были вызваны

из Одессы. «Тигр» был подвергнут обстрелу; его борта были пробиты несколькими удачными орудийными выстрелами, и он принужден был сдаться. Явившийся для переговоров с начальником войск парламентар от ярости до крови искусал себе кулак. Командиру «Тигра» оторвало ногу. 25 офицеров и 300 солдат должны были сдаться, и мы взяли 16 пушек большого калибра. Что касается корабля, то пришлось его взорвать, так как английские суда шли ему на выручку. Остался один его остов. Этот военный подвиг не столь славен, сколько забавен: британское судно попало на удочку, как карп.

26 мая.

Мачеха уехала и увезла с собой Дарью, и теперь я одна в моей скверненькой квартирке в петергофском Готическом домике. Погода холодная, серая и сырая, как обычно здесь бывает. Я ненавижу пребывание в Петергофе. Сквозь великолепную декорацию, создавшую здесь ценой огромных расходов совершенно искусственную природу, чувствуется болото, которое всюду выдает себя тоскливым туманом и сыростью, пронизывающей вас до костей. Здешний образ жизни полон беспокойства, но лишен настоящего оживления. Императрица проводит все свои дни и вечера в перекочевках из Греческого павильона на Итальянскую веранду, из Швейцарского шале в русскую избу, с Голландской мельницы в Китайский киоск; вся царская семья и весь двор вечно в движении и носятся за ней по этим увеселительным местам. Никогда мы не знаем, где будем обедать или где будем пить чай; вечно нужно быть начеку, в полном туалете, не вынося из этих вынужденных прогулок ничего, кроме крайнего утомления и отупения. Я особенно жалею о наших тихих вечерах и чтениях у великой княгини. Здесь нам почти никогда не удастся ее видеть, так как и ей приходится следовать установленному порядку жизни.

По приезде сюда сегодня я поспешила к великой княгине. Четыре дня я ее не видела¹, и они показались мне целой вечностью. Она провела вечер в Островском у им-

---

¹ Великая княгиня уезжала на богомолье в Москву.

ператрицы. М-ле Грансе и Александра Долгорукая тоже были там, а я оставалась одна среди своей готики.

3 июня. Петергоф.

Я провела очень печальные дни. 1 июня пришло известие, что Андрей Карамзин убит. Ему было поручено произвести разведку, и он неосторожно продвинулся за реку в болотистую местность; с ним было 1800 человек и 4 пушки. Неожиданно его окружил отряд в 3000 башибузуков под командой какого-то поляка. Несчастный Андрей защищался отчаянно, он и несколько офицеров были изрублены саблями у своих пушек, доставшихся затем врагам. Много людей погибло, остальные должны были искать спасения в бегстве. Тело Андрея не было найдено. Все ужасно в этой смерти, которая даже не искупается славой. Андрея Карамзина обвиняют в неосторожности, и пушки, попавшие в руки врагов, первые потерянные нами во время этой войны. К тому же очень много народа убито в этом деле, которое не принесло никакой пользы¹.

Было страшно тяжело сообщить об этой смерти семье. Особенно Авроре (Карловне), жене Андрея, страстно любившей своего мужа; однако приходилось спешить, чтобы семья не узнала о его смерти из бюллетеня, который должен был появиться в газетах на другое утро. Вел. княгиня Мария Николаевна послала Александру Толстую в город, чтобы сообщить семье об ужасном несчастье, постигшем ее. Когда она приехала, никого не было дома. Они стали возвращаться около десяти часов вечера одна за другой, веселые, без малейшего беспокойства, и бедная Александра должна была им нанести этот неожиданный удар. Отчаяние вдовы раздирает душу; Лиза Карам-

---

¹ Смерть Андрея Николаевича Карамзина произошла 16 мая 1854 г. близ Ольтеница. См. о ней у Барсукова «Жизнь и труды М.Н. Погодина». Т. XIII, стр. 74—77, где приведены отзывы современников об этом событии, сильно потрясшем высшее общество, к которому принадлежал Андрей Николаевич, и статью Черняева в «Русском архиве», 1906. О смерти А.Н. Карамзина пишет Ф.И. Тютчев жене в письме от 9 июня 1854 г. и далее о предстоящих похоронах его в письме от 17 июня.

зина много плачет, но она страдает больше от горя Авроры (Карловны), чем от собственного. Что касается несчастной Софи, то она с самого отъезда Андрея охвачена мрачной и молчаливой меланхолией, которую приписали нервному расстройству, вызванному непрерывными занятиями с вертящимися столами; известие о смерти Андрея она приняла, не проронив ни одной слезы, но состояние ее умственной прострации еще ухудшилось. Она непрерывно повторяет: «Я это знала, это было предсказано, и мы все погибнем». Она ходит большими шагами по комнате, не садится ни для еды, ни для отдыха, не спит, и по ее взгляду, движениям и по тем редким словам, которые она произносит, можно судить, что безумие понемногу овладевает ее бедной головой, 2-го утром я поехала к сестрам Карамзиным, провела с ними день и ночь, но мне не удалось успокоить Софи. Заезжала также великая княгиня Мария Николаевна с изъявлением самого горячего участия к этой семье, столь тяжело потрясенной горем. Видя, в каком состоянии Софи, она решила увезти ее к себе в Сергиевку в надежде, что деревенская тишина, хороший воздух, перемена места, удаление от окружающих ее сцен отчаяния действуют на нее успокоительно. Но ей стоило невероятных трудов убедить Софи уехать, а после ночи, проведенной в Сергиевке, где великая княгиня окружила ее лаской и заботой, нервное ее возбуждение приняло такие размеры, она с такими криками требовала возвращения в город, что невозможно было ее удерживать, и пришлось отвезти ее обратно в Петербург.

Я совершенно потрясена, растеряна, вся дрожу от этих сцен отчаяния, при которых пришлось присутствовать за эти два долгих дня. Ах, сколько нужно иметь силы духа и великодушия, чтобы не падать духом перед лицом большого горя, чтобы не бежать от него и уметь в нем поддержать, утешить! Я восхищалась в этом отношении великой княгиней Марией Николаевной, которая с такой горячностью и такой сердечностью утешала бедных Карамзиных, плакала вместе с ними и разделяла их горе. Если можно упрекнуть ее в легкомыслии, то как искупает она эту вину отзывчивостью и горячностью своего сердца!

8 июня.

Цесаревич и цесаревна ездили в Кронштадт для осмотра фортов, которые укрепляются ввиду приближения английского и французского флотов. Маленькие великие князья сопровождали своих родителей; великая княгиня Мария Николаевна тоже присоединилась к ним. День был чудный. И небо и море были проникнуты теплым голубым светом, в противоположность серой и туманной мгле, которой они обыкновенно окутаны в нашем печальном и суровом климате. Кронштадтский рейд имел праздничный вид; красивые линейные суда покачивались на якоре, но в порту не было ни одного торгового судна: англичане всех распугали. Мы спустились в Павловский рavelин, самый передний со стороны моря, прошли по всем укреплениям, спустились в казематы. Один из них служит церковью: с удивлением видишь престол, иконы, Евангелие между двумя пушками — символы мира, любви и молитвы среди орудий разрушения и смерти. Рядом находятся казематы, предназначенные для размещения раненых. Сердце сжимается при виде убогих кроватей, скученных в тесном пространстве, где не хватает ни света, ни воздуха, при мысли, что в этих мрачных подземельях, в которых человек живой и здоровый и то чувствует себя совершенно угнетенным, многим несчастным мученикам предстоит в страшных мучениях пройти через последнюю борьбу. Эти впечатления плохо примиряют с войной, и тем не менее минуту спустя, когда мы поднялись на бруствер крепости, когда забили тревогу и солдаты с большим воодушевлением бросились в ложную атаку, я поняла, что в момент боя возможно воодушевление и полное забвение опасности и страданий. После этих военных развлечений мы вернулись на яхту. Цесаревич, со своим прекрасным и добрым лицом, и рядом с ним цесаревна, такая элегантная, изящная, грациозная, окруженная своими красивыми детьми составляли прелестную группу. У подножия форта солдаты в грубых серых шинелях, загорелые и худые, составляли другую группу, совершенно иного рода. Когда цесаревич простился с ними, они провожали его продолжительными криками «ура». Никогда я еще не видала в таком близком

сопоставлении крайности, созданные различием общественных положений, как в этой семейной группе, окруженной всем обаянием, какое может дать положение, власть, богатство и дары природы, и в толпе этих солдат, вся жизнь которых лишь безвестный труд и которые завтра, может быть, умрут такой же безвестной смертью без единой жалобы, даже без сожаления о жизни...

10 июня.

Погода чудная. Мы часто по вечерам катаемся на лодке в заливе с цесаревичем и цесаревной. Вел. кн. Мария Николаевна обыкновенно участвует в этих прогулках. Говорят, что английский флот совсем близко, но наша жизнь от этого совершенно не изменилась. Все те же маленькие удовольствия, те же мелкие заботы, мелкие кокетства и мелкие сплетни, без малейшей мысли о надвигающихся впереди великих событиях.

14 июня.

Сегодня неприятельский флот появился перед Кронштадтом: сначала 18, потом 20 судов. В шесть часов вечера цесаревна вызвала нас на ферму для прогулки в коляске. Хотели поехать посмотреть на врагов. Цесаревич и цесаревна сели в английский шарабан со своими четырьмя сыновьями. Даже маленький Алексей, которому всего четыре года, был тут же, очень возбужденный в ожидании англичан. Нас было несколько приглашенных: М-ше де Грансе, Александра Долгорукая, граф Александр Адлерберг, адъютант Слепцов, командир конной гвардии Карл Ламберт, а когда мы проезжали через Сергиевку, к нам присоединилась вел. кн. Мария Николаевна со своими фрейлинами. Первая остановка была в Ораниенбауме, где на балконе дворца вел. кн. Елены Павловны была установлена целая батарея телескопов и подзорных труб, чтобы разглядывать неприятеля. Но солнце блистало ослепительно, а горизонт был окутан светящимся туманом, который не позволял ничего различить. Иногда после больших усилий казалось, что глаз видит мачты, паруса, нос корабля, как бы выделяющиеся среди тумана. Тогда мы говорили себе, что нечто, смутно обрисовывающееся

вдали, в конце подзорной трубы, это и есть враг, что это и есть англичанин, и завтра, может быть, мы проснемся от звуков его пушечной пальбы.

В этом ощущении было что-то волнующее, все были охвачены возбуждением и нервной веселостью и поздравляли друг друга с англичанами. Подали чай. Императрица с молодыми великими князьями и дамами свиты, в свою очередь, приехали посмотреть на англичан. После чая было решено продолжить разведку до Бронной Горы¹, откуда открывается вид на открытое море. Вел. кн. Мария Николаевна посадила меня к себе на тильбюри. На некотором расстоянии от Ораниенбаума, там, где прекращается шоссе и где начинается настоящая русская деревня с проселочными дорогами, мы покинули свои изящные английские экипажи и пересели на телеги колонистов. В первый раз с тех пор, как я при дворе, вырвалась я из ограды парков с их искусственной природой и увидела настоящую деревню, ту русскую деревню, которая так мне дорога в своем величественном однообразии. Мы спускались по пологому склону, и перед нами раскрывался необозримый простор полей и лугов, окаймленных черной линией лесов, а за ними опять поля и луга и над всей этой широтой бесконечное небесное пространство. Здесь, на берегу Балтийского моря, разворачивались совершенно те же виды, как в Орловской губернии, на берегу Десны, в поместье моего отца. Как и там, что-то необъятное, неопределенное, смутное и бесконечное, тихое и величественное, печальное и спокойное, что составляет неизъяснимую прелесть русской деревни. Я смотрела, и сердце мое наполнялось воспоминаниями, сожалениями, надеждами и стремлениями, но англичане были ни при чем в моих ощущениях, я даже совершенно забыла про них и вспомнила о их существовании, только когда заметила, что на протяжении всего пути нам то и дело встречались кучки любопытных, которые все направлялись к морю посмотреть морское чудовище, поднявшееся из волн. Некоторые шли шумными группа-

---

¹ Бронная Гора находится к западу от Ораниенбаума, на ней построена башня.

ми, другие расположились веселыми компаниями на траве вокруг кипящего самовара. Вся эта публика имела вид очень веселый и не боялась, по-видимому, совсем неприятеля. С Бронной Горы мы увидели открытое море, на зеркальной поверхности которого можно было простым глазом очень отчетливо различить в лучах заходящего солнца неприятельские суда, покачивающиеся на якорях. Цесаревна села на большой камень и долго оставалась в созерцании моря и деревенского пейзажа, раскрывавшегося перед нашими глазами. Потом она неожиданно спросила меня: «Вы довольны?» Очевидно, это не относилось к англичанам, но она тоже в эту минуту наслаждалась возможностью дышать вольным воздухом деревни и созерцать эту природу, столь отличную в своей первобытной красоте от парков, в которых мы всегда заключены, как в изящной тюрьме. Она почувствовала, что в эту минуту наши чувства встретились, что впечатления наши были одинаковы, и она спросила меня, довольна ли я, потому что сама была довольна, невзирая ни на каких англичан, надменно парадировавших перед Кронштадтским рейдом.

Мы вернулись в Петергоф только в полночь, очень довольные нашим днем. Я, право, благодарна гг. англичанам за то, что они доставили нам такую прелестную прогулку. Если они не причинят нам другого зла, можно будет с ними вполне примириться.

20 июня.

Получено известие о победе, одержанной Андрониковым над турками. Дело довольно крупное: захвачено 13 пушек и 35 знамен¹. Это несомненно победа, но она ничего не кладет на чашу весов в нашу пользу, до такой степени плохи наши дела на Дунае. Пришлось снять осаду с Силистрии, Шильдер умер от ран, очаровательный граф Орлов-младший потерял глаз; наши войска отступают к Пруту. Вот результаты рыцарской и сантимен-

---

¹ Сражение при Чолоке. О нем Ф. И. Тютчев пишет 23 июня жене: «Не стану говорить тебе о последней нашей победе в Азии; что значит одна победа при настоящих обстоятельствах? Ах, дураки!»

тальной политики, исключавшей ясное и точное понимание отношений между державами. Бедный отец в отчаянии, ему выпала роль Кассандры этой войны. Своим ясным и тонким умом он предвидит все бедствия, которые являются последствием нашей глупости, и имеет огорчение видеть, как его предвидения сбываются.

24 июня.

Завтра день рождения государя. Никаких празднеств не будет. Государь проводит вечер в кругу семьи. Я провела вечер в Сергиевке у Александры Воейковой с ее сестрой Марией, фрейлиной вел. кн. Александры Иосифовны. Она рассказала нам про прекрасный поступок великого князя Константина. Правительство не соглашалось отпустить сумму в 200 000 р., нужную для постройки канонерских лодок, ссылаясь на недостаток денег. Великий князь дал эти 200 000 р., сказав, что все, что он имеет, по праву принадлежит России. Он хранит этот поступок в полной тайне. Об великом князе Константине рассказывают очень много хорошего, говорят, что он очень образован, энергичен и исполнен патриотизма. Мария рассказала мне, что в Венеции в свое время славяне и греки оказали ему восторженный прием. Он мог бы, может быть, осуществить в своем лице мечты Екатерины II относительно его дяди, но в наше время взгляды на внешнюю политику в высших сферах очень изменились, и сам государь говорит, что по отношению к Константинополю он подобен тому господину, который, примеряя слишком узкие панталоны, сказал: «Если я и влзу в них, то в них не останусь».

26 июня.

Отец принес мне сегодня несколько рукописей Погодина, московского профессора истории и выдающегося славянофила¹. В этих записках, посвященных нашей внеш-

---

¹ Речь идет о статье Погодина «Взгляд на русскую политику в нынешнем столетии», написанной в апреле 1854 г., и, может быть, о некоторых из его «политических писем», написанных весной и летом 1854 г. и ходивших по рукам в рукописях, в которых он тоже развивал свои мысли о задачах России во внешней политике.

ней политике с начала этого века, он доказывает простым изложением фактов и их последствий, до какой степени эта политика противоречила национальным интересам России. После двенадцатого года (1812) и успехов нашего оружия в Европе, после изгнания Наполеона с русской территории император Александр был совершенно ослеплен своей ролью спасителя, миротворца и благодетеля Европы. Он убедил себя, что особое призвание русского императора состоит в том, чтобы во всей Европе поддерживать божественное право государей против либеральных стремлений народов. Эта идея до такой степени овладела им, что он не захотел даже поддержать наших единоверцев-греков в их борьбе против божественного права султана. Император Николай с еще большим жаром усвоил себе эти идеи; он видит в русском самодержавии единственный принцип порядка и прочности, еще не поколебленный революционными идеями Европы, и считает себя поэтому обязанным служить интересам государей, находящимся в противоречии с либеральными стремлениями народов. Он сделался как бы опекуном государей и полицеймейстером народов. Но ни те, ни другие не были ему за то благодарны: одни потому, что чувствовали себя униженными покровительством, иногда становившимся для них игом, другие потому, что видели в России врага всякого прогресса и развития. При первом удобном случае и те, и другие протянули друг другу руку и вступили в союз против нас, что подтверждается современными событиями, когда мы видим против себя в трогательном единении всю Европу, даже честную Австрию, которая была бы так прекрасно расчленена во время Венгерской войны, если бы не усилия и кровь России, пролитая совершенно некстати. Мы дорого расплачиваемся сейчас за наше стремление служить полицией в Европе, и нас ненавидят, как вообще всегда ненавидят полицию.

О, если бы разразившийся кризис мог заставить Россию понять, что ее историческая роль совершенно иная, чем роль народов Запада, что жизненный двигатель у нее совершенно отличный и условия ее развития зависят от

будущего славянских народов, освобожденных от турецкого ига и всякого вообще иноземного ига, потому что эти народы — наши братья по крови и по вере и наши естественные союзники, тогда как всякий другой союз с западными державами основан лишь на преходящих интересах, и как только эти интересы удовлетворены, каждая из этих держав становится враждебной России в меру принятых от нее услуг! Европа инстинктивно понимает, что из современного кризиса должна выйти новая Россия и новый порядок вещей, который будет не на пользу Европы. Вот почему цивилизованная и гуманная Европа бросается, как бешеная, на Россию, чтоб покарать ее за стремление вырвать христианские народности из-под власти гнусного ислама. Положение очень ясно, но, к несчастью, его совершенно не понимают те, кто стоит во главе русского правительства. Государь, который бы понял его и стал действовать в соответствующем направлении без колебаний и компромиссов, был бы великим человеком и сделал бы из России первую державу в мире. Будет ли наследник таким государем? Он слепо предан идеям своего отца по страстной к нему привязанности.

Великая княгиня взяла погодинские брошюры, чтобы показать их великому князю. Правильность этих исторических оценок не может не произвести на него впечатления, особенно в связи с современными событиями, блестяще их подтверждающими. Он добр, благочестив, полон честных намерений. Бог, несомненно, просветит его относительно истинного блага России и церкви.

27 июня.

Я все еще не могу отдать себе отчета в характере моей товарки по службе Александры Долгорукой. Сначала она меня очень привлекала. В ее уме и даже во внешности есть что-то изящное и пленительное, вкрадчивое и вместе с тем гордое, ласковость сочетается в ней с страстью к остроумной и оригинальной насмешке. У нее бывают порывы безумного веселья, за которыми следуют моменты мрачного и угрюмого уныния, ряд противоположных

настроений, которые постоянно возбуждают по отношению к ней внимание и любопытство. Несомненно одно: она чрезвычайно скрытна и себе на уме. По отношению к цесаревне она проявляет страстное поклонение, считает ее своей благодетельницей за то, что она освободила ее из-под гнета матери, которая ее не любила и очень дурно с ней обращалась. Может быть, это дурное обращение, которому она подвергалась с детства, придало ей что-то лукавое и кошачье. Во всех ее движениях есть что-то похожее не столько на кошечку, сколько на красивого молодого тигра. Несмотря на свое обожание великой княгини, она не отказывает себе в удовольствии слегка пококетничать с великим князем, и об этом много говорят при дворе. Я думаю, что в этой игре есть много ребячества, а может быть, и желание подразнить и скандализировать лиц, недоброжелательный надзор которых она чувствует над собой, так как вызывающее отношение к общественному мнению у нее в натуре. Однако за последнее время она часто коробит меня, хотя мой ум совершенно не склонен к тому, чтобы видеть всюду романы, как это делает большинство придворных; часто на наших вечерах я чувствую себя неловко, и мне хотелось бы проникнуть в глубину этой души, столь неуловимой и изменчивой. Какая разница между этим характером и характером великой княгини! У той и у другой натуры исключительные, сдержанные, загадочные; в обеих трудно себе отдать отчет по первому впечатлению. Несомненно, есть глубина как в той, так и в другой, но какая разница в этой глубине: одна напоминает глубину моря, вечно изменяющаяся поверхность которого скрывает под собой всякого рода подводные камни и морские чудовища; другая — небесную лазурь, тоже бездонную, но чистую и светящуюся.

30 июня.

Сегодня был большой вечер в Монплезире по случаю кануна рождения императрицы. На этом вечере была объявлена предстоящая свадьба Марии Воейковой, фрейлины великой княгини Александры Иосифовны, с кра-

савцем генералом Бреверн-де-ла-Гарди, командующим кавалергардским полком. Эта новость произвела большую сенсацию в придворных кругах и вызвала много разочарований среди барышень на возрасте, составляющих ядро этого заколдованного круга. Дело в том, что статный и красивый генерал, свежий, румяный, с огромными эпюлетами на широких плечах, с такой гордой осанкой носящий свой великолепный белый мундир, представляет идеальный тип гвардейского офицера и главный выигрыш в лотерее женихов. И вот этот первый выигрыш выпадает на долю добрейшей румяной и кругленькой Марии Воейковой, слывшей гораздо менее ловкой и менее привлекательной, чем многие другие инжю, протягивавшие свои шелковые и золотые тенета вокруг красавца генерала. Все эти нарядные дамы, захваченные врасплох неожиданной новостью, не могли в первую минуту скрыть своего разочарования, и я должна сказать, что мне пришлось по этому поводу услышать пошлейшие разговоры, вызвавшие во мне большое отвращение. Можно было думать, что находишься не среди русского двора, а скорее в мастерской гризеток; я была поражена дурным воспитанием этих дам и полным отсутствием у них благопристойности и умения себя держать.

Воскресенье 4 июля.

Цесаревна сказала мне, что вел. кн. Александра Иосифовна предполагает взять мою сестру Дарью на место Марии Воейковой. Я была бы этому очень рада, так как положение Дарии дома не очень приятно; она стала бы независимой и имела бы хорошее положение в свете. Цесаревна сказала, что вел. кн. Константин и его супруга хотят поближе познакомиться со мной, чтобы судить по мне о моей сестре, и вечером цесаревна взяла меня с собой пить чай в Стрельну к вел. кн. Александре Иосифовне. Стрельна очень красивый дворец, расположенный на берегу залива и окруженный великолепными цветниками и большими группами вековых лип. Со мной много беседовали. У вел. кн. Константина довольно дерзкая и бесцеремонная манера рассматривать людей в монокль, пронизывая вас жестким, но умным взгля-

дом. Один из всей царской семьи он невысокого роста, у него красивые «романовские» черты лица, а профиль немного напоминает Наполеона в молодости. Он отличается живостью, много говорит и с большой легкостью и изяществом выражается на нескольких языках. Говорят, что он очень образован, очень любознателен, очень деятелен; от него ждут с надеждой славы будущего царствования. Утверждают, что его отец не очень его любит из-за некоторых честолюбивых поползновений, которые внушают ему недоверие к своему второму сыну. Хотя у меня было сознание, что я подвергаюсь экзамену, однако я совершенно не смутилась. Беседа великого князя такая живая, что она увлекает. Впрочем, мне всегда казалось, что с умными людьми чувствуешь себя гораздо более непринужденной, чем с посредственностями. По крайней мере, меня ничто так не подавляет и не смущает, как торжественная глупость, вроде глупости мамыши Салтыковой¹.

8 июля.

С некоторых пор я, как принято говорить при дворе, в милости. Во время прогулок императрица и великие княжны часто делают мне честь разговаривать со мной; у меня составила репутация говорить смешные и забавные вещи, и решено, что я занимательна. До сих пор я жила, как философ, в полной безвестности, без всяких честолюбивых замыслов. Но, увы, я чувствую, что внимание, которое мне оказывают, приятно щекочет мое тщеславие и что мне приятно играть маленькую роль, хотя я прекрасно сознаю, что для пустой болтовни, создающей мне успех, не нужно ни ума, ни истинной нравственной высоты. То, что во мне действительно есть хорошего или что могло бы быть хорошо, то никому здесь не нужно и никто меня об этом не спросит.

16 июля.

Великий князь прочел нам сегодня донесение, полученное с Белого моря, о бомбардировке Соловецкого

---

¹ Гофмейстерина двора цесаревны.

монастыря английскими судами; бомбардировка продолжалась девять часов, не причинив монастырю ни малейшего вреда: ни один монах не был ранен и даже гнезда ласточек, приютившихся под зубцами наружной ограды, не были повреждены. Неприятель был вынужден удалиться, не добившись никакого успеха.

Неизвестно, была ли атака с тех пор возобновлена.

17 июля.

С великим князем Константином сегодня произошло ужасное несчастье. Он поехал в Кронштадт на испытание новой лодки американской конструкции, плоскодонной и с очень небольшим водоизмещением. Он поместился в ней с несколькими из своих адъютантов, но как только лодка вышла в открытое море, она начала тонуть и в одно мгновение исчезла под водой. Великий князь Константин, хороший пловец, с большим присутствием духа пустился вплавь, не торопясь, по всем правилам искусства, и без труда достиг спасательного судна, следовавшего за потонувшей лодкой на расстоянии около 20 саженей. Он один выпутался из беды без посторонней помощи. Остальные лица, сопровождавшие его, спаслись с помощью матросов. Лишь молодой князь Голицын, по-видимому, совершенно потерял голову. Он с громкими криками исчез под водой, и больше его уже не видели. До сих пор нашли только его фуражку. Его смерть тем более печальна, что он был единственный сын своих родителей. С большой похвалой отзываются о поведении великого князя во время этого несчастного случая, о его мужестве и хладнокровии.

Говорят, что Австрия хочет занять Княжества. Она заманивала Россию предложениями переговоров, чтобы тайком закончить свои военные приготовления, а теперь раскрывает свою игру. Удивляться нечему. Австрия всегда действовала коварно по отношению к России. Между ней и нами антагонизм, какой существует между собачьей и кошачьей природой. Мы глупы, когда даем себя обмануть лживыми уверениями дружбы. Французские войска высадились на Аландских островах.

22 июля.

Сегодня именины цесаревны. Вчера вечером мы ездили на Ферму принести ей свои поздравления, так как при дворе принято поздравлять накануне самого дня. Цесаревна показала нам чудные подарки, полученные ею, и между прочим икону Божьей матери со Спасителем, написанную Неффом, которая привела меня в восхищение. Выражение обоих лиц до идеальности божественно и прекрасно. Маленькие великие князья Николай и Александр поднесли своей матери виды Фермы, нарисованные ими самими, а хорошенький Владимир, который еще не умеет рисовать, принес ей корзину яиц, снесенных собственными его курами. Царская семья вся собралась в Сергиевке к чаю у великой княгини Марии Николаевны, которая тоже именинница. Вечер был чудесный, и дворец в Сергиевке со своими террасами, украшенными экзотическими растениями, статуями и вазами самого изящного вкуса, имел совершенно волшебный вид. Впрочем, я со своей стороны мало наслаждаюсь такого рода видами. Мой дух слишком демократичен, чтобы я могла чувствовать себя хорошо в этих собраниях полубогов, где постоянно боишься повернуться нестати спиной к кому-нибудь из великих мира сего или пропустить случай сделать реверанс тем, кому подобает. Это совершенно лишает меня свободы мыслей и создает мне такое дурное настроение, что даже трельяж из роз производит на меня впечатление тюремной решетки, сидя за которой я могу только вздыхать о своей свободе.

Сегодня утром опять имели место поздравления, затем обедня в маленькой готической церкви. Туда пришел государь. Стоя очень близко от него в церкви, я была поражена происшедшей в нем за последнее время огромной переменой. Вид у него подавленный; страдание избороздило морщинами его лицо. Но никогда он не был так красив: надменное и жесткое выражение смягчилось; крайняя бледность, особенно выделяющая изумительную правильность черт его лица, придает ему вид античной мраморной статуи. При виде того, с каким страдальческим и сосредоточенным видом он молится, нельзя не испытывать почтительного и скорбного сочувствия к этой

высоте величия и могущества, униженной и поверженной ниц перед Богом.

Император во многом виноват, он заблуждался, увлеченный гордым сознанием того огромного престижа, который внушал. Но в самых его ошибках были честные побуждения, были порывы благородные и великодушные, которых нельзя не признавать и которые оправдают его в глазах истории.

Вечером царская семья собралась к чаю в собственном маленьком дворце в стиле рококо, драгоценной безделушке роскоши и изящества. Позднее Александру Долгорукую и меня позвали на Ферму, чтобы окончить вечер у цесаревны.

25 июля.

Я была в дурном расположении духа и очень грустила эти дни, во-первых, потому что мало видела цесаревну — единственный смысл моего здесь существования, — а во-вторых потому, что много видела фрейлин, и мне рассказали о разных сплетнях, которые передают обо мне великой княгине Александре Иосифовне, чтобы отвлечь ее от доброжелательных ее намерений относительно моей сестры. Мне передали, что меня называют хитрой и интриганкой, говорят, что моя привязанность к великой княгине притворна, что я этим путем думаю добиться ее милости и влияния на нее. Поистине тяжело, что в этой придворной жизни, такой пустой именно вследствие отсутствия привязанностей и близости между людьми, малейшее искреннее и бескорыстное чувство подвергается комментариям самым недоброжелательным, самым пошлым, которые его унижают и оскверняют...

10 августа.

На днях император Николай в припадке гнева наложил унизительное и несправедливое наказание на капитана одного корабля. Этот поступок сильно возмутил общественное мнение. Никто не решился протестовать, но тем усиленнее говорили об этом факте с добавлением многих недоброжелательных комментариев и с злорадным удовлетворением, которое люди испытывают, дур-

но отзываясь о власти. Между тем что, как не лезть в лицо власти и не поношение ее за спиной, привело к тому, что она, в конце концов, потеряла всякий престиж, всякое достоинство и пала так низко?

7 сентября.

Мои мысли с тоской уносятся в Крым. По словам иностранных газет, неприятельские флоты и десанты вот уже несколько дней как стоят перед Севастополем, но здесь еще нет по этому поводу точных сведений.

24 сентября.

Моя душа полна отчаяния. Севастополь захвачен врасплох! Севастополь в опасности! Укрепления совершенно негодны, наши солдаты не имеют ни вооружения, ни боевых припасов; продовольствия не хватает. Какие бы чудеса храбрости ни оказывали наши несчастные войска, они будут раздавлены простым превосходством материальных средств наших врагов. Вот 30 лет, как Россия играет в солдатики, проводит время в военных упражнениях и в парадах, забавляется смотрами, восхищается маневрами. А в минуту опасности она оказывается захваченной врасплох и беззащитной. В головах этих генералов, столь элегантных на парадах, не оказалось ни военных познаний, ни способности к соображению. Солдаты, несмотря на свою храбрость и самоотверженность, не могут защищаться за неимением оружия и часто за неимением пищи. В публике один общий крик негодования против правительства, ибо никто не ожидал того, что случилось. Все так привыкли беспрекословно верить в могущество, в силу, в непобедимость России. Говорили себе, что если существующий строй несколько тягостен и удушлив дома, он, по крайней мере, обеспечивает за нами во внешних отношениях и по отношению к Европе престиж могущества и бесспорного политического и военного превосходства. Достаточно было дуновения событий, чтобы разрушилась вся эта иллюзорная постройка. В политике наша дипломатия проявила лишь беспечность, слабость, нерешительность и неспособность и показала, что ею утрачена нить всех исторических традиций Рос-

сии; вместо того чтобы быть представительницей и защитницей собственной страны, она малодушно пошла на буксире мнимых интересов Европы. Но дело оказалось еще хуже, когда наступил момент испытания нашей военной мощи. Увидели тогда, что вахтпарады не создают солдат и что мелочи, на которые мы потеряли тридцать лет, привели только к тому, что умы оказались неспособными к разрешению серьезных стратегических вопросов.

С душой, переполненной всеми этими мыслями, которые теперь провозглашаются повсюду и всюду горячо и страстно обсуждаются, я явилась вчера вечером к цесаревне в маленький Турецкий салон великого князя. Все здесь дышало обычным миром, той покойной рутинной, которая окутывает великих мира сего, как атмосфера Олимпа. Тучи собираются с часу на час более грозные; гром гремит, дождь снаружи льет потоками, а здесь все тот же мягкий полусвет, тот же ласкающий ветерок. Пили чай; великий князь продолжал чтение «Графини де Шарни», скверного романа Александра Дюма, полного революционной пропаганды. Слушая это чтение, так мало соответствующее тому, что в настоящее время так страстно занимает умы, я спрашивала себя с сокрушенным сердцем, каким образом они, более всего заинтересованные в том трагическом положении, в котором в настоящую минуту находится Россия, могут хотя бы на короткое время предаваться препровождению времени не только бесполезному, но несомненно губительному потому, что оно отнимает у них время, которое могло быть лучше употреблено, например, на чтение книг, которые раскрыли бы перед ними раны и нужды России. Я спрашивала себя, как это случилось, что они окружены такой искусственной атмосферой, что дневной свет действительной жизни никогда не может к ним проникнуть. Таким образом, их мысли, их чувства, их суждения никогда не могут свободно подняться на высоту, ни достигнуть настоящей зрелости. Те, кто их окружает, находят, очевидно, для себя выгодным поддерживать в них это чувство мнимой безопасности. Во что бы то ни стало барин должен быть в хорошем настроении, чтобы они,

слуги, могли наслаждаться мелкими благами своей ежедневной жизни. Но неужели эта роль достойна тех, кто имеет честь быть близкими к государям? Не должны ли они смотреть на себя как на представителей народа и служить проводниками истины для слуха царей?..

Что касается меня, я слишком привязана к великой княгине, чтобы когда-либо кривить душой по отношению к ней, но дело в том, что я могу служить только слабым отголоском тех суждений, которые высказываются вокруг меня; в моем положении молодой девушки я совершенно некомпетентна в вопросах такой огромной важности как для моей родины, так и для них самих. Поэтому я осуждена на то, чтобы видеть и понимать зло, которое я не в силах пресечь, и так как это зло касается человека, которого я люблю больше всего на свете, я чувствую себя совершенно подавленной. Вчера это до такой степени отражалось на моем лице, что цесаревна сказала мне полусерьезно: «Я вас попрошу, Анна, написать мне трактат о дурном расположении духа. Конечно, никто не сумеет сделать это лучше вас». — «Ах, ваше высочество, я бы хотела, чтобы вы обладали тем чудесным стеклышком, историю которого рассказала m-me Жирарден¹, и могли прочесть в моей душе причину того, что вы называете дурным настроением».

...Цесаревна завтра едет в Гатчину, где поселился двор; она хочет проститься с великими князьями Николаем и Михаилом, уезжающими в Южную армию.

2 октября.

Всякий вечер мы собираемся маленьким кружком у цесаревны: m-lle Грансе, княгиня Салтыкова, Александра Долгорукая и я. Мы читаем «Путешествие вокруг моей комнаты» графа де Мэстра. Читаем по очереди — великий князь и я. Сегодня вечером за чаем разговор шел о балах. Я вспомнила бал у графа Орлова-Давыдова, где три года тому назад я увидела цесаревну... Я рассказала об этом инциденте цесаревне, которая посмеялась и назвала меня дерзкой за то, что я обозвала ее прелестной дамочкой.

¹ «Le Lognon», сочинение г-жи Жирарден.

Мы едем в Гатчину во вторник, 6-го. М-лле Грансе уезжает в Дармштадт. Я буду очень жалеть о ней. Она проявляла ко мне очень дружеские чувства, и в ее буржуазной простоте есть что то честное, прямое и верное, что редко встречается в придворных, похожих на ходячие ловушки и западни. Я не знаю точно, к какой национальности принадлежит м-лле Грансе. Думаю, что она эльзаска. Она высокого роста, фигура ее несколько суха и вся как бы скроена из одного куска, черты у нее крупные и правильные, выражение открытое, носящее на себе отпечаток прямоты, глаза прозрачные голубые, взгляд ясный и *treuherzig*, — чисто немецкое выражение, которое не может быть передано по-французски¹. Совершенно белые волосы серебряными локонами окаймляли это лицо, еще очень молодое, составляя с ним резкий контраст. На самом деле ей еще нет 40 лет. Она мне рассказала, что ее волосы поседели в несколько дней во время болезни принцессы Марии Дармштадтской (нашей цесаревны), когда ей было 12 лет. У нее было воспаление в легких, и она была на волосок от смерти. Мне кажется, что м-лле Грансе любит великую княгиню совершенно просто, без всякой задней мысли. Она воспитала ее с самого раннего детства, и ей самой было всего 18 лет, когда великая герцогиня Дармштадтская поручила ей свою дочь. Девочке было около семи лет, когда ее мать умерла и м-лле Грансе осталась при ней одна... Если м-лле Грансе не обладала качествами, необходимыми для всестороннего развития способностей своей ученицы, она, по крайней мере, окружила ее здоровой и чистой нравственной атмосферой, в которую не проникло посторонних влияний, могущих дурно отразиться на счастливо одаренной от природы принцессе. Та тонкость и оригинальность, которые есть в цесаревне и которые придают ей отпечаток большого благородства, несомненно, в значительной степени зависят от той поэтической обстановки, в которой она провела свое детство и свою юность. Когда принцесса Мария, 16 лет, сделалась невестой наследника русского престола, м-лле Грансе привезла ее в Петербург и

¹ Ни по-русски. (Прим. переводчика.)

оставалась с ней до свадьбы. Теперь она получает пенсию в 3000 рублей от русского двора и приезжает от времени до времени погостить у великой княгини, которая относится к ней как к члену своей семьи. Надо признать, что m-lle Грансе, добрая и ко всем доброжелательная, никогда не употребляет во зло доверие цесаревны против лиц, к которым цесаревна расположена, как это часто делают те, кто пользуется милостью великих мира сего.

Гатчина, 19 октября.

Я в первый раз в Гатчине и еще с трудом ориентируюсь в этом огромном дворце с его бесконечными лестницами и коридорами. Дворец состоит из двух огромных жилых корпусов, соединенных полукруглой постройкой. В левом корпусе в нижнем этаже расположены комнаты их величеств, цесаревича и цесаревны, а в верхних этажах комнаты великих князей, великих княжон и старейших статс-дам. В правом корпусе помещается свита и служащие; тут же останавливаются многочисленные, ежедневно сменяющиеся в Гатчине гости: министры и другие сановники, приезжающие для работы с государем. Здесь же находится церковь, а в нижнем этаже — кухни. Полукруг занят исключительно парадными залами, тут же находятся комнаты, в которых умер император Павел и где сохраняется кровать, на которой он был убит, со следами крови¹, — мрачное историческое воспоминание. Я живу в правом корпусе, поэтому мне приходится по три или четыре раза в день проходить через залы полукруга для того, чтобы попасть в Арсенал, где собирается все общество к завтраку, обеду и чаю. Часто я прохожу в час ночи по этим залам, полуосвещенным мигающей лампой, мимо комнат императора Павла и мимо его трона, покрытого выцветшей от времени материей. Признаюсь, что сердце у меня бьется, я ускоряю шаги, и мне от страха все время чудится, что из темных углов выступит

---

¹ Неточность. Как известно, Павел I был убит в Михайловском замке. В Гатчину после его смерти была перенесена его постель. Любопытно, что в придворных кругах уже стерлась память о подробностях, при которых погиб отец царствовавшего императора; рассказ о подземном ходе тоже относится к Михайловскому замку.

вдруг зловещая фигура Павла I, безобразные портреты которого мы видим здесь повсюду. Все коридоры превращены в галереи портретов, среди которых портреты Павла и его семьи преобладают.

В парке около озера видна пещера, закрытая железной решеткой; говорят, что здесь находится выход из тех подземных ходов, которые император Павел велел провести от своей комнаты, чтобы иметь возможность бежать от убийц. Тщетная предосторожность, не предохранившая его от смерти, которой он так боялся и заслуженность которой, может быть, сознавал. Все эти воспоминания делают пребывание в Гатчине очень мрачным и неприятным. Я не понимаю, почему двор выбирает Гатчину именно тогда, когда хочет веселиться. Образ жизни здесь совершенно особый, похожий на жизнь в деревне. Для обедов и завтраков собираются в Арсенале, там же проводят вечера за музыкой, днем играют в *petits jeux* и в шарады, катаются с деревянных гор¹. Организуются прогулки в экипажах всякого рода: ландо, фэзтонах, шарабанах и кабриолетах с самой фантастической упряжкой, — охоты, в которых принимают участие дамы. Парк большой; летом он, может быть, красив, но теперь оголенные деревья, осеняя своими почерневшими сухими ветвями болотистую и полузамерзшую почву, представляют унылую картину. Надо сказать, что в этом году, несмотря на все увеселения и на общительность по заказу, ни у кого не весело на сердце. У всех скорбная тревога написана на лице. Собравшись, говорят вполголоса о последних известиях, передают друг другу бюллетени, шиплют корпию. Даже молодежь не может веселиться. Но больше всего сжимается сердце, глядя на государя. Когда он проходит через Арсенал, в его поступи, прежде такой твердой, эластичной, чувствуется подавленность. Его вы-

¹ Неоднократно упоминаемый ниже Арсенал в Гатчине, по описанию фрейлины М.П.Фредерикс, «большая зала, занимающая часть нижнего этажа замка, где помещалась большая сцена, — поприще наших представлений, — большой орган, разыгрывавший разные музыкальные пьесы, катальная гора, бильярды и проч.; тут и завтракали, и обедали, и проводили день вместе» («Исторический вестник», 1898, №2).

сокая фигура начинает сгибаться. У него какой-то безжизненный взгляд, свинцовый цвет лица, чело, еще недавно надменное, каждый день покрывается новыми морщинами, свидетельствующими об убийственных заботах, тяготеющих над этой гордой головой, ни перед чем до селе не склонявшейся.

Сегодня утром мы все были в Арсенале после завтрака. Стюрлер и Голицын играли сонату Бетховена, как вдруг по залу раздался слух, что только что приехал курьер из Севастополя с важными известиями. Великая княгиня Александра Иосифовна побежала к государю, чтобы узнать подробности, и вскоре вернулась с радостными криками, сообщая нам, что мы взяли 4 неприятельских редута. Постепенно мы узнали подробности дела. Этими редутами, из которых три английских и один турецкий, овладел генерал Липранди со своими подкреплениями. Два из них были снесены, два заняты нашими войсками, которые, таким образом, господствуют над неприятельским лагерем. Мы захватили одиннадцать осадных орудий и тотчас же обратили их против неприятеля; с их помощью была сбита грозная французская батарея, направленная против наших фортов. Четыре из наших храбрых офицеров в сопровождении 30 добровольцев произвели ночную вылазку, захватили одну батарею и заклепали 19 пушек. Липранди занимает теперь с 20 000 человек сильную позицию, преграждая сообщение между Балаклавой и лагерем осаждающих и отрезывая, таким образом, лагерь от снаряжений и продовольствия. Чтобы выбить его из его позиции, необходимы значительные силы, которые пришлось бы взять из осаждающей армии. После этих известий мы воспрянули духом. Государь, войдя к государыне, чтобы сообщить ей эту новость, прежде всего бросился на колени перед образами и разрыдался. Государыня и ее дочь Мария Николаевна, думая, что страшное волнение государя вызвано взятием Севастополя, бросились тоже на колени, но он успокоил их, передал радостную весть и тотчас же приказал отслужить благодарственный молебен, на котором мы все присутствовали. Гильдебранд, привезший известие, получил аксельбанты адъютанта. Государь совершенно вос-

прянул духом. Говорили, что еще сегодня утром он плакал, узнав про измену Ганновера, обратившегося против нас. Вообще его нервы в самом плачевном состоянии. Видя, как жестоко он наказан, нельзя не жалеть его, а между тем приходится признать, что он пожинает то, что посеял. В течение стольких лет своего царствования он направлял всю внешнюю политику не столько в интересах своей родины, сколько в интересах якобы Европы, считая себя призванным защищать принцип порядка. Народы ненавидят его как представителя деспотизма, а государи, которых он защищал, заставляют его теперь дорого расплачиваться за самолюбие, уязвленное сознанием его превосходства.

27 октября.

Сегодня вечером великий князь прочел нам конфиденциальную корреспонденцию из Вены (вероятно, от Горчакова), представляющую очень умный обзор политического положения России в настоящее время и оканчивающуюся словами: «Нельзя понять современный кризис, если не отдавать себе отчета в том, что из него неизбежно должен вырасти новый мир». «Это именно то, что я думаю, — добавил великий князь, — и что говорил с самого начала войны». Великий князь и великая княгиня продолжали разговор на ту же тему, выражая по всем вопросам дня такие мысли, каких бы сами они не допустили или, во всяком случае, не высказали полгода тому назад. Они говорили, что Россия никогда не будет у себя хозяйкой, пока не получит Дарданелл, что естественными союзниками России являются славянские народы, которых во что бы то ни стало нужно вырвать из-под ига Турции и образовать из них самостоятельные государства. Великая княгиня выразила сожаление, что в прошлом году, из опасения не иметь достаточно сил для их поддержки, был упущен самый благоприятный момент их вооружить, тогда как теперь, когда Россия имеет против себя всю Европу, этот благоприятный случай упущен и т.д. Оба с большой горечью высказывались по поводу политической системы, введенной Александром I на основах Священного Союза, системы глубоко анти-

национальной, как показали последствия. Цесаревна прибавила, что ввиду невозможности для России чем-либо помочь славянам в настоящую минуту слишком поздно просить у них помощи, так как всякое восстание с их стороны будет немедленно подавлено Австрией, еще более страшной для этих народов, чем Турция. Великий князь добавил: «Мы не проявили достаточного национального эгоизма, но обстоятельства толкнули нас на правильный путь и доказали, до какой степени ложна и опасна была наша политическая программа».

Я была очень удивлена, услышав, что великий князь высказывается так определенно и откровенно в том смысле, в каком мыслят все просвещенные люди в стране, между тем как такого рода убеждения были очень чужды правительственным сферам еще год тому назад. Когда разговор касается политики во время наших вечерних собраний, я никогда не упускаю случая довести до сведения великого князя и великой княгини мнения, которые мне приходится слышать в обществе и которые не всегда доходят до них, так как те, кто их окружает, или не разделяют этих мнений, или же боятся надоест или раздражить, передавая то, что похоже на критику или на упрек. У меня этого страха нет, так как я уверена, что великий князь и великая княгиня знают, до какой степени я к ним привязана и что я решаюсь передавать им даже то, что им тяжело слышать, из желания им блага и славы.

30 октября.

Сегодня в 4 часа утра из Севастополя приехал курьером молодой граф Левашов с дурными известиями. 23-го в Севастополь прибыли молодые великие князья Николай и Михаил, а 24-го Меншиков атаковал высоты, занятые неприятелем. Бой продолжался с 6 часов утра и до 4 часов дня. Наши сначала захватили неприятельские позиции и заклепали 26 неприятельских пушек, но у нас не хватило подкреплений, неприятель оправился, и мы были оттеснены с большим уроном. Потери определяются в 5000 человек, выбитых из строя, из них 1500 убитых. Вот печальное начало для наших молодых великих князей. Они остались невредимы, но рядом с ними

адъютанты Альбединский, молодой Меншиков и Граббе были контужены, а генерал Соймонов убит. Это известие здесь всех крайне опечалило. Мне кажется, что мы накануне великих несчастий, предчувствие которых тяготеет над моей душой...

2 ноября.

Приехал курьер и привез более подробные известия о деле 24 октября. Не 5, а 10 тысяч человек выбыло из строя, а может быть, еще больше. Великие князья пишут, что город переполнен ранеными, что не хватает фельдшеров. Женщины и даже дети в Севастополе ухаживают за ранеными. Женщины своими руками вынимают пули из ран. Совсем маленькие дети под градом пуль носят солдатам пищу. Менониты, колония которых находится под Херсоном, оказывают большую помощь. Они посылают продовольствие и телеги для перевозки к себе тех раненых, которые могут перенести переезд. А сколько черт героизма, какое терпение со стороны наших солдат, какая храбрость наряду с детской простотой! Всегда в моменты общественных бедствий и несчастий сказываются прекрасные черты характера нашего народа; всегда в эти моменты ярко проявляются качества, которые отличают его от всех других народов.

Здесь царит величайшее уныние. До сих пор, если не считать дела Липранди, которое очень раздули, наша армия испытала только неудачи, и планы, даже хорошо задуманные, не удаются, потому что плохо выполняются.

8 ноября.

Опять курьер из Севастополя. Бомбардировка продолжается, но слабо. С 1 ноября на Черном море страшные бури. Восемь торговых кораблей было выброшено бурей на берег; два судна погибли в виду Севастопольского рейда. Думают, что неприятельский флот в Балаклаве сильно пострадал, но точных известий об этом нет. Неприятель всюду укрепляется. Он, очевидно, имеет в виду остаться здесь зимовать. Опасаются высадки новых войск в Евпатории. Будем надеяться, что стихии послужат нам союзниками. Великие князья Николай и Михаил пишут, что

среди раненых ужасающая смертность. В Севастополе недостаток почти во всем. Здесь делается все возможное. Усиливаем сборы денег, отправляем огромные посылки чая, сахара, белья и медикаментов. В эту деятельность вкладывает всю свою душу Аврора Карловна, вдова бедного Андрея Карамзина, и это ее несколько отвлекает от ее большого горя.

Великие князья в своих письмах не могут нахвалиться поведением женщин и детей в осажденном городе. Они пишут о молодой девушке Дарье, которая все отдала раненым, даже свою кровать, и день и ночь ухаживает за больными, не оставляя их ни на минуту. Граф Левашов также полон рассказов об изумительной самоотверженности солдат и о их беззаветной храбрости. Защитники одного бастиона сменялись четыре раза, привели пятый комплект. Старый моряк, из тех, которые шли на верную смерть, явился, распевая во все горло и весело сказал: «Ах, они думают, что не будет уже охотников. Нашлись, однако же, и найдутся еще и еще, когда нас убьют»¹. 30 и 31 октября князь Голицын объехал батареи, чтобы передать защитникам благодарность государя и образки, присланные им императрицей, и все эти храбрцы, которые вот уже несколько месяцев стоят лицом к лицу перед смертью, с детской верой и детской радостью приняли этот знак памяти и слова благодарности со стороны их царей.

Между тем жизнь здесь течет пустая и легкомысленная, как всегда. Те же прогулки, те же обеды и завтраки, на которых поневоле объединяется весь придворный персонал. Я провожу очень много времени с великой княгиней Александрой Иосифовной, которая, намереваясь взять к себе мою сестру, якобы хочет ближе узнать ее через меня. Дарья в деревне, так что она ее еще не видала. Великая княгиня изумительно красива и похожа на портреты Марии Стюарт. Она это знает и для усиления сходства носит туалеты, напоминающие костюмы Марии Стюарт. Великая княгиня не умна, еще менее образованна и воспитанна, но в ее манерах и в ее тоне есть весе-

---

¹ Эта фраза написана по-русски.

лое, молодое изящество и добродушная распушенность, составляющие ее прелесть и заставляющие снисходительно относиться к недостатку в ней более глубоких качеств. Ее муж в нее очень влюблен, а государь к ней весьма расположен. Она занимает в семье положение *enfant gâtée*, и принято считать забавными выходками и милыми шалостями бестактности и неумение держать себя, в которых она часто бывает повинна. Что касается меня, то мне часто сильно надоедает предпочтение, которое она мне оказывает, особенно когда приходится проводить с ней часы, которые я с гораздо большим удовольствием провела бы с цесаревной.

11 ноября.

Два дня тому назад, войдя к цесаревне, я застала там великого князя за чтением вслух какой-то бумаги. Придя уже к концу чтения, я не уловила целого, но поняла, что это была нота Горчакова и что дело касалось мирных предложений. Окончив чтение, великий князь сказал мне: «Очень вас прошу ничего не говорить о том, что вы слышали». Я ответила, что мне было бы трудно говорить, не зная, о чем шла речь; но сегодня маленькая великая княгиня Александра Иосифовна поверила мне *под строжайшей тайной*, что возобновились мирные переговоры на основе четырех пунктов, гордо нами отвергнутых несколько месяцев тому назад. «Свободное плавание по Черному морю для всех европейских судов, свободный выход из устьев Дуная, отказ России от протектората над Княжествами, наконец, протекторат Европы над христианами в Турции»...

14 ноября.

Известия, привезенные сегодня утром курьером из Крыма, сообщают, что во время страшных бурь в Черном море погибло 30 неприятельских судов; огонь со стороны осаждающих затих, а в последние дни даже почти прекратился. Из неприятельского лагеря в Севастополь приходит много дезертиров; они жалуются на недостаток продовольствия. С другой стороны, союзники как будто укрепляются, чтобы расположиться на зимние квартиры.

Мы должны были уехать из Гатчины во вторник, но цесаревна нездорова, и отъезд отложен до субботы. Эта светская жизнь в деревне, когда возвращаешься к себе только для того, чтобы переодеться, в конце концов действует деморализующим и притупляющим образом. Никакой возможности нет ни читать, ни заниматься, благодаря вынужденной близости с людьми, с которыми нет никаких общих интересов, ни умственных, ни душевных. Эта легкомысленная жизнь еще менее соответствует внутреннему настроению: важность событий должна была бы заставить самых поверхностных людей задуматься и сосредоточиться.

19 ноября.

Вчерашний курьер сообщил, что бури нанесли большие повреждения неприятельскому флоту и что погибло судно, которое везло жалованье для английской армии на 3 месяца. Наши солдаты занимаются тем, что вылавливают деньги. Бомбардировка почти прекратилась. Рассказывают анекдот, рисующий хорошо союз западных держав. Наши молодые великие князья посетили пленных французов и англичан, чтобы убедиться в том, как с ними обращаются. Они спросили их, довольны ли они, и не недостает ли им чего-нибудь. Пленные ответили, что могут сказать только хорошее об отношении к себе. Но когда великие князья уходили, один французский офицер попросил у них разрешения поговорить наедине и сказал: «Ваши высочества, мы просим вас об одной только милости. Поместите нас, пожалуйста, отдельно от наших товарищей-англичан». По-видимому, союз французского люда с людом английским — союз противоестественный, и нужна поистине вся ненависть Запада против России, чтобы укрепить такое соглашение. Некоторые иностранные газеты утверждают, что положение союзников в настоящее время очень критическое. Здесь удивляются, почему Меншиков не пользуется этим и не действует более энергично. Между тем мы здесь обсуждаем четыре пункта и компрометируем то, что у нас еще осталось: нашу честь и наше достоинство.

23 ноября.

Я ездила в город и провела там два дня. Я видела людей, других людей, чем при дворе. Это было полезно и освежило мои мысли...

24 ноября.

Императрица серьезно нездорова. Несколько дней жизнь ее была в опасности. Сегодня ей лучше, но слабость очень велика, и малейшее волнение может вызвать возобновление болезни. Гатчинский дворец мрачен и безмолвен. У всех вид удрученный, еле-еле смеют друг с другом разговаривать. Вид государя пронизывает сердце. За последнее время он с каждым днем делается все более и более удручен, лицо озабочено, взгляд тусклый. Его красивая и величественная фигура сгорбилась как бы под бременем забот, тяготеющих над ним. Это дуб, сраженный вихрем, дуб, который никогда не умел гнуться и сумеет только погибнуть среди бури. Со времени болезни императрицы, при мысли о возможности ее смерти, несчастный император совершенно утратил бодрость духа. Он не спит и не ест. Он проводит ночи в комнате императрицы, и так как больную волнует мысль, что он тут и не отдыхает, он остается за ширмами, окружающими кровать, и ходит в одних носках, чтобы его шаги не были ей слышны. Нельзя не быть глубоко тронутым при виде такой чисто человеческой нежности в этой душе, столь надменной по внешности. Господь да сжалится над ним и да сохранит ему самое дорогое для него существо в ту минуту, когда у него уже все отнято.

Австрия продолжает свою мерзкую игру ложного друга. Ей уже мало четырех пунктов; несмотря на наши уступки, и она, под давлением Англии и Франции, склоняется к тому, чтобы подписать против нас наступательный союз. Государь каждый вечер приходит к цесаревне. Он всегда говорит о политике, говорит почти один своим медленным и звучным голосом, стараясь придать бесстрастное выражение своим чертам, изнуренным страданием...

6 декабря.

Сегодня именины государя, но не было ни торжественного выхода, ни поздравлений. У обедни мы были в

обыкновенных туалетах, хотя императрице лучше. Вечером государь пришел пить чай к цесаревне, как он обычно это делает с тех пор, как государыня больна. Здесь была великая княгиня Мария Николаевна, игравшая в карты. Она привезла с собой, чтобы показать государю, картину венгерского художника Зичи, представляющую императора опирающимся на крест и простирающим над славянами, припавшими к его ногам, свой поднятый меч, как бы в защиту их; рисунок сделан плохо, и кажется, будто император тяжело давит этим мечом одного из славян, умоляющих его о помощи, и сильно ему мешает. Нет ли скрытой эпиграммы в этом плохо удавшемся рисунке? Государь, рассмотрев рисунок, сказал с недовольным видом: «Лучше бы художник поместил на моем месте кого-нибудь из тех». Кого из тех? Наполеона или Пальмерстона? Действительно, есть основание опасаться, что в конце концов кто-нибудь из «тех» освободит славян из-под турецкого ига. Великая княгиня Мария Николаевна спросила отца, не хочет ли он купить эту картину и что передать от него художнику. «Скажите ему, чтобы он занялся чем-нибудь более полезным». Я не могла воздержаться от замечания: «А все-таки *se non e vezo, e ben trovato*» — сказанного довольно громко, так что цесаревич остановил меня гневным взглядом, но государь ничего не сказал. Я подумала, что он предпочел бы видеть себя изображенным среди 35 государей Германского Союза, простирающим над ними защищающий их меч... но все 35 государей повернулись к нему спиной; тем не менее в последней депеше к Мантейфелю Нессельроде объявляет им, что Россия считает своим долгом, ради избавления Германии от ужасов войны, согласиться на четыре пункта, хотя весной она отвергла эти четыре пункта как несовместимые с ее достоинством.

По вечерам у великой княгини мы теперь читаем мемуары об Александре I. Я часто чувствую, как при этом чтении кровь мне бросается в лицо. От царствования Александра I ведет свое начало эта странная и унижительная политика, приносящая в жертву интересы своей страны ради интересов Европы, отказывающаяся от всего нашего прошлого и нашего будущего ради того, чтобы ус-

покоить мнительность Европы по отношению к нам. Мы бы хотели совсем не иметь тела, чтобы не смущать Европу даже тенью, от него падающей; к несчастью, у нас огромное тело, и как мы ни стараемся казаться маленькими и в движениях, и в словах, это огромное тело, как неимоверная бестактность, торчит перед носом Европы, которая, несмотря на всю рыцарскую учтивость Александра I и Николая I, не может примириться с вопиющей бестактностью самого факта нашего существования. Князь Алексей Орлов часто присутствует при этих чтениях у цесаревны. Он умеет говорить, не стесняясь, и хорошо рассказывает. На днях он говорил об отношениях императора Александра с Францией в ту эпоху, когда он заискивал у Наполеона. В то время французским послом при нашем дворе был Коленкур. Перед парадом император стоял у окна, ожидая появления Коленкура на набережной, и только тогда садился на лошадь. Дерзость Коленкура дошла до того, что он требовал от императора высылки из России французских эмигрантов, нашедших у нас убежище, и хотел навязать ему французских агентов для наблюдения в наших портах за недопущением в Россию английских товаров во время континентальной блокады, наложенной Наполеоном. «Но скажите, ради Бога, — воскликнула цесаревна, — как можно было терпеть такое унижение?» — «Э, ваше высочество, — отвечал Орлов, — разве четыре пункта меньшее унижение для нас?»

7 декабря.

Сегодня утром я была в Арсенале, когда прошел император. Он подошел ко мне и спросил, почему вид у меня больной. Я ответила, что у меня болит спина. «У меня тоже, — сказал он, — для лечения я растираю себе спину льдом и советую вам делать то же». Он еще некоторое время поговорил со мной с большим участием, что произвело сильное впечатление на зрителей. Я была очень тронута его вниманием и рассказала о своем успехе цесаревне. Она передала мне, что государь высказал обо мне очень лестное мнение; он говорил, что находит меня очень симпатичной и мое лицо таким выразительным,

что он часто ловит себя на том, что находит меня даже красивой. Есть чем гордиться! Я тем более почувствовала себя виноватой, что в душе постоянно осуждаю государя за его политику и особенно негодую на него за четыре пункта. Император говорит, что он допустил ряд ошибок, и соглашается на принятие четырех пунктов в виде искупления за эти ошибки. Но он забывает, что в его лице унижена Россия и что он не имеет никакого права унижать ее. Самодержавие, конечно, прекрасная вещь: утверждают, что это — воплощение на земле Божественной власти; это могло бы быть правдой, если бы к всемогуществу самодержавие могло присоединить всеведение, но так как, в конце концов, самодержец только человек, подверженный ошибкам и слабостям, власть в его руках становится опасной силой. Рассуждая так, я считаю себя в то же время очень неблагодарной: здесь все так добры ко мне.

10 декабря.

Дарья представлялась сегодня великой княгине Александре Иосифовне, которая хочет ее взять к себе фрейлиной, но ничего еще не решено.

11 декабря.

Сегодня из Севастополя вернулись оба молодых великих князя. Император хотел доставить их матери радость свидания с ними и просил Меншикова дать им отпуск в том случае, если не предстоит решительных дел и если внезапный их отъезд не произведет неприятного впечатления. Императрица, несмотря на радость увидеть сыновей, тем не менее была недовольна, что они покинули армию, и тотчас же сказала: «Очень радостно увидеться, это даст нам силы для новой разлуки». Великие князья очень выиграли от нескольких недель пребывания в Севастополе. В них чувствуется что-то более зрелое, более серьезное. Великий князь Михаил очень интересно рассказывает о том, что он видел. Он с большой горячностью и сердечностью относится к нашему солдату и очень скромен по отношению к себе; его брат Николай менее умен; в нем есть некоторое мальчишество, он немного вульгарен, но оба они добрые малые, полны сердечнос-

ти и патриотизма. Это любимцы императрицы, которая оживает, глядя на них.

14 декабря.

Сегодня молебен в память злосчастного события 1825 г., о котором хорошо было бы позабыть.

Императрица так быстро поправляется после возвращения сыновей, что начинают говорить о переезде в город. Сегодня вечером я была у маленькой великой княжны. Она резвилась с своими братьями и с левреткой и была очень мила. Император пришел кормить ее супом, как он это делает почти каждый вечер. Вот сюжет для исторической картины: румяный, улыбающийся ребенок в лентах и кружевах на высоком стульчике и рядом самодержец с суровым и строгим профилем, вливающий золоченой ложечкой суп в этот розовый улыбающийся ротик. Император сказал мне: «Я почти каждый вечер прихожу кормить супом этого херувимчика — это единственная хорошая минута во весь день, единственное время, когда я забываю подавляющие меня заботы».

16 декабря.

Сегодня вечером за чаем у цесаревны были Рибопьер, Киселев и император. Беседа, как всегда, касалась политики — шансов конференции и несчастных четырех пунктов. Император говорил, что, в сущности, и Франции, и Англии нужен мир. В этом его усиленно стараются убедить. Дело в том, что официальные круги, составляющие правительство, сильно тяготятся войной. Война расстраивает их привычки к комфорту и развлечениям. Для них честь, политические интересы России — пустые слова, не имеющие ни смысла, ни цены, отвлеченные понятия, ради которых смешно жертвовать покоем и материальным благосостоянием. Эти люди не подозревают, что каждое отдельное лицо — только бесконечно малый атом, желания и интересы которого должны быть подчинены славе великого целого. Нет, Россия в их глазах только дойная корова, и они толкают императора на унижительные поступки, убеждая его, что он один — единственная помеха миру, столь желанному Европе. Если верить им, с Нессельроде во главе, можно поистине думать, что призвание России —

быть обществом страхования благосостояния Европы. На императора, по-видимому, действуют эти речи, постоянно жужжащие в его ушах, и недавно он говорил: «Не забудем: блаженны миротворцы, яко их есть царство небесное¹». Цитата была неверна, так как в тексте сказано: «Яко тии сынове Божии нарекутся», объяснение тоже, так как дело идет не о небесном царстве, но о царстве земном, которое нужно защищать и укреплять.

Вчера вышел манифест, в котором есть намеки на возможность мирных переговоров; он кончается, однако, заверением, что всякое предложение, оскорбительное для чести России, будет, отвергнуто, и словами императора Александра, произнесенными им в 1812 году: «С железом в руках, с крестом в сердце станем перед рядами врагов»².

Когда император ушел, я спросила цесаревича, верит ли он в возможность мира в настоящую минуту. «О нет, — ответил он, — я думаю, что произойдет еще очень много событий, прежде чем мир будет возможен».

26 декабря.

Петербург. Вот уже два дня, как мы в городе. Как всегда, елка была устроена в Золотом зале. Только великий князь Алексей и великая княжна не могли присутствовать. Они оба нездоровы: даже опасались кори. У них была своя елка.

29 декабря

Я в совершенном негодовании от глупой сплетни, которую распускают на мой счет по городу и которая идет от матушки-гусыни³, другими словами, от княгини

¹ Текст по-русски.

² Манифест 14 декабря 1854 г. напечатан у Барсукова, «Жизнь и труды М. П. Погодина». Т. VIII, стр. 196—199. Там же см. отзывы о нем современников. Фраза, приведшая в умиление Анну Федоровну, вызвала иронический отзыв Ю. Ф. Самарина, увидавшего в ней галлицизм. «Я знал, — пишет он Погодину, — что делами политическими и военными правят немцы; теперь убедился, что немцы пишут манифесты. С железом в руках и с крестом в сердце. Непонятно. А переводится: *le fer en main et la croix au coeur* — выходит хорошо».

³ Шутливое прозвище гофмейстерины императрицы Е. В. Салтыковой.

Салтыковой, гофмейстерины нашего двора. Она рассказывает, что на вечере у цесаревны я отзывалась так резко о канцлере и его политике, что она встала и вышла из комнаты. В этой истории нет ни слова правды, но весь город ей верит, и, куда бы я ни пришла, я всюду вижу взбешенные лица. Г-жа Зеебах, дочь графа Нессельроде, говорила об этом с моим отцом, и я просила его объяснить ей, что если даже она и ее отец допускают возможность такой несдержанности с моей стороны, они должны были бы понять, что великий князь и великая княгиня имеют достаточно такта и сознания своего положения, чтобы не позволить лицу из их свиты дурно отзываться об одном из министров императора.

1855 год

19 февраля.

17 февраля я, по своему обыкновению, к 9 часам утра спустилась к цесаревне, чтобы присутствовать на сеансе пассивной гимнастики, которой она ежедневно занималась с Derond. Я ее застала очень озабоченной — император неделю как болен гриппом, не представлявшим в начале никаких серьезных симптомов; но, чувствуя себя уже нездоровым, он, вопреки совету доктора Мандта, настоял на том, чтобы поехать в манеж произвести смотр полку, отъезжавшему на войну, и проститься с ним. Мандт сказал ему: «Ваше величество, мой долг предупредить вас, что вы очень сильно рискуете, подвергая себя холоду в том состоянии, в каком находятся ваши легкие». — «Дорогой Мандт, — возразил государь, — вы исполнили ваш долг, предупредив меня, а я исполню свой и прощусь с этими доблестными солдатами, которые уезжают, чтобы защищать нас».

Он отправился в манеж и, вернувшись оттуда, слег. До сих пор болезнь государя держали в тайне. До 17-го даже петербургское общество ничего о ней не знало, а

во дворце ею были мало обеспокоены, считая лишь легким нездоровьем. Поэтому беспокойство великой княгини удивило меня. Она мне сказала, что уже накануне Мандт объявил положение императора серьезным. В эту минуту вошел цесаревич и сказал великой княгине, что доктор Каррель сильно встревожен, Мандт же, наоборот, не допускает непосредственной опасности. «Тем не менее, — добавил великий князь, — нужно будет позаботиться об опубликовании бюллетеней, чтобы публика была осведомлена о положении»...

В ту минуту, когда я пишу эти строки, с тех пор прошло только два дня, но мне кажется, что за эти два дня рухнул мир — столько важных и страшных событий произошло за этот короткий срок. 17-го, вернувшись с обеда у моих родителей, я пошла переодеться к вечеру у цесаревны; но пробило 10 часов, никто меня не позвал, и я спустилась в дежурную комнату, чтобы узнать в чем дело. Камеристка сказала мне, что состояние здоровья императора, по-видимому, ухудшилось, что цесаревна, вернувшись от него, удалилась в свой кабинет и что великая княгиня Мария Николаевна, которая проводит ночь при отце, каждый час присылает бюллетени о здоровье императора.

Я отправилась к Александре Долгорукой. М-lles Фредерикс и Гудович, только что вернувшиеся от императрицы, сказали нам, что они издали слышали, как Мандт говорил о поднимающейся подагре, о воспалении в легком. Эти дамы были чрезвычайно встревожены и умоляли нас пойти к цесаревне, чтобы получить точные сведения. Никто ничего не знал, а может быть, никто не смел высказывать вслух своих мыслей или своих опасений по поводу происходящего. Видны были только смущенные и объятые ужасом лица. Александра и я вторично спустились в дежурную комнату, где нам сказали, что цесаревну только что вызвали к императору. Мы решили дожидаться ее возвращения в спальне и в томительном ожидании провели целый час; эта большая комната, еле освещенная свечой, стоявшей на камине, и лампадкой, теплившейся перед образами, имела мрачный вид. Нам пришли сказать, что цесаревна вернулась с великой кня-

гиней Александрой Иосифовной, которая должна была провести ночь во дворце, чтобы быть поблизости на случай каких-либо событий. Вошел цесаревич со смертельно бледным и изменившимся лицом. Он пожал нам руку, сказал: «Дела плохи», — и быстро удалился. Убедившись, что ничего больше мы не узнаем, мы поднялись наверх. Мария Фредерикс получила более подробные сведения в дежурной комнате императрицы. Подагра поднималась, паралич легких был неминуем. Императрица робко предложила императору причаститься. Он ответил, что причастится, когда ему будет лучше и он в состоянии будет принять святые тайны стоя. Императрица не решилась настаивать, чтобы не встревожить его. Она стала читать возле него «Отче наш», и когда она произнесла слова: «Да будет воля твоя», он горячо сказал: «Всегда, всегда»¹.

Ночь уже была поздняя, но тревога не давала нам спать. С несколькими фрейлинами я пошла в дворцовую церковь, слабо освещенную немногими свечами, горевшими перед иконостасом. Но душа моя была объята ужасом, и сердце не могло молиться, хотя уста и произносили привычные слова...

Вернувшись к себе, я нашла записку от графини Антонины Блудовой, писавшей цесаревне от имени своего отца, о необходимости немедленно распорядиться служить во всех церквях молебны, чтобы народ был оповещен об опасности, угрожающей жизни императора.

Я понесла эту записку цесаревне. Мне сказали, что она только что легла. Тогда я попросила передать записку цесаревичу, который находился при императоре. Поднявшись к себе, я, не раздеваясь, прилегла на кровать и слегка задремала, но сильный шум шагов по коридору вскоре разбудил меня. Вся дрожа, я вышла из комнаты и встретила Екатерину Тизенгаузен, которая куда-то бежала с другой фрейлиной императрицы, кн. Екатериной Трубецкой. Они мне сказали, что к императору только что позвали Баженова (духовника императорской фамилии). С ними вместе я спустилась вниз.

¹ Последние слова — по-русски.

Было часа два или три ночи, но во дворце никто уже не спал. В коридорах, на лестницах — всюду встречались лица испуганные, встревоженные, расстроенные, люди куда-то бежали, куда-то бросались, не зная, в сущности, куда и зачем. Шепотом передавали друг другу страшную весть, старались заглушить шум своих шагов, и эта безмолвная тревога в мрачной полутьме дворца, слабо освещенного немногими стенными лампами, еще усиливала впечатление испытываемого ужаса.

Умиравший император лежал в своем маленьком кабинете в нижнем этаже дворца. Большой вестибюль со сводами рядом с его комнатами был полон придворными: статс-дамы и фрейлины, высокие чины двора, министры, генералы, адъютанты ходили взад и вперед или стояли группами, безмолвные и убитые, словно тени, движущиеся в полумраке этого обширного помещения. Среди томительной тишины слышно было только завывание ветра, который порывами врывается в огромный дворцовый двор. Казалось, что сама природа присоединяется к чувствам ужаса и страха, вызываемым в наших душах страшной и великой тайной смерти, совершающейся над тем человеком, сильным и мощным, который в течение более четверти века был в глазах нашей великой страны олицетворением могущества и жизни. Неужели исчезнет эта величавая фигура, которая как в отвлеченном, так и в реальном смысле была самым полным, самым ярким воплощением самодержавной власти со всем ее обаянием и всеми ее недостатками?! И дыхание смерти пронесется над ней столь же равнодушно, как над былинкой в поле, превратит ее в прах и смешает с землей?! За всю мою жизнь мне не приходилось видеть смерти, и она впервые предстала предо мной, внезапная, неожиданная во всем своем неумолимом противоречии с полнотой жизни; это приводило меня в такой ужас, воспоминание о котором никогда не изгладится из моей души.

Ежеминутно из комнаты умирающего нам сообщали новые подробности. Несколько лиц из самых близких к императрице, чаще всего Мария Фредерикс, ходили взад и вперед из вестибюля в дежурную комнату, где находились врачи и дежурные и через которую беспрестанно про-

ходили члены императорской семьи. От них мы были осведомлены с часа на час о том, что происходило.

Император после исповеди громким и твердым голосом произнес молитву перед причастием: «Верую, Господи, и исповедую» и т. д. и причастился с величайшим благоговением. По его желанию, вся императорская семья собралась вокруг его кровати. Великие княгини всю ночь провели, не раздеваясь, в Зимнем дворце; они отдыхали в ту минуту, когда их позвали. Камеристка цесаревны говорила мне, что никогда еще она не видела ее такой взволнованной и потрясенной. Император благословил всех своих детей и внуков и говорил отдельно с каждым из них, несмотря на свою слабость. Благословляя цесаревну, он продолжительным взглядом, казалось, особенно поручил ей императрицу, как будто более всего он полагался на ее любовь и на ее заботу. Благословив всех, он сказал, обращаясь ко всем вместе: «Напоминаю вам о том, о чем я так часто просил вас в жизни: оставайтесь дружны».

Вся семья теснилась у его изголовья, но он сказал: «Теперь мне нужно остаться одному, чтобы подготовиться к последней минуте. Я вас позову, когда наступит время».

Семья удалилась в соседнюю комнату. При умирающем императоре остались только императрица, цесаревич и Мандт. Император настоятельно просил императрицу отдохнуть, хотя бы ненадолго. Она сказала ему:

— Оставь меня подле себя; я бы хотела уйти с тобою вместе. Как радостно было бы вместе умереть!

— Не грехи, — ответил император, — ты должна сохранить себя ради детей, отныне ты будешь для них центром. Пойди соберись с силами, — я тебя позову, когда придет время.

Императрица прилегла на кушетке в соседней комнате. Часов в пять приехала великая княгиня Елена Павловна, которую вызвали из Михайловского дворца. Умирающий привычным движением провел рукой по ее лицу и сказал шутливым тоном, который с ней часто принимал: «Bonjour, madame Michel».

Страдания усиливались, но ясность и сознание духа ни на минуту не покидали умирающего. Он позвал к сво-

ему изголовью князя Орлова, графа Адлерберга и князя Василия Долгорукого, чтобы проститься с ними, велел позвать несколько гренадеров и поручил им передать его прощальный привет их товарищам. Цесаревичу он поручил проститься за него с гвардией, со всей армией, и особенно с геройскими защитниками Севастополя. «Скажи им, что я и там буду продолжать молиться за них, что я всегда старался работать на благо им. В тех случаях, где это мне не удалось, это случилось не от недостатка доброй воли, а от недостатка знания и умения. Я прошу их простить меня». В пять часов он сам продиктовал депешу в Москву, в которой сообщал, что умирает, и прощался со своей старой столицей. В стране не знали даже, что он болен. Он велел еще телеграфировать в Варшаву и послать депешу к прусскому королю, в которой он просил его всегда помнить завещание своего отца и никогда не изменять союзу с Россией. Несколько часов спустя после смерти императора Николая император Александр II получил от прусского короля депешу в следующих словах: «Я никогда не забуду завета твоего покойного отца».

(Эти подробности я имею от цесаревны.)

Император приказал собрать в залах дворца все гвардейские полки с тем, чтобы присяга могла быть принесена немедленно после его последнего вздоха. Он велел также позвать madame Рорбек, любимую камер-фрау императрицы, которая удивительно хорошо ухаживала за ней во время ее последней болезни в Гатчине. Император с горячностью благодарил ее за ее преданность императрице, просил ее продолжать заботиться о ней и прибавил: «Передайте еще мой привет моему милому Петергофу».

Длинная ночь уже приходила к концу, когда приехал курьер из Севастополя — Меншиков-сын. Об этом еще доложили императору, который сказал: «Эти вещи меня уже не касаются. Пусть он передаст депешу моему сыну».

В то время как мы шаг за шагом следили за драмой этой ночи агонии, я вдруг увидела, что в вестибюле появилась несчастная Нелидова. Трудно передать выражение ужаса и глубокого отчаяния, отразившихся в ее растерянных глазах и в красивых чертах, застывших и бе-

лых, как мрамор. Проходя, она задела меня, схватила за руку и судорожно потрясла. «Прекрасная ночь, m-lle Тютчева, прекрасная ночь», — сказала она хриплым голосом. Видно было, что она не сознает своих слов, что безумие отчаяния овладело ее бедной головой. Только теперь, при виде ее, я поняла смысл неопределенных слухов, ходивших во дворце по поводу отношений, существовавших между императором и этой красивой женщиной, отношений, которые особенно для нас, молодых девушек, были прикрыты с внешней стороны самыми строгими приличиями и полной тайной. В глазах человеческой, если не Божеской, морали эти отношения находили себе некоторое оправдание, с одной стороны, в состоянии здоровья императрицы, с другой — в глубоком, бескорыстном и искреннем чувстве Нелидовой к императору. Никогда она не пользовалась своим положением ради честолюбия или тщеславия, и скромностью своего поведения она умела затушевать милость, из которой другая создала бы себе печальную славу. Императрица с той ангельской добротой, которая является отличительной чертой ее характера, вспомнила в эту минуту про бедное женское сердце, страдавшее если не так законно, то не менее жестоко, чем она, и с той изумительной чуткостью, которой она отличается, сказала императору: «Некоторые из наших старых друзей хотели бы проститься с тобой: Юлия Баранова, Екатерина Тизенгаузен и Варенька Нелидова». Император понял и сказал: «Нет, дорогая, я не должен больше ее видеть, ты ей скажешь, что я прошу ее меня простить, что я за нее молился и прошу ее молиться за меня». Само собой разумеется, я все эти подробности узнала позднее, но из уст, гарантирующих их достоверность.

Ночь кончалась. Бледный свет петербургского зимнего утра понемногу проникал в вестибюль, в котором мы находились. Приток народа и волнение все возрастали около комнаты, где император в тяжелых страданиях, но в полной ясности ума боролся с надвигавшейся на него смертью. Наступил паралич легких, и по мере того, как он усиливался, дыхание становилось более стесненным и более хриплым. Император спросил Мандта: «Долго

ли еще продлится эта отвратительная музыка?» Затем он прибавил: «Если это начало конца, это очень тяжело. Я не думал, что так трудно умирать». В 8 часов пришел Баженов и стал читать отходную. Император со вниманием слушал и все время крестился. Когда Баженов благословил его, осенив крестом, он сказал: «Мне кажется, я никогда не делал зла сознательно». Он сделал знак Баженову тем же крестом благословить императрицу и цесаревича. До самого последнего вдоха он был озабочен тем, чтобы выказать им свою нежность. После причастия он сказал: «Господи, прими меня с миром» и, указывая на императрицу, сказал Баженову: «Поручаю ее вам», и ей самой: «Ты всегда была моим ангелом-хранителем с того мгновения, когда я увидел тебя в первый раз, и до этой последней минуты». Во время агонии он держал еще в своих руках руку супруги и сына и, уже не будучи в состоянии говорить, прощался с ними взглядом. Императрица держалась с изумительным спокойствием и стойкостью до той минуты, когда собственными руками закрыла ему глаза. В десять часов нам сказали, что император потерял способность речи. До тех пор он говорил голосом твердым и громким и с полной ясностью ума.

Я была в комнате графини Барановой, окна которой выходят на улицу. Утренний туман рассеялся. Под ослепительным солнцем сверкал снег и иней на деревьях Адмиралтейского бульвара. Проехали несколько мужиков, равнодушно лежа в своих розвальнях. Жизнь текла обычным порядком, беззаботно и бессознательно в двух шагах от комнаты, где умирал император! Контраст так поразил меня, что я поспешила уйти в церковь, где шла служба преждеосвященных даров, так как была пятница. В последний раз я слышала, как провозгласили имя императора среди живых. Еще молились о его здравии.

Что касается меня, я не знаю, было ли молитвой то, что во мне происходило. Всякое человеческое чувство было как бы уничтожено во мне перед лицом великой тайны смерти, совершавшейся на моих глазах в обстановке такой величавой и потрясающей. Мне бы казалось кощунством даже в глубине своей души молиться о выздоровлении императора или о продлении его дней. Рядом с

этим смертным одром Бог, вечность представлялись мне единственной подлинной действительностью, смерть переходом к этой великой реальности, а земная жизнь сновидением или призраком, не достойным ни наших молитв, ни сожалений.

Император скончался, по-видимому, в ту минуту, когда завершалась обедня. Выйдя из церкви, я вернулась в вестибюль, где уже толпился народ. Генерал-адъютант Огарев вышел из комнаты императора и сказал: «Все кончено». Наступила жуткая тишина, прерываемая глухими рыданиями. Двери из императорских покоев распахнулись, и нам сказали, что мы можем подойти к покойному и проститься с ним. Толпа бросилась в комнату умершего императора. Это была антресоль нижнего этажа, довольно низкая, очень просто обставленная, которую император предпочитал занимать и последние годы своей жизни во избежание высоких лестниц, так как его парадные покои были на самом верху, над покоями императрицы. Император лежал поперек комнаты на очень простой железной кровати. Голова покоилась на зеленой кожаной подушке, а вместо одеяла на нем лежала солдатская шинель. Казалось, что смерть настигла его среди лишений военного лагеря, а не в роскоши пышного дворца. Все, что окружало его, дышало самой строгой простотой, начиная от обстановки и кончая дырявыми туфлями у подножия кровати. Руки были скрещены на груди, лицо обвязано белой повязкой. В эту минуту, когда смерть возвратила мягкость прекрасным чертам его лица, которые за последнее время так сильно изменились благодаря страданиям, подтачивавшим императора и преждевременно сокрушившим его, — в эту минуту его лицо было красоты поистине сверхъестественной. Черты казались высеченными из белого мрамора, тем не менее сохранился еще остаток жизни в очертаниях рта, глаз и лба, в том неземном выражении покоя и завершенности, которое, казалось, говорило: «Я знаю, я вижу, я обладаю», в том выражении, которое бывает только у покойников и которое дает нам понять, что они уже далеки от нас и что им открылась полнота истины. Я видела смерть вблизи первый раз, но она не устрашила меня;

наоборот, я почувствовала к ней тяготение. Я поцеловала руки императора, еще теплые и влажные, и не ушла, а встала около стены у изголовья и оставалась тут, пока проходила толпа, прощаясь с покойником. Я долго, долго смотрела на него, не сводя глаз, словно прикованная тайной, которую излучало это красивое и спокойное лицо, и с грустью оторвалась от этого созерцания.

Я добавлю здесь еще некоторые подробности о последних минутах императора, которые передала мне великая княгиня. Незадолго перед концом императору вернулась речь, которая, казалось, совершенно покинула его, и одна из его последних фраз, обращенных к наследнику, была: «Держи все — держи все»¹. Эти слова сопровождались энергичным жестом руки, обозначающим, что держать нужно крепко.

Вся императорская семья стояла на коленях вокруг кровати. Император сделал цесаревичу знак поднять цесаревну, зная, что ей вредно стоять на коленях. Таким образом, даже в эти последние минуты его сердце было полно той нежной заботливости, которую он всегда проявлял по отношению к своим. Предсмертное хрипение становилось все сильнее, дыхание с минуты на минуту делалось все труднее и прерывистее. Наконец, по лицу пробежала судорога, голова откинулась назад. Думали, что это конец, и крик отчаяния вырвался у присутствующих. Но император открыл глаза, поднял их к небу, улыбнулся, и все было кончено! При виде этой смерти, стойкой, благоговейной, можно было думать, что император давно предвидел ее и к ней готовился. Отнюдь нет. До часа ночи того дня, когда он скончался, он не сознавал опасности и так же, как и все окружающие смотрел на свою болезнь как на преходящее нездоровье. Вот еще некоторые подробности (имею их от графини Блудовой, которая сама слышала их от Мандта). Вечером 17-го графиня пошла к Юлии Федоровне Барановой, чтобы от нее узнать о состоянии здоровья государя. В это время уже начинали говорить об опасности его положения и о том, что следовало бы ему причаститься. Графиня Блу-

---

¹ По-русски.

дова написала Мандту, напоминая ему, что он дал слово государю предупредить его и предложить причаститься, как только он заметит, что жизни его грозит опасность. Так было условлено между императором и его врачом уже много лет назад. Графиня Блудова это знала. В час ночи она сама отнесла записку к двери Мандта, который только что на минуту прилег отдохнуть, но в 2 часа должен был вернуться к августейшему больному. Он потом рассказал графине Блудовой, что, войдя к императору, он сказал:

— Ваше величество, я только что встретил своего старого друга, и он меня просил повергнуть к стопам вашего величества его почтительнейшую просьбу.

— Кто это? — спросил император.

— Баженов, — ответил врач.

— Ваш друг? — спросил государь. — С каких пор?

— Со смерти великой княжны Александры, — сказал Мандт, думая этими словами направить мысли государя к смерти. Но император молчал.

— Не желаете ли вы, ваше величество, чтобы Баженов пришел помолиться с вами?

Император не отвечал. Мандт приложил стетоскоп к его груди и стал выслушивать.

— Плохо, ваше величество, — сказал врач.

— В чем же дело, — спросил государь, — образовывается новая каверна?

— Хуже, ваше величество.

— Что же?

— Начинается паралич.

При этих словах государь вдруг выпрямился, уставил на Мандта взгляд властный и проницательный и сказал твердым голосом:

— Так это смерть?

Мандт рассказывает, что несколько мгновений он не мог произнести ни слова, потом сказал:

— Ваше величество, вы имеете перед собой только несколько часов.

Император откинул назад голову, повернулся к стене и, казалось, глубоко сосредоточился. После чего сказал:

— Пусть позовут Баженова.

Когда вошел наследник:

— Я велел позвать Баженова, — сказал он, — но, главное, не испугайте императрицу.

И когда через несколько минут появилась императрица:

— А она все-таки пришла, — сказал государь.

Большинство этих подробностей я узнала от самой цесаревны, от цесаревны, которая с сегодняшнего утра уже императрица. Хотя она больна и очень удручена, она сегодня разрешила мне войти к ней. Из комнаты, в которой умер государь, я прямо прошла к маленькой великой княжне Марии, которой теперь полтора года. Она как будто понимает, что произошло что-то важное, и усиленной ласковостью хочет утешить тех, кто плачет кругом нее. Мать обещала поручить мне воспитание этого дорогого ребенка, и главным образом ради нее я записываю все подробности этой кончины, которые когда-нибудь будут для нее очень ценны...

Несмотря на крайнюю усталость после ночи, проведенной без сна и после стольких потрясений, я не могла найти покоя. Я прошла в церковь, где без перерыва проходили войска, вызванные с утра еще распоряжением императора Николая, и приносили присягу новому императору.

Оттуда я отправилась к молодой императрице. Мне сказали, что она вернулась, но что у нее сильная мигрень, сопровождавшаяся рвотой, и что теперь она прилегла отдохнуть на кушетку. Камеристка сказала ей, что я здесь; она позвала меня, протянула мне руку и нежно обняла. Я была поражена выражением ее лица. Она была очень бледна, и в ее чертах было что-то такое сосредоточенное, такое глубокое, такое просветленное, что ее душа, казалось, принадлежала тоже потустороннему миру. Она мне сказала: «Сегодня ночью мне раскрылась тайна вечности, и я молю Бога, чтобы он дал мне никогда этого не забыть». Потом она подробно говорила со мной о последних, столь высоких, минутах жизни императора Николая, его характере, его любви к своим, о его большой привязанности к ней и своем чувстве к нему. «Несомненно, — сказала она, — это тот человек, которого я больше всех любила после моего мужа и который больше всех других любил меня».

Я поехала обедать к своим родителям и застала их под очень сильным впечатлением. «Как будто вам объявили, что умер Бог», — сказал отец со свойственной ему яркостью речи.

Вечером императрица прислала мне записку с просьбой подробно написать m-lle Грансе о происшедшем событии.

В 8 ч. вечера была панихида у постели покойного. Семья присутствовала в самой комнате, свита — в соседней.

Поздно вечером я отнесла свое письмо к молодой императрице. Я застала ее за письмом все еще бледной и удрученной, но для меня было утешением поцеловать ее руку, прежде чем лечь спать.

У меня уже есть чувство, что я разделена с ней; ее новое положение создает как бы стену между мною и прошлым, когда я была так счастлива около моей дорогой цесаревны.

Того же числа.

Я присутствовала на первой обедне, на которой были провозглашены имена моего императора и моей императрицы, и горячо молилась за них...

Молебен по случаю восшествия на престол должен был состояться в час дня, а затем высочайший выход в залы со стороны Дворцовой площади. В Белом зале собрался официальный мир. Император и императрица вышли под руку, в сопровождении великого князя Константина Николаевича и его супруги, великих княгинь Марии Николаевны и Елены Павловны и царских детей. На императрице и на великих княгинях были трены из белого крепа без всяких украшений. Император был очень бледен, но никогда я не видала его таким красивым. На его лице отпечатлелось горе, наполнявшее его сердце, и сознание великой ответственности, на него возложенной, и это придавало его чертам выражение твердое и проникновенное, которого вообще у него не хватает. Вид его и мысль о том, при каких тяжелых условиях он вступает на престол и какая трудная борьба ему предстоит, волновали сердце. Это чувство было общее у всех присутствующих, и в приветствиях, которыми была встречена

молодая и красивая императорская чета, проходившая с таким грустным и сосредоточенным видом, звучала искренняя и глубоко прочувствованная нота.

В церкви был прочтен манифест о восшествии на престол. Великий князь Константин произнес присягу громким и энергичным голосом. Он после спрашивал одно лицо, которое это мне передало, хорошо ли его было слышно. «Я хочу, — сказал он, — чтобы знали, что я первый и самый верный из подданных императора». Он, очевидно, намекал этими словами на те разговоры, которые шли по поводу его нежелания будто бы подчиняться брату, что, как говорят, возбуждало неудовольствие покойного императора и беспокоило его. Во время молебна император стоял на коленях и молился с выражением глубокого благоговения. Он приложился к кресту и поцеловал членов семьи, но за этим не последовало ни церемонии целования руки, ни принесения поздравлений. Императрица запросто приняла в своих покоях лиц свиты. Меня при этом не было, так как я сошла к детям, и когда я спросила, могу ли я ее видеть, она уже переоделась и лежала на кушетке, бледная и усталая. Я выразила ей свои пожелания и просила ее принять от меня маленькую икону св. Троицы, которая перешла ко мне от бабушки. Она очень сердечно приняла этот мой подарок и сказала мне, что это первая икона, которую она получает как императрица.

Вошел император. Я ему сказала: «Да благословит Господь ваше величество». Он ответил мне: «Не называйте меня так: это мне слишком больно». При этом он был так грустен! Видно, что он испытывает только горе от потери отца, а что корона не имеет для него никакой цены.

Вечером я пошла на панихиду. Тело государя лежит все еще на кровати, но уже одето в кавалергардский мундир. Черты застыли, лицо имеет свинцовый оттенок. Прекрасное и мягкое выражение первой минуты исчезло. Это поистине смерть, со всем ужасом разрушения, смерть, неумолимо провозглашающая ничтожество и непрочность всего земного. Я уже не нахожу в себе никаких следов экзальтации первых минут, ощущаю только ужас и отчаяние. Как! Это величавое существо, занимавшее так

много места в мире, казавшееся таким твердым, таким могущественным, разрушено в несколько часов! От него не остается ничего, кроме шепотки праха, вокруг которого еще немного пошумят, но вскоре и над этой могилой повеет тишиной и одиночеством. Возобновится жизнь более оживленная, чем когда-либо; появятся другие люди с другими интересами, полные иллюзорного сознания своей силы, своего значения, своей прочности, до той минуты, когда невидимое дыхание пронесется над ними и в свою очередь поглотит их...

20 февраля.

Сегодня была обедня в маленькой церкви, и читались молитвы о даровании победы. В час состоялась панихида в комнате, где лежит покойный император. Тело уже набальзамировано, и лицо его страшно изменилось. Он сам сделал все распоряжения на случай своей смерти и пожелал, чтобы его бальзамировали по системе Ганоло, заключающейся в том, что делается простой надрез в артерии шеи и впускается туда электрический ток. Он пожелал также, чтобы тело его стояло в одном из залов нижнего этажа, чтобы не омрачать грустными воспоминаниями покоев императрицы. Он запретил затягивать черным зал, где он будет стоять, а также церковь в крепости и потребовал, чтобы тело его было выставлено для прощания в течение только трех недель вместо шести, как это было принято раньше, чтобы дать возможность приехать из отдаленных мест поклониться праху покойного государя. Траур тоже должен быть ограничен шестью неделями.

В этом заключается ошибка. Prestиж власти в значительной степени поддерживается окружающими ее этикетом и церемониалом, сильно действующими на воображение масс. Опасно лишать власть этого ореола. Было особое величие в том, что из Сибири, с берегов Каспийского моря приезжали люди отдать последний долг своему государю. Такое проявление чувств служит могучей связью между государем и его подданными. Теперь когда они приедут, то найдут уже закрытую могилу. Сегодня тело покойного императора перенесли в Белый зал,

в ту половину дворца, в которой дочери императора жили перед замужеством. Этот зал невелик, а толпа была огромная, и жара почти нестерпимая. Во время этой душу раздирающей церемонии перенесения тела с бедной императрицей-матерью два раза сделалось дурно. Я вышла оттуда в ужасающем нервном состоянии и встретила добрейшего Олсуфьева. Мы вместе плакали, вспоминая доброе старое время, которое должно кончиться...

21 февраля.

Сегодня утром я присутствовала на панихиде совершенно больная. Пришлось закрыть лицо государю. Говорят, что оно сильно распухло. Бальзамирование произведено неудачно, и тело начинает разлагаться. Запах был очень ощутителен. Императрица-мать в залу не входила, она присутствовала на панихиде в соседней комнате. Вернувшись к себе, я застала там Лизу Карамзину, Ольгу Смирнову и Антонину Блудову. Эта последняя сказала мне, что необходимо уговорить государя немедленно опубликовать подробности смерти императора Николая, так как в народе уже ходит множество слухов, волнующих массы и могущих повести к беспорядкам. Все поражены внезапностью смерти, весть о которой разразилась, как бомба, как удар молнии, тогда как не было помещено ни одного бюллетеня о болезни императора и об опасности, угрожавшей его жизни. Недовольны тем, что тело выставлено в таком маленьком зале, что публике нет к нему доступа. Уже распространяется слух, что тело портится и что пришлось его закрыть. Говорят об отравлении, уверяют, что партия, враждебная войне, хотела отделаться от императора, обвиняют Мандта, которому давно не доверяют, — одним словом, тысячи нелепых слухов, какие часто возникают в моменты неожиданных кризисов, слухов, которым верят массы, всегда жадные до всего необычайного и страшного. Для них все представляется возможно, кроме того, что действительно есть.

Мы много говорили с этими дамами о причинах, вызвавших смерть императора, столь же неожиданную, сколько преждевременную. Нет никакого сомнения, что его убили последние политические события и не столько

война и ее неудачи, сколько озлобление и низость не только его врагов, но и тех, в ком он видел своих друзей и союзников, на кого он считал себя вправе рассчитывать и ради кого он часто, вопреки собственным патриотическим чувствам, приносил в жертву даже интересы своей родной страны. Все последние акты его царствования, отмеченные печатью нерешительности и противоречий, свидетельствуют о мучительной борьбе, происходившей в душе этого человека, правдивого и благородного даже в своих заблуждениях...

В 6 часов вечера императрица бывает одна у себя в туалетной и отдыхает час между обедом и семейным собранием в семь часов, когда к ней приходит император и собираются все дети — большие и малые. Между шестью и семью императрица отдыхает на кушетке и читает. Если я имею ей что-нибудь сообщить, то обыкновенно в этот час иду к ней, и большей частью она меня принимает. Сегодня я пошла, чтобы передать то, что слышала от гр. Блудовой о неудовольствии, выражаемом публикой по поводу таинственности, окружавшей смерть императора Николая. Императрица ответила мне: «Увы! Покойный император, конечно, не ожидал, что своими распоряжениями об упрощении траурного церемониала создаст затруднения своему сыну с первого же дня его восшествия на престол. Это должно послужить для нас хорошим уроком: вы видите, что мы не имеем права нарушать традицию, что долг наш как государей должен брать верх над нашими личными чувствами и, — грустно добавила она, — что, принадлежа другим в течение всей своей жизни, мы не имеем права принадлежать себе и после смерти; мы остаемся общественным достоянием до тех пор, пока земля не покроет нас».

Я говорила затем императрице о тех речах, которые ведутся в придворных кругах и раздаются у самого гроба. Все единодушно повторяют, что, конечно, смерть императора Николая — большая потеря и большое несчастье, но что при данных обстоятельствах нужно видеть в этом событии действие Божественного промысла, которое облегчит заключение мира; что императору Николаю трудно было бы согласиться на некоторые унижительные ус-

ловия, но что молодой император, не будучи ответствен за прошлое, может без стыда подписать эти условия, которые принесут нам мир. Все эти люди, по-видимому, думают, что честь и интересы России — только вопрос личного самолюбия государя: так как в этом маленьком деле замешано было самолюбие императора Николая, ему неудобно отступать, но император Александр, как человек новый, может, по их мнению, отнестись к вопросу более легко. Что касается России, то совершенно забывают о том, что она может иметь собственные чувства или собственное мнение по поводу своей исторической судьбы. К счастью, молодой император не разделяет этой точки зрения. Он уже говорил в присутствии некоторых лиц, которые мне передали, что он скорей умрет, чем согласится на уступки, унижительные для России. В совете министров он говорил об этом так горячо, что удивил всех. Он воскликнул: «Господа, не унывать! Мы не отступим ни на шаг».

Императрица рассказала мне, что за последнее время цесаревичу случалось говорить: «Я не узнаю императора, у него нет больше прежней энергии — он слабеет, слабеет!» Молодой император был слишком хорошим сыном, он слишком любил своего отца, чтобы когда-либо открыто выступать против него, но в глубине души он не мог сочувствовать колебаниям, наблюдавшимся в конце царствования. Если судить по словам императрицы, можно надеяться, что во внешнюю политику будет внесено больше энергии и ясности. Молодые император и императрица, еще будучи наследником и наследницей, были более доступны голосам извне, чем император; правда легче и полнее доходила до них, они были больше осведомлены об общественном мнении, они знали, чего Россия от них ожидает и чего она желает. Поэтому можно надеяться, что в своем образе действий они будут руководствоваться национальным сознанием страны и что в общении с народом они почерпнут необходимую им силу.

Пришлось расстаться с императрицей и идти на панихиду. Император и императрица, простившись с императрицей-матерью, удалились к себе, чтобы остаться вдвоем. Мы их по вечерам теперь больше совсем не ви-

дим. Я оставалась у себя с несколькими лицами, которые приехали повидать меня, и мы много говорили о молодом императоре, первые шаги царствования которого вызвали всеобщее сочувствие.

22 февраля.

Антонина Блудова прислала мне сегодня письмо Хомякова, московского поэта-славянофила, в котором он приветствует восшествие на престол молодого императора. Я отнесла это письмо императрице.

У гроба покойного императора ежедневно бывает две панихиды: в час дня и в восемь часов вечера. После службы мои знакомые и друзья заходят ко мне. Сегодня много говорили о разных предзнаменованиях, которые предшествовали смерти императора. Великая княгиня Александра Иосифовна клянется, что в последние дни пребывания в Гатчине, однажды проходя с Бярятинским через Арсенал, она видела, как перед ней предстал белый призрак; за несколько дней перед смертью императора это видение повторилось здесь. (Уж не берлинская ли это белая женщина, которая из политической любезности причислила русского императора к членам дома Гогенцоллернов?¹) Но вот факт более поразительный и более достоверный: в последние дни жизни императора большая черная птица, встречающаяся только в Финляндии, где она считается предвестницей зла, каждое утро прилетала и садилась на телеграфный аппарат, находившийся на башенке над комнатой, где умер император. Послали, наконец, часового прогнать ее. Тогда она улетела по направлению к шпицу крепости и исчезла. В первое воскресенье поста, когда провозглашается многолетие императору с перечислением всех его титулов, диакон ошибся и провозгласил вместо многолетия императору «вечную память», — это глубоко потрясло присутствующих. Один юродивый в Москве сказал графу Закревскому, что на пятой неделе будет «великое венчание», что на языке этих людей значит погребение. Я помню, что осенью, когда императрице было очень плохо в Гатчине, я пошла

---

¹ Намек на известную легенду о «белой женщине», предвещавшей будто бы своим появлением несчастье Гогенцоллернскому дому.

однажды помолиться в гатчинский собор и была поражена, заставши там панихиду по Николае.

Сегодня вечером на панихиде запах был нестерпим. Тело в полном разложении, а народ волнуется. Говорят, что некоторые стараются приподнять тяжелые покровы, герметически закрывающие тело, и что трудно их от этого удержать.

23-го.

...Все удивлены твердостью и энергией, которые проявляет молодой император во всех своих действиях и словах с момента восшествия на престол. Александра Толстая говорила мне, что читала предсказание, согласно которому в 55-й час 55-й недели Константинополь вновь станет христианским после страшной борьбы, во время которой тот, кого называли сильным, будет взят с земли и что на его место явится тот, которому будет дан дар смирения, и ему будет принадлежать победа. Да будет так...

Императрица говорила мне сегодня о несчастьи, случившемся в Москве в день восшествия на престол. Большой колокол Ивана Великого сорвался и упал, убив двоих людей. Это произвело на нее впечатление дурного предзнаменования. Погодин, напротив, писал Антонине, что народ видит в этом падении колокола знак нашей близкой победы над врагами, так как он однажды уже падал, а именно 9 октября 1812 г., в тот самый день, когда французы ушли из Москвы и началось отступление, их погубившее.

Сегодня опубликованы подробности смерти покойного императора. Это несколько успокоит волнение, которое, говорят, чувствуется в народных массах. Вообще уверяют, что народ неспокоен, носятся слухи, будто молодой император стоит за господ, которых покойный император не любил и которым он не покровительствовал. Дай Бог, чтобы новый император каждому отдал должное, особенно же мыслящей и образованной части общества, которая была так придавлена и так мало пользовалась доверием в последнее царствование.

Сегодня вечером мне в первый раз удалось подойти к императрице-матери после смерти ее супруга и поцело-

вать у нее руку. Бедная хрупкая женщина пережила того сильного человека, на которого она всю жизнь всецело опиралась. Увы! Каким отчаянием одиночества должна быть исполнена ее бедная душа, и тем не менее в минуту самой смерти императора она сказала: «Я горячо молилась всю свою жизнь, чтобы мы могли умереть вместе, но если один должен был пережить другого, лучше мне испытать это горе. Что бы случилось с ним без меня?» Император, говорят, написал в своем завещании, что Россия никогда не узнает, чем она обязана императрице вследствие того влияния, которое она имела на него....

24 февраля.

Антонина прислала проект адреса императору от московского дворянства, составленный Хомяковым, с тем, чтобы я показала его императрице. Но я мало выдаю императрицу: она принимает много народа и у нас не хватало времени. Она, по-видимому, тоже не очень довольна своим новым ремеслом императрицы. Она говорила мне, что жалеет о своем красивом титуле цесаревны, который для нее создал император Николай. Я была вечером у нее, когда принесли маленькую Марию Александровну, щебетавшую, как птичка. Вошел император, малютка протянула к нему ручки, он взял ее на руки с порывом нежности. Приятно их видеть добрыми и любящими, как обыкновенные добрые люди, созданные из того же теста, как и простые смертные...

В публике говорят только об одном: о речах, которые император произнес перед дипломатическим корпусом и депутациями от дворянства. Он благодарил представителей иностранных дворов, и особенно послов Пруссии и Австрии. Австрийский император¹, после того как он двойственностью своей политики влил последнюю каплю яда в переполненную чашу, которой Европа отравила последние дни царствования императора Николая, поспешил, как только он узнал о смерти, прислать теле-

---

¹ Франц-Иосиф, престол которого был спасен в 1849 г., во время венгерского восстания, исключительно благодаря русской интервенции.

грамму с выражением самого горячего сожаления о том, кто был его лучшим другом, его вторым отцом, кто спас Австрию от верной гибели и кого он терял в ту минуту, когда собирался доказать ему всю силу своей благодарности. Бедный император Николай! Он оценил, чего стоит эта благодарность, когда перевернул к стене портрет коварного австрийца и написал над ним слова: *Du undankbare*¹.

Я слышала от цесаревича, что император действительно испытывал чисто отеческую нежность к молодому австрийскому императору и что его измена в момент европейской коалиции глубоко его уязвила.

Итак, император выразил благодарность представителям иностранных дворов за сочувствие, выраженное ими по поводу смерти императора (которой *все они более или менее содействовали*²), и затем прибавил, что будет продолжать политику отца во всем том, что в ней было хорошего и справедливого, но что он никогда, никогда не согласится на какие бы то ни было уступки, которые могли бы сколько-нибудь затронуть честь или интересы империи, ему вверенной. И это «никогда» было сказано самым решительным тоном, который произвел очень сильное впечатление на собрание. Император произнес также очень сильную речь при приеме депутаций от дворянства. Он закончил ее словами: «Будьте уверены, господа, что я не посрамлю России»³.

Все очень довольны твердостью, которую проявляет государь в этих первых выступлениях своего царствования. Когда он был цесаревичем, видели только его доброту и крайнюю скромность и при его восшествии на престол опасались, что та партия в Петербурге, которая хочет мира даже ценой самых унижительных уступок, с самого начала не приобрела бы влияния и не стала бы толкать его на путь *умеренности*², путь, который унизил бы достоинство России перед Европой и уронил бы императора перед подлинным общественным мнением стра-

¹ Неблагодарный.

² Подчеркнуто в тексте.

³ По-русски.

ны, вовсе не совпадающим с мнением высшего петербургского общества.

25 февраля.

Великая княгиня Ольга Николаевна приехала сегодня утром. Она выехала из Штутгарта при первом известии об опасности, грозящей жизни отца, и уже в Галле узнала о его смерти. В 8 часов вечера она в первый раз будет присутствовать на панихиде. В 11 часов я надела белое платье и отправилась дожидаться императрицу в спальню, через которую она обыкновенно проходит после 11 часов, чтобы перед сном перекрестить детей. Со мной была Александра Долгорукая. Мы прождали довольно долго. Увидя нас, императрица сказала: «Ах, вот они в белом, это напоминает доброе старое время». Она поцеловала нас и отправилась к своим сыновьям, говоря: «Я иду благословить бедного мальчика¹ в печальный день его рождения»...

26 февраля.

Сегодня по случаю дня рождения великого князя Александра была обедня и мы были в белом. Александра и я отправились в библиотеку, чтобы поздравить императрицу, но она поручила нам передать, что примет наши поздравления при общем приеме, что меня опять очень огорчило, дав мне лишний раз почувствовать, что отношения изменились...

Вечером была всенощная с воздвижением креста, а затем еще панихида. Тело сохраняют при помощи химических средств. В Лавре лицо должно быть открыто и доступно для лицезрения публики. Какая тщета в этом оспаривании у земли того, что, по Божественному слову, должно принадлежать земле!

Сегодня приехали герцогиня Мекленбургская и принц Прусский для присутствия на похоронах². Вечером я опять

---

¹ Великого князя Александра Александровича, родился 26 февр. 1845 г.

² Сестра императрицы Александры Федоровны, — Александра, герцогиня Мекленбург-Шверинская и брат ее — принц Карл-Фридрих-Александр.

сошла в спальню, чтобы на минуту видеть императрицу, у которой вид все более и более усталый и удрученный.

Воскресенье 27 февраля.

Обедня началась очень рано, в 9 ¹/₂ часов, потому что в 11 часов должен был состояться вынос тела. Я почувствовала себя глубоко растроганной при виде императора и императрицы, коленопреклоненных перед крестом. Видно было, что, проникнутые благоговением, они сами чувствуют на себе тяжесть того креста величия и власти, который возложила на них судьба. После обедни весь двор собрался в Красной гостиной, прилегающей к зале, где стоял гроб. В эту минуту вдруг объявили, что приехал эрцгерцог Вильгельм Австрийский¹. При этом известии лицо государя изменилось, на нем появилось выражение сухое и надменное, странным образом противоречащее его обычному выражению, мягкому и приветливому. Он сказал Шувалову: «Где он, просите его сюда». Он не сделал ни шага к нему навстречу, и прием его был как нельзя более холоден. Это никого не удивило. Все хорошо понимали, что происходило в душе молодого императора при приеме людей, содействовавших тому, что разбилось сердце покойного императора.

Похоронная процессия двинулась в двенадцать часов. Я сидела в пятой карете с Александрой Долгорукой, Екатериной Трубецкой и Наташей Бартеновой так далеко, что едва могла видеть шествие. Только когда оно загибалось за угол, мы могли различить золотой балдахин, блестящий на солнце, и государя в казацком мундире, и его брата Константина, идущих пешком за гробом. Когда мы сели в карету, мы увидели императрицу-мать, которая проходила через вестибюль, проводивши гроб мужа до порога дворца. Ее скорбь, обычно сдержанная и тихая, теперь прорывалась в рыданиях, разносившихся по дворцу. Мне рассказывали, что когда гроб вынесли из

---

¹ Чувства, вызванные при дворе приездом эрцгерцога Вильгельма, были выражены в известном стихотворении Ф.И. Тютчева:

*Нет! мера есть долготерпению,
Бесстыдству также мера есть!..*

дверей дворца, молодой император наклонился к своей матери и, остановив ее, перекрестил и обнял ее. Тогда она опустилась на землю, наклонилась и поцеловала порог той двери, через которую в последний раз перешагнул тот, кто был товарищем, покровителем и другом всей ее жизни; затем она ушла, оглашая дворец своими рыданиями, и тем не менее при встрече на лестнице графа Андрея Шувалова, бледного и расстроенного, доброта ее сердца, делающая ее такой внимательной ко всем окружающим, взяла верх над ее горем. Она остановилась и сказала ему: «Бедный граф, как вы, должно быть, устали». Он, вместо ответа, залился слезами.

Погребальная процессия прошла Адмиралтейскую площадь, Новый бульвар, новый Николаевский мост, первую линию Васильевского острова и повернула к крепости через Тучков мост. Солнце сияло ослепительно, как и в самый день смерти императора, и придавало Петербургу и всей этой похоронной церемонии какой-то праздничный и торжественный вид. По всему пути прохождения процессии были расставлены войска. Звонили колокола, на солнце блестели и искрились мундиры, играла военная музыка, безмолвно сомкнутыми рядами следовал народ. Процессия двигалась в продолжение двух часов. Когда она вошла в крепость, гроб был поставлен на подножие, обтянутое красным бархатом, стоявшее посреди церкви под огромным балдахином из серебряной парчи с горностаем. Храм, пронизанный лучами солнца, сиял огнями тысячи свечей. Во всем этом великолепии было что-то величественное и победоносное.

28 февраля.

Сегодня у императрицы обедали все иностранные принцы. Вечером из Севастополя приехали молодые великие князья, и вся семья собралась у императрицы-матери. В 11 часов великие князья поехали в крепость поклониться праху отца.

1 марта.

Я ужасно устала от этих постоянных панихид. Сегодня вечером, между шестью и семью, я пошла к императри-

це. В этот час она отдыхает после обеда и всегда бывает одна. Когда она не слишком устала, она принимает меня одну; это свидание с ней наедине вознаграждает меня за долгие промежутки времени, когда я ее совсем не вижу. Я застала ее сегодня за чтением иностранных газет, полных подробностей о смерти императора Николая и суждений о ней. Французская пресса старается выдерживать приличный тон, но английская пресса с «Times» во главе затянула торжествующую песнь дикаря, празднующую победу по поводу смерти своего грозного врага; английские газеты преисполнены бранью, ругательствами и диким ликованием. В этом тоже выражается своего рода дань уважения к памяти противника, которого они, очевидно, сильно боялись, если его смерть внушает им такую шумную радость. Они, кажется, даже думают, что вместе с русским императором умерла сама Россия и утратилось ее историческое значение. В иностранных газетах только и говорится, что о примирительном настроении нового императора, и высказывается уверенность в скором заключении мира. Никто не подозревает того, что за всемогущим самодержцем стоит целый народ и что этот народ не есть автомат или безжизненный механизм в руках владыки, что в России государь и народ составляют единый живой организм, и государь, как бы он ни был могуществен, не может идти против исторических законов роста этого организма.

Вчера я читала в «Indépendance» статью об императрице Марии Александровне, в которой громко восхваляется ее большой ум и говорится, что Россия может надеяться найти в ней вторую Екатерину. Изображать ее в этом свете — значит, оказать ей плохую услугу по отношению к императору, так как среди окружающих его лиц находится много таких, которые ставят себе целью внушить императору недоверие к императрице и подозрение, что она может воспользоваться своим умственным превосходством над ним, чтобы подчинить его и оказывать влияние на дела. Нужно очень мало знать императрицу, чтобы приписывать ей какое бы то ни было сходство с Екатериной II. Императрица, несомненно, очень умна; ум ее очень тонкий, очень чуткий, очень проника-

тельный, но между ее умом и умом Екатерины II совершенно нет ничего общего. Екатерина II была не столько умной женщиной, сколько гениальным мужчиной; она была призвана к тому, чтобы влиять на людей, направлять их, управлять ими; чтобы всегда проявлять себя во вне и искать во внешней и чисто земной жизни удовлетворения своему огромному честолюбию. Императрица Мария не обладает ни одним из качеств и ни одним из недостатков Екатерины II. Она создана гораздо более для внутренней жизни, душевной и умственной, чем для активной деятельности и для внешних проявлений. Честолюбие свое она обращает не на искание власти или политического влияния, но на развитие своего внутреннего существа...

Панихиды все продолжают по два раза в день. У меня расстроены нервы, и я по вечерам езджу кататься в коляске по набережной, чтобы подышать воздухом, прежде чем ложиться спать. Я тогда вижу большие толпы людей, которые безмолвно, как тени, во мраке ночи направляются в крепость, чтобы поклониться праху императора. Есть какая-то скорбная торжественность в этих ночных прощаниях умершего государя со своим народом.

2 марта.

Была обедня во дворце, а затем панихида в крепости. Императрица-мать приехала туда и, когда ее два младших сына подошли, чтобы поклониться телу отца, она положила одну руку на императора, а другую на голову своих сыновей, как бы благословляя их за него; после этого она долго обнимала их; молодой император также обнял их. Императрица, которую я видела сегодня утром, рассказала мне, что молодые великие князья уехали из Севастополя тотчас же по получении известия об опасности, грозившей жизни их отца, и что они узнали о его смерти ночью в степи, где они встретили Паскевича, ехавшего к ним с этим известием.

Императрица говорила со мной также про предсказание, сделанное одним отшельником Михаилу Павловичу о смерти его дочери, о его собственной смерти и о смерти императора Николая. Великий князь Михаил ни-

когда не хотел рассказать того, что было предсказано о детях императора Николая, говоря, что он откроет это только императрице, но он так и умер, не решившись ей этого сказать. По-видимому, это было что-то зловещее.

Сегодня император принимал Ермолова, призванного на службу после долгой немилости, и оказал ему очень милостивый прием. Императрица-мать также была чрезвычайно ласкова к нему и сказала ему, что покойный император к концу жизни совершенно отказался от предубеждений против него и часто в последнее время говорил: «Мне бы очень нужны были теперь советы Кавказского мудреца». В городе ходит слух об отставке Бибикова, его заместителем называют Михаила Муравьева, который в последнее время был в оппозиции, но который, конечно, мог бы оказать большие услуги России, если бы сумели использовать его большие административные способности.

3 марта.

Сегодня утром я была у обедни в крепости и вынесла оттуда ужасное впечатление. Церковь была довольно пуста, так как на время обедни прекращается доступ публики, приходящей проститься с телом; этим временем пользуются для того, чтобы убрать церковь, в буквальном смысле устланную грязью, приносимой на ногах посетителей. Выметают, чистят и поднимают облака пыли, и производят адский шум без всякого уважения к службе и невзирая на покойника, который лежит тут же, с короной на голове, покрашенный, нарумяненный, залитый тошнотворными ароматами, плохо скрывающими, однако, несмотря на все, запах разложения, исходящий из этого императорского гроба. В таком безмерном продолжении похоронных церемоний я вижу скорее профанацию смерти, чем знак уважения к покойнику.

6 марта.

Все кончено. Свершилось. Императора Николая сегодня похоронили, и от этой величавой фигуры, которая тридцать лет витала над судьбами Европы, не осталось ничего, кроме надгробной плиты среди многих других плит.

и исторического имени, над которым потомство произнесет свой приговор...

Погода опять была чудесная. Император, великие князья и генеральный штаб отправились в крепость верхом, императрица, великие княжны и дамы свиты — в траурных каретах. Когда царская процессия достигла крепости, обедня уже кончилась и немедленно началось отпевание. На подмостках около гроба благоговейно стояла вдовствующая императрица, сосредоточенная и убитая горем. В минуту последнего прощания она наклонилась над телом мужа и долго, долго обнимала его, затем села у его изголовья, и по мере того как ее дети подходили и прощались с отцом, они склонялись перед ней, и она благословляла их. С особенно глубоким благоговением материнское благословение принял император. Нельзя было не растрогаться до глубины души при этом зрелище.

Затем наступил момент, когда императорская мантия был снята с гроба и унесена в алтарь, император и его братья подняли на своих плечах гроб и понесли его к могиле, в которую он был опущен под гром пушечных залпов. Императорская семья удалилась, остальные присутствующие, каждый по очереди, бросили горсть земли на гроб, и над великим и могущественным государем закрылась могила.

Я вернулась домой совершенно подавленная пережитыми волнениями.

7 марта.

Сегодня утром была обедня, на которой императрица не присутствовала; она плохо себя чувствует вследствие переутомления. Я ходила справляться о ее здоровье и в приемной застала княгиню Салтыкову, которая была так радостно взволнована, узнав, что я совсем почти не видаю императрицу, что пригласила меня к себе обедать на завтра. Сегодня вечером я была у Антонины Блудовой, которая мне сказала, что граф Закревский делает неприятности и всячески придирается к Погдину и Хомякову за то, что они позволили себе подать от имени московского дворянства адрес в своем вкусе. Он опасается предоставления свободы литературе.

Сегодня в церквах читали обращение Св. Синода по поводу вооружения ополчения. Это ответ на известия, распространяемые иностранными газетами, будто бы дворянство тайне обратилось к новому императору, чтобы убедить его отменить приказ об ополчении, дабы избежать внутренних волнений...

Много говорят о молодой императрице, об ее уме и о той роли, которую она призвана сыграть. Мне рассказывали, что есть усердные люди, которые заботятся о том, чтобы эти разговоры дошли до императора, дабы предостеречь его от влияния, которое могла бы получить императрица...

Маленькие великие князья, Николай и Александр, меня очень позабавили. Маленький великий князь Николай говорил с важным видом: «Папа теперь так занят, что он совершенно болен от усталости. Когда дедушка был жив, папа ему помогал, а папе помогать некому: дядя Константин слишком занят в своем департаменте, а дяди Никс и Миша слишком молоды, а я слишком еще мал, чтобы помогать ему». На что его брат Александр с живостью ответил: «Дело совсем не в том, что ты слишком мал, ты просто слишком глуп». — «Это неправда, что я глуп, — возразил наследник с сердцем, — я только слишком мал». — «Нет, нет, ты просто слишком глуп». Наследник престола, выведенный из терпения этим непочтительным утверждением, схватил подушку и бросил ее в спину своего брата. Великий князь Алексей счел уместным принять сторону оппозиции и в свою очередь стал кричать во все горло: «Ты глуп и просто глуп». Возникла драка, и няням пришлось вмешаться, чтобы восстановить мир, и наследник удалился, сильно обиженный недостатком доверия со стороны братьев к его способностям к управлению...

8 марта.

Император сегодня делал смотр войскам на дворцовой площади. Я была очень довольна увидеть императора, хотя бы издали. Мне очень грустно, что я больше не могу видеть ни императрицу, ни его после того, как за два года у меня сложилась привычка жить в большой

близости с ними, проводить с ними каждый вечер в таких семейных отношениях, что я почти забывала громадное расстояние, отделяющее меня от них, и не давала себе отчета в невозможности длительности подобных отношений. Теперь я безумно обо всем этом жалею, и сердце мое изнемогает от горя.

Сегодня вечером у императора была императрица-мать, великая княгиня Мария Николаевна, г-жа Потемкина и г-жа Мальцева.

9 марта.

Сегодня, в 20-й день смерти императора, была заупокойная обедня в крепости.

Вечером, после обеда, я имела небольшую аудиенцию у императрицы. Она лежала на кушетке, но имела хороший вид.

Я рассказала ей сценку, имевшую место между маленькими великими князьями; императрица, с своей стороны, рассказала мне слова наследника, которые произвели на нее тяжелое впечатление. Дети играли, и императрица услышала, как великий князь Николай говорил своему брату Владимиру: «Когда ты будешь императором...» Мать ему сказала: «Ты ведь хорошо знаешь, что Владимир никогда не будет императором». — «Нет! Будет, — отвечал ребенок, — его имя означает «владелец мира».¹ — «Но ты же знаешь, что не имя, а очередь рождения дает право на престол». — «Да, — сказал мальчик, — но дедушка был третьим сыном, а он царствовал. Я умру — тогда царем будет Саша, но и Саша умрет, тогда им будет Владимир». Императрица сказала мне, что эти слова в устах ребенка, которому было тогда 5 лет, ее поразили прямо в сердце.

Я спросила императрицу, не переменяла ли она намерение доверить мне воспитание своей дочери. Она, смеясь, ответила мне, что это зависит от меня, стану ли я достаточно рассудительной, чтобы исполнять роль гувернантки. Она произнесла это своим прежним ласковым и шутливым тоном, что немного утешило меня. Я

¹ В подлиннике по-русски.

сказала императрице, как трагично я переживаю прекращение наших вечеров, на что она мне ответила, что вечера возобновятся. Может быть, они и возобновятся, но уже никогда это не будет то, что прежде.

В десять часов, действительно, пришли к Лизе Толстой, где я находилась, сказать мне, что императрица меня зовет. Я вернулась во дворец, и вместе с Александрой мы стали ждать возвращения их величеств от императрицы-матери, где они проводят в семейном кругу ранние часы вечера. Я была очень счастлива и очень довольна вновь сидеть за чайным столом в кабинете императора совершенно так же, как три недели тому назад, когда и он, и императрица были до известной степени простыми смертными. Я всматривалась в них с некоторым недоверием, но у них был тот же добрый и ласковый вид как и прежде. Императрица, смеясь, сказала: «Они притворяются, что боятся нас». Возобновились наши беседы, как в былое время; я приготовила суп для Мока, любимой левретки императора. Когда я брала сухарь, чтобы помочить его в молоке, император подал мне другое печенье, говоря: «Нет, вы всегда вот это брали для Мока; ради Бога, не меняйте ничего в наших добрых привычках». Он имел вид такой ласковый, и, казалось, был так доволен быть среди нас, что мое сердце, удрученное все время мыслью о разлуке с ними, совершенно расцвело.

Император, говоря о Луи-Бонапарте, сказал, что он делается любезным, идет нам навстречу, что предложил безо всяких условий отдать нам русских пленных-калек. Император и императрица говорили о Петергофе, о наших летних воспоминаниях, которые кажутся так далеки, хотя в то же время так близки. Но между этим вчерашним прошлым и настоящим сегодняшнего дня стоит ужасная ночь 18 февраля, которая для меня, по крайней мере, навсегда разрушила чувство прочности в жизни. Эти несколько часов тоски и ужаса, когда на моих глазах, вместе с жизнью одного человека рухнул целый порядок вещей, который я считала таким реальным и неизменным, когда я в первый раз поняла реальность смерти, эти несколько часов изменили все мое внутреннее существо...

Таким образом, на этом вечере, хотя по видимости ничего не изменилось в наших добрых привычках, одного мне недоставало, — и я знала, что это никогда ко мне не вернется, — это беспечности, житейской неопытности, навеки мной утраченных.

13 марта.

После обедни служили молебен о победе русского оружия над врагами. Я испытала некоторое удовлетворение при виде того, как иностранные принцы должны были стать на колени, прося у Бога избавить нас от наших врагов, с которыми большинство находится в тайном союзе.

Сегодня, когда я пришла на вечер, императрица подала мне маленький футляр со своим шифром из бриллиантов, на который я имею право как фрейлина царствующей императрицы. Когда императрица передавала мне шифр, я сказала ей: «Это мне не доставляет никакого удовольствия, ваше величество; я предпочитала служить вам без шифра, я была так счастлива у вас, когда вы были цесаревной». — «Я вполне верю этому», — сказала императрица с грустным видом. Во время вечера говорили о коронации, которая обыкновенно бывает шесть месяцев спустя после восшествия на престол, и император сказал: «На этот раз придется ее отложить на год или два, я не хочу короноваться, пока не будет окончена война». Значит, он не верит, что теперешние конференции могут привести к миру, который может быть достигнут лишь ценою унижения России, на что без зазрения совести согласились бы многие высокопоставленные лица. Но, судя по этим словам, император иначе смотрит на дело.

13 января я вступила на службу к цесаревне, и 13 марта я получила шифр императрицы. 13 — несчастное число, но для меня оно не было таковым...

14 марта.

М-ше Шубина привезла мне из Дивеева¹ четки для императрицы. Я пошла, чтобы их передать ей в обычное

---

¹ Дивеевский Серафимов женский монастырь Нижегородской губернии Ардатовского уезда.

свое время — в шесть с половиной часов, когда она бывает одна после обеда. К моему величайшему огорчению, она мне объявила, что все фрейлины прежнего двора будут дежурить при ней, и что Александра и я будем также по очереди дежурить при императрице-матери. На этот раз я почувствовала себя такой обездоленной, что расплакалась. «Не будьте ребенком, — сказала мне императрица, — это ничего не изменит в наших отношениях. Вы же знаете, что во время дежурств я никогда не пользовалась вашими услугами, я точно так же не буду пользоваться услугами этих дам. Ничто не помешает мне видеть вас в любой час, когда это мне будет удобно».

Видя, как трагично я к этому отнеслась, императрица стала смеяться надо мной. Когда я вечером пришла к чаю, она спросила меня, успокоилась ли я; тогда я обратилась к государю и сказала ему, что я гораздо больше рассчитывала на него, чем на императрицу, для защиты наших прав. Но он ответил со смехом, что, наоборот, это он устроил это нововведение. Александра в таких случаях молчит. Ее теперешняя роль быть до такой степени проникнутой благоговейным страхом, что это отнимает у нее способность болтать и шутить, как прежде. Это очень искусная инсценировка почтения и робости; она играет эту комедию с большим изяществом и тонкостью, и мне порой кажется, что ее церемонная манера держать себя гораздо более уместна, чем мои слезы и бессмысленные упреки, чем то удовольствие без дальних мыслей, которое я испытываю, когда бываю с ними и которое позволяет мне совершенно забывать, что они такие высокие особы. Я их люблю, как будто они совсем не государи. Императрица утешила меня, сказав, что установление нового порядка было желанием императрицы-матери, и что она не решилась воспротивиться, так как уже слишком часто ее подозревали в недоброжелательном отношении к фрейлинам старого двора.

15 марта.

Пришла депеша из Севастополя с известием, что 3 марта отражено нападение французов, и что 5-го убит адмирал Истомин. Ход переговоров на конференции дер-

жится в величайшей тайне. Мой отец волнуется, мучится и пребывает в очень мрачном настроении из-за оборота, который принимает наше политическое положение...

26 марта, пасхальная суббота.

В пасхальную ночь состоялся выход в большую дворцовую церковь. Императрица и великие княгини ввиду траура были в парадных платьях из белого крепа. Императрица была очаровательна в этом туалете. Белые легкие ткани, окутывавшие ее воздушный стан, придавали ей еще большую прозрачность и легкость. В ее походке есть особая грация, ее ноги как будто еле касаются земли — *sie geht nicht, sie schwebt*¹. Когда она появляется среди публики, глаза ее обыкновенно опущены, и тогда на ее лице появляется неуловимое выражение, как будто она хочет скрыть свое внутреннее существо от глаз толпы, мимо которой она проходит. Всякий раз, когда я вижу императрицу среди публики, у меня впечатление, что она душой неизмеримо далеко, что у нее нет ничего общего с этой пестрой светской толпой, которая теснится вокруг нее. Ее невестки, великие княгини Мария Николаевна, Ольга Николаевна и Александра Иосифовна, производят совершенно иное впечатление. Они блистают красотой, черты лица у них более правильны, чем у императрицы, осанка, может быть, более царственна, но у императрицы гораздо больше прелести, прелести, исходящей от души, трудно определяемой, но заставляющей звучать сокровенные душевные струны.

После заутрени император в самой церкви принимал пасхальные поздравления. Это очень длинная и утомительная церемония. Император стоит около правого клироса в церкви, и все высшие сановники, чины двора и представители гвардейских полков подходят к нему и после глубокого поклона «христосуются» с ним, т.е. обмениваются троекратным поцелуем. Это повторяется, как меня уверяли, до 2000 раз. Императрица стоит рядом с императором, и после христосования с императором целуют у нее руку. Я с своего места с беспокойством

¹ Она не ходит, а парит.

следила за проходившими рядами, опасаясь большого утомления для бедной императрицы, которая так слаба и уже изнурена физически и нравственно последними испытаниями. Император своим видом совершенно не скрывал скуки и отвращения, но императрица старалась все время, пока продолжалась тяжелая повинность, сохранить любезную улыбку. После того как в течение двух часов император предоставлял таким образом свое лицо, а императрица свою руку своим верноподданным, они оба удалились в маленькую комнатку, рядом с ризницей, чтоб вымыть — император свое лицо, а императрица свою руку, которые были совершенно черные. Затем началась обедня, окончившаяся только в 4 ¹/₂ часа, а за ней розговенье в покоях императрицы. Тут возобновились лобызания. Император протянул мне свои несчастные щеки, уже достаточно помятые, с выражением явной неохоты, а я с такой же неохотой облобызала его, находясь в состоянии полного изнеможения от усталости после этих бесконечных церемоний. Что за ремесло, рассчитанное на полоумных и дураков, — ремесло придворных, где люди добровольно убивают себя, ради какого-то кривлянья, не приносящего ни радости, ни пользы ни тому, кто его требует, ни тому, кто исполняет, и которое все-таки выполняется, как будто от этого зависит спасение души и благосостояние империи!

На другой день в два часа императрица позвала меня, чтобы подарить мне яйцо, и довольно долго задержала меня у себя. Я видела у нее императора, но этот раз мы поздравили друг друга и похристосовались с увлечением... Я посмеялась над тем свирепым видом, который у него был сегодня ночью, и он сознался, что чувствовал себя очень не в духе, расточая так продолжительно братские христианские лобзания.

В пять часов была вечерня и снова христосование, на этот раз с дамами придворными и городскими. Я была страшно взволнована, представляясь императрице, и так смущена, как если бы я никогда в жизни ее не видела...

27 марта.

Вчера приехал принц Александр Дармштадтский. Более трех лет императрица не видела этого нежно люби-

мого брата и для нее большая радость быть опять с ним... В первый раз со времени своего изгнания из России принц приезжал повидаться с сестрой¹...

Много разговоров о Венской конференции. По-видимому, дело не идет, так как хотят, чтобы мы сами предложили способ ограничить наше владычество в Черном море и чтобы мы пересмотрели договор 41 года² в пользу западных держав. Все те, у кого есть малейшее чувство патриотизма, хотели бы отправить ко всем чертям эти конференции.

Вторник 28 марта.

Сегодня 40-й день смерти императора Николая; царская семья присутствовала на заупокойной службе в крепости, а для лиц свиты состоялась служба в дворцовой церкви, с пасхальными песнопениями, которые меня очень утешили...

Суббота 1 апреля.

На этой неделе было очень много волнений по поводу различных слухов о конференции. Я слышала от отца некоторые подробности, переданные ему под секретом гр. Блудовым. Кабинеты союзных держав сначала требовали свободного прохода через Дарданеллы, но вскоре они поняли, что это будет более выгодно для нашего флота, чем для европейских флотов, и отказались от своего требования. Австрия предложила нашему кабинету самому найти формулировку для третьего пункта, придав своему предложению характер любезности по отношению к молодому императору. Последний, однако, не был осо-

---

¹ Брат императрицы, принц Александр Гессенский, должен был покинуть Россию по приказанию Николая I, из-за романа с фрейлиной Ю.М.Гауке, на которой он потом женился. См. об этом выше в «Воспоминаниях» А.Ф.Тютчевой.

² 2-я Лондонская конвенция, подписанная представителями России, Австрии, Англии, Пруссии, Франции и Турции 1/13 июля 1841 г. Согласно этой конвенции, военным судам иностранных держав воспрещалось вхождение в Дарданеллы и Босфор. Русская дипломатия видела в этом акте крупную победу, так как он «обеспечил нас на будущее время от какого бы то ни было нападения с моря».

бенно польщен. Состоялось тайное совещание для обсуждения этого вопроса, составленное из великого князя Константина, графа Блудова, гр. Алексея Орлова, гр. Нессельроде и кн. Долгорукого. Великий князь Константин говорил очень хорошо, император проявил большую твердость. Решено ответить, что пункт о свободном проходе через Дарданеллы ни в чем не будет изменен. Нессельроде хотел поместить в официальную ноту слова, что император очень тронут отношением Австрии. «Я не хочу этого, — сказал император, — я не хочу говорить, что тронут отношением людей, которые имели целью лишь вовлечь меня в ловушку. Умоляю Вас, граф, отложим в политике всякую сантиментальность». Эти подробности передал моему отцу граф Блудов, с просьбой держать их в тайне.

Другое дело, о котором мне говорили, с просьбой также не разглашать, это тайный брак великой княгини Марии Николаевны с графом Григорием Строгановым¹. Бракосочетание состоялось год тому назад с ведома и с согласия теперешнего императора, в то время наследника. Великая княгиня имела связь с графом Строгановым еще при жизни своего мужа, герцога Лейхтенбергского. Несмотря на всю легкость нравов, в которой ее обвиняет общественное мнение, ее, по-видимому, очень тяготила фальшивость положения, и после смерти герцога она захотела освятить свои отношения браком, что представляло большие затруднения, так как император Николай никогда не дал бы своего согласия на союз дочери с одним из своих подданных, и если бы он знал, как обстояло дело, он, вероятно, отправил бы Строганова на Кавказ, а дочь свою заключил бы в монастырь. Поэтому бракосочетание состоялось в величайшей тайне в домашней церкви Потемкиной; в дело были посвящены только цесаревич и цесаревна. Теперь, говорят, об этом узнала императрица-мать; огорчение ее по этому поводу было так велико, что она выразила его в следующих словах, очень резких для такой доброй женщины: «Я думала, что со смертью императора я испытала горе в его самой горькой форме; теперь я знаю, что может быть горе еще бо-

¹ См. подробнее об этом в «Воспоминаниях» А. Ф. Тютчевой.

лее жестокое — это быть обманутой своими детьми». Уверяют, — и это не кажется невероятным, — что император и императрица охотно бы объявили официально этот брак, но что императрица-мать и сама великая княгиня Мария Николаевна этому противятся. Я не смею говорить с императрицей обо всех этих слухах, которыми я страшно озабочена. Она никогда не сделала ни малейшего намека на эти дела, а я по собственной инициативе не решусь поднять с ней этот вопрос.

Однако, я не могу поверить, чтобы император и императрица так мало сознавали свое положение и свою ответственность, чтобы, оповещая об этом, решиться скомпрометировать достоинство и престиж императорской фамилии, являющиеся существенными гарантиями их могущества и неприкосновенности. Многие и без того очень недовольны появлением принца Александра и спрашивают, не появится ли в России m-lle Гауке в качестве невестки императрицы. Что же будет, когда Строганов будет открыто признан зятем императора?..

Я говорю себе, что я проявила бы больше смелости, честности и преданности, если бы преодолела по отношению к императрице свою шепетильность и откровенно говорила с ней о некоторых вопросах, не ожидая, чтобы она вызвала меня на эти разговоры или дала свое разрешение; но у меня не хватает на это духа; вблизи от нее я все-таки сильно робею. Это дает мне чувство, что я уже вступаю в категорию царедворцев, которые проводят всю жизнь в воскурении фимиама государям для того, чтобы пользоваться их милостью, и у которых не хватает смелости даже в интересах этих государей пойти на опасность произвести на них неблагоприятное впечатление. Например, я со всех сторон слышу осуждение и жалобы по поводу приказа, отданного государем в первые дни царствования об изменении и обновлении формы мундиров гвардии и армии, что в настоящее время общего безденежья и стесненности в средствах для многих составляет настоящее бедствие. Повсюду на это жалуются и ропщут, но никто не решается сказать государю, что его преувеличенная забота о такой второстепенной вещи, как форма мундиров, в столь серьезный момент, как насто-

ящий, очень вредит ему в глазах общества. В разговоре с императрицей у меня несколько раз это чуть-чуть не сорвалось с языка, но страх, как бы не показалось, что я вмешиваюсь не в свои дела, закрыл мне рот. Все это приводит к тому, что я чувствую себя несчастной при дворе. Первое условие истинной привязанности — честность и прямота в отношениях; там, где нет этих двух условий, самая глубокая привязанность вырождается в лесть и низкопоклонство...

8 апреля.

Началась бомбардировка Севастополя. По телеграфным известиям от 3 апреля, уже целую неделю огонь не прекращается ни днем, ни ночью; впрочем, потеря людей и разрушение не так велики, как этого можно было бы опасаться. Дух гарнизона таков, что в течение ночи все разрушения, произведенные днем, немедленно восстанавливаются. В публике ничего не известно о ходе конференции, тайны которой не проникают в периодическую печать. Но когда я спросила императрицу, как же согласовать эту беспощадную бомбардировку со стороны союзников с мирными намерениями их кабинетов, императрица ответила мне: «О, в настоящее время конференция распушена или вскоре будет распушена».

Императрица рассказала мне вчера маленький эпизод из похорон императора Николая, который не был известен в публике. В ту минуту, когда должны были закрыть гроб, императрица Александра Федоровна положила на сердце покойного императора крест, сделанный из мозаики храма св. Софии в Константинополе, для того, говорила она, чтобы он на небе не забыл молиться о своих братьях на Востоке. Сколько поэзии и какое огромное историческое чутье выразилось в этом поступке!..

17 апреля.

Празднование дня рождения государя. Обедня в дворцовой церкви и церемония целования руки в ротонде. Много наград. По этому поводу я получила на гербовой бумаге извещение о моем назначении фрейлиной обеих императриц. Я лишняя раз почувствовала, что у меня

отняли мою императрицу и мои прежние исключительные права, и еще раз пролила несколько довольно-таки глупых слез.

После вчерашней обедни императрица переехала в Аничков дворец.

21 апреля.

Сегодня 26-я годовщина моего рождения. Я в первый раз дежурила при императрице-матери в Аничковом дворце, куда я должна была отправиться в 12 часов. Мне было сказано, чтобы я дожидалась приказаний ее величества в маленькой библиотеке, где я долго оставалась одна. Я видела, как прошла герцогиня Мекленбургская, сестра императрицы, а также все великие князья и великие княгини, по очереди приходившие здороваться с матерью. После нескольких часов ожидания меня позвали к императрице-матери. Я застала ее лежащей на кушетке в салоне, полном картин, цветов и солнца; но сама она была так бледна, так худа в своей длинной черной вуали, что казалась привидением среди этой веселой и изящной обстановки. Я поцеловала ее руку. Она спросила меня, с каких пор я не ношу больше локонов. Я сказала, что перестала носить их со времени траура. После этого разговор оборвался. Пришли император и императрица, поздравили меня со днем моего рождения, и меня вновь отправили в библиотеку, где я опять долго ждала. Я нашла, что это очень скучно, так как молодая императрица не приучила нас к этим долгим ожиданиям в передней. Когда мы дежурим у нее, мы остаемся у себя наготове, и нас зовут, когда ей нужна дежурная фрейлина, чтобы сопровождать ее в театр или на прогулку. Меня еще раз позвали к императрице вместе с m-lles Фредерикс и Трубецкой. Императрица сказала мне, что отпускает меня на обед к моим родителям. В шесть с половиной часов я зашла на минуту к своей императрице. Она приняла меня, но, видя, что она очень устала, я из деликатности удалилась. Она мне сказала, что вечером будет у императрицы-матери. Я тоже была приглашена на вечер. Кроме императорской семьи, там были лишь старик Рибопьер и вульгарный Огарев. Император при-

шел только около десяти часов. Он имел любезность сказать мне, что утром заходил ко мне, чтобы меня поздравить, и жалел, что не застал меня; он положил мне в руку маленький образ Иверской Божьей матери как подарок. Император и императрица вскоре покинули салон императрицы-матери. Тогда приступили к чтению. Обязанности чтеца обыкновенно выполняет тягучим и сонным голосом Рибопьер. Роман, который он читал без малейшего увлечения, никого не интересовал. Императрица, по привычке к известному приличию, делала вид, что слушает, но по выражению ее бледного и грустного лица было видно, что мысли ее очень далеко. Она покойна и сдержана в своем горе, как человек, который знает, что ему не долго осталось страдать. В выражении ее лица ощущается уже отражение могилы. Усилия присутствующих поддержать разговор еще увеличивали стеснение и печальное настроение этого собрания. Чувствовалось, что все находящиеся здесь с нетерпением ждут минуты избавления, чтобы всей грудью вдохнуть жизни, полной для каждого из них интересов настоящего и будущего, тогда как для этой бедной старушки, совершенно разбитой, все уже кончилось, и у нее не было другой связи с жизнью, кроме сожаления о невозвратно потерянном прошлом. По-видимому, банальность этого собрания была не менее тягостна для той, которая его навязывала окружающим, чем для тех, которые его терпели, но при дворе привычка к привычкам так глубоко укоренилась, что она берет верх над всеми непосредственными впечатлениями. Делают то или иное не по вкусу, по необходимости или удобству, но исключительно потому, что так делалось вчера и будет делаться завтра. Эта неизменность привычек мне часто представлялась роковой и я на этом вечере испытала почти ужас, до такой степени поверхностная и пошлая инсценировка являлась тяжелым контрастом к безжизненному выражению этой несчастной старухи, подавленной горем и так безответно переносящей иго условности, которую, как железным кольцом, скована жизнь государей...

25 апреля.

Вчера у Карамзиных я слышала много подробностей о состоянии госпиталей в Севастополе и о том, как много не хватает больным и раненым. Александра Карамзина, жена Владимира Николаевича, которая очень богата и мне всегда казалась исключительно поглощенной своей светской жизнью, со страстным интересом работает на помощь раненым. Я передала императрице все, что слышала; это может быть ей полезно при посылках, которые отправляют каждую неделю по ее распоряжению. В общем тон наших салонов очень изменился...

4 мая.

2 мая мама уехала со всей семьей и увезла Дарью, что меня очень огорчило; я чувствую себя сегодня очень одинокой. Сегодня двор переехал в Царское. Погода исключительно хороша по времени года. Зелень распустилась, жара совершенно летняя, и во время нашего переезда в Царское разразилась чудная гроза. Император и императрица продолжают занимать те же покои, какие занимали будучи цесаревичем и цесаревной: императрица — комнаты Екатерины II, которые сохранились в их первоначальном стиле, только немного освежены, а император — комнаты под ними в нижнем этаже, с выходом непосредственно в сад. Покои императрицы выходят на высокую террасу, в конце которой находится великолепная колоннада, украшенная античными бюстами. Эта колоннада — шедевр архитектуры Растрелли. Чудная мраморная лестница спускается к пруду, а пологий склон с террасы ведет в аллеи сада. Это действительно царское местопребывание, и на нем лежит отпечаток той разумной пышности и величественного изящества, которыми отличалась великая императрица.

Император и императрица очень любят это местопребывание. Они живут здесь интимной, тесной семейной жизнью. Комнаты младших детей, которые еще на руках у нянюшек, находятся здесь дверь в дверь с комнатой императрицы, тогда как в городе маленькие дети живут в другом этаже, чем она. Когда императрица занимается за своим письменным столом или даже когда она при-

нимает кого-нибудь в своем кабинете, все время слышишь топот маленьких ножек и видишь то маленького великого князя Алексея, то маленькую великую княжну Марию, которые врываются к своей маме, таща какую-нибудь игрушку, и без церемонии располагаются для игры на диване или на ковре у императрицы. Во время прогулок, которые три раза в день совершают их величества — утром перед завтраком, днем между двумя и четырьмя перед обедом и вечером между семью и восемью часами, — их всегда сопровождают все их дети, окружая их веселой толпой, резвясь и играя с собаками императора, также участвующими в прогулках. Таким образом их величества чувствуют себя здесь хорошо, они не связаны этикетом, стеснениями городской жизни, и душа их расправляется на свободе.

Не могу того же сказать о себе. Мне назначили здесь комнату, называемую «китайскою», потому что стены обтянуты старой китайской материей. Ее называют также гротом Калипсо, так как она, находясь в самом низу, выходит на север и затенена столетними липами и чрезвычайно темна и сыра, что могло бы быть приятно только в очень теплом климате. Я же целыми днями мерзну в этой пещере. Ходит легенда, что из этого грота Калипсо есть потаенная, но нескромная¹ дверь в большой коридор, пересекающий весь дворец, так что можно войти в нее не проходя через парадный вход, и что в свое время, когда фрейлины двора не были так добродетельны, как мы, этот грот был свидетелем многих любовных приключений, и последнее событие такого рода имело место между Юлией Гауке и принцем Александром Гессенским. Я не смею утверждать этого, так как два фарфоровых попугая на камне, — единственные свидетели этого прошлого, — совершенно немые и никогда ничего мне не говорили. Что касается меня, то я могу сказать, что провожу дни в гроте Калипсо совершенно одна и очень добродетельно, но в очень дурном настроении духа и должна сознаться, что нахожу в этом мало прелести. Уединение в настоящем смысле слова, уединение в деревне,

¹ В тексте непереводаемая игра слов: «secrète» и «indiscrète».

среди природы, ласкающей и нежащей, может вызвать душу, заставить ее раскрыться, умиротворить, успокоить ее, дать ей насладиться прелестью самоуглубления. Но одиночество во дворце, среди толпы и среди придворных интересов, одиночество несчастной Фрейлины, которая проводит двенадцать часов в четырех стенах своей комнаты или же одиноко шагает по правильным и усыпанным песком аллеям, для того чтобы на час появиться за императорским чайным столом, с любезной улыбкой, остроумною шуткой, не проявляя ничем ту смертную скуку, которая тяготеет над ней целый день, — такого рода одиночество имеет на нравственное состояние очень вредное влияние. Я это очень хорошо заметила сегодня, ибо, проведя день совершенно одна в гроте Калипсо, я появилась за чаем императрицы вовсе не с любезной улыбкой и с игривым умом, а с таким сердитым видом, что императрица при всей своей доброте и обычном спокойствии сделала мне замечание, что я невыносимо не в духе, на что с полнейшим отсутствием чистосердечия я затеяла с ее величеством ссору на немецкий лад по поводу всех воображаемых ее вин по отношению ко мне. Но в сущности, все это было лишь плодом моих уединенных размышлений в гроте Калипсо.

15 мая.

Мне до такой степени надоел грот Калипсо, что я просила у императрицы разрешения воспользоваться специальным поездом, с которым на несколько дней ехала в Москву герцогиня Мекленбургская, и посетить тетку, сестру и особенно престарелую бабушку¹, которая давно меня требовала к себе. Я без труда получила желаемый отпуск, и мое маленькое путешествие было очень удачно.

Я застала Москву в самое лучшее ее время. Ее белые дома с их дворами и садами утопали в молодой зелени и цветущей сирени. Какой удивительный и непонятный контраст представляют эти две столицы одной и той же империи на расстоянии нескольких часов железнодорож-

---

¹ Д.И.Сушкову, Екатерину Федоровну, Екатерину Львовну Тютчеву, мать Ф.И.Тютчева.

ной езды друг от друга, в которых все до такой степени различно, что, покидая Петербург и приезжая в Москву, можно подумать, что переносишься на другую планету! Улицы и здания, небо и климат, люди и нравы — одним словом, все — не похоже в этих двух столицах, созданных творческим духом одного народа. Это неразрешимая загадка.

В Москве под ясным небом и среди веселой природы кажется, что инициатива человека во всех областях развивалась на полном просторе: улицы выются неправильно и без всякой симметрии среди групп домов самого разнообразного стиля, скрытых в тени больших, широко раскинувшихся садов; живописные уклоны почвы, неровности которой никогда не были сглажены искусством человека, создают в самой середине города неожиданные кусочки пейзажей, возглавляемых церквями самых фантастических форм, которые одни в России сохраняют традиции и воспоминания прошлого. Насколько здесь душа чувствует себя свободней, чем в пышной Северной Пальмире, с ее низким свинцовым небом, с ровной болотистой почвой, которая всюду выдает себя и отовсюду выглядывает, несмотря на роскошь и величие ее замечательных построек и величественных зданий, ее хорошо вымощенных, правильно распланированных улиц, всего этого целого, дышащего порядком и неумолимой дисциплиной; здесь на каждом шагу чувствуется, что ничто не было предоставлено частной инициативе, отдельной личности, что все организовано, координировано и завершено самодержавной и деспотичной мыслью.

В этих двух столь различных театральные постановки столь же различны и люди, оживляющие сцену: в Петербурге все — либо военные, либо чиновники, а цвет общества — придворные военные и придворные чиновники, все носят мундир, все стеснены и все куда-то спешат, кому-то хотят услужить, кому-то подчинены. Москва, наоборот, город величайшей свободы, безалаберности; здесь не любят стесняться, любят свои удобства. Это проявляется во всем: в пестроте толпы, в костюмах самых разнообразных фасонов и цветов, в устарелых дамских

модах, в причудливой и своеобразной упряжке экипажей, в уличном шуме и движении, Здесь видишь, как на каждом шагу соприкасаются, сталкиваются и уживаются между собой Европа и Азия, цивилизация и варварство, прошедшее и настоящее, и образуют неразрывное сочетание, главной связью которого служит беспечность и величайшее добродушие этого суетливого и праздного населения. Москва — город полнейшего досуга. Здесь каждый живет для себя, согласно своему удобству, здесь мысль не тянется к единственному центру — ко двору, как в Петербурге.

Я была поражена, что из многочисленных лиц, которых я видела у тети в течение нескольких дней своего пребывания там, со мной никто почти не говорил ни о дворе, ни об императорской семье; мимоходом выразили желание, чтобы император приехал показать себя Москве, не высказывая, однако, при этом ни особой настойчивости, ни горечи. Эта свобода мысли и нравственная непринужденность, господствующие в Москве, создают в ней атмосферу, гораздо более благоприятную для расцвета мысли и ума. Здесь встречаешь целую плеяду людей, выдающихся своими литературными трудами: Хомяков, Киреевские, Юрий Самарин, Аксаковы, Погодин, а в другом роде Чаадаев и Вигель, которого я видела у тети, ученые, как старик Снегирев, который имел любезность сопровождать меня в качестве чичероне при посещении соборов, Оружейной палаты, патриаршей ризницы и дворца и объяснять мне все интересные вещи, которые я там видела...

Кроме моих многочисленных поездок для обозрения исторических достопримечательностей Москвы, я с тетей и сестрой сделала прелестную прогулку в Кунцево, владение, принадлежащее Нарышкиным, потомкам матери Петра I. Изумляешься, видя в нескольких верстах от столицы, почти у ворот города, парк, роскошная растительность которого носит отпечаток почти девственного леса. На протяжении нескольких верст — это овраги, заросшие густой чащей лип и вековых дубов, старых берез и огромных сосен. Ландышей в это время года там изобилие. Между тем, дом владельца, прелестно располо-

женный, носит отпечаток запустения, находясь в печальном контрасте с красотой местности...

Другой раз мы ездили на Воробьевы горы любоваться великолепной панорамой, открывающейся с этих высот на Москву с ее бесчисленными колокольнями.

Наконец, после пятидневного очень интересного, но весьма утомительного осмотра достопримечательностей, я вернулась в Петербург очень довольная, но порядочно утомленная.

13 мая.

В Москве я оставила за собой весну и привезла оттуда императрице целый ящик ландышей и сирени. В Царском я застала почти зиму, ледяной воздух, дожди и снег...

14 мая.

Из Кронштадта видели 13 английских судов, государь ездил их смотреть, но они уже удалились.

15 мая.

Телеграфное известие о сражении между передовыми частями, в котором мы потеряли две тысячи пятьсот человек. Неприятель, впрочем, был отбит с потерями.

17 мая.

Получено известие о взятии Керчи неприятелем, что отрезывает наше войско от главной линии снабжения.

18 мая.

Панихида по истечении 3 месяцев со дня смерти императора Николая. Я сопровождала императрицу в город и в крепость. Ее брат, принц Александр, уехал сегодня за границу.

19 мая.

Сегодня шел сильный снег и бедные свежераспустившиеся листья погибли. Служили молебен по случаю отъезда королевы Ольги, которая возвращается в Штутгарт. Я была удивлена по этому случаю большой чувствительностью наших фрейлин и даже некоторых адъютан-

тов, которые плакали носом и вздыхали из глубины пяток, по меткому и справедливому выражению Сен-Симона, хотя никак нельзя было отдать себе отчета в том, как они могли мотивировать перед собственным рассудком это излишнее проявление чувствительности. Ведь, говоря поистине, присутствие великой княгини Ольги совершенно не влияло на приятность их жизни, и с ее отъездом они теряют только возможность видеть очень красивую принцессу, которая иногда, проходя мимо, милостиво кивала им головой, или обращалась к ним с несколькими любезными, ничего не значащими словами.

Мое сердце еще очень плохо дрессировано в смысле официальной чувствительности и не умеет еще отвечать созвучием всем августейшим радостям и горестям. Ремесло придворных вовсе не так легко, как это думают, и чтобы его хорошо выполнять, нужен талант, которым не все обладают. Нужно уметь найти исходную точку опоры, чтобы с охотой, добровольно и с достоинством играть роль друга и холопа, чтобы легко и весело переходить из гостиной в лакейскую, всегда быть готовым выслушивать самые интимные доверенности владыки и носить за ним его пальто и калоши. К придворному применимы слова, обращенные Паскалем к человеку вообще: «Если ты возвысишься, я тебя унижу; если ты унизишься, я тебя возвышу. Я хочу, чтобы ты понял, что ты — непонятное чудовище».

Государи вообще любят быть объектами любви, любят поклонение, с чрезмерной наивностью верят в тот культ, который они внушают. Поэтому их доверие легче приобрести лестью, притворной привязанностью, чем привязанностью подлинной, которая, исходя из искреннего чувства, отличается присущими этому чувству требовательностью и чувствительностью к невниманию. Искреннее чувство легко может показаться им неудобным; оно внушает им недоверие, тогда как чувства неискренние и официальные легко идут на всякого рода уступки и снисхождения.

Вот размышления, к которым приводит меня окружающий меня мир, и я, кажется, никогда не сумею применить к нему свое нравственное существо. Мною часто

бывают недовольны за мое дурное настроение, но если бы знали, сколько под этим я испытываю страданий и внутренней борьбы; все мое существо испытывает отвращение к среде, в которой я принуждена жить, и возмущается против нее.

Английские суда опять появились перед Кронштадтом. Государь ездил туда. Великий князь Константин ожидает десанта...

2 июня. Царское.

Государь объявил сегодня с явным удовлетворением, что английский флот отошел от Кронштадта. Из Севастополя приходят дурные вести. 26-го союзники захватили три наших траншеи. Уверяют, что они потеряли при этом 4000 человек на 2500, которых потеряли мы. Но дело в том, что теперь они уже одной ногой в крепости, что Пелиссье — человек с головой, и знает, чего он хочет и куда он идет, и что за 9 месяцев, как продолжается осада, несмотря на чудеса храбрости со стороны солдат, мы не видим в поступках начальников ничего, кроме колебаний и действий ошупью.

Я только что прочла статью Погодина о Восточном вопросе. Вот человек, у которого есть определенный политический идеал и вера в этот идеал. Как жаль, что он не может передать его тем, кто стоит у нас во главе государственных дел.

Петергоф. 5 июня.

Двор сегодня переехал в Петергоф. Это место мне исключительно антипатично. Здесь играют в буржуазную и деревенскую жизнь. Император, императрица и другие члены семьи живут в различных фермах, коттеджах, шале, во всякого рода павильонах, разбросанных в парке Александрии, где все эти великие мира предаются иллюзии жить, как простые смертные. Когда идет дождь, — что в Петергофе обычно, — у императрицы в спальне появляются лягушки, так как эта комната на одном уровне с болотистой почвой, прикрытой роскошными цветниками, разведенными здесь с огромными затратами. Сырость такова, что в ее комодах и шкафах растут грибы, а она

целое лето страдает от воспалений и ревматизма. Если во время каникул наступает жара, то комнаты детей, очень низкие и находящиеся в верхнем этаже, непосредственно под железной крышей, выкрашенной наподобие соломенной крыши, напоминают чердаки венецианских «*riombi*»¹, и бедные дети задыхаются, а дворцы, прекрасно выстроенные и с массой воздуха, в которых можно было бы найти защиту от сырости и от зноя, пустуют в то самое время года, когда представляли бы более всего удобств.

Что касается нас, лиц свиты, мы помещаемся в целом ряде картонных домиков, называемых Готическими и Кавалерскими домами, где нас то сжигает солнце, то разъедает сырость, но более всего — пыль от проходящего под окнами этих домов шоссе, являющегося главной артерией, по которой идет непрерывное движение в густоте толп людей, съезжающихся в Петергоф во время пребывания там двора. Толчая взад и вперед ни на минуту не прекращается ни днем, ни ночью, непрерывно мелькает бесконечный калейдоскоп фельдъегерей в телегах, ездовых верхом, служебных фургонов, адъютантов в пролетках, придворных в колясках, публики, катающейся в кабриолетах и шарабанах, во весь опор мчащихся взад и вперед, поднимающих облака пыли, которая врывается через все окна и вихрем крутится в сквозняках, непрерывно дующих сквозь эти прямоугольные сквозные постройки, с их бесчисленным количеством окон и дверей. В такой малокомфортабельной обстановке мы проводим свои дни в постоянном состоянии начеку.

Петергоф и все его окрестности усеяны увеселительными павильонами, голландскими мельницами, швейцарскими шале, китайскими киосками, русскими избами, итальянскими виллами, греческими храмами, замками в стиле рококо и т.д., и т.д., выстроенными императором Николаем для развлечения и ради забавы императрицы Александры Федоровны, в которых она имеет обыкновение, когда живет в Петергофе, прово-

---

¹ «*Riombi*» — помещения под самой кровлею в венецианских тюрьмах, уничтоженные в 1797 г.

дить свои дни, бесконечно разнообразя свое пребывание. Например, утренний кофе подается в Орианде, обед в Озерках, вечерний чай в Бабьем гоне. Так как павильонов около тридцати, один прелестней другого, то нет недостатка в целях для бесконечно разнообразных прогулок. С утра видишь ездовых, с развевающимися по ветру плюмажами, скачущими по всем направлениям, чтобы предупредить великих князей и великих княгинь и дежурных дам, что императрица будет пить кофе в таком-то и таком-то месте, куда вскоре и направляется фургон с кафешенками и кипящим самоваром, а за ним целый ряд нарядных экипажей с членами императорской фамилии; статс-дамы и фрейлины, разряженные с самой зари, с быстротою молнии устремляются к назначенному месту, по шоссейным дорогам, которые между Ориандой и Бабьим гоним составляют хорошо поддерживаемую сеть в 300 верст, единственные — увы, хорошие дороги во всей России.

Так как никогда не известно, кто будет и кто не будет приглашен на эти собрания, ни то, на какое расстояние придется перенестись в кратчайший срок, так как большей частью запаздывающие ездовые передают вам приглашение за четверть часа до срока, приходится проводить целый день в известном напряжении: туалет приготовлен, экипаж заложен, вы сами с минуты на минуту готовы устремиться навстречу оказываемому вам почету. Но часто случается, что вас нет среди избранных, приглашаетесь не вы, а ваша соседка по коридору, и ваши кружева и кисея подновлялись и извлекались на свет Божий зря, а вечером те, кто не участвовал в этом катании императорской семьи в экипажах с английской упряжью, остаются одни по своим углам и не могут найти себе товарищей по несчастью среди разлетевшегося во все стороны общества; все это вас раздражает и омрачает ваше настроение. Идешь в одиночестве гулять по берегу моря, размышляя о суете земного величия, а я лично еще о невнимании ко мне императрицы, если случится, что в этой непрерывной толчее мне совершенно не удалось видеть ее в течение нескольких дней, и приходится убеждаться, что она даже не замечает моего скромного существования.

Даже природа здесь не дает никаких утешений поэтической душе человека, обиженного земными разочарованиями.

Несмотря на всю красоту струящихся фонтанов, тенистых аллей, цветущих лугов, болото, отвратительное болото всегда показывает кончик своего ушка. Если вы увлечетесь зеленым лугом и пойдете рвать полевые цветы, или же углубитесь в чашу за ягодами или грибами, едва только ваша нога сошла с шоссеиной дороги, весьма недвусмысленное бульканье предупреждает, что под ногами болото и вам приходится вернуться домой, чтобы переменить обувь; едва только солнце после знойного дня спускается к горизонту, как сплошной густой туман поднимается над землей, и прозаическое ощущение охватывающей ледяной сырости отрывает вас от грез, навеянных прекрасным закатом солнца. Вы поспешно возвращаетесь домой но, тем не менее, марабу и креп вашей шляпы, газ вашего платья уже превратились в какую-то тряпку, и вы начинаете высчитывать убытки и расходы, причиненные часом созерцания красот природы. Все это делает пребывание в Петергофе довольно неприятным для впечатлительной души.

Принадлежа к числу таковых, я там всегда мрачна, в дурном настроении духа, и это не делает меня слишком приятной в обществе; мне дают это чувствовать, оставляя меня в стороне. Я остаюсь одна, принимаю трагический вид и становлюсь смешной, что еще более усиливает мое недовольство Петергофом. Царское, может быть, не веселей, но там чувствуешь себя в исторической рамке империи, это дает какое-то нравственное оправдание существования. В стенах дворца, еще полного присутствием Екатерины II, в торжественных аллеях великолепного парка, в котором она гуляла с Орловым, с Потемкиным, с Суворовым, вдохновляя эти великие умы и сильные характеры властным престижем своего гения и могущества и непреодолимым женским обаянием, в обстановке, на которой еще лежит ее отпечаток, сознаешь, что будучи и мелкой фрейлиной, все же принадлежишь к какому-то великому порядку вещей, что высшая власть в России есть исторический факт, служение которому

нужно считать для себя честью. Но совсем нехорошо, когда этот исторический факт принимает мешанские или институтские формы, как это имеет место здесь. Это аномалия, противоречащая правде вещей. Можно перенести много неприятностей от людей, которые воплощают в себе мировую историю, при условии, чтобы они оставались в своих нишах полубогов, но когда они выходят из них, живут в хижинах и катаются в кабриолетах, это в высшей степени действует на вас раздражающе.

7 июня.

Настроение все более и более элегическое и слезливое. Нельзя быть смешнее меня и нельзя живей это сознавать. Я постоянно спрашиваю себя, почему мой здравый смысл и рассудок, с одной стороны, и мое сердце или, лучше сказать, моя чувствительность — с другой, так мало согласовываются и взаимно влияют друг на друга, ибо хотя я прекрасно понимаю, что поддаваться моим впечатлениям неудовольствия — настоящее ребячество, однако это сознание никогда не приводит меня к тому, чтобы сдерживать припадки меланхолии и дурного настроения, а моя воля является еще третьим фактором, не имеющим ничего общего с рассудком и сердцем, и все мое внутреннее существо идет совершенно в разброд — к великому для меня ущербу. Я ропщу на Бога и на всех святых за ту злосчастную судьбу, которая закинула меня ко двору.

Императрица сказала мне, что из Севастополя по телеграфу получены очень дурные известия. С 5-го бомбардировка возобновилась с удвоенной яростью. Было также маленькое дело при устье Нарвы, где мы понесли потерю людьми. У императрицы ужасно удрученный вид, она говорит, что часто государя будят по три-четыре раза в течение ночи, чтобы передать ему депеши, которые всегда приносят дурные известия.

Вошел государь, вид у него озабоченный и взгляд грустный. Куда исчезло доброе и улыбающееся выражение его лица, которое мы видели не дальше как два года тому назад, когда он был цесаревичем, и никто не нарушал счастья его семейной жизни...

8-го вечером.

Императрица позвала меня к чаю. Когда я вошла, государь воскликнул: «Добрые вести! Мы только что получили по телеграфу известие, что 6-го, после страшной бомбардировки, неприятель штурмовал 2, 3 и 4 батареи и Корниловский бастион, но был отбит с огромными потерями. Героизм наших войск дошел до высочайших пределов. Других подробностей нет, так как депеша передана по телеграфу». Лицо государя сияло радостью, императрица была очень красна, что с ней бывает при сильных волнениях. Весь вечер говорили только об этом деле. Радость делала их экспансивными, их, которых мы за последнее печальное время видели всегда такими молчаливыми. Государь говорил: «Как мой отец был бы счастлив! Получив депешу, я говорил себе: ах, почему он не здесь!»

Я мысленно молила Бога, чтобы он дал им радость и избавил их от неудач, которых, увы, нельзя не предвидеть. Неприятельский флот стоит перед Кронштадтом и так близко, что вчера с Бронной горы государь мог разглядеть людей на палубах. Эту ночь государь проводит в Ораниенбауме. Бомбардировка ожидается с часу на час.

9 июня.

Сегодня был благодарственный молебен по случаю дела 6-го. У меня была с визитом г-жа Киреева¹ московская дама, очень известная несколько лет тому назад своей большой красотой, которая привела к ее ногам самого самодержца. Она сохранила еще остатки былой красоты и, несмотря на некоторую полноту, ее черты не утратили еще античную правильность. Но странно в этой даме то, что она нисколько не тщеславится этой красотой, которую Пушкин и Языков воспели в великолепных стихах². Ее честолюбие в том, чтобы быть умной женщиной,

¹ Александра Васильевна, урожденная Алябьева.

² Пушкин воспел «блеск Алябьевой» в послании «К вельможе». Языков посвятил ей три мадригала. Б.Н.Чичерин в своих «Воспоминаниях» тоже говорит, что Алябьева имела успех у Николая I. «В то время, — пишет он, — она уже была не первой молодости и довольно полна, но она любила в своей гостиной соединять уче-

женщиной ученой и прежде всего образцовой матерью. Она говорит только об ученых — своих близких друзьях, и о всех достоинствах умственных и нравственных, которые она развила в Александре, Николае и Ольге, которых я после двухчасового разговора с их мамашей знаю, как будто я сама произвела их на свет. Это наивное и суеверное преклонение перед умом и перед наукой и эта материнская гордость были бы трогательны, если бы к ним не примешивалась крайне глупая претензия. Когда она с вами говорит о политике или метафизике, хочется ей сказать: «Ах, сударыня, какой у вас красивый нос»...

11 июня.

Вчера, 10 июня, император, обе императрицы, великие княгини Мария Николаевна и Елена Павловна, великий князь Константин с женой, герцогиня Мекленбургская (сестра вдовствующей императрицы), дети царской семьи и все лица свиты совершили по морю поездку в Кронштадт, чтобы видеть английский флот, стоящий на якоре вблизи порта. День был чудесный, и воды залива отражали на своей ровной поверхности безоблачное небо. Императорская яхта прошла сквозь ряд канонерских лодок, совершенно новых. Русский флот не имел еще ни одной в прошлом году, теперь он имеет их 60, благодаря заботам великого князя Константина, который, говорят, пожертвовал значительную часть своего состояния на постройку их. Я смотрела на него вчера, когда он ходил, сосредоточенный, по палубе, с выражением жестким и мало симпатичным, но очень умным. Он невольно внушает интерес, но вместе с тем в нем есть что-то отталкивающее.

Высадившись в Кронштадте, мы воссели на ужаснейшие дрожки, которые сквозь густые облака пыли перенесли нас на батарею №4, дальше всех продвинутую в море с северной стороны, откуда мы ясно видели девять

ных и литераторов и сама блистать своим образованием, однако, это ей мало удалось, ибо ум далеко не соответствовал претензиям. Были, конечно, литераторы и светские люди, которые охотно падали к ногам великосветской красавицы, пользовавшейся милостями государя».

неприятельских судов, качавшихся на якорях на расстоянии шести верст.

Во время этой поездки я была с m-lle Раден, фрейлиной великой княгини Елены Павловны, которой я восхищаюсь не меньше, чем люблю ее. Это совершенно исключительная натура, которая кажется не на месте в банальной и пошлой придворной среде. С необычайно изящной манерой держать себя, с тоном и манерами в высшей степени благородными она соединяет исключительный ум, большое образование и, что важнее всего остального, глубокое и искреннее религиозное и нравственное чувство. Чувствуется, что несмотря на пустую и светскую среду, в которой она принуждена жить, все ее внутреннее существо принадлежит высшему идеальному миру и что ее слова и поступки исходят из этого высокого источника, не имеющего ничего общего с банальной действительностью ее внешней жизни. Она всегда производит на меня впечатление христианки первых веков, расцветшей, по недоразумению, в придворной среде. Я люблю быть с ней, хотя хорошо сознаю, до какой степени она выше меня, так что равных отношений между нами быть не может. Но она внушает мне желание стать лучше, и, проведя час в беседе с ней, я чувствую в себе больше мужества для борьбы с жизнью и с самой собой.

Великая княгиня Елена Павловна имеет избранный салон; там бывает много выдающихся по уму людей, и m-lle Раден имеет возможность вырабатывать свои мысли и суждения по многим вопросам, которые при большом дворе не обсуждаются, которых там даже не касаются. Вчера беседа с ней меня очень опечалила. M-lle Раден более, чем я, находится в соприкосновении с тем, что называется общественным мнением. Она мне сказала то, что, впрочем, я слышу с разных сторон: в обществе недовольны ходом дел при новом царствовании, находят, что власть действует недостаточно энергично в интересах общественных и особенно в интересах защитников Севастополя. При вступлении на престол императора ожидали немедленно отставки Долгорукого и Клейнмихеля, неспособность которых в военном министерстве проявилась в таких плачевных для России результатах. Удивля-

ются тому, что государь считает нужным так щадить людей, которые принесли столько зла России и вина которых была ему хорошо известна еще в то время, когда он был наследником и когда правда легче до него доходила.

Брак великой княгини Марии Николаевны с графом Строгановым, сделавшийся почти официальным, также вызывает много толков...

Вчера император и императрица предприняли поездку в Ораниенбаум и на Бронную гору, чтобы видеть английский флот. В этой поездке участвовала великая княгиня Мария Николаевна, граф Адлерберг, Олсуфьев, Александра Долгорукая, Александра Толстая и я. Это мне напомнило прошлогоднюю поездку, но тогда у нас не так тяжело было на сердце. На этот раз все были печальны и имели озабоченный вид. Все чувствуют, что надвигается большое несчастье...

2 июля.

Сегодня утром я была у императрицы. К ней вошли ее четыре сына, все крупные, красивые, хорошо сложенные мальчики, смотреть на которых доставляет удовольствие. Императрица спросила у них отчет о их уроках; младший сознался, что он плохо учился. Императрица очень строго посмотрела на него и сказала: «Это меня очень огорчает». Ребенок, которому только пять лет, опустил голову, и на глазах у него выступили слезы. В обращении императрицы с ее детьми есть что-то серьезное и проникновенное; один ее взгляд, кроткий и серьезный, заставляет их задуматься...

24 июля.

Я одна была за чаем у их величеств: княгиня Салтыкова больна, а Александра поехала навестить родителей в Павловск. Император заставил меня прочесть вслух письмо князя Горчакова, нашего посланника в Вене, в котором он в высоком стиле повествует о великих услугах, оказанных им России во время Венских конференций, а также письмо в ответ ему от Антонины Блудовой, в котором она с жаром и негодованием доказывает ему, что, принимая в основу переговоров четыре пункта, он ведет Россию к гибели.

Император сказал: «Антонина всегда преувеличивает. Никто никогда и не предполагал осуществить четыре пункта. Но важно было выиграть время, занять Европу, а главное, дать Австрии возможность выпутаться из англо-французского союза. Что бы мы стали делать, если бы Австрия присоединилась к ним против нас? Мы не имеем никакой возможности защищать нашу западную границу».

Может быть, в политике и приходится прибегать к подобным уверткам, но мне кажется, что все наши хитрости, белыми нитками шитые, имеют две стороны, и обе они обращаются против нас. В стране убеждены в том, что наша дипломатия идет на уступки, и обвиняют правительство в недостатке патриотизма и национального достоинства. Иностранные державы, наоборот, не верят этим уступкам, видят в них только хитрость и увертки и создают нам довольно заслуженную репутацию людей хитрых и коварных. Впрочем, в интимных беседах государь и государыня вовсе не стесняются говорить о том, что наша политика в прошлом была неправильна в самой основе, так как имела в виду гораздо больше интересы Западной Европы, не имеющие ничего общего с интересами России, между тем как интересы славянского и православного мира, с которыми Россия солидарна, совершенно не принимались во внимание или же ставились на задний план и приносились в жертву интересам Европы. Императрица сказала недавно принцу Прусскому¹, что если мир будет заключен, то не так скоро и, конечно, не на основах четырех пунктов. Да услышит ее Господь!

27 июля.

Сегодня праздновали день рождения императрицы. Ей минул 31 год. Среди многочисленных и великолепных подарков, полученных ею от государя, есть между прочим браслет, в который вправлена большая жемчужина с портретом императора Николая, затем довольно удачный портрет масляными красками маленькой великой княжны, написанный Макаровым. Малютка выучила

---

¹ Карл-Фридрих-Александр, брат имп. Александры Федоровны.

наизусть маленькое четверостишие по-английски и очень мило произнесла его. По-моему, злоупотребляют впечатлительностью этого ребенка; ей только год и восемь месяцев, а ее превращают в предмет забавы для отца, который в ней души не чаёт.

Обедню служили в большой домово́й церкви Петергофского дворца, а затем состоялся парадный выход и принесение поздравлений. Я была шокирована тем, как в этом случае держали себя фрейлины. Надин Бартенева сидела на столике, смеялась и шутила с группой мужчин, ее окружавших, остальные дамы в непринужденных позах сидели в одном конце зала, тогда как в другом конце императрица, стоя, принимала поздравления. По-видимому, государь также обратил на это внимание. Он подошел к дамам и строго сказал им: «Mesdames, когда ее величество императрица стоит, — самое меньшее, что вы с своей стороны можете сделать, это тоже стоять». Они встали весьма сконфуженные.

К несчастью, этот дурной тон распушенности и излишней непринужденности все больше и больше распространяется со времени смерти императора Николая, строгий взгляд которого внушал уважение к дисциплине и выдержке дамам и кавалерам свиты не менее, чем солдатам его полков.

Наше общество очень нуждается во внешней сдержке, так как оно утратило инстинктивное чувство декора́ма, которым отличаются примитивные расы, и не достигло еще той степени культуры, при которой вежливость и хороший тон вытекают из утонченной душевной жизни, как из естественного источника. Эти мысли пришли мне в голову в то время, как я наблюдала величественную внешность кн. Чавчавадзе, которая только что провела несколько лет в плену у Шамиля. Она принадлежит к кавказскому дворянскому роду и обладает самыми аристократическими манерами, какие только можно себе представить. Старая княгиня Воронцова также отличается умением себя держать. Она принадлежит к тому поколению, в котором еще живы традиции этикета старого двора. Но в настоящее время наши элегантные дамы стараются подражать тону гризеток с подмостков Французс-

кого театра. Меня буквально тошнит, когда, как сегодня, я попадаю в общество великих князей — младших братьев государя и молодых фрейлин императрицы-матери. Со стороны молодых великих князей крики, жестуляция, пошлые, хотя и невинные шутки, а со стороны дам смешки и жеманство субреток, фамильярная распущенность, наполовину бессознательная, от которой делается прямо-таки тошно¹. Мое лицо, боюсь, слишком часто выдает испытываемое мною впечатление, так как я чувствую, что меня неохотно принимают в этом кружке, в котором я сама чувствую себя неловко и в которой мое присутствие вносит также невольно неловкость.

13 августа.

Сегодня вечером я была одна с императрицей. Она говорила об интимных вещах, как вдруг воскликнула: «Ах, мой несчастный Севастополь!». Это был крик страдания, вырвавшийся из глубины ее души. Бомбардировка продолжается с удвоенной силой, и число жертв доходит до 1000 человек в день.

19 августа.

Вчера в полугодовой день кончины императора Николая вся императорская фамилия ездил в город на заупокойную службу в крепости. Императрица-мать возвратилась в Петергоф, где останется до 22-го, а император и императрица переехали в Царское. Я поехала обедать к Антонине Блудовой на Елагинский остров. Вернувшись оттуда, я была приглашена к чаю к императрице. И она, и император имеют вид очень озабоченный и удрученный. После неудач нашей армии на речке Черная положение со дня на день становится все более и более отчаянным. Бомбардировка усиливается, мы теряем мас-

---

¹ Общество, окружавшее Александру Федоровну, и товарищеские отношения, существовавшие в нем между фрейлинами и великими князьями, в идиллическом тоне описаны в воспоминаниях М. П. Фредерикс. («Историч. вестник», 1892 г.). Из ее слов можно угадать, что двор императрицы-матери, с своей стороны, осуждал двор молодой императрицы за чопорность и излишнюю строгость нравов.

су людей; Севастополь превратился в ад, день и ночь осыпаемый дождем огненных снарядов. В обществе ходят глухие слухи о том, что решено эвакуировать южную сторону города. Мы провели вечер в мрачном и печальном настроении, еле-еле перекидываясь несколькими словами. У каждого из нас на душе одна мысль, одна забота, и ни у кого нет ни желания, ни смелости говорить. Я избегала даже смотреть на императора и императрицу, чтобы не видеть глубочайшей тревоги, отражающейся на их лицах...

В Царской Славянке был праздник в честь нового «стрелкового полка императорской фамилии». Как и все добровольческие полки, этот полк одет в национальный костюм: кафтан, широкие шаровары и меховая шапка. Столы для 3500 стрелков были расставлены в саду, а офицеры были приглашены к императорскому столу во дворец. Государю поднесли хлеб-соль на серебряном блюде, офицеры поднесли ему золотой кубок и пропели «Слава». Император пил за их здоровье. Праздник был очень оживлен и проникнут национальным духом. Среди этих императорских стрелков есть молодые люди из аристократии — наш поэт граф Алексей Толстой, граф Алексей Павлович Бобринский и другие. Праздник был прощальный, так как полк на другой день уезжал в Южную армию.

28 августа.

Сегодня вечером, войдя к императрице во время чая, я была поражена с первой же минуты тем, до какой степени император и императрица имели расстроенный вид. Сердце мое упало, я поняла и спросила, вся дрожа: «Есть известия?» — «Да, есть», — сказала императрица и быстро отвернулась. Государь взял со стола бюллетень и сказал: «Вот! После героической защиты, Севастополь пришлось эвакуировать, но он не сдался. После того, как было отбито шесть атак, был взят Малахов курган. С этого момента гарнизон не мог выдержать адского огня, осыпавшего его со всех сторон, и вынужден был уйти на северную сторону, оставив врагам только груды окровавленных развалин».

При чтении этих строк я испытала то же чувство, как при получении известия о смерти императора Николая:

чувство подавленности перед страшными и неисповедимыми решениями провидения, этого таинственного вершителя судеб нашего слабого и грешного человечества.

25-го и 26-го огонь был поистине адский. Число убитых уже не поддавалось учету. 27-го Севастополь сдался. Мы были тогда на празднике стрелков. Император получил первую депешу сегодня в 12 часов, известие об эвакуации пришло в 3 часа.

За чаем мы читали статью Вяземского по поводу полугодового дня кончины императора, в которой он говорит о героической защите Севастополя. Ввиду последнего бюллетеня эти восторженные слова превращались в надгробное слово. Государь и государыня тихо плакали.

29 августа.

Я никогда не забуду ни вчерашнего вечера, ни лица государя. Он казался преображенным страданием, на его лице было выражение самой глубокой скорби и бесконечного смирения. Слезы текли из его глаз, и он, казалось, даже не замечал этого. Вяземский говорит в своей статье: «Севастополь будет верен до конца». Государь воскликнул: «И был, и был» — таким тоном, который всегда будет звучать в моих ушах и в моем сердце.

Сегодня утром я видела императрицу. На вид она была покойна как всегда, но так бледна! Она мне сказала: «Не нам судить о путях Божиих. Все испытания необходимы для того, чтобы привести нас к цели, известной только ему одному». Она мне сказала, что государь, несмотря на то, что глубоко потрясен, не падает духом и не сомневается в конечном торжестве великой идеи, за которую сражается Россия, что он никогда не сделает уступок в том, что касается чести и славы России.

Императрица сказала мне, что, проснувшись сегодня утром, она испытала то ужасное гнетущее чувство, которое испытываешь после смерти любимого существа.

По телеграфу пришли некоторые подробности ухода наших войск, судя по которым потери не так велики, как этого ожидали. Неизвестно еще, успели ли до эвакуации взорвать бастионы.

Вчера депеша из Брюсселя сообщила известие, что было покушение на Наполеона III, к несчастью, неудачное.

Другая депеша сообщает об уничтожении англичанами Петропавловского форта и о том, что английский флот бомбардирует русский гарнизон на Амуре, куда он спасся.

30 августа.

Было решено отпраздновать день ангела государя большим публичным торжеством, в котором мог бы принять участие народ; обедня должна была быть отслужена петербургским митрополитом не в дворцовой церкви, а в Александро-Невской лавре у раки святого патрона царя. У императрицы 29-го начиналось воспаление. Я ее спросила, неужели она рискнет при своем нездоровьи явиться на церемонию в парадном придворном платье с открытой шеей и руками в эту свежую погоду. Она мне ответила: «Я поеду во что бы то ни стало: при теперешних обстоятельствах необходимо, чтобы народ видел императора и меня, и видел, что мы не теряем мужества и энергии». Государь и государыня поехали в город рано утром, остановились в Аничковом дворце, где государыня наскоро переоделась, то есть надела парчовый трен, отделанный горностаем. Процессия двинулась в 10 часов. Государь, великие князья и генеральный штаб ехали верхом впереди, за ними следовала государыня в золоченой карете с великими княгинями Александрой Иосифовной и Екатериной Михайловной. Ее младшие сыновья также следовали в золоченой карете, затем ехали дамы свиты. Стечение народа было огромное, и его одушевление было так велико, что несколько раз на пути карета государыни не могла продвигаться, благодаря теснившейся вокруг нее толпе, приветствовавшей ее восторженными криками. У ворот Лавры их величества сошли на землю и торжественно направились пешком к церкви, где служил митрополит. Дипломатический корпус был налицо на этой службе и надо сказать, что присутствие этих иностранцев было чрезвычайно тяжело переносить в том настроении, в котором мы находились...

1 сентября.

Мы выехали в Москву. Из Царского отправились в семь часов и были в восемь в Колпине, откуда отходил

поезд. Кроме императора и императрицы, в путешествии участвовали их четыре сына, великий князь Константин Николаевич с супругой, великая княгиня Мария Николаевна, великая княгиня Екатерина Михайловна и ее муж¹, два молодых великих князя и принц Ольденбургский. Из дам свиты были только княгиня Салтыкова, княжны Долгорукая, Натали Бартенева и я. Из кавалеров свиты: графы Адлерберг, Шувалов, князь Барятинский, Олсуфьев.

День был пасмурный, холодный, и однообразие путешествия ничем не нарушалось. Мы летели, как стрела, пожирая голое и печальное пространство, отделяющее Москву от Петербурга; болото, желтоватая почва, покрытая мохом, низкие деревья, увядающие от преждевременных ранних холодных ветров, дождливое серое небо, на некотором расстоянии друг от друга домики сторожей, однообразные красные кирпичные станционные здания — ничего радующего взор или воображение. Мои спутницы были мрачны: у кн. Салтыковой была мигрень, Александра спала, Натали произносила короткие фразы, почерпнутые из «*Dictionnaire de conversation*»². Я решила превратить себя в состояние вещи. Я не знаю большего наслаждения, чем это состояние оцепенения, когда погружаешься в растительную жизнь и отказываешься от высшего в человеке — от мысли. В таком приятном состоянии я доехала до Москвы. На станциях, особенно ближайших к Москве, толпилась масса народа, ожидавшего проезда государя и выразившего свой восторг бесконечными криками «ура». Останавливались только в Твери для обеда. Для встречи государя явился тверской губернатор Бакунин с женой; они были приглашены к императорскому столу.

В 11 часов мы приехали в Москву. Дождь прекратился, было очень темно, но несколько звезд сияло сквозь облака. Вдруг на темном горизонте я увидела как бы ореол света. Это была Москва, издали приветствовавшая государя иллюминацией. Я испытала минуту глубокой радости, узнав в полосе света свою дорожную Москву. На вокза-

¹ Георг, герцог Мекленбург-Стрелицкий.

² Словарь, в котором приводятся образцы разговоров.

ле была большая суматоха, пока каждый добрался до своей кареты. Улицы Москвы до самого Кремля сияли огненными колесами, цветами и арабесками, среди которых всюду выделялись переплетенные монограммы М и А. Уже со станции можно было слышать, как кричала «ура» толпа в Кремле. Императрица говорила мне, что стечение народа было огромное, и при каждом шаге лошадей она боялась, чтобы кто-нибудь не был раздавлен. Она нам рассказывала, что когда остановилась коляска, она видела, как какой-то человек бросился на кожаный фартук и поцеловал его. Император и императрица сперва остановились у Иверской часовни, потом заехали в Чудов монастырь приложиться к мощам святителя Алексия. Оттуда они поехали в Большой дворец, который они занимают в первый раз. То была воля покойного императора, чтобы они при своем восшествии на престол остановились в нем.

Что касается меня, я совсем не видела их въезда. Толпа на улицах была так велика, что Натали Бартенева и я с трудом доехали до Иверской, где мы вышли, чтобы приложиться к иконе. Оттуда мы отправились в свои комнаты, но нам пришлось долго ждать, пока приехали наши девушки и наши вещи. Всю ночь продолжался невообразимый шум, без перерыва ездили кареты, взад и вперед носили вещи, так что, несмотря на всю мою усталость, я заснула только к четырем часам утра...

2 сентября я пошла к обедне в Чудов монастырь. Я заказала молебен о здравии императора и императрицы... Потом я отправилась к императрице с просвиркой, вынутой о ее здравии... Она мне сказала, что чувствует себя печальной, несмотря на удовольствие, которое всегда испытывает, находясь в Москве.

Виктор Бярятинский только что вернулся с печальными подробностями об эвакуации Севастополя. Все бастионы были взорваны, а дома подожжены, прежде чем город был оставлен. Сегодня получено известие о смерти молодого Мейендорфа; это страшный удар для его бедной матери, которая за последние месяцы совершенно сходилась с ума от беспокойства. Казаков тоже убит.

В час состоялся большой выход в соборы. Государь и государыня, за ними великие князья и великие княгини, сопровождаемые статс-дамами и фрейлинами, спустились с Красного крыльца и пошли в соборы приложиться к мощам. От одной церкви до другой были построены подмости из досок; все остальное пространство площади было запружено такой густой толпой, что негде было булавке упасть. Как только появился государь, затрезвонили во все колокола, и из толпы поднялось могучее «ура». Но когда государь дошел до Успенского собора, звон остановился, и народ замолк. Митрополит Филарет с крестом встретил государя у входа в собор и обратился к нему со словом. После того, как государь и его семья приложились ко кресту, они вошли в собор, где был отслужен торжественный молебен. Государь, государыня и вся царская семья приложились к иконе Владимирской Божьей матери, затем к мощам. Собор представлял поразительное зрелище: он только что подновлен, но это все та же старинная живопись на золотом фоне, покрывающем все его стены. Оттуда направились в Архангельский собор поклониться мощам св. Дмитрия и св. Михаила, затем в Благовещенский, где был отслужен второй молебен. На обратном пути поднялись опять на Красное крыльцо. Отсюда государь и государыня, обратясь к народу, поклонились ему. Это была поразительная минута. Я не могу выразить, до какой степени величественна была вся эта церемония...

3 сентября.

Я начала день с того, что пошла к обедне в одну из многочисленных кремлевских церквей. Каждая из них — маленький археологический перл, все они полны старых икон и исторических воспоминаний, относящихся к тому времени, когда русский царь жил в Кремле. Императрица поручила мне описать для m-lle de Грансе приезд императорской четы в Кремль, и это письмо заняло у меня все утро до часа, когда мне пришлось отправиться в русском костюме и в шлейфе в Екатерининский зал, где императрица принимала, во-первых, всех московских дам, а затем мужчин, представлявшихся государю.

В Москве все мелкое дворянство, до шестого класса, допускается к целованию руки, так что получается самое пестрое в мире собрание, в котором можно видеть самые разнородные лица и туалеты. Я стояла за императрицей вместе с другими дамами свиты, и нам иногда было очень трудно удержаться от смеха при виде этих странных фигур, в длинном череду проходивших перед нами в течение двух с половиной часов. Но императрица была прелестна: с царственной приветливостью и любезностью она обращалась с милостивым и всегда уместным словом почти к каждому. Окончив прием дворянства, государь и государыня принимали в Георгиевском зале купеческое общество, которое поднесло им хлеб-соль. После этой церемонии, очень утомительной, так как пришлось выстоять на ногах целых три часа в наших тяжелых придворных доспехах, я поехала обедать к своей тетке Сушковой.

Мой отец только что приехал из деревни, ничего еще не подозревая о падении Севастополя. Зная его страстные патриотические чувства, я очень опасалась первого взрыва его горя, и для меня было большим облегчением увидеть его не раздраженным; из его глаз только тихо катились крупные слезы; он был глубоко тронут, когда я ему рассказала, как на второй день после получения страшного известия о постигшем нас ударе, государь и государыня захотели показаться народу, чтобы поднять в нем бодрость духа. Я рассказала ему, как императрица, совершенно больная, настояла на том, чтобы принять участие в торжестве в придворном костюме и как она говорила мне: «Один Бог знает, как тяжело мне на душе и что мне стоило хранить покойный вид». Долгорукий и Ливен рассказали, что они были у государя в ту минуту, когда ему передали роковое известие о сдаче Севастополя. Читая его, он стал бледен как смерть. «Случилось величайшее несчастье, — сказал он сдавленным голосом; он долго сидел, закрыв лицо руками, затем с усилием сказал: — Не надо роптать, не надо унывать, надо уповать на Бога»¹... Сообщая о нашем несчастье своей матери, он ей сказал: «Матап, как милостив был Господь,

¹ Эти слова в подлиннике по-русски.

призвав к себе отца и избавив его от огромного горя, которое на нас обрушивается: Севастополь пал».

Все эти подробности я рассказала отцу. Он был ими очень тронут, и это его немного успокоило.

Вдовствующая императрица и великая княгиня Елена Павловна приехали 3-го, и в тот же вечер великие князья Константин и Николай уехали в Николаев, чтобы организовать защиту этого последнего пункта на берегу Черного моря, который остается еще для русского флота.

О, Екатерина II, если бы ты могла видеть, что сделали с твоим славным наследием!

4 сентября.

4 сентября пришлось на воскресенье. Их величества были у обедни у Благовещенья, а затем императрица в сопровождении великих княгинь посетила Патриаршую ризницу и библиотеку. Великие княгини простились с императрицей, а ее величество, взяв с собой Олсуфьева, Александру Долгорукую и меня, подробно обозревала терема и двенадцать маленьких церквей, находящихся внутри дворца в различных этажах; нам пришлось ходить вверх и вниз по лестницам; этот обзор продолжался до 3 часов и очень нас утомил.

Вечер я провела у императрицы, которая с большим оживлением и интересом разговаривала обо всем, что она видела утром, и я была удивлена обширностью сведений, которыми она обладает относительно церкви и истории наших царей. Я ей сказала, что, конечно, она первая из русских императриц родом из Германии, которая сделалась вполне православной не только по сердечному убеждению, но и по глубокому научному знакомству с православием. Императрица ответила мне на это, что ее тетка, императрица Елизавета Алексеевна, супруга Александра I, также была чрезвычайно предана православной вере и написала даже рассуждение о превосходстве православной церкви над латинским и протестантским вероисповеданием, но что, к сожалению, это сочинение потеряно.

На этом месте нашего разговора вошел государь с телеграммой в руках и, смеясь, сказал императрице: «Вот,

милая моя, черепица нам сваливается на голову: королева Анна телеграфирует мне, что ввиду того, что ее сын, король Нидерландский, имел гнусность послать орден св. Вильгельма одновременно мне, по случаю моего восшествия на престол, и Луи-Наполеону, по случаю взятия Севастополя, она сочла для себя долгом чести навсегда покинуть Нидерланды и вернуться в Россию». Императрице, по-видимому, не особенно по вкусу это проявление русского патриотизма со стороны ее августейшей тетушки. Ее нидерландское величество имеет репутацию особы столь же неуживчивой и трудной в общении, сколь хорошей патриотки, и мысль иметь ее навсегда при себе, кажется, не очень улыбается их величествам.

5 сентября.

В церкви св. Екатерины была обедня и панихида по императрице Елизавете, так как сегодня день св. Елизаветы.

В час императрица отправилась со своими четырьмя сыновьями и со своими дамами в Оружейную палату. Был вызван Погодин, московский профессор истории и ученый археолог, чтобы служить чичероне великим князьям, но он совсем неудачно выполнил эту обязанность. Он следовал за нами, хромя, в совершенном бешенстве и не издал ни звука. Я спросила его, что вызывает его неудовольствие. Он мне резко ответил, что он возмущен нашим равнодушным отношением к падению Севастополя. Я старалась убедить его, что было бы недостойно императрицы, если бы она громко и открыто проявляла все, что она чувствует, что, тем не менее, и она, и государь жестоко страдают, но считают своим долгом показываться в публике именно в эти минуты народного бедствия и подбодрять мужество других, проявляя с своей стороны спокойствие и покорность. Все это было ни к чему. Погодин принадлежит к московской оппозиции. Это люди большого ума и прекрасного сердца, настоящие и хорошие патриоты, но имеющие несчастье слишком много вариться в собственном соку и думать, что они одни любят Россию и одни принимают к сердцу ее интересы. В данном случае Погодин мог бы принести гораздо больше пользы, вступив в хорошие отношения с моло-

дыми великими князьями — чего от него и ожидали, — чем держась в стороне, как неотесанный медведь¹.

Государь дал большой обед московскому дворянству в Александровском зале.

Получены известия с Кавказа, где Муравьев имел кое-какие успехи в кавалерийской стычке.

6 сентября.

Государь и государыня поехали сегодня в Троицкую лавру к мощам св. Сергия. Александра Долгорукая и я, которые должны были их сопровождать, просили разрешения выехать рано утром, чтобы успеть заехать в женский Хотьков монастырь, где Александра хотела видеть одну блаженную, предсказывающую будущее. Но экипажи запоздали, не хватило времени для этой поездки, и мы прямо поехали к Троице и остановились у ворот монастыря. Митрополит Филарет, и наместник Антоний с монахами стояли у ворот в торжественном ожидании. Толпа была огромная. Большая площадь перед монастырской оградой была сплошь покрыта народом. Около одиннадцати часов возвестили о скором прибытии их величеств, которые вышли из кареты и пешком поднимались к монастырю. Появились государь и государыня и между ними императрица-мать. Филарет держал им речь, из которой мы ничего не слышали, так как у него со-

---

¹ Осмотр Оружейной палаты под руководством Погодина описан у Барсукова — «Жизнь и труды М.П. Погодина», т. XIV, стр. 112—114. Погодин, по словам его биографа, «в то время мечтал попасть в наставники к наследнику и роль путеводителя казалась ему мелкой». А.Д. Блудова в письмах упрекала Погодина за его поведение: «Вас нарочно, — писала она, — назначила молодая императрица показать древности Москвы детям ее, нарочно с детьми сама пошла в Оружейную палату (кажется), а вы опять капризничаете и еле отвечаете на вопросы наследника и не стараетесь заинтересовать ребенка. Это заметили мать и окружающие, и воля ваша, но эти женские капризы вам не к лицу, и я не вижу истинного патриотизма и желания добра в том, чтобы перед москвичами или перед придворными показаться сердитым и невежливым с женщиной и матерью, с царицей русской». В другом письме она пишет: «Зачем вы говорили А.Ф. Гютчевой: «Зачем приехали они в Москву? Сидели бы дома, да плакали»? Что же это за каприз, г-н Погодин?» (там же, стр. 105).

всем пропал голос. Их величества направились затем в собор, где был отслужен торжественный молебен с пением великолепного монастырского хора, затем их величества приложились ко всем мощам, кладя по три земных поклона перед ними и перед древними чтимыми иконами, что придало службе большую торжественность, но и сделало ее крайне длинной и утомительной. Затем обедали в митрополичьих покоях, в зале, украшенном царскими портретами более чем примитивной работы. Митрополит сидел между обеими императрицами.

После обеда в колясках поехали в скит, который находится в трех верстах от монастыря. Этот скит с очень строгим уставом, куда не допускаются женщины, но так как мы принадлежали к свите императрицы, Александра и я имели возможность проникнуть в это место, запретное для нашего греховного пола. Но мы мало что видели. Толпа, следовавшая за их величествами, была так густа, что мы с трудом следовали за ними и все время подвергались опасности быть задушенными и раздавленными. Я с трудом могла разглядеть хорошенькую деревянную церковку и скромный деревянный не оштукатуренный домик, который служит для Филарета местом уединения. Потом нас повели в «пещеры», — печальное подражание тем отдаленным временам, когда примитивная вера, в борьбе с неудержимыми страстями, подвергала плоть ужасному умерщвлению и измождению. Но с точки зрения религии нашего времени, такое заключение разумного человеческого существа в какой-то могиле, узкой, сырой, лишенной всякого света, можно объяснить только плачевным заблуждением ума. Я увидела и одного из несчастных обитателей этих погребов: у него лицо отекло от водянки и взгляд был смутный и безжизненный, идиотический. Я с ужасом отшатнулась при виде этого существа, доведенного собственным безумием до такого состояния физического и нравственного падения, и убежала с болью в сердце и со страхом в душе; я была счастлива, когда попала на солнечный свет.

Вернувшись в монастырь, мы присутствовали на всеобщей, длившейся три часа. Признаюсь, что я еле держалась на ногах от усталости и совершенно не была в

состоянии молиться. Тем более я восхищалась, глядя на благоговейное выражение государыни. Видно было, что она вся поглощена своей молитвой и ее бледное лицо, выразившее под траурной вуалью глубокую сосредоточенность, напоминало лики святых и мучеников. После всенощной мы еще раз собрались к чаю у их величеств, которые должны были провести ночь в митрополичьих покоях. Я дошла до того состояния, когда утомление переходит в отчаянность; поэтому, когда меня привели в келью, откуда выставили какого-то святого отца, чтобы поместить меня, то, несмотря на всю грязь этого места уединения, я проспала, как убитая, до утра.

Что касается государя и государыни, то я знаю от самой государыни, что они в ту же ночь в двенадцать часов еще раз ходили в церковь, слабо освещенную несколькими лампадами, горевшими перед образами, и долго молились у раки св. Сергия вместе с отцом Антонием, читавшим акафист и молитвы о даровании России победы над врагами.

7 сентября.

Я встала очень рано, чтобы наскоро осмотреть перед началом обедни достопримечательности монастыря. Очень интересна школа иконописи, а ризница заключает в себе неисчислимые сокровища. Служил Филарет, обедня продолжалась очень долго, затем был молебен, по окончании которого Филарет благословил государя образом, который должен сопровождать его во время предстоящего ему путешествия в Южную армию. Этот образ, изображающий явление Богоматери преподобному Сергию, сопровождал Алексея Михайловича, когда он воевал с Литвой, был при Петре Великом во время Полтавской битвы, и при Александре I во все время кампаний 13 и 14 годов; теперь он будет сопровождать Александра II в Николаев. По выходе из церкви, их величества, позавтракав у митрополита, еще раз обошли все лаврские церкви и, наконец, сели в экипаж для возвращения в Москву. Вечером государыня подарила Александре и мне иконы, купленные у Троицы, а государь — очень хорошенькие браслеты в память этой поездки.

8 сентября.

Сегодня праздновали день рождения наследника, которому минуло 12 лет. Была обедня у Спаса за Золотой Решеткой.

Сегодня годовщина битвы при Альме.

Поздно вечером государь уехал в Николаев. Мне, к сожалению, не удалось пожелать ему доброго пути, хотя он имел любезность зайти ко мне, чтобы проститься. Это было в шесть часов, и я ходила к императрице за ее приказаниями относительно каких-то представлений. Он уехал в 12 часов ночи, и сопровождавшие его крики народа раздавались, как гром среди темной ночи.

9 сентября.

Императрица посвятила сегодня все утро осмотру Воспитательного Дома. Будучи дежурной, я сопровождала ее при этом чрезвычайно утомительном посещении.

Это заведение представляет собой целый мир: классы, дортуары, столовые, рекреационные залы, мастерские для работ, рисовальные классы, больницы, помещение для грудных детей и родильниц и т. д. Императрица захотела все видеть и мужественно поднималась и спускалась по бесконечным лестницам всех трех этажей этого громадного дома. Смотр продолжался полных три часа, в течение которых мы ни разу не сели.

С внешней стороны все это великолепно и грандиозно, и я не думаю, что существует в мире страна, где можно было бы найти благотворительные учреждения такого великолепия и таких колоссальных размеров. Но существо дела и результаты мало соответствуют обстановке, и из всех этих великолепных казенных учебных заведений, бесконечно многочисленных в нашей родине, выходят поколения молодых людей, и особенно молодых девушек, малокровных в физическом отношении и очень мало развитых в отношении нравственном, со знаниями самыми поверхностными и с головой, полной самых ложных понятий о жизни, которая их ожидает. Легкомыслие и тщеславие — преобладающие черты их характера; они совершенно не подготовлены к серьезной и тяжелой жизненной борьбе и убеждены, что их един-

ственное призвание — блистать в обществе своими мелкими привлекательными чертами, так как их учили, что первая заслуга женщины — уметь держать себя в обществе, танцевать и кое-как болтать по-французски. Поэтому большинство из них, попадая из великолепных залов своего института обратно в свою неизящную бедную и малокультурную семейную среду, чувствуют себя в ней, как в ссылке и в аду, и в самих себе не находят ни силы сопротивления, ни способности к самопожертвованию, чтобы бороться против этой среды и стремиться облагородить ее.

Императрица своим тонким и проницательным умом отлично понимает все, чего недостает нашему общественному воспитанию, чтобы оно могло действительно принести пользу стране; но будет ли она иметь силу преобразовать все то, что нужно преобразовать, и главное, найдет ли она достаточное количество людей, способных оказать ей содействие? И прежде всего, пока жива императрица-мать, и пока она, хотя только по имени, стоит во главе институтов, царствующая императрица не может предпринять реформы — это было бы непочтительно и значило бы проявить неодобрение по отношению к системе, господствовавшей в течение 25 лет. Поэтому я вижу, что императрица из утомительных посещений институтов выносит только сознание исполненного долга, но не находит в них никакого удовлетворения. Ее холодный и сдержанный вид представляет невыгодный контраст к ласковому и приветливому обращению императрицы-матери, пользующейся в институтах большой популярностью.

Сегодня вечером императрица поехала навестить императрицу-мать, которая поселилась в Александрии. Мне неверно сообщили время отъезда, и когда я пришла, то застала императрицу, ожидавшую меня уже некоторое время в коляске у дворцового подъезда, окруженную огромной толпой. В первый раз с тех пор, как я состою у нее на службе, я услышала упреки, сделанные резким тоном, которые я бы заслужила, если бы была повинна в своем опоздании.

Вечером императрица возвратилась домой с великим князем-наследником, а я с младшими великими князьями, которым я всю дорогу рассказывала сказки, что их очень забавляло.

10 сентября.

Императрица посетила сегодня Екатерининский и Александровский институты и присутствовала на парадном обеде. Не будучи дежурной, я ее не сопровождала, но она поручила мне навестить Жуковскую, вдову нашего поэта и воспитателя государя. В 16 лет она по любви вышла замуж за Жуковского, которому тогда было около шестидесяти; она имеет двух детей, милых и красивых и, по-видимому, таких же умных, как их отец. Императрица хочет видеть этих детей и поручила мне сказать их матери, чтобы она их прислала завтра к ней. Что касается самой г-жи Жуковской, у нее паралич и она уже три года не встает с постели. Она черпает силу для перенесения своих страданий в экзальтированном религиозном чувстве, сообщающем ее лицу, в свое время очень красивому, но преждевременно увядшему от болезни, выражение покоя и кротости, которое его преобразует и придает ему неизъяснимую прелесть.

Я посетила затем со своими сестрами Девичий монастырь. Старый ученый археолог Снегирев служил нам чичероне. Мы любовались роскошными чашами и ризами, собранными в монастырской ризнице. Все это памятники народной веры прошлых веков, проявлявшейся в таких щедрых дарах церквам и монастырям. Следы этого прошлого так живы в Москве, что оно в некотором отношении господствует над настоящим и окутывает его своей сенью. Здесь на каждом шагу чувствуется связь, соединяющая могучей спайкой единой веры современные поколения с поколениями прошлыми. В Петербурге, наоборот, жизнь чувствуется только в настоящем; там все приспособлено к ежедневной жизни в самом прозаическом и земном ее виде. Никакие традиции прошлого не нарушают уюта и наслаждений настоящей минуты.

Вернувшись во дворец, мы еще раз обежали церкви и терема, полные исторических воспоминаний. За вечер-

ним чаем у императрицы были кн. Салтыкова, Александра Долгорукая, Софи Гагарина и я. Ночь была исключительно теплая и мягкая для этого времени года. Императрица вышла с нами на большую террасу дворца, которая господствует над Москвой-рекой и над обширной панорамой домов и церковей, простирающихся за рекой. Все это было освещено великолепным лунным светом, придававшим городу сказочный вид.

11 сентября.

Обедню служили в одной из маленьких церквей в храме Воскресения Словущего. Императрица затем дала аудиенцию г-же Муравьевой и двум вновь назначенным фрейлинам — Перфильевой и Толмачевой. Ее величество приняла затем детей Жуковского, которых очень обласкала. Императрица приняла в прощальной аудиенции еще очень много народа, между прочим митрополита Филарета, с которым беседовала около часа. Олсуфьев говорил, что когда митрополит выходил от нее, у него были слезы на глазах и он несколько раз повторил: «Слава Богу, слава Богу, это истинно православная царица»¹.

Императрица подарила мне в память нашего приезда в Москву икону Богородицы Трех радостей, которую празднуют 2 сентября, день, когда государь и государыня совершили торжественный вход в соборы как цари, с чем для меня связано очень дорогое воспоминание.

Императрица поехала обедать к императрице-матери. Будучи дежурной, я отправилась туда вечером, чтобы сопровождать ее на обратном пути. Прежде чем вернуться во дворец, императрица заехала в церковь Утоли моя печали, за Москвой-рекой, где есть образ этого наименования². Императрица очень чтит эту икону...

Было поздно, и мы думали, что найдем церковь пустой, но каким-то образом стало известно, что государыня приедет приложиться к образу, и огромная толпа заполняла церковь и вход в нее. Священник встретил императрицу с крестом и провозгласил ей «Многая лета», пока она прикладывалась. Выходя из церкви, императ-

¹ Эти слова по-русски.

² В Садовниках.

рица вынула из кармана старинный крест и цепочку очень художественной работы и сказала мне, чтобы я оставила их себе в память этого вечера и пребывания в Москве. Я была глубоко тронута, и особенно тем, что ей захотелось сделать мне этот подарок именно в эту минуту...

Императрица поехала после этого приложиться к мощам св. Алексия в Чудовом монастыре. Мы должны были уехать в 10 $\frac{1}{2}$ часов вечера, но так как императрице нужно было ехать на вокзал с наследником, она позволила мне перед выездом из Москвы поехать проститься с бабушкой и с сестрой.

Я вынесла из этого пребывания самые отрадные душевные впечатления, но крайнюю физическую усталость, так что бесконечно оценила тишину и покой Царского, где мы водворились на другой день между двенадцатью и часом. Между Колпином и Царским маленькая великая княжна выехала навстречу императрице, которую она встретила с большим проявлением радости; но она тотчас же заметила, что нет ее папы, и не переставала требовать его с волнением и беспокойством.

14 сентября.

Получено известие о новой высадке неприятеля в Евпатории; князь Горчаков попадает между двух огней. Получено также известие о приезде государя в Николаев...

Императрица заболела вследствие утомления, вызванного пребыванием в Москве. Но у нее нет ничего серьезного. Мы каждый вечер собираемся у нее к чаю.

14 сентября.

Императрица была у обедни по случаю праздника Воздвижения.

Екатерина (Николаевна) Мещерская дала мне прочесть неизданную рукопись своего отца, историка Карамзина. Эта рукопись озаглавлена: «Древняя и новая Россия». Она была в свое время представлена Александру I в то время, как этот государь, увлеченный идеями неуместного либерализма, думал о превращении Польши в государство, независимое от России. Карамзин приводит доказательства, основанные на глубоком изучении истории России, что царь не имеет права жертвовать по-

ложением, купленным Россией своей кровью в вековой борьбе, и выражает это языком возвышенным и благородным, соответствующим глубине и ясности мысли.

15 сентября.

Императрица захотела сегодня поехать в город навестить несчастную г-жу Мейендорф, сын которой был убит в день взятия Севастополя. С ее стороны было естественным движением сердца пожелать самой лично сказать слова участия и утешения этой бедной матери, которую постиг такой жестокий удар в самых нежных ее привязанностях. Я была дежурной и сопровождала императрицу. Она поехала под полным инкогнито и с этой целью села на обычный одиннадцатичасовой утренний поезд. Приехав в город, она отправилась прямо к баронессе Мейендорф, которая живет очень скромно на третьем этаже в доме на Екатерининском канале. Императрица приказала казаку остаться у кареты, и мы самым обывательским образом поднялись по высокой лестнице. Достигнув верхней площадки, я позвонила и нам пришлось довольно долго ждать. Лакей, появившийся наконец, чтобы отворить нам дверь, не захотел нас впускать, говоря, что его барыня решительно никого не принимает, свирепо отстаивал данные ему приказания и загораживал вход. Я, наконец, принуждена была сказать ему, что здесь императрица; но это представление не укладывалось в его тупом мозгу. В передней спор возобновился, и я должна была силой открыть дверь в гостиную, где появилась наконец баронесса Мейендорф, привлеченная шумом; она узнала императрицу и положила конец тому довольно нелепому положению, в которое мы попали. Мне кажется, что если бы императрица послала перед собой казака объявить о своем приезде, ее визит ничуть не потерял бы характера интимности и ласки.

Я должна сказать, что меня всегда несколько раздражает эта манера великих мира сего в наши дни разыгрывать из себя роль простых смертных, приводящая только к тому, что ставит в фальшивое положение и их самих, и тех, к которым они хотят снизойти... Я откровенно высказала императрице свои мысли по этому поводу, когда после двухчасового посещения баронессы Мейендорф мы

с ней вместе сидели в карете. Она рассмеялась и сказала, что в моих рассуждениях есть много верного. Дело в том, что при ее рассудительности и мудрости, ее сдержанности и осторожности, она вовсе не склонна по природе своей нарушать установленный общественный порядок и если она поддается этому, то благодаря чисто внешним влияниям.

От баронессы Мейендорф ее величество поехала в крепость помолиться на могиле государя, а затем к великой княгине Марии Николаевне, и когда мы вернулись на царскосельский вокзал к поезду в 3 ¹/₂ ч., оказалось, что мы совсем по-обывательски опоздали, и что поезд ушел три минуты тому назад. Добрейший Таубе, очень смущенный, оправдывался данным ее величеством приказанием не ждать ее, если она опоздает. Пришлось приготовить специальный поезд, так как вкус императрицы к простоте не простирался до того, чтобы ожидать на вокзале семичасового поезда. Так как эти приготовления должны были занять час, императрица поехала осмотреть только что законченную постройкой, очень красивую церковь гвардейских стрелков. Наконец, мы вернулись, порядком утомленные этим буржуазно проведенным днем, я же — с нарушенным душевным равновесием, так как мне пришлось видеть свою императрицу вышедшей из свойственного ей характера и, следовательно, наиболее к ней идущего.

20 сентября.

Я была одна у императрицы, так как кн. Салтыкова и кнж. Долгорукая проводили вечер в городе. Я нашла императрицу в чрезвычайно грустном настроении. Она только что получила от государя телеграмму с известием, что один из наших уланских полков около Евпатории был окружен неприятельской кавалерией и потерял шесть орудий...

24 сентября.

Антонина Блудова, Лиза Карамзина и Алина Козлова провели у меня день. Я их повела гулять и мы встретили императрицу с сыновьями. Она остановилась, чтобы поговорить с этими дамами, и рассказала мне вечером, что

по этому случаю наследник был очень сконфужен. Он привязал себе к поясу деревянную шпагу; при виде нас ему стало стыдно показаться с этой игрушкой и он прижался к матери, чтобы спрятать этот предмет, компрометирующий его достоинство. Заметив, что императрица останавливается, чтобы разговаривать с нами, он стал умолять ее не выдавать его шпаги, которой мы, действительно, не заметили, к его величайшему удовлетворению.

3 октября.

Кн. Вяземский испрашивал через меня разрешение прочесть императрице записку Титова по вопросу о настоящем нашем состоянии. Императрица сказала мне, что она недавно читала с императором одну записку Титова, которая вызвала неудовольствие и даже негодование императора, так как Титов доказывает в ней необходимость заключения мира после взятия Севастополя и советует согласиться на ограничения и уступки, которые хотят на нас наложить наши неприятели. Императрица сказала мне, что император менее чем когда-либо склонен к уступчивости.

Императрица довольно долго беседовала со мной относительно своих детей. Я ей сказала, что была скандализирована манерами бонны великого князя Алексея. Это некая Ишервуд, рыжая и вульгарная до последней степени англичанка, которая обращается с ребенком с грубостью и фамильярностью дурного тона, которая не может не иметь вредного влияния на его развитие. Мне кажется, что следует как можно раньше окружать государей атмосферой учтивости и хорошего тона и внушать им этим способом уважение к себе и к другим, чтобы впоследствии иметь право требовать того же к себе от них. Императрица в общем согласна в этом со мной; но мне кажется, что она недостаточно следит за воспитанием сыновей, и что им не дают того культурного лоска, который более чем кому-либо необходим государям....

Императрица, между прочим, передала мне один разговор, который у нее был с наследником. Императрица требует, чтобы во время прогулки наследник говорил для практики по-французски. Он это большей частью исполняет очень неохотно. Императрица сказала ему: «Но по-

думай только, когда ты вырастешь, как тебе будет стыдно, если ты не будешь в состоянии разговаривать с иностранным послом». — «Ха, — ответил ребенок, — у меня будет переводчик». — «Но вся Европа будет над тобой смеяться». — «Ну что ж, я буду с ней воевать». Тут императрица прочла ему отменную проповедь на тему о том, что император не имеет права воевать из-за личных обид. Но эта черта и тысяча других дают повод надеяться, что время исключительного влияния Запада миновало безвозвратно. Россия направляется к другим судьбам, она постепенно вернется к своей национальной жизни и исторической миссии.

Сегодня утром императрица оказала Лизе Карамзиной честь принять ее. Лиза вернулась от нее под сильным впечатлением ее обаяния. Вечером пришел Вяземский читать императрице свою рукопись. Мы были приглашены к чаю к 10 ¹/₂ часам, но так как чтение затянулось, кн. Салтыковой, княжне Долгорукой и мне пришлось долго дожидаться в Китайском салоне. Княгиня Салтыкова была вне себя от негодования и говорила мне тысячу колкостей, так как она подозревает, что я интригую в пользу Вяземского, чтобы укрепить за ним милость императрицы. Я сама была в очень дурном настроении и недовольна такой потерей своего вечера; сознаюсь, что единственное мое желание — видеть императрицу как можно дольше и как можно чаще, остальное мне совершенно безразлично. Я буду довольна, если люди умные будут оценены и будут приобщены к великому делу; но я недостаточно спартанка, чтобы иметь в виду исключительно благо родины. Мое счастье — видеть императрицу; но кн. Салтыкова далека от понимания этого. Она видит во мне интриганку из французской мелодрамы, всегда занятую честолюбивыми замыслами.

4 октября.

Сегодня утром пришли мне сказать, что мой отец, Лиза Карамзина, Вяземский и Блудовы приглашены обедать к императрице. Я была чрезвычайно обижена, что меня не включили в этот семейный обед. Я стала размышлять о том, что императрица слишком любит моих друзей в ущерб мне. Должна признаться, что я даже се-

резно рассердилась по этому поводу и довольно резко выразила свое неудовольствие Александре Долгорукой и Лизе Карамзиной, которая зашла ко мне и была также очень удивлена таким образом действия. После этого у меня сделались спазмы в желудке, которые отвлекли меня от испытанного мною укола самолюбия. После двух часов от императрицы пришли меня звать к обеду, но я никак не могла отделаться от своих спазм, которые продолжались почти до самого момента, когда пришлось одеваться к обеду. Кроме названных лиц за обедом присутствовали: Александра Долгорукая, Олсуфьев и гр. Алексей Толстой. Императрица была чрезвычайно любезна и милостива. Алексей Толстой сказал мне, что он удостоился чести иметь продолжительную аудиенцию у ее величества и находится под сильным впечатлением той поразительной ясности и точности мысли и глубины, с которыми она говорила об очень многих серьезных вопросах. Он сказал: «Своим умом она превосходит не только других женщин, но и большинство мужчин. Это небывалое соединение ума с чисто женским обаянием и более прелестным характером»...

После обеда подали депешу императрице, которая прочитав ее, обернулась к нам и сказала, что несколько дней тому назад были получены дурные известия от Муравьева. При вести о высадке Омер-паши, он сделал попытку напасть на Карс, но это нападение было отбито с огромными потерями. Эта неудача тем более печальна, что Муравьев почти единственный генерал, на которого Россия может рассчитывать. Мы все надеялись на успех с этой стороны. Бумага, которую прочла императрица, заключала в себе разрешение опубликовать нашу неудачу. Императрица передала нам все это своим обычным спокойным тоном, но, тем не менее, мы были поражены скорбным выражением ее лица. Вскоре затем она отпустила нас. Все общество перешло ко мне. Гости все были под обаянием императрицы, все ее восхваляли и не тем пошлым тоном, с которым обычно хвалят государей, но произнося о ней прочувствованные и верные суждения...

В семь часов Александра и я поднялись на верх, чтобы поздравить маленькую великую княжну и императрицу, так как завтра великой княжне будет два года. Мы заста-

ли ее за маленьким столиком у подножия огромного Baumkuchen с двумя свечками с каждой стороны и Lebenslicht — свечей жизни — по середине; она с большой серьезностью была поглощена своими игрушками и делала вид, что наливает чай своей матери в маленьком сервизе, ей подаренном; ее братья столпились кругом нее, не менее ее заинтересованные ее игрушками. Императрица сидела на полу рядом с маленькой девочкой. Она смотрела на ее игру и улыбалась глядя на нее, но в то же время у нее было такое грустное и озабоченное выражение лица, что было больно на нее смотреть. Великие князья бегали и играли кругом...

5 октября.

Сегодня была обедня по случаю дня рождения великой княжны. Присутствовали императрица и все великие князья, но маленькую великую княжну в церковь не брали, так как вследствие ее нервности вид священников и церковное пение приводят ее в слезы.

Год тому назад была такая же обедня, но поздравления не принимались, так как первый год рождения не празднуется. В этот день мы после обедни уехали в Гатчину. Цесаревна плохо себя чувствовала; вечер она проводила у себя; она хотела нас отпустить в Арсенал, но я так умоляла ее оставить нас при себе, что она согласилась.

Сегодня в три часа я поднялась к великой княжне, чтобы поздравить ее: ее высочество сидела за своим детским обедом; она не была любезна со мной. Но немного спустя вошла великая княгиня Мария Николаевна, и девочка была ей очень рада. Великая княгиня поощряла ее повторять грубые выражения, как: Aunt Piggy¹, скверная тетка. Девочка смеялась и поглядывала на няню, чтобы увидеть, одобряет ли она это. Но так как у няни был очень скандализованный вид, девочка не решалась следовать урокам своей тетки. Великая княгиня Екатерина Михайловна также приехала поздравить свою августейшую племянницу, и я удалилась.

В шесть часов я отправилась к императрице. Она задержала меня около полчаса, затем было доложено о при-

---

¹ Тетя Свинка.

ходе военного министра и меня отпустили. Я пошла играть с маленькой великой княжной. Эта маленькая женщина очень любит дразнить. Я просила ее налить мне чаю.

— Мари не хочет¹.

Я сделала вид, что ухожу. Она побежала за мной. Я ей сказала:

— Теперь я не хочу, подите прочь¹.

Это ее очень возмутило:

— Как, «Мари, подите прочь!»¹ — повторяла она негодующим тоном и бегала за мной со своей чашкой и чайником, чтобы заставить меня играть с ней.

Вечером императрица позвала нас к чаю. Она была очень грустна. Возобновилась бомбардировка Кинбурна, сильнее чем третьего дня. Нечего и думать о возвращении императора. Пока эта крепость будет под угрозой, он не захочет и не сможет уехать из Николаева. К довершению несчастья, погода великолепная и благоприятствует действиям неприятеля...

Общественное мнение теперь чрезвычайно строго в отношении памяти императора Николая. Всякая новая неудача — горький упрек, бросаемый на его могилу. Обвиняют его в чисто личной политике, которая ради удовлетворения его собственного самолюбия, ради достижения европейской славы отказалась от исторических традиций России, предала наших братьев, православных славян, и превратила в полицеймейстера Европы государя, который мог и должен был возродить Восток и церковь. Винят его гордыню, которая внушила ему ненависть ко всему, что было мыслящего и, до известной степени, независимого. Обвиняют в том, что он воображал, что, поручая человеку известную должность, он самым своим выбором делал его способным выполнять лежащие на нем обязанности, что благодаря плохому выбору своих министров и почти сознательному ослеплению относительно злоупотреблений своих чиновников, он внес дезорганизацию во все отрасли администрации. Россия в его руках напоминала некоторые товары наших фабрикантов: предмет хорошо лакированный и полированный, красивый по внешнему виду, но рассыпающийся

---

¹ По-русски.

при первом употреблении. И тем не менее, несмотря на столько — увы — вполне заслуженных упреков, нельзя отказать этому человеку в истинном величии души. Восстание 14 декабря, бунт на Сенной, его величаяя смерть показали, что это была натура, стоявшая выше толпы. Ему недоставало известной глубины понимания, знания людей и оценки исторических событий. Он считал себя призванным подавить революцию. Ее он преследовал всегда и во всех видах. И действительно, в этом есть историческое призвание православного царя. Но он ошибался относительно средств, которые нужно было применять. Он пытался гальванизировать тело, находившееся уже в состоянии разложения — еретический и революционный Запад — вместо того, чтобы дать свободу прикованному цепями, но живому рабу — славянскому и православному Востоку, который, сохранив истинные традиции веры и социального строя, призван внести в мир живительное искупительное начало. Дело в том, что вся Россия сбилась с истинного пути; она поддавалась соблазну чисто земной славы, человеческой и скептической мудрости, столь противоположной духу истинной веры, религиозной и общественной. Будем надеяться, что яд не проник до жизненных органов, что Россия вернется назад и вновь обретет, хотя бы ценою крови и страданий, свой подлинный лик.

6 октября.

Сегодня утром по телеграфу получено известие, что Кинбурн взят. Подробностей еще нет. Несчастье за несчастьем. Неудача за неудачей. Потеря за потерей. Когда же будет испита до дна эта горькая чаша?

Горчаков сообщает что неприятель с каждым днем укрепляется в Байдарской долине. Он построил там «землянки» и проводит дороги. Ложишься с тяжелым сердцем после всех полученных вестей, встаешь с сжиманием сердца в ожидании вестей, которые еще предстоит получить.

7 октября.

Ее величество ездил сегодня в Стрельну к великой княгине Александре Иосифовне, которая только что имела выкидыш вследствие чрезвычайного переутомле-

ния в Москве, где она себя совсем не берегла. Впрочем, она себя чувствует настолько хорошо, насколько это возможно при теперешнем ее состоянии. Будучи дежурной, я сопровождала императрицу. Маленький великий князь Николай Константинович, который теперь гостит в Царском, ездил с нами, чтобы навестить свою мать. Он очень беспокоился, чтобы его не оставили в Стрельне, и перед отъездом очень просил императрицу привезти его обратно, так как он гораздо больше любит быть с ней и с двоюродными братьями, чем со своей матерью. Я не особенно наслаждалась этой поездкой, так как меня страшно тошнило дорогой, к тому же я все время боялась, как бы не случилось катастрофы с экипажем. Мальчик требовал, чтобы я рассказывала ему сказки и очень вертелся в экипаже, что усиливало мою тошноту. По возвращении императрица спросила меня, в состоянии ли я прийти к ней обедать. Я согласилась с благодарностью под условием ничего не есть. За обедом присутствовали также Александра и Олсуфьев...

Вечером Александра и я были у императрицы одни, матушка-Гусыня была в городе. Я всегда в восторге, когда она отсутствует: ее длинный недоброжелательный нос и глупая улыбка с презрительно опущенными углами губ отнимают у меня всякое одушевление в разговоре.

Я должна признаться, что не только Александра и я, но и сама императрица — мы все чувствуем себя, как дети во время каникул, когда нас не подавляет величественное присутствие нашей гофмейстерины. Главный ее недостаток не в том, что она торжественна в своем обращении и очень ограничена в своем умственном кругозоре: это, может быть, входит в ее атрибуты носительницы высокой придворной должности. Сношения с ней становятся особенно затруднительными вследствие того, что она не обладает пластичностью своей глупости. Ее гложет подозрение, что ее не считают бесконечно умной и занимательной, и болезненное беспокойство, что вокруг нее говорится масса вещей, острия которых она не улавливает. Непрекращающийся перекрестный огонь глупых шуток и каламбуров, которыми обмениваемся Александра и я, представляется ей направленным исключи-

тельно против тупых углов ее мозга, и она с раздраженным негодованием наблюдает за отношениями между Александрой и государем, между мной и государыней, подозревая нас в самых преступных хитростях и интригах.

Мы так хорошо и так много болтали, что уже было половина первого, когда императрица отпустила нас. Мы говорили о том, чем бы мог и чем бы должен был быть двор, если бы он состоял из лиц умных и получивших хорошее воспитание, и чем он не является, так как он состоит из лиц, принятых из милости и терпимых по инерции...

Мы решили, что это должно было бы быть нечто совершенно другое, чем то, что представляет русский двор в настоящее время, где благодаря душевной доброте, а отчасти и инертности императрицы-матери, весьма многочисленные фрейлины, составляющие ее свиту (а их девять, помимо Александры и меня), были взяты ко двору скорей ради того удовольствия, которое это им доставляет, чем ради того, которое они могут доставить. Графиня Тизенгаузен, самая старшая из дам, состоящих при императрице-матери — несомненно, настоящая *grande dame*, хорошего тона и хороших манер; m-lle Раух, угловатая и острая, представляет из себя тип настоящей пруссачки: это девушка ума колкого, но очень неприятного; m-lle Нелидова, которая не появляется больше при дворе, выделялась своей исключительной красотой, своей сдержанностью и тактом. Но остальные наши дамы: две сестры Бартенева, две сестры Гудович, две сестры Фредерикс, m-lle Пиллар, племянница графини Тизенгаузен, не обладают ни одним из физических или умственных достоинств, которые могли бы содействовать блеску, изяществу или даже просто приятности двора.

И действительно, нельзя не пожалеть о том, что императрице Марии пришлось, ввиду принятого обычая, получить в наследство весь этот устарелый и выцветший персонал. При русском дворе существует обычай, что лица, составляющие императорскую свиту, по наследству переходят от умершего государя к государю царствующему почти на тех же основаниях, как и дворцовая обстановка. Этот обычай делает больше чести доброте,

чем мудрости наших государей. Окружая себя лицами, которых они терпят только из жалости и ради компромисса, они не могут чувствовать себя связанными и считаться с этими лицами, которых они не выбирали и с которыми их не связывает никакое личное чувство. Это вносит в отношения распущенность, безразличие — все то, что больше всего вредит внешнему облику двора. Я не понимаю, как императрица с ее тонким и рассудительным умом не поняла этого неудобства; я даже уверена, что она поняла его, но слишком осторожна, слишком уважает традиции, чтобы нарушить принятый обычай. Может быть, она права. Этот вопрос разрешит будущее.

По известиям из Николаева неприятельский флот стоит перед Очаковым, и мы взорвали единственную батарею, находившуюся там, которая не могла защитить города.

8 октября.

Меня целый день тошнило, и я пролежала весь день. Карамзины переехали сегодня в город. В шесть часов я поднялась к императрице, которая также нездорова. Вечер мы провели у нее. Император дал знать, что неприятельский флот поднимается по лиману, и что неприятель бомбардировал наши береговые батареи в 20 верстах от Николаева. Непонятно, почему император с таким упорством продолжает оставаться в Николаеве. Он не имеет права так рисковать собой...

9 октября.

Сегодня перед обедней ко мне пришла m-lle Воейкова. Она рассказала мне, что вчера вечером императрицей-матерью получена депеша от молодых великих князей с известием, что государь, сходя с лошади, вывихнул себе ногу. Между тем, неприятель уже на Буге. Какой ужас знать, что государь там, что он нездоров. Императрица не была у обедни, она больна. После обедни m-lle Воейкова сказала мне, что она видела Катиш Адлерберг, которая получила депешу от мужа. Он говорит, что состояние государя хорошо и что через два дня он совершенно поправится. Великая княгиня Мария Николаевна

сказала, что великие князья пишут, что десант ожидается с левой стороны Буга, что мы хорошо подготовлены для встречи неприятеля, и что с этой стороны мы очень сильны. Все это прекрасно, но последние события такого рода, что не подают больших надежд...

В три часа я поднялась к императрице, так как очень беспокоилась за императора после случившегося с ним несчастья. Но императрица совершенно спокойна; она говорит, что такие случаи часто бывали с государем с тех пор, как он раз вывихнул себе ногу при падении с лошади, и что это не имеет значения. М-lle Воейкова с таким драматизмом рассказывала нам о случившемся, что всех нас перепугала. Вообще эта особа любит преувеличивать события, извлекая из них как можно больше, чтобы причинять волнения добрым людям. Тем не менее, я застала ее величество совершенно расстроенной. Она получила по телеграфу депешу, что королева Нидерландская, вместо того чтобы ехать в Венецию, как это предполагалось раньше, хочет провести зиму здесь. Граф Шувалов приехал от императрицы-матери, чтобы сообщить императрице эту ужасную новость, которая, впрочем, уже была известна ее величеству, и чтобы испросить приказаний относительно необходимых приготовлений для приема. Императрица хочет, чтобы королева Нидерландская помещалась в Удельном дворце, чтобы не иметь ее в Зимнем дворце. Я никогда не видела императрицу такой расстроенной и не могла воздержаться, чтобы не сказать, что я в восторге от того, что она, наконец, вышла из своего состояния невозмутимого спокойствия и что, наконец, открыла в ней слабости, приближающие ее к слабой человеческой природе.

Обсуждая предстоящие мероприятия, граф Шувалов как-то среди разговора обмолвился, что граф Клейнмихель подал в отставку с поста министра путей сообщения. Императрица, смеясь, сказала: «Это, вероятно, городской слух. Утверждают то, чего желают». Но Шувалов уверяет, что это несомненный факт, и что Клейнмихель собирал директоров и объявил, им, что слагает с себя свои обязанности. Это известие меня чрезвычайно обрадовало. Клейнмихель вызывает всеобщую ненависть, ему приписывают большую часть наших неудач: благодаря ему

у нас нет ни шоссейных, ни железных дорог, и в этой области администрации совершаются невероятные злоупотребления и хищения. Негодование против него было всеобщее и переносилось на государя, оставляющего его на посту исключительно из уважения к памяти императора Николая. Нельзя было дольше идти против общественного мнения и против явных интересов страны. Но если он сам выйдет в отставку, все будет хорошо. Я в восторге, ибо уход Клейнмихеля создаст государю большую популярность. Я сказала это императрице, но она была уже всецело поглощена мыслью о приезде Анны Павловны.

10 октября.

Всеобщее ликование по поводу ухода Клейнмихеля. Сегодня утром мне писала об этом Лиза, а в приемной императрицы я встретила адъютанта Дена: от обоих я узнала, что город принял праздничный вид, можно думать, что получено известие о какой-нибудь большой победе: люди обнимают и поздравляют друг друга. Никогда, кажется, никто не заслужил такой всеобщей ненависти.

18 октября.

Ничего нового за все это время. Флоты отходят от лимана. О намерениях неприятеля в Крыму ничего не известно. О Карсе также нет никаких вестей.

14-го императрица ездила в Стрельну навестить великую княгиню Александру Иосифовну. Она вернулась оттуда очень озабоченная. На другой день она ездила в город. Там она видела г-жу Берг, первую камер-фрау великой княгини, пользующуюся ее дружбой и доверием. Императрица беседовала с ней в своем кабинете в течение полуторачаса. Выходя оттуда, императрица имела очень грустный и озабоченный вид. На другой день это повторилось. Я так привыкла к ровному настроению императрицы, что не могла прийти в себя, видя ее раздражение. Я думала, что чем-нибудь вызвала ее неудовольствие, и спросила ее об этом. Она с нетерпением ответила мне, что занята гораздо более серьезными делами и просит оставить ее в покое, так как она очень озабочена.

На другой день я поехала в город и провела там два дня. Вернувшись, я застала императрицу в том же настроении. По поводу пустяков она была со мной так резка и говорила так жестко, как никогда. Я с трудом удержалась от слез при ней, но, придя к себе, расплакалась. Однако это меня так мучило, что я не могла удержаться, чтобы не пойти к императрице и не спросить, довольна ли она мной. Она мне ответила, что у нее очень серьезные заботы и что ей предстоит принять решение, очень для нее тяжелое, что ей нужно быть одной, и отпустила меня. Я убедилась в том, что если мне больше чем другим пришлось пострадать от ее дурного настроения духа, по крайней мере, не я вызывала это настроение, и что она ничего не имела против меня. Это меня, с одной стороны, утешило, но я страдала от сознания, что она страдает и мучается...

В городе ходят очень скверные сплетни по поводу великого князя Константина, великой княгини и маленькой Анненковой. По-видимому, магнетические сеансы имели очень дурные последствия. Я не стану повторять того, что говорят. Может быть, это все неправда, может быть, тут есть преувеличение. Со временем узнаю правду, и все станет ясно. Я говорю, однако, про себя, что вот еще урок, который не послужит на пользу великим мира сего. Это не помешает им подбирать интересных сирот, иметь глупейшие увлечения и страсти и ценою всяких забот и попечений готовить себе в будущем горе и скандалы. Из года в год эти случаи повторяются, и никто не становится от того умнее.

22 октября.

Вчера вечером я была у императрицы-матери. Было обычное общество. Узнав, что Александра Толстая и принцесса Евгения¹ во дворце, я поспешила уйти, как только императрица удалилась в свой кабинет, и молодежь осталась одна в гостиной. Александра Толстая сказала мне, что маленькая Анненкова удалена под предлогом поездки за границу, и что она уехала сегодня утром. Общество не дает себе полного отчета в этом деле, но, во всяком

---

¹ Дочь вел. кн. Марии Николаевны и герц. Лейхтенбергского.

случае, это скверная история. В сущности, все ее знают, но одна мысль о ней уже грязнит воображение.

Великая княгиня Мария Николаевна говорит, что самый счастливый исход — это признание великой княгини Александры Иосифовны сошедшей с ума под влиянием злоупотребления магнетизмом¹. Вот шесть месяцев, как они магнетизируют эту девочку день и ночь. Говорят, что императрица проявила большую энергию в этом деле; впрочем, она действовала по предписанию государя. Нетрудно было догадаться о том, чего это ей стоило, по тому волнению, в котором мы ее видели все эти дни. Весь город полон самых неприятных слухов, все это набрасывает тень на двор, но, несмотря на такие страшные уроки, ничего не будет сделано для искоренения зла. А зло происходит оттого, что при дворе не соблюдается больше этикета, ослабела нравственная сдержанность как у господ, так и у слуг. Не признается ни право, ни закон, все зависит от милости.

Прежде фрейлины существовали ради представительства, они должны были участвовать в прогулках, присутствовать на приемах и обедах. Теперь монархи хотят быть свободны, гуляют одни, выдают, кого хотят, приватно, играют в частных лиц, приглашают частным образом фрейлину, если она умеет забавлять, в противном случае ее отстраняют и предоставляют ей умирать со скуки в своей комнате, или же развлекаться по-своему. Другой вариант, это когда из фрейлины делают свою приемную дочь, становятся ее воплощенным провидением, врачом и духовником. Для этого нужно, чтобы фрейлина страдала хронической болезнью (лучше всего звучит эпилепсия), склонностью к сумасшествию или чем-нибудь

---

¹ Неуравновешенность вел. кн. Александры Иосифовны заставляла, по-видимому, вообще сомневаться в ее умственном равновесии. В 1859 г. вел. кн. Елена Павловна, недовольная поведением вел. кн. Константина Николаевича, говорила кн. Е.А.Черкасской, что он «совсем подчинился своей безумной супруге»; тут же приводятся некоторые примеры ее несдержанности: она «называет членов редакционных комиссий канальями и бранит нашу великую княгиню [Елену Павловну] самым неприличным образом, говорит обо всем кому попало». (Неизд. отрывок записной книжки кн. Е.А.Черкасской).

подобным. Тогда становятся ангелом-хранителем этой больной души, спасают ее от гибели, до тех пор пока это забавляет; потом, когда это надоедает, ее кидают. Но за это время молодая девушка успела сделаться хитрой, коварной, лживой. Она научилась постоянно играть какую-нибудь роль, обманывать себя и других. Цель только одна — монаршая милость, и ради этой цели все приносится в жертву: ни долга, ни привязанностей, ни интересов, ни забот у этой молодой девушки нет, но есть праздный ум и праздное воображение, которые отвечают праздному воображению и праздному уму госпожи или господина, сделавших из нее игрушку или предмет забавы, который без малейшего угрызения, совести рано или поздно принесут в жертву минутному капризу.

Я рисую картину в резких тонах. Индивидуальные особенности видоизменяют эти отношения, более или менее облагораживая их или делая их еще более низменными, но суть в целом остается той же, с тех пор как значение придворных состоит уже не в том, чтобы способствовать декоруму и блеску императорского звания, а лишь в том, чтобы развлекать владыку.

Во всем этом есть большая доля глупости и сантиментальности, при удобном случае легко превращающихся в безнравственность. Мир очень стар, и с незапамятных времен он создал для монархов этикет как единственный пьедестал, который может возвысить ничтожество и человеческую слабость. Теперь мир хочет вводить новшества, это признак того, что он впадает в детство.

27 октября.

Вчера я была на вечере у императрицы-матери. В назидание будущим поколениям, я должна хоть раз описать эти вечера.

Собираются в 9 часов. Императрицы садятся за столом с несколькими старыми дамами, вроде княгини Салтыковой, графини Барановой, графини Тизенгаузен. Граф Шувалов и граф Апраксин состоят членами этих вечеров с их основания. Молодежь, которую составляют девицы более чем зрелого возраста: m-lles Бартеневы — 45 и 35 лет, m-lles Гудович — 30, графиня Толстая — 30, m-lle Воейкова — 30, я — 26; всех нас, достигших впол-

не зрелого возраста, сажают за детский стол; из молодых тут только Александра Долгорукая и Мария Фредерикс. Смакуем чай, очень жиденький, очень водянистый, очень сладкий, закусывая бисквитами, вкус и форма которых никогда не менялись с незапамятных времен. Обсуждаем погоду сегодняшнего утра, или другой вопрос столь же животрепещущей современности.

Затем приступаем к чтению. Шувалов усаживается со своим романом, ни заглавия, ни автора которого никто никогда не знал, и монотонным голосом, в нос, развертывает перед нами запутанный клубок убийств, похищений, отравлений, засад, измен, повешений, объяснений в любви, рассуждений, разговоров, заклинаний, колдовства и всякого рода катастроф, которые составляют интерес запутанного романа 19-го века. Никто не знает, о чем идет речь, можно разобрать только несколько имен и несколько повторяющихся повышений и понижений голоса. Чтец, наполовину усыпленный своим собственным голосом, делает часто странные ошибки, произнося одно слово вместо другого. Иногда какое-нибудь историческое имя, дата, или еще что-нибудь вдруг пробудят усыпленное внимание аудитории. Вчера, например, не знаю, каким образом Эней вдруг оказался примешанным к весьма трагическим приключениям некоей m-lle Esperance. Эней? — об этом господине когда-то что-то слышали. Наводим справки, выясняется, что это был герой Троянской войны. Хотим узнать, кто же была его жена. Кто-то высказывает предположение, что то была Дидона. Кто-то другой говорит, что Дидона была не совсем его женой. Обращаемся к дикционеру Bouillet. Делаем открытие, что Эней был мужем Креузы и Лавинии и отцом Аскания. После таких точных разъяснений, возобновляем чтение. В это время зрелая молодежь занимается сплетнями в полголоса, вспоминают различные мелкие скандалы прошлых времен, ибо в настоящем все всегда чисто и гладко и о настоящем не говорят.

В одиннадцать часов подают ужин, есть никому не хочется, но все едят от скуки и портят себе на ночь пищеварение. После ужина императрицы говорят несколько слов присутствующим и отпускают их. Это повторяется каждый вечер с тех пор, как существует двор, и будет

повторяться каждый вечер доколе он будет существовать. Некоторые лица изменятся, но картина все будет прежняя и всегда будут продолжать убивать драгоценное время, которым можно было бы воспользоваться для развития или развлечения ума. Больше всего восхищаюсь при дворе умением всегда пользоваться людьми обратно их талантам. Такой-то имеет дар чтения вслух, — его сажают за карты, другой поет — его заставляют шипать корпию, эта весела и умна — ее сажают за игру в лото, та хорошо вышивает — ее заставляют разговаривать, третья красива — ее заставляют петь; таким образом, с редкой пронизательностью заставляют вас проявлять те таланты, которыми вы не обладаете, оставляя в стороне те, которые у вас есть.

29 октября.

Император в Крыму. Он посетил госпитали в Симферополе; вчера он был на Северной стороне...

Я возвратилась от императрицы очень опечаленною. Она изменилась. Прежде она любила меня. Бывали минуты, когда она серьезно говорила со мной, я чувствовала, что между нами есть близость, есть связь обоюдного расположения. Теперь уже не то: когда я вижу ее одну, она говорит, что занята или устала, и отпускает меня. На вечерах беседы состоят из отдельных отрывистых фраз, коротких анекдотов, мелких колкостей. Ни одного сердечного слова.

1 ноября.

Вчера императрица вызвала к обеду Михаила Муравьева, а сегодня она принимала его в очень продолжительной частной аудиенции. Ей говорили о нем, как об умном человеке, а общественное мнение указывает на него, как на будущего министра финансов, на место в высшей степени неспособного Брока. Покойный император не любил Михаила Муравьева, а он всегда находился в оппозиции, именно потому, что сознавал, что его таланты не применяются к делу. Императрица предлагала ему вчера много вопросов о его брате, о войне в Анатолии. Он потом говорил мне, что не ожидал, что императрица так умна и что она ставит вопросы «совсем

не по-женски». Сегодня он вернулся от нее в полном восхищении: он говорил мне, что ее величество сделала ему честь беседовать с ним очень долго и очень серьезно; большая часть разговора касалась вопросов административных, в которых императрица, по-видимому, очень хорошо разбирается; и что он никогда не предполагал в ней такого государственного ума. Он сказал мне, что ставит ее выше великой княгини Елены Павловны, хотя последняя очень умна; но в ней, в ее словах всегда чувствуется, что она говорит о делах, чтобы показать, что она занималась ими и чтобы нравиться, между тем как императрица касается этих вопросов как человек, который действительно задумывался над ними и интересуется ими из любви к России. Мне кажется, что это очень верное определение двух характеров. Это разница между сущностью и видимостью, между «быть» и «казаться». Я счастлива видеть, что императрица стремится привлекать всех самых умных людей, старается сама во все углубляться и вызывает восхищение и любовь всех окружающих ее.

Я сегодня вечером была у нее и спросила, какого она мнения о Муравьеве. Она мне ответила, что он, по-видимому, говорил с ней искренно. Но вообще она очень сдержанно высказывается о людях.

7 ноября.

Государь приехал сегодня в час ночи. Вчера вечером мы, по обыкновению, пили чай у императрицы. Ей не хотелось говорить, она просила меня почитать ей вслух одну брошюру о Кавказе, написанную Соллогубом¹. Мы читали до половины двенадцатого, после чего она отпустила нас. Великие князья, Константин и Михаил, также возвратились. Сегодня утром был молебен в Александровском дворце у императрицы-матери. Там я впервые увидела государя; он подходил ко всем дамам и здоровался с ними. Я нашла, что у него хороший вид. Большую радость доставило увидеть его вновь.

После молебна состоялся завтрак. Случайно я оказалась по соседству с великим князем Михаилом, который уселся рядом с m-lle Гудович. На меня произвел непри-

¹ Вероятно: «Ночь перед свадьбой, или Грузия через 1000 лет».

ятное впечатление обмен ничтожными суждениями между ними и их бессмысленное хихиканье. После такого интересного путешествия, которое только что совершил великий князь, могло бы возникнуть много интересных вопросов и ответов. Как жаль, что великие князья, очень милые, по существу, и далеко не глупые молодые люди, попали в исключительное общество молодых девушек, глупых и невоспитанных, которые могут оказать на них только очень дурное влияние своей глупой сантиментальностью и полным отсутствием умственных интересов. Нет ничего дурного в том, чтобы молодые люди имели дело с кокетливыми девушками, если только это кокетство остроумное и хорошего тона, но существует кокетство девичьей, совершенно нестерпимое.

В три часа государь оказал мне честь посетить меня. Он сказал: «Я очень счастлив, что вернулся, и очень счастлив, что мне удалось исполнить то, что я хотел. Это было мое самое горячее желание, и Бог благословил меня осуществить его». Я ответила ему: «Мы тоже очень счастливы видеть вас, ваше величество, и очень счастливы, что вам удалось совершить поездку в Крым. Вся страна благодарит вас и благословляет, и любит вас за все то, что вы сделали». Я была очень счастлива его видеть. Он стал шутить со мной, говоря что ему жаловались на то, как часто я была в убийственном настроении. Я ответила, что если мое настроение было убийственно, то это из-за еще гораздо более убийственного настроения императрицы, которая очень плохо переносила разлуку с его величеством, но что я надеюсь, что с его возвращением вернется к нам и хорошая погода. Он мне сказал, что сегодня ночью разбудил свою дочку, и что она его узнала...

10-го прибыла королева Анна. Государь и вся царская семья, кроме вдовствующей императрицы, проехали ей навстречу в Гатчину, где состоялся обед. Княгиня Салтыкова и я сопровождали императрицу, чтобы принять придворных дам королевы, с которыми мы обедали в Арсенале. Не знаю, вследствие какого недоразумения королева, приезд которой был назначен на 5 часов, уже несколько минут как была во дворце, когда в 4 часа государь прибыл туда. Княгиня Салтыкова и я пошли было

посетить кабинет покойного императора, как вдруг на- встречу оттуда выплыли королева, государь, государыня и остальные члены семьи, все в слезах. Мы почувствовали себя очень неловко среди этой умильной сцены. Сделав почтительный реверанс, мы поцеловали руку у ее нидерландского величества. После обеда поехали в Царское, произвели там по отношению к Господу Богу маленькую демонстрацию в форме молебна, к которой вряд ли он был особенно чувствителен. Затем началась церемония представления. Королева была чрезвычайно милостива, говорила массу любезностей и делала бесконечные реверансы; из одного ее реверанса можно было выкроить десять наших. Королева Анна очень почтенная женщина, полная старых придворных традиций и преданности этикету, и еще не отправила приличия ко всем чертям, как это принято в наше время. Наши молодые великие князья и княгини, которые покатываются от смеха и делают гримасы за спиной своей тетки, лучше бы сделали, если бы последовали ее примеру.

11-го императорская семья обедала *en famille*, а вечером состоялось собрание у императрицы-матери; но королева устала и на собрании не присутствовала.

12-го императрица-мать поехала в город, а молодая императрица повезла туда же королеву Анну, чтобы поместить ее в Зимнем дворце.

На Марсовом поле состоялся парад войск и ополчения, вслед за чем королева Анна рассыпалась перед государем в глубоких реверансах и в громких фразах.

Вечером мы вернулись в Царское, где молодой двор остается до 24-го.

Сегодня я обедала у императрицы. Был большой обед на 25 персон. Я нахожу, что государь очень выиграл со времени своего возвращения из Николаева. Он имеет вид более серьезный, более твердый и энергичный; видно, что он чувствует себя самодержавным государем.

13 вечером.

Государь объявил нам сегодня вечером, что великий князь Николай помолвлен с принцессой Александрой Ольденбургской. Государь и государыня в восторге от этой свадьбы, и все вообще довольны, так как принцесса

Александра, кроткое и симпатичное существо, должна оказать хорошее влияние на великого князя. Уже летом была речь об этой свадьбе, но тогда великий князь как будто не очень охотно на это шел. Он в то время довольно усиленно и с некоторой сентиментальностью ухаживал за одной из фрейлин императрицы; это ухаживание было очень невинно и по существу довольно бессмысленно. Девица была весьма болезненная и некрасивая, правда, добродушная, но далеко не стоящая принцессы Александры, которая, не будучи красивой, пленяет свежестью своих 17 лет и искренностью и добротой, отражающимися на лице. М-лле Пиллар уехала в Венецию для восстановления здоровья, а также для избежания тех недоброжелательных разговоров, которые всегда на вас навлекает внимание великих мира сего, и свадьба устроилась. Надо надеяться, что в своем почетном положении мужа великий князь образумится. Это ему совершенно необходимо, так как он провел свою жизнь в далеко не блестящем умственными интересами обществе фрейлин своей матери. Уже несколько дней говорят об этой свадьбе как о решенном деле. Хотя государь уверяет, что ему об ней стало известно лишь с сегодняшнего дня, но всегда есть люди, лучше осведомленные, чем сам государь, относительно всего того, что его касается. Говорят также много о браке великой княгини Марии Николаевны и уверяют, что он скоро будет объявлен. Будет очень досадно, если этот слух оправдается; это произведет дурное впечатление. Говорят, что Строганов объявил, что никогда не вернется в Петербург, если его положение не будет оформлено, что ему надоело видаться с своей женой по спартанской манере. Тем не менее я надеюсь, что в этом случае государь не уступит.

20 ноября.

Царское действует мне на нервы. Уже четыре дня стоит мороз в 20°. Мы закупорены в своих комнатах, сквозь окна проникает много холода и мало света, и сидишь так одна-одинешенька целый день. В 10 часов нас зовут к чаю, не говорят с нами ни слова, заставляют меня читать вслух отрывки из газет или мемуаров Сен-Симона, все это кое-как, урывками, бессвязно и неинтересно. У

государя вид озабоченный, у императрицы — абсолютно равнодушный. Своим видом она как будто постоянно повторяет нам: «Если бы вы знали, до какой степени мне нет дела до вас». Сегодня вечером княжне Долгорукой сделалось дурно. Императрица продолжала перелистывать Vouillet с полнейшим спокойствием; это было вызвано, может быть, слишком большим интересом, проявленным государем¹. Я сознаю, что я зла сегодня, но, в сущности, я несчастна и чувствую себя отчаянно. Что за существование быть насильно связанной с лицами, которые вас не любят, для которых вы представляете стеснение и скуку и которые имеют право дать вам это чувствовать! А ведь прежде я была здесь счастлива, мне выказывали любовь, императрица внушила мне привязанность, и теперь я люблю ее, несмотря на ее отношение ко мне.

22 ноября.

Большой прием у королевы Анны в Зимнем дворце. Императрица послала в город Александру и меня, чтобы представиться. Я пришла от этого в дурное настроение; нам предстояло переехать в город 23-го, и мне казалось очень скучным ехать туда 22-го ради какого-то приема, к тому же в такой сильный холод. Я сказала императрице, что будучи дежурной, я по праву должна была оставаться при ней в Царском. На это я получила головомойку: мне было сказано, что не подобает мне, которая всегда отстаивает этикет, брыкаться, как только дело коснется моих удобств. Тут рассуждать принялась Александра на тему о том, что этикет состоит не в том, чтобы удалять свою дежурную фрейлину. Но императрица оборвала нас, сказав, что пошлет нас, куда найдет нужным, и что это

---

¹ Флирт А.С. Долгорукой с царем вызывал много толков в обществе. Е.А. Черкасская записала в 1859 г. в своем дневнике о дворцовом празднестве со слов вел. кн. Елены Павловны: «Императрица казалась грустна, что, впрочем, приписывается ее здоровью. Кн. Долгорукая устраивала картины, в них участвовала, очень хлопотала. Государь обращал на нее большее внимание, чего она очень искала, вообще заслужила всеобщее порицание, но много способствовала оживлению и веселью». Впоследствии этот флирт перешел, по-видимому, в более интимные отношения.

зависит исключительно от нее. На это нечего было возражать. На другой день мы отправились в город. На мне был очень красивый черный туалет, и я очень веселилась на приеме, где встретила много друзей и знакомых. Мы вернулись в Царское в вагоне государя, который нас очень похвалил за то, что мы представились королеве. Королева была весьма любезна, она обратилась к Александре и ко мне с одними и теми же словами, и мы ответили ей совершенно одно и то же.

Великая княгиня Мария Николаевна, которая представляла дам, шептала каждой из них: «проходите», — в то время как королева еще рассыпалась в фразах, и судя по тому, что мы ее слышали, ее должна была слышать, не без некоторого удивления, и королева.

23 ноября.

Император и императрица переезжают сегодня в город. Они очень недовольны этим, так как жизнь в Царском им очень нравится. Императрице особенно будет недоставать близости ее детей, которые здесь живут около нее, а в городе — в другом этаже. Здесь маленькая великая княжна каждую минуту прибегает к императрице, постоянно слышны ее детские шажки, ежеминутно в двери появляется ее улыбающееся личико. В городе все это изменится, они будут гораздо более отделены друг от друга, благодаря помещению, во-первых, а также занятиям императрицы. Они так счастливы в семье, что, естественно, им хочется быть вместе. Я всегда огорчаюсь тем, что огорчает императрицу, и это мешает мне радоваться отъезду отсюда, хотя я здесь очень скучала и была очень грустна.

24 ноября.

Бывают минуты в жизни, когда душа действительно не знает, в чем ей найти успокоение. Куда бы она ни повернулась, всюду она впитывает в себя тайную горечь, она чувствует себя совершенно одинокой, покинутой и чуждой в этом мире.

Был день рождения моего отца и я хотела обедать в семье. Слово *cheerless* (безрадостно) было выдуманно нарочно для определения нашей домашней жизни. В ней есть спокойствие и безмолвие, но в этом спокойствии

нет мира, а только уныние, в этом безмолвии нет ясности. В каждом из нас чувствуется глубокая затаенная грусть, в папе и в маме — разочарование в жизни и во всем; в Дарье — непрестанная, молчаливая и жестокая борьба. В беззаботности детей нет ничего веселого, чувствуется, что дети не радуют свою мать, хотя она любит их, но любит со страданием. И все это — состояние хроническое, о нем не говорят, но вся атмосфера дома мрачная и тяжелая, как там, где никогда не светит солнце...

Сегодня я провела утомительный день, я получила тысячу приказаний от императрицы и тысячу контр-приказаний. Вечером я должна была одеться, чтобы сопровождать ее на вечер к великой княгине Елене Павловне, и когда я была готова, она мне сказала, что не поедет. Эти мелочи, на которые я обыкновенно не обращаю внимания, теперь усиливают мое раздражение и уныние. Но я не права, я это знаю, и, однако, у меня не хватает нравственной силы, чтобы приобрести покой и душевное равновесие.

25 ноября.

Сегодня вечером, входя к императрице, мы застали ее вместе с императором за чтением депеши. Мы удалились в другую комнату. Возвратившись к концу чтения, мы нашли императрицу в слезах. Она получила известие о смерти молодого графа Виельгорского, посланного ею для распределения помощи раненым в Крым. Он провел там лето, сделал очень много добра и собирался уже возвращаться, когда схватил тиф, от которого умер на девятый день. Это единственный сын старика Виельгорского, во всех отношениях прекрасный молодой человек. Императрица казалась вне себя от горя. Она так горько плакала, как я никогда не считала ее способной, не скажу чувствовать, но во всяком случае проявлять горе и не только по поводу своего, но и по поводу чужого несчастья. Сейчас же после чая мы удалились, а императрица написала Матвею Виельгорскому, дяде молодого Виельгорского, и послала ему эту печальную депешу. В это самое время у Михаила Виельгорского были гости: был там и мой отец; он рассказывал, что старик был очень весел и много смеялся, от него до сих пор скрывали

даже болезнь сына. Отец уехал от него за десять минут до приезда государя, который сам отправился вслед за письмом императрицы, чтобы подтвердить семье ужасное известие...

26 ноября

Состоялся большой выход в парадных мундирах к обедне и молебну по случаю праздника ордена Георгиевских кавалеров. Церемония была очень эффектная. Императрица, королева Анна и великие княгини были в тренях, молодая невеста в первый раз при ордене св. Екатерины, которому она очень радовалась. В 4 часа состоялся большой обед для георгиевских кавалеров в Георгиевском зале на семьсот кувертов. На обеде присутствовала императорская семья. Вечером император и императрица посетили семью Виельгорских...

2 декабря.

Адъютант Муравьева, Корсаков, привез известие о сдаче Карса. 16-го крепость капитулировала с 16 000 пленников, 130 пушками и 30 000 ружьями. Уильямс сдался со всем своим генеральным штабом. Турецкие войска дефилировали перед нами, после того как сложили оружие в городе. Англичане получили разрешение не дефилировать и прямо отправиться в русский генеральный штаб. Инвалидов и больных, т. е. приблизительно 6000 человек, Муравьев отпустил, взяв с них слово не служить против России в течение этой кампании. Несчастный турецкий гарнизон был совершенно истощен; уже несколько времени как он питался только сахаром, и когда турецким солдатам дали хлеба, то несчастные бросились на него и стали целовать. Известие о занятии Карса сильно подняло здесь дух. Это было крайне необходимо; у нас было чувство, что сердце налито свинцом, теперь мы снова можем дышать. Анатолийская армия уничтожена. Действия Муравьева свободны и с волей божьей он побьет Омер-пашу; быть может, с первым успехом начнется поворот к лучшему. Россия устала от унижений и неудач; до такой степени присущи ей сознание силы и привычка к победам, что все поражения вызывают в нас лишь горестное изумление; мы не можем им верить, в

нас слишком сильно убеждение в конечной победе, чтобы долго оставаться побежденными. Непоколебимая вера, которую я испытываю, живет не только в моем сердце, она во всяком русском сердце, и непобедим народ, который верит сам в себя.

4 декабря.

Служили молебен по случаю взятия Карса. Как хорошо было благодарить после того, как мы так долго просили. Я написала Николаю Муравьеву и поздравила его. Я очень горда тем, что Россия обязана своим первым успехом в этой войне одному из самых близких моих друзей. Много лет тому назад — мне еще было только семнадцать лет — он рассказывал мне о своей первой турецкой кампании, мы говорили о взятии Константинополя, и он, шутя, сказал, что пришлет мне его ключи. То была пора чарующей мечты в Восточном вопросе, теперь мы подошли к ужасной действительности, но я чувствую глубже, чем когда-либо, что все эти мечты — предчувствия, которые когда-нибудь осуществит история.

Там совершаются великие события. Здесь мы тянем свою мелкую страдальческую жизнь, полную мелочных хлопот, мелочной борьбы и мелочных забот...

6 декабря.

После обедни в маленькой церкви состоялся малый выход и поздравления по поводу именин наследника-цесаревича. Затем государь принимал посланника шаха персидского. Несчастному очень не повезло. Приехав в Москву, он потерял сына, который погиб от угара, слишком рано закрыв печку в спальне. Утром его нашли мертвым. После императора посланника приняла императрица и через переводчика Демезона говорила с ним о его несчастьи. Посланник ответил, что в его горе его утешала мысль, что это несчастье произошло с ним при исполнении почетного поручения, возложенного на него его августейшим господином перед императором. Он передал молодому великому князю-наследнику портрет шаха в бриллиантовой оправе, сказав ему, что его повелитель, желая придать большую интимность, велел вставить в оправу бриллианты из собственного своего кольца.

Великий князь держал маленькую речь, приноровленную к случаю; он говорил очень хорошо, по-французски, и немного спутался только на глаголах. Все прошло внешним образом очень хорошо. Великая княгиня Мария Николаевна осыпала императрицу бриллиантами и жемчугами, чтобы ослепить персианина; все эти бриллианты на закрытом платье производили довольно странное впечатление. Что касается нас, свитских дам, мы были в открытых платьях, и я не знаю, что должно было больше шокировать персианина: наша нескромность или наша худоба. Уезжая из России, он может так резюмировать свои путевые впечатления: «Климат здесь суровый, а дамы здесь худые». Сегодня, между прочим, 24° мороза.

14 декабря.

Молебен и прием поздравлений, как то было принято при императоре Николае. Мне кажется, что лучше было бы подвергнуть забвению эту печальную годовщину. Большинство несчастных, принимавших участие в восстании, умерло. Дух революции тоже, слава Богу, умер, герой, ее победитель точно так же отошел в вечность; к несчастью, ошибки его царствования в значительной степени проистекают от того впечатления, которое произвел на него печальный день 14 декабря. Не лучше ли было бы забыть все это, предоставить умерших успокоению, заказать панихиду за упокой души императора и именем его дать амнистию несчастным, находящимся еще в Сибири, которые теперь уже так стары и разбиты, что не могут быть опасны? Это был бы образ действия, более христианский и более политичный, чем продолжать торжествовать победу над врагами, так давно исчезнувшими в прошлом. Нет сомнения, что государь так бы и поступил, если бы слушался собственных внушений, но говорят, что некоторые старые министры, в том числе Орлов, представляют ему амнистию опасной для страны...

24 декабря.

Сегодня, в сочельник, у императрицы была елка. Это происходило так же, как и в предыдущие годы, когда государь был еще великим князем, — в малых покоях. Не было никого приглашенных; по обыкновению, присут-

ствовали Александра Долгорукая и я; мы получили очень красивые подарки. Была особая елка для императрицы, елка для императора, елка для каждого из детей императора и елка для каждого из детей великого князя Константина. Словом, целый лес елок. Весь большой Золотой зал был превращен в выставку игрушек и всевозможных прелестных вещей. Императрица получила бесконечное количество браслетов, старый Saxe, образа, платья и т.д. Император получил от императрицы несколько дюжин рубашек и платков, мундир, картины и рисунки. Впрочем, я должна сознаться, что вся эта выставка роскоши вызывает во мне скорее чувство пресыщения и печали, чем обратное. То, что так легко дается, не может уже доставить удовольствия, и когда обладаешь таким количеством вещей, уже не можешь испытывать по отношению к ним чувства собственности. Не знаю почему, в этот рождественский вечер я уже не чувствовала себя свободной, может быть, потому, что там собралась вся императорская фамилия, и у меня было чувство, что я чужая среди этого блистательного общества. Императрица к нам очень добра, но остальные члены семьи совсем нет, и у меня такое чувство, что они с недоброжелательством смотрят на все те милости, которыми нас осыпают император и императрица. Когда они были великим князем и великой княгиней, на них гораздо меньше обращали внимания, а на нас, поэтому, никакого; но теперь их милость чрезвычайно высоко ценится. Великий князь Константин, который по природе чрезвычайно неучтив, мимоходом сказал нам очень нелюбезную вещь, сделавшую на меня особенно неприятное впечатление вследствие состояния духа, в котором я уже находилась. Я с трудом удержалась, чтобы не расплакаться там же, и расплакалась, вернувшись к себе...

26 декабря.

Сегодня молодая принцесса Ольденбургская перешла в православие; она, по-видимому, понимала все значение того акта, который совершала, и казалась глубоко сосредоточенной. Она была одета в белое атласное платье и очень просто причесана. Выглядела она некрасивой: волнение дурно отражается на ее цвете лица, а это —

единственно, что в ней хорошо. Черты лица у нее грубоваты и очень неправильны, но выражение чистоты, искренности и мягкости привлекает к ней симпатии.

27 декабря состоялось обручение. Все собрались около часа. Государь вышел под руку с королевой Анной и императрицей; за ними следовали жених и невеста. На молодой принцессе был белый трен, весь украшенный листьями роз, полосами спускавшимися по материи — туалет, замысел которого гораздо поэтичнее, чем красиво его выполнение. В церкви была толпа. Дамы давили и толкали друг друга, чтобы встать на лучшие места. Вообще при подобного рода торжествах мало соблюдается порядок и приличие, и в таких случаях трудно поверить, что находишься среди лучшего общества столицы. Так как я не люблю ни толкать, ни самой быть толкаемой, то держусь осторожно сзади, и потому ото всех этих торжеств я выношу только одно чувство утомления от продолжительного стояния в тяжелом придворном платье. Императрица обменяла кольца молодых вместо императрицы-матери, которая слишком слаба, чтобы присутствовать. Вчера же императрица Мария подводила молодую принцессу к причастию. Должен был состояться большой банкет; поэтому приглашенные в придворных платьях остались дожидаться во дворце. Моя комната наполнилась друзьями и знакомыми, расположившимися в ней в ожидании обеда. Мне же пришлось менять свой туалет в присутствии всех их, так как я должна была спуститься к императрице-матери, при которой я была дежурная. Мне было чрезвычайно неприятно раздеваться таким образом при публике, и так как я была нездорова и утомлена, то и настроение мое было отвратительное. Банкет был блестящий; пели итальянцы, было произнесено шесть тостов, сопровождавшихся пушечными залпами. Я вернулась такая усталая, что тотчас же легла в постель, чтобы дать отдых моей спине и моему настроению.

За последние две недели все разговоры петербургских салонов и болтовня всей иностранной прессы вертятся вокруг одного — путешествия в Россию Зеебаха, приехавшего из Парижа, перед отъездом видевшего Луи-Бонапарта и принятого здесь несколько раз императором. Я не думаю, что его миссия носит официальный

или официозный характер и имеет значение, которое ей стараются здесь приписать, судя особенно по нескольким насмешливым улыбкам и некоторым словам императрицы и императора, которые в этом деле, как и в других, проявляют такую сдержанность, что доводят до отчаяния, но, тем не менее, не могут удержаться от смеха, когда я им рассказываю, как сильно публика занята этим Зеебахом, и с каким глубокомысленным видом матушка-Гусыня, царящая по вторникам в своем салоне, встречает всякого нового гостя сакраментальными словами: «А приезд Зеебаха, дорогой мой, что он означает?» На что гость неизменно отвечает, что он совершенно ничего не знает; это ее ничуть не смущает и не мешает ей двадцать раз ставить все тот же вопрос. Неизвестны также предложения, привезенные Эстергази; известно только то, что император с ним не видался; уверяют, что Буолю на эти предложения дан довольно резкий ответ, который не был сообщен Эстергази, дабы ответить тем же на странный образ действий по отношению к Горчакову, которому венский кабинет не сообщил предложений, присланных им сюда через Эстергази. Император и императрица всегда очень сдержанны, тем не менее не отказывают себе в удовольствии при случае сделать язвительное замечание по адресу Австрии и ее представителей, а я храню эти слова в сердце своем. Здесь все стоят за мир, потому что мы трусы. Но у меня такое доверие к Богу, во-первых, к нашим святым, во-вторых, и наконец, к государю и государыне, что сердце мое покойно, и я полна уверенности, что Россия выйдет из этой войны не только с честью, но и со славой.

Недавно в разговоре я сказала государю: «Но, ваше величество, если Австрия выступит против нас, неужели вы не обратитесь наконец с призывом к славянским народам?» — «Это возможно» — ответил он. Но для той широкой политики, которая может спасти Россию, ему нужны другие люди, люди с сердцем и умом, которые решились бы порвать с мелкими традициями прошлого и энергично вступить на новый путь...

1856 год

1 января.

Вот и новый год. Дай Бог, чтоб он был для нас более благоприятен, чем тот, который только что закончился. Вчера я была дежурной при императрице Марии Александровне, но ее величество больна и не выходила. Я не видела ее утром, и провела день в обществе разных старых дев. Среди моих знакомых есть кружок старых ханжей, которые назначают у меня себе свидания. Иногда они мне порядочно надоедают, но часто приносят мне пользу: под внешностью несколько смешной в них кроется неоценимый запас милосердия, доброты и благочестия. Среди них — старая княгиня Аникеева, монахиня женского монастыря св. Серафима¹, которая приехала сюда для сбора денег на постройку каменной церкви. Она дала мне образ Нечаянной Радости для передачи императрице в день Нового года на счастье. В три часа я поехала к маме поздравить ее, так как это день ее именин и она сегодня приобщалась. Я вернулась к обеду и обедала одна в своей комнате. Императрица обедала с императором и своими детьми. После обеда я была у нее: она, по обыкновению, была очень нелюбезна со мной, но это начинает становиться мне совершенно безразлично. В маленькой церкви была всенощная и молебен по случаю окончания года. Присутствовали государь, государыня, их дети, великие князья Николай и Михаил и молодая невеста... По окончании молебна императрица пошла к вдовствующей императрице и, вернувшись оттуда в 10 1/2 часов, позвала нас к чаю. Великая княгиня Мария Николаевна и принцесса Маруся² пришли поздравить ее с Новым годом. Ее величество отпустила нас в одиннадцать часов и я отправилась к маме, где застала зажженную

¹ Так называемая Дивсева пустынь.

² Дочь Марии Николаевны — принцесса Мария Максимилиановна Лейхтенбергская.

елку. Мама подарила мне «Четы-Минеи». Это доставило мне большое удовольствие.

Мы начали год ни весело, ни грустно, но довольно скучно. Я послала императрице маленький образ Серафима, который должен был быть ей передан ровно в 12 часов. Я очень верю для нее в молитву этого святого и уверена, что он оказывает ей особое покровительство, ибо он предсказал о ней еще прежде, чем она прибыла в Россию, что она будет благодатная и матерью для России и для православной церкви. Императрица прислала мне очень милую записку с благодарностью. Мне ее передали, когда я проснулась, и это было мое первое новогоднее впечатление. Я всегда обращаю особое внимание на свои сны в ночь под новый год.

Императрица нездорова и не собиралась идти к обеду. Мне тоже нездоровилось, и я присутствовала на обедне инкогнито в маленькой комнатке около большой церкви. Я также не была на представлении в тренах у великой княгини Александры Петровны, которая сегодня принимала поздравления двора и города. Меня посетил Михаил Муравьев, он мне сказал, что утром получены хорошие скверные известия из Австрии. Она отвергла контрпредложения, сделанные нами на ее предложения, привезенные Эстергази. Император, который должен был принять сегодня Эстергази, отказался видеть его. Бог в своем милосердии еще раз оградил нас от унижительного мира. Император был у меня с новым визитом. Он сказал, что не хотел портить мне год приемом австрийского министра. Впрочем, вид у него был веселый, и он был в хорошем настроении. Я воспользовалась случаем видеть его наедине и сказала, как мы все благодарим Бога за то, что видим его всегда таким спокойным и твердым среди стольких несчастий.

«Да, — сказал он, — невозможно не быть грустным и озабоченным при настоящих обстоятельствах, но, благодаря Бога, я никогда не испытал уныния»...

3 января.

Целый день больна и в одиночестве. Вечером я пришла к чаю к императрице еще вся полная впечатлений

от чтения журналов, которые всячески пережевывают предложения, присланные нам Австрией через Эстергази: нейтрализация Черного моря, свобода плавания в устьях Дуная, уступка части нашей территории в Бессарабии, — предложения собственной австрийской фабрикации — и так далее. И все это от страны, которая, не будь России, погибла бы тому еще нет семи лет. Мы за чаем прочли несколько отрывков из мемуаров адмирала Чичагова, инструкции Александра I по вопросу о необходимости вызвать восстание славянских народов, чтобы отомстить за коварную политику Австрии по отношению к нам. Все это очень подходило к настоящему моменту. Говорили о Венгерской войне. Императрица сказала: «Это наша большая ошибка. Я говорю это теперь, как говорила это тогда». Император рассказал нам, как он сам ездил в Вену с известием о сдаче Гёргеи, и что этот противный маленький австриец ему этого никогда не простил. Императрица рассказала нам, как австрийский император спросил генерала Ридигера, когда император Николай ему представлял последнего, участвовал ли он в Венгерской кампании¹. Какое презренное государство эта Австрия! Да окажет мне Бог милость и не даст мне умереть раньше, чем увижу ее расчлененной. Я прибавлю эту молитву к моим ежедневным молитвам. Император имел озабоченный вид, он сказал как-то в течение вечера: «Если теперь, как это вероятно, у нас будет война с Австрией...» Я уверена, что он видел Эстергази сегодня вечером и что дела осложняются.

6 января.

Я в состоянии полного отчаяния. Сегодня на выходе все громко повторяли, что скоро будет заключен мир, что император согласился принять предложения Австрии. Эстергази и Зечени стояли тут же с торжествующими лицами. Император потребовал, чтобы императрица спустилась на Неву для обряда водосвятия. Он даже заставил ее обойти вокруг всего дворца с головой, покры-

---

¹ В 1849 г. Ридигер заставил венгерскую армию сдаться и тем спас Австрию от полного разгрома.

той только вуалью. Немногие дамы не побоялись ветра и холода и решились последовать за своей государыней. Так как я тоже нездорова с самого Нового года, то и я воздержалась и глядела на церемонию из окон дворца. Я негодовала на государя за то, что он подвергал холоду императрицу, у которой такое слабое здоровье, но мужа в высшей степени жестокие создания. Поэтому я была в очень дурном настроении, как вдруг около меня всплыли слева и справа улыбающиеся и сияющие лица Эстергази и Зечени. Вчера в городе говорили, что Эстергази покидает Петербург вследствие несогласия Австрии на наши контрпредложения, а сегодня только и речи, что о мире. Это объясняет мне состояние раздражения, в котором был император эти дни; может быть, его мучила совесть за то, что он уступил и подписался под позором России. Но нет, Господь слишком милостив, он не покинет его, не покинет нас. Однако уже одно сомнение нестерпимо. Бог знает, как я люблю императрицу, но если будет задета честь России, я уже не смогу любить ни ее, ни государя. Это невозможно; я слишком хорошо их знаю, чтобы поверить, чтоб они могли согласиться на то, что приносит России бесчестье...

8 января.

Я совсем несчастна сегодня. Уже вчера в городе разнесся слух, что мы соглашаемся на мир на унижительных основах австрийских предложений: свобода плавания по Черному морю, уступка части Бессарабии и крепости Измаил, отказ от покровительства восточным христианам. Я все еще не верила, хотя все об этом говорили на концерте у императрицы. Но сегодня утром появилась официальная статья в *Journal de St. Petersbourg*, подтверждающая наш позор. Я не могу повторить всего, что я слышала в течение дня. Мужчины плакали от стыда, а я, которая так верила в императрицу! Я не выдержала и пошла к ней сегодня вечером. Если все ее обманывают, один человек, по крайней мере, скажет ей правду, один принесет ей отголосок общественного мнения. Она мне сказала, что им тоже это очень много стоило, но что Россия в настоящее время не в состоянии продолжать

войну. Я ей возразила то, что повторяют все, что министр финансов и военный министр — невежды, что нужно попробовать других людей, прежде чем отчаяться в чести России. Она мне ответила, что я сужу слишком страстно и что об этих вещах нужно судить спокойно. Я отношусь страстно, это верно, как и вся Россия относится страстно к своей чести. Я была до такой степени вне себя, что мне ничего не стоило повторить императрице все самые суровые суждения, которым их подвергают. Она выслушала меня терпеливо и кротко без раздражения и волнения. Эта женщина или святая, или деревяшка! Я предпочитаю думать, что она святая. Если бы я не любила ее так сильно, я бы не страдала так. Они не понимают того, что делают, и того, как они подрывают основы собственной власти, когда подвергают честь России четвертованию. У меня душа разрывается. Я так их люблю и в то же время так негодую на них. Но я, по крайней мере рада, что была правдива по отношению к императрице. Это единственное, чем я могу доказать ей свою преданность, и я буду продолжать это делать до тех пор, пока она меня от себя не прогонит.

9 января.

Редко в жизни я была так огорчена, как теперь. Самые тяжелые минуты жизни это те, когда сознаешь, что ошибся в своих привязанностях и своих верованиях; когда приходится признаться в том, что те чувства, на которых зиждилось наше счастье, были основаны на иллюзии. У меня уже были такие минуты в жизни. Всякое человеческое существо исполнено лжи и слабости; ни на одном из них ничего строить нельзя. Не Россию я оплакиваю. Я знаю, что Россия выйдет победительницей и из этого испытания — она не может быть унижена. Я оплакиваю императора и императрицу: они испытания не выдержали, они ослабели в своей вере...

10 января.

Я так страдаю, так страдаю, что не могу не жаловаться. Россия опозорена и кем же? Теми, кого я любила всеми силами своего существа. Всё для меня страдание,

всякое лицо, которое я вижу, всякое слово, которое слышу, всякая строчка, которую читаю: все свидетельствует о нашем позоре...

11 января.

Вчера вечером я имела еще раз продолжительную беседу с императрицей. Единственное утешение для меня в эту минуту, это быть правдивой по отношению к ней, говорить ей правду так, как ее понимаю, как ее чувствую; мне кажется, что ее предали все те, кто ее окружает. Не нашлось ни одного человека достаточно бескорыстного и достаточно любящего их, чтобы сказать им, что, подписываясь под позором России, они руют пропасть между собой и страной. Я вчера видела несколько лиц, между прочим князя Вяземского, который совершенно удручен. Его жена сказала мне: «Умоляю вас, будьте осторожны и не выдавайте своей точки зрения при дворе, это могло бы повредить вам и всем тем, с кем вы близки». Но князь возразил: «Наоборот, если она сколько-нибудь честна, она скажет правду: обязанность всех тех, кто к ним приближен, быть выразителями общественного мнения, чтобы правда могла дойти до них; молчание в таких случаях — это недостаток лояльности. Вы можете сослаться на мой авторитет; подо всем, что вы скажете, я подписываюсь».

Впрочем, я твердо решила не молчать ни о чем. Императрица вызвала меня к шести часам, так как я просила разрешения видеть ее. Я ей сказала, что все в отчаянии, говорят, что императору, вероятно, дали наркотическое средство, чтоб заставить его подписать такие позорные для России условия, и это после того, как четыре раза он их отвергал самым решительным образом, о чем гремели все газеты в Европе. Я ей рассказала, как вчера в Русском театре, где давали «Дмитрия Донского», в ту минуту, когда произносились слова: «Ах, лучше смерть в бою, чем мир принять бесчестный»¹, весь зал разразился громом рукоплесканий и криками, так что

---

¹ Трагедия В.А.Озерова (1769—1816) «Дмитрий Донской», д. I, явл. I.

актеры принуждены были прервать на время игру; что освистали актера, изображавшего в этой пьесе того, кто советовал заключить мир. Вот настоящая общественная демонстрация. Я приводила ей слова офицеров, простых людей из народа, я ни перед чем не остановилась, чтобы дать ей понять, каково в настоящее время состояние умов, а также и то, до какой степени опасна эта игра по тому глубоко неприязненному чувству, которое она создает в стране по отношению к императору.

Она выслушала меня с своим грустным и спокойным видом и сказала мне: «Мы всё это ожидали. Но приходилось выбирать между полным разгромом страны и временным унижением. Мы должны были принести эту жертву истинному благу страны. В совете, который состоял не только из министров, но также из военных Южной армии и моряков флота, все были того мнения, что продолжение войны невозможно в виду состояния армии и финансов. За продолжение войны не поднялось ни одного голоса, долгие все не сдавался император».

— Как? — сказала я. — А Блудов и князь Воронцов?

— Они высказывались в том же смысле, а князь Воронцов горячее других. Если они говорили против своей совести, они сами понесут последствия этого.

— Хорошо, — сказала я, — но тогда каким же образом случилось, что заранее не предвидели возможности заключения мира? Зачем же первого января принимать гордую и независимую осанку перед своей страной и перед Европой, для того, чтобы четвертого подписать позорный мир? Почему постепенно не подготовить умы? Почему, наконец, решение, которое должно так глубоко оскорбить национальное чувство чести, объявляется в такой неловкой, такой раздражающей форме? Почему люди, которые отстаивали этот мир, вместо того, чтобы испытывать стыд и унижение от позора страны, принимают торжествующий и сияющий вид, как будто они одержали победу над страной? Почему они бросают в лицо насмешку и оскорбление тем, кто оплакивает позор родины? Почему князь Долгорукий в вашем салоне, подходя к графине Разумовской, говорит ей с радостным видом: «Поздравляю вас, графиня, весной вы буде-

те в Париже»? Почему граф Нессельроде за обедом говорит итальянскому певцу Лаблашу: «Поздравим друг друга, мы поедем в этом году к вам есть макароны»? Разве люди, которые не умеют краснеть от позора своей родины, могут понять ее и знать, и любить так, чтобы желать ей добра? И, тем не менее, выслушивались советы этих людей, а к голосу народа не прислушивались.

Я была воодушевлена и не забыла ни одного из своих аргументов.

— Разве можно подписать позор страны, не спросив у нее, не согласна ли она принести последние жертвы, чтобы спасти свою честь?

Императрица сказала мне на все это, что мир необходим; впрочем, это будет только перемирие, что Россия должна собраться с силами, чтобы возобновить войну и что тогда направление политики будет иное.

— Но тогда, — сказала я, — нужно дать это понять народу, вместо того, чтобы говорить в глупом циркуляре, что цивилизованные страны оценят жертвы, приносимые Россией.

— Нельзя говорить таких вещей, — сказала императрица.

— Но их дают понять, — ответила я, — оказывая поощрение известному направлению мыслей, известным людям, а не поручая управление людям неспособным, враждебным национальному духу и не пользующимся ни доверием, ни расположением страны.

Императрица ответила мне: «Наше несчастье в том, что мы можем только молчать, мы не можем сказать стране, что эта война была начата нелепым образом, благодаря бестактному и незаконному поступку, — занятию княжеств, что война велась дурно, что страна не была к ней подготовлена, что не было ни оружия, ни снарядов, что все отрасли администрации плохо организованы, что наши финансы истощены, что наша политика уже давно была на ложном пути, и что все это привело нас к тому положению, в котором мы теперь находимся. Мы ничего не можем сказать, мы можем только молчать и предоставить миру осуждать, рассчитывая на будущее, когда изменится общественное мнение».

Все это перевернуло меня до глубины души. Правда, что несчастный император Александр пожинает горькие плоды царствования своего отца, который во внешней политике и во внутреннем управлении принес все в жертву внешней форме, как человек неумный и опьяненный лелью. Для того, чтобы вывести Россию из этой колеи, нужен человек исключительной энергии и мощи, который объединил бы все жизнеспособные элементы нации, все перевернул бы, все преобразовал бы, который верил бы несокрушимо в историческое призвание России и ее судьбу.

Император — лучший из людей. Он был бы прекрасным государем в хорошо организованной стране и в мирное время, там, где приходилось бы только охранять, но ему недостает темперамента преобразователя. У императрицы тоже нет инициативы, она, быть может, будет святой, но никогда не будет великой государыней. Ее сфера — моральный мир, а не развращенный мир земной действительности. Они слишком добры, слишком чисты, чтобы понимать людей и властвовать над ними. В них нет той мощи, того порыва, которые овладевают событиями и направляют их по своей воле; им недостает струнки увлечения. Если бы они верили в призвание России, они обратились бы с призывом к русскому народу, они бы верили в его достоинство, в непогрешимость нашей церкви, они бросили бы Австрии вызов за вызов, подняли бы славянские народности и восторжествовали бы или погибли. Но им сказали, что нет пороха и денег, и они покорились, хотя и с болью в сердце, и приняли унижение, позор своей страны как кару Божию. Императрица вчера сказала мне: «Все это воодушевление — одни слова, а материальные затруднения — это действительность». Как будто вера не создает ресурсов даже и там, где их нет! Но Россия — страна веры, и нельзя не трепетать за того государя, который изменяет этой вере, хотя бы его сердце было чисто перед Богом. Моя душа грустна, я вижу перед собой будущее печальное и мрачное...

Мои думы стали совсем другие за эти несколько дней. Я уже не горжусь тем, что составляло мою гордость: Россией, императором, императрицей, но я верю в Христа, в его видимое царство, я верю в то просветление, кото-

рое он пошлет нам в нашем унижении, как он мог бы послать его нам в земной славе.

11 января вечером.

Сегодня вечером я видела скромного армейского офицера, который обратился ко мне с просьбой через влиятельное лицо выхлопотать для него перевод из Южной армии в один из резервных полков, так как он был несколько раз ранен во время осады, и действительная служба стала для него слишком трудна. Это скромный офицерик, который живет только своим жалованьем, человек совсем простой; вот мой разговор с ним. Он спрашивает¹:

— Правда ли говорят, что мир будет заключен?

— Да, говорят. Разве вы не читали о том в газетах?

— Да, читал в «Инвалиде», только неясно изложено, как-то странно написано, а мир невыгодный. Говорят, будто уступаем часть Бессарабии, но это не может быть. Пусть неприятель в десять раз больше у нас отнимет, только бы мы сами не отдали свое. Нет, это невозможно. Мы, кажется, хорошо защищали Севастополь. Мы много терпели, а поверите, если бы у каждого из нас было десять голов, мы все десять с радостью положили бы за нашего царя.

— Уверяли государя, что все желали мира.

— Истинного мира, конечно все желали бы, а не такого. А кто уверял государя в том, что желают мира? Те люди, которые не знают войска, которые не были в опасности, которые живут спокойно в Петербурге и ничего не ведают ни о России, ни о войне. А пусть спросит он Тотлебена, Васильчикова и Хрулева, те и скажут ему, желает ли Россия в самом деле постыдного мира. Ни один из них этого не скажет. И вот что тяжело: этот мир будет производить тяжелое впечатление в России на несколько лет, тогда как мы все с радостью бы умирали за честь царя и России. Пусть скажет государь словами Александра Благословенного: «Пойдем в Сибирь, а не уступим врагу», — и мы все с радостью последуем за ним.

— Да говорят, что наши финансы совершенно расстроены.

---

¹ Разговор записан на русском языке.

— А неужели финансы французов и англичан не так же расстроены? У них больше издержек, нежели у нас. Мы дома у себя, а они должны доставать все большими трудами и большими издержками.

Все это было сказано просто, без фраз, без декламации, каждое слово этого честного человека дышало глубокой любовью к России, к государю и к национальной чести. Я не могла противоречить ему, я слишком была согласна с ним. Вот всеобщее мнение, мнение просвещенных людей наших гостиных, которые всё читали, всё глубоко обдумали, и точно так же мнение самых простых людей, которые имеют за себя только свой прямой здравый смысл и свою жизнь труда и самоотвержения, посвященную служению родине. Только маленькая горсточка людей, по своему воспитанию и образу жизни ставших совершенно чуждыми стране, деморализованных жизнью среди роскоши и поверхностных удовольствий, родина которых — итальянская опера и французский ресторан, чтение — газетный фельетон, а единственный нравственный закон — достижение наибольшего материального благополучия, эта маленькая горсточка, благодаря своей изумительной ловкости распоряжается судьбою великого народа, не допуская правды до государя, совершенно ослепленного этими людьми. Но, в конце концов, все в руках Божиих. Я слово в слово передала императрице разговор офицера¹.

---

¹ Насколько А. Ф. Тютчева ошибалась относительно настроения в войсках и в народе, показывает письмо ее будущего мужа И. С. Аксакова к отцу от 25 января 1856 г. из Бендер: «Если вам будут говорить о негодовании армии по случаю позорного мира — не верьте. За исключением очень и очень малого числа, все остальные радехоньки. Так как войску решительно все равно, и оно готово геройски умирать и в бою за греков, и в бою против греков, то, конечно, желает, если можно, не умирать ни в каком бою. Полковые командиры порастрапились и желают свести счета на постоянных квартирах, раненые герои мечтают о городнических и исправнических местах — наконец, если бы даже никто сам не решился подписать мирные условия, все очень довольны, что могут сами умыть руки и сложить нравственную ответственность в нем на другого, благо есть на кого». Еще раньше, 8 декабря 1855 г., он писал про «восторг ратников» при первых слухах о мире и об ожидаемом союзе с Австрией: «Молодец австриец! Дай Бог ему здоровья! — говорили они. Я сам это слышал».

12 января.

У великой княгини Елены Павловны был музыкальный вечер. Я сопровождала императрицу. Была устроена какая-то симфония из различных детских инструментов; это была отвратительная какофония; говорили, что это для того, чтобы смеяться, но в настоящее время смех только гримаса, гораздо больше хочется плакать. Императрица очень грустна, и я очень рада, что это так.

13 января.

Сегодня три года, как я состою при своей дорогой императрице. Я была у обедни, а затем на минуту пошла к императрице, к которой хотела обратиться с просьбой по поводу одной бедной женщины. У нее больной вид, но чем более болезненно и грустно выражение ее лица, тем больше в ней прелести. Тогда исчезает то слишком холодное, слишком надменное, что часто бывает в ее выражении. Я не могу на нее смотреть в такие минуты, не чувствуя, что люблю ее выше всего. Я была дежурной при императрице-матери и читала ей вслух. Я не могу не сравнивать своей императрицы со всей остальной семьей, и должна признать, что все взятые вместе, они не стоят ее. Они так ограничены, с ними чувствуешь себя, как в комнате, лишенной воздуха. Их умственный и нравственный горизонт так узок, так ограничен.

Сегодня утром я видела у Антонины Блудовой Хомякова одного из наших лучших поэтов и литераторов. Он очень шокирует хорошее общество тем, что носит бороду и одевается по-мужицки (*un costume à la moujik*). Лица, участвующие в правительстве, называют его красным, революционером и считают с его стороны большой смелостью иметь больше ума и национального чувства, чем они. Между тем я слышала, как этот революционер говорил: «Теперь не время рассуждать и ворчать. Россия унижена, мы несчастны, государь еще более несчастен, чем мы; теперь мы должны объединиться вокруг него, дать ему почувствовать, что он и народ не могут иметь различных интересов и что если Россия была принуждена заключить позорный мир, она должна, по крайней мере, объединить все свои усилия, чтобы искоренить злоупот-

ребления и залечить внутренние раны, которые привели ее к этому». Это маленький человек с очень некрасивым, но чрезвычайно умным лицом, с живым и сверкающим взглядом, с веселым и добродушным выражением лица; с неиссякаемым источником остроумных шуток и анекдотов, сопровождающий свои рассказы самым искренним, самым заразительным смехом, схватывающий во всем смешную сторону и умеющий придать юмористический оттенок самым серьезным предметам, о которых говорит, и говорит изумительно хорошо. Сегодня, по просьбе Антонины, он расстался со своим славянским костюмом и оделся во фрак безукоризненного покроя, на нем было прекрасное чистое белье, борода и волосы его были хорошо расчесаны; в этом виде он даже походил на французика. Я это сказала ему, он рассмеялся и ответил: «Я не надевал своего фрака в день, когда появился циркулярь о мире, хотя он был готов; могли бы сказать, что и меня тоже выдали головой (Европе)».

Говорили, что один генерал-адъютант, которого мне не хотели назвать, сказал Нахимову: «Необходимо заключить мир с внешним врагом, чтобы бороться с врагом внутренним». — «Ах да, хищения, злоупотребления...» — «Да нет, мой милый, — с нашими московскими господами-славянофилами». Вот до чего дошли наши великие государственные умы: хотят разыгрывать роль жандармов против призраков, олицетворенных для них тремя или четырьмя лицами, умно выражающими то, что думает и чувствует весь народ. «Не убивают мух ради...»¹, как говорит Хомяков. Когда говорят о славянофилах, то, по его словам, он всегда вспоминает известный анекдот: солдат на передовых позициях слышит шум: «Кто идет?» — «Калмык». — «Вас сколько?» — «Одна»². Вот каков мог бы быть военный клич их кружка. Если уж быть русским, то нужно хоть иметь право быть русским и умным, если это возможно. Хомяков русский и бесконечно умен, вот почему его боятся больше, чем кого бы то ни было.

---

¹ Пропуск в рукописи.

² По-русски.

16 января.

Перед вечером я была у г-жи Зиновьевой и встретила там одного адъютанта государя, который прочел нам письмо из Москвы Константина Аксакова, в котором он выражает то горе, которое все испытали при чтении циркулярной ноты о мире, объявляющей о принятии предложений Австрии. Он пишет так верно и в то же время с такой умеренностью и таким искренним чувством привязанности к государю, что я просила дать мне это письмо, чтобы показать его императрице. Она прочла письмо и сказала, что считает вполне естественным и даже очень почетным для страны, что в ней есть много людей, которые так думают и чувствуют; но что есть и много таких, которые думают иначе и принимают мир с радостью; что нужно принять во внимание, что государю потребовалось больше морального мужества для того, чтобы при теперешних условиях согласиться на мир, чем на продолжение войны. Что, впрочем, она понимает тех, кто останавливается только на мысли об унижении, которому подвергается Россия, и что она их не осуждает. Одним словом, она говорила со мною своим обычным тоном, спокойным и примирительным, но я поняла, что ее сильно обрабатывают с целью успокоить относительно впечатления, которое этот мир произведет в стране, и лица, много потрудившиеся над тем, чтобы привести к принятию мира, теперь потрудятся над тем, чтобы они примирились с ним.

Меня, однако, удивили и заставили призадуматься слова императрицы о том, что великий князь Константин сердится на тех, кто недоволен миром, что он считает их неудовлетворенными и опасными умами. Вот это превосходит мое понимание! Великий князь Константин, который всегда поощрял и даже, можно сказать, льстил национальной партии, партии славянской, если употребить этот смешной эпитет, теперь превращается в держиморду и хочет даже повлиять на государя к тому, чтобы было ограничено свободное выражение таких мыслей. Все это мне кажется подозрительным, и я думаю, что великий князь играет скверную игру, Я не верю в его преданность брату. Мне говорили, что маленькая Аннен-

кова во время своих сомнамбулических сеансов постоянно повторяла ему, что он будет императором. У него фальшивое и злое лицо, в нем есть что-то, что внушает недоверие. Что касается государя и государыни, то они ему верят безгранично, и когда они говорят: «Великий князь Константин думает или говорит...», они считают, что приложили печать к своему решению...

Мне рассказывали, что Орлов просил государя приказать арестовать нескольких лиц, вызвавших шум и демонстрацию в русском театре, и что государь ответил: «За что вы бы их арестовали? Разве только за то, что они пошли в театр в такое тяжелое время?». Вот слова, которые хорошо рисуют его. Можно ли после этого осуждать его?

17 января.

Я провела вечер, по обыкновению, у императрицы. Мне пришлось прочесть там вслух статью из «Debats», в которой перечисляются выгоды мира для Франции, — влияние, которое она получит на востоке, — и наши потери. Все это с исторической точки зрения. Я с большим трудом удерживала свои слезы и не могла воздержаться от того, чтобы не сказать несколько горьких слов и не привести из газет цитат, которые должны были сделать очень больно государю. Прощаясь со мной, он пожал мне руку и посмотрел на меня с такой кротостью и такую грустью, что сердце мое сжалось, и мне стало очень стыдно за проявленное мною раздражение. Боже, он, конечно, гораздо больше страдает, чем все мы! А будущее, будущее? Ах, как я боюсь за него!

Я обедала у Блудовых, Там был Хомяков; он говорил, что предложил некоторым дипломатам ввести Россию в конфедерацию германских государств, чтобы обеспечить за ней право на существование. Рассказывают также, что Нессельроде после того, как сказал Лаблашу, что будет кушать макароны у него на вилле, ему первому поведал тайну принятия мирных предложений, и что неаполитанский посланник узнал об этом впервые от Лаблаша. Отец сказал по этому поводу весьма остроумно, что Екатерина II была бы очень удивлена, если бы на том знаменитом столбе, на котором она приказала

сделать надпись: «Дорога в Константинополь», она прочла: «Дорога на виллу господина Лаблаша».

21 января.

Я печальна, печальна, печальна. В обществе все то же брожение. Здесь уже успели ободриться, успокоиться, привыкнуть к невероятному настоящему положению. Вечером государь рассказывал, что он получил письмо от одного бельгийца, в котором тот поздравляет его с тем, что он последовал его советам и заключил мир. Государь прочел это письмо Нессельроде и Орлову, находившимся в его кабинете, говоря им: «Господа, вы, может быть, не знаете, кто убедил меня принять мое решение. Это — автор вот этого письма». Эта шутка заставила сжаться мое сердце, как будто я видела перед собой ребенка, играющего с оружием. Мне невыразимо жаль его, когда я вижу, что, сам того не ведая, он вовлечен в борьбу с могучими силами и страшными стихиями, которых он не понимает. Прежде у меня были иллюзии, которых теперь у меня больше уже нет, но я их люблю не меньше, и это наполняет мне душу горестною печалью. Они не знают, куда идут. Прощаясь с ними вечером и целуя руку императрицы, я невольно произнесла в сердце своем: «Господи, огради их и спаси и сохрани среди тех опасностей, которых они сами не сумеют избежать»...

Маленькая великая княжна была больна; она даже лежала в постели и не выходила из комнаты в течение нескольких дней, но всегда весела и, когда приходишь к ней, застаешь ее со шпагой на боку, знаменем в руке и военной фуражкой на голове, с самым воинственным видом. Она говорит, что она «большой солдат, и у нее большая шпага».

22 января.

Приехал князь Вяземский. Я видела его у его матери. На вечере у императрицы начали читать рукопись Милютина¹ о царствовании императора Павла I. Он хочет

---

¹ Вероятно, Дм. Ал. Милютина, изучавшего эпоху Павла I в связи с своей работой «История войны 1799 г. между Россией и Францией в царствование имп. Павла I».

хвалить его, но в сущности выходит, что он его критикует. Он говорит, что Павел первый ввел систему, которой после него следовали все его преемники — вмешиваться во все мельчайшие подробности дел вместо того, чтобы поручить ведение их доверенным людям, избранным государем, что он первый взял в свои руки внешнюю политику, приняв за правило руководиться не интересами страны, а внушениями великодушного и рыцарского темперамента; одним словом, что он первый заменил всю правительственную машину личной своей волей, другими словами, сделался деспотом, вместо того, чтобы быть государем. Я заметила, что Милютин странно хвалит императора Павла, что эта похвала больше похожа на критику. А императрица сказала: «Мы теперь знаем, по крайней мере, кому мы обязаны теми прекрасными порядками, которые привели нас к тому, до чего мы сейчас дошли. Я спрошу Милютина, воображает ли он действительно, что он оказывает большую честь императору Павлу, приписывая ему начало этой прекрасной системы?»

Я удивилась, что императрица была так откровенна. Эта женщина для меня — непостижимая тайна. У нее иногда вырываются слова, которые показывают, что она с полнейшей ясностью понимания судит о людях и вещах, ее окружающих, что она видит все недостатки, всю мелочность этой среды, каждое ее слово показывает, что она понимает и ценит ум, и, тем не менее, она ничего не делает для того, чтобы мнение ее принималось во внимание и брало верх, чтобы были искоренены или ослаблены бесчисленные злоупотребления, накопившиеся повсюду. Можно допустить, что к такой осторожности ее вынуждают семейные соображения, это мне едва ли кажется вероятным, ввиду ее прекрасных отношений с государем, но если бы это действительно было так, в ней замечалось бы раздражение, уныние, но и этого совершенно нет. Она смотрит на государственные дела очень умно, очень пронизательно, дела идут чертовски скверно, а у нее такой вид, как будто это ее совершенно не касается, в то же время она относится к стране вовсе не равнодушно, наоборот. Что же это такое?

Недавно один очень умный человек говорил моему отцу, что он имел честь целый час разговаривать с императрицей: «Эта женщина, кажется, очень умна, она прекрасно понимает положение, а также и тех очень посредственных людей, которые ее окружают, но, по-видимому, она делает над собой большие усилия, чтобы не высказывать своего мнения». Впрочем, довольно естественно, что я, которая всегда испытываю потребность высказывать свое мнение очень резко и веду пропаганду с оружием в руках, не понимаю такой сдержанной натуры, какова императрица. У меня, вероятно, очень мало проницательности¹.

Вот — люди, которых я вижу каждый день, но в которых я ровно ничего не понимаю, — ни в государе, ни в государыне, ни во всех тех, кто их окружает. Но я также вижу, что все те, которые хотят о них судить так или иначе, судят о них превратно...

---

¹ С этой характеристикой имп. Марии Александровны любопытно сравнить отзывы о вей вел. кн. Елены Павловны, как они записаны в записной книжке кн. Е.А.Черкасской: «Она (императрица) ничего не сделает (для освобождения крестьян), у нее нет никакой инициативы, она увлекается каким-нибудь вопросом, а потом бросает его вместе с теми, которых сначала поддерживала... Так она поступила с Кавелиным и с «Парусом», и с славянофилами. Императрица была бы на месте возле человека с большим умом, там, где бы ей приходилось подчиняться толчку, а не давать его; сама она не лишена ума, но ее умственные способности не выходят за пределы посредственности». (С франц.) В другом месте: «У императрицы вид страдающий, грустный, лишенный энергии, она запугана трудностями, попадающимися ей на пути; и потом — то, что меня (вел. княгиню) больше всего огорчает — она, по-видимому, мало интересуется освобождением крестьян». Во дворце вел. княгини резко осуждали окружение императрицы. Сообщая (в 1859 г.) слетни, ходившие про вел. княгиню Елену Павловну, кн. Черкасская пишет: «Императрица вращается в кругу людей, повторяющих эти нелепости: Тимашевы, Бобринские, Адлерберги, Шуваловы — люди истинно опасные для России, не любящие ее и не знающие, готовые на все средства для того, чтобы упрочить свое личное влияние». Наоборот, отмечается неприязненное отношение императрицы к представителям либеральной бюрократии, в частности к Я.И.Ростовцеву, с которым у нее были, по-видимому, связаны какие-то раздражающие впечатления в годы его близости к наследнику; поэтому «с государыней (государь) о Ростовцеве никогда не говорил», и, когда он умер, «она едва сдерживала свою радость».

Я закончила вечер у Карамзиных. Там был Павел Вяземский, который так и сыпал парадоксами, скандализовавшими благочестивое семейство Карамзиных. Он очень плохими аргументами отстаивал необходимость мира и забавлялся тем, что возмущал свирепый патриотизм Петра Мещерского, Владимира и Лизы. Екатерина Николаевна больна и лежала в постели, но она позвала Лизу и сказала ей, что по звуку голосов она чувствует, что князь Павел отвратителен.

24 января.

Я обедала у Антонины Блудовой с Вяземскими.

25 января.

Праздновали свадьбу великого князя Николая и принцессы Ольденбургской. Торжество состоялось вечером, и за ним немедленно последовал банкет. Было очень жарко, и давка была невероятная. Во время обедни в церкви стоял возмутительный шум; все громко разговаривали и смеялись. Императрица говорила мне, что она с трудом разбирала слова священника — до такой степени велик был шум...

Воскресенье, 26 февраля.

Для масленицы маленькие великие князья устроили у себя небольшой любительский спектакль. Они разыграли очень забавную русскую пьесу «Allegri» и разыграли ее очень хорошо. Наследник был очень смешон в роли старого чиновника, в седом парике с бакенбардами до самого носа и в длинном коричневом сюртуке с золотыми пуговицами. Великий князь Владимир представлял молодую барышню и был красив, как амур. Участвовали некоторые товарищи великих князей: Никс Адлерберг играл старую кумушку, Мейендорф — чиновника-щеголя и Олсуфьев — толстую русскую служанку; он в совершенстве исполнял свою роль и внешностью необычайно к ней подходил. По окончании пьесы были поставлены три живые картины, изображавшие черты храбрости наших солдат во время настоящей войны; все это было очень мило представлено. Привели посмотреть и

маленькую великую княжну Марию, но весь этот шум и движение подействовали ей на нервы. Она не переносит музыки и скоро расплакалась и просила ее увести, повторяя: «Mary is very tired, Mary will go away, Mary wants to go to bed».

1 марта.

Царская семья начала говеть с первого дня поста. Молитвы читаются в Малахитовом зале, как и прежде. Туда приводят маленькую великую княжну, которая боится священника, певчих и церковного пения. Хотят ее приучить, чтобы она могла причаститься вместе с императором и императрицей. Вчера она плакала, и ее пришлось унести. Сегодня она была умница и даже позволила своему отцу по окончании службы поднести ее к певчим и дала им поцеловать свою ручонку. Однако, уходя, она с облегченным вздохом сказала: «Кончено». Вся семья обожает этого ребенка, государь и государыня покрывают ее поцелуями и ласками, точно так же тети и дяди. Да будет ее жизнь всегда такой же счастливой...

17 марта.

Государь вернулся из поездки по Финляндии, где он провел девять дней. В тот же день пришло телеграфное известие о том, что мир подписан в Париже.

18 марта.

Был большой парад на Дворцовой площади. Государь объявил о мире войскам и народу, который толпой стоял на площади.

19 марта.

Вышел манифест о мире и в церквах служили молебны. Этот манифест, как и все остальные за время этой войны, написал Блудов. Он удачно составлен, но кого хотят они обмануть и кого им удастся обмануть? Не лучше ли в унижении со смиренным достоинством опустить голову, чем афишировать самоуверенность, которой нет в сердце. В унижении, глубоко и по-христиански воспринятом, уже есть начало возрождения, но увертки никогда ни к чему не приводят. Правду, всю правду, одну правду!

25 марта.

Благовещение. Служили благодарственный молебен по поводу мира; молитва к этому случаю была составлена Баженовым; она соответствовала обстоятельствам, была смиренна, серьезна и верно выражала то чувство, которое должен испытывать всякий русский под карой, налагаемой на нас Богом. Я должна признаться, что во время молебна у меня не было очень хороших чувств, и что я испытывала гораздо больше вражды к людям, беспечность которых привела нас к этому скверному положению, чем покорности к Богу, который допустил, чтобы мы были таким образом наказаны. К концу молебна распространился слух, что Нессельроде и Долгорукий будут отставлены, что на их место назначаются Михаил Горчаков военным министром и другой Горчаков министром иностранных дел, что Долгорукий будет назначен послом в Париж. Все, по-видимому, были обрадованы этими известиями, хотя они еще не были официальные. Отставка министров, деятельность которых привела к бедствиям этой войны и к позорному миру — это некоторое удовлетворение, которое дается общественному мнению и указывает на желание изменить направление внешней политики и преобразовать внутреннее управление. Горчаков в Вене до дна испил чашу унижения, вряд ли он будет сторонником Австрии, каковым всю жизнь был Нессельроде. Если бы нам удалось теперь окончательно отказаться от наших прежних ошибок и открыто и всецело соединиться с Францией, бросить Германию, обратить все наши симпатии на славянские народы, не вмешиваться в полицейские дела других государств, — мы бы еще все наверстали, и нам не пришлось бы пожалеть о тяжелом уроке этих двух ужасных лет, как бы дорого мы за это ни поплатились. Если переменится персонал в управлении, это будет уже доказательством того, что хотят изменить направление, но если оставят старую публику, мы никогда не выберемся из колеи.

Июль. Петергоф.

Маленькие великие князья находятся в Гапсале (Haapsalu) для морских купаний и государь и государы-

ня решили провести со своими детьми 15 июля — день именин великого князя Владимира. Эта поездка должна была занять от 4 до 5 дней, в течение которых великая княгиня Мария Павловна, находящаяся здесь в настоящее время, должна была жить на островах, чтобы принять там лиц из городского общества, которые желали ей представиться, и обозреть новые постройки и улучшения, произведенные в Петербурге за те 15 лет, что она там не была.

Мы сели на пароход 13-го в двенадцать часов; императрица взяла с собой m-lle де Грансе, Александру Долгорукую и меня. Нам сказали, что мы все будем жить в одной комнате, так как в Гапсале очень мало места. Государя сопровождали: граф Адлерберг, жена которого находится в Гапсале для морских купаний, затем морские адъютанты: Михаил Голицын, Аркас и Сколков, потерявший руку на Альме. Погода, дождливая и холодная в течение всего лета, изменилась к лучшему, как по заказу, для нашей маленькой экскурсии. Мы ехали на «Грозящем», который очень красив и удобен. Море было совершенно спокойно, и никто не страдал от морской болезни; переезд совершили очень весело. Императрица, которая перед этим была нездорова, еще не совсем хорошо себя чувствовала, но к вечеру она совершенно поправилась. Ужинали на палубе, сидели и беседовали до 12 часов. Государь и государыня удалились в свои каюты на палубе. М-lle де Грансе, Александра и я остались на палубе, чтобы не спускаться в свои каюты. Мне совсем не пришлось спать, так как Александра каждые десять минут приходила спрашивать меня, не сплю ли я, что не могло содействовать моему сну. Поэтому утром у меня сделалась мигрень, и я была в довольно скверном настроении.

Около двух часов мы увидели судно молодых великих князей, которых повезли по морю под предлогом прогулки и которые ничего не знали о государе и государыне. Когда они увидели их, они разразились громкими криками радости и удивления. Они все четверо были в белых матросских рубашках, в клеенчатых морских фуражках, очень загорели и выросли. Мы перешли на их пароход.

Дети бросились родителям на шею, обе левретки государя бросились на детей, счастливые увидеть своих товарищей по играм. Дети кричали, левретки лаяли, маленький Алексей обнимал Fly, которая лизала ему лицо; было очень красивое зрелище. Государь и государыня имели вид очень счастливый. Императрица привезла племянника, маленького Николая Константиновича, товарища и большого друга Алексея. Они пристроились в уголку и принялись беседовать с очень серьезным и деловым видом. После трех недель разлуки, многое нужно было им сообщить друг другу.

В шесть часов мы увидели Гапсаль, который со стороны моря имеет обманчиво живописный вид. Когда в него въезжаешь, иллюзия исчезает. Это настоящая кротовая нора с гаденькими грязными домишками. Большая толпа встречала государя и государыню в порту с криками «ура» и пением «Боже, царя храни». Вечером знаменитые развалины Гапсаля были иллюминированы и на вершине старой башенки пел Liedertafel¹, выписанный из Риги. Но я не видела всего этого великолепия, потому что должна была лечь от головной боли в постель, или, лучше сказать, на скверненький и грязный диван, единственный предмет, на который можно было лечь в комнате, предназначенной для нас.

На другой день после обедни эстонское дворянство, отовсюду съехавшееся в Гапсаль, чтобы видеть государя, представлялось их величествам. Были собраны школьники, которым великие князья роздали игрушки в честь именин великого князя Владимира. В саду был большой обед; вечером нас повели на берег моря, где город Гапсаль построил редут в подарок великому князю Владимиру. Горели бенгальские огни и Falschfeuer². Вернувшись, мы застали в саду дома ла-Гарди, где жили великие князья, фейерверк и цыганский лагерь, представленный матросами великокняжеских яхт. Они задрапировались разноцветными знаменами, которыми украшают мачты, и при свете бенгальских огней производили впечатление

¹ Союз любителей пения.

² Искусственное освещение.

самое комичное. Царские дети были в восторге, весело было слышать их радостные крики.

На другой день, чтобы дополнить эти идиллические удовольствия, был устроен сельский праздник в Пулапе, деревне в 10 верстах от Гапсаля, принадлежащей, кажется, барону Унгерн-Штернбергу. Он организовал праздник, собрав крестьян и крестьянок из соседних деревень. Что за непривлекательная раса эти эстонские крестьяне, — лица у них глупые и сонные, костюм их и тот совсем не красив. Мы смотрели, как они плясали, лазили на мачту и играли в различные игры. Народные торжества могут иметь прелесть в счастливых странах, где ласковая природа способствовала развитию физической красоты человека, где небо и земля представляют великолепную естественную декорацию, но у нас на севере болотистая почва, бедная растительность, печальный и бледный цвет неба и физическое, а часто нравственное вырождение человека вызывают только тяжелые впечатления. Это картина непрестанной борьбы и страдания.

Эстляндские дамы, которых императрица не хотела принимать, чтобы не утомляться официальным приемом в те два дня, которые она рассчитывала провести со своими детьми, просили разрешения приветствовать ее на нейтральной почве этого сельского праздника. Их представляла графиня Баранова, проводившая также в Гапсале сезон морских купаний. Между ними было много очень хороших женщин. Императрице предложили чай, устроили танцы на импровизированной площадке на лугу.

Мы вернулись морем, сопровождаемые баркой с *Liedertafel*'ем, который сопровождал нас своим пением до самой пристани. Ночь была чудная, следовавшая за нами барка была освещена *Falschfeuer*, отражавшимися в воде и производившими очень поэтическое впечатление.

Князь Суворов сопровождал государя и государыню во время всех этих прогулок. Он приехал из Риги, чтобы встретить их. В этом человеке странный контраст. В выражении его лица и во всей его манере держать себя есть что-то в высшей степени честное, открытое, рыцарственное и, тем не менее, в разговоре он проявляет само-

влюбленность и тщеславие, совершенно не совместимые с натурой сколько-нибудь широкой. «Я» в его устах имеет не один только слог, он говорит о себе и кстати и некстати, и его разговоры никогда не касаются других тем. К нему можно применить мысль Ларошфуко, что можно хорошо говорить о разного рода предметах, но со вкусом и со страстью можно говорит только о себе. Поэтому меня притягивает его внешность, и отталкивает его беседа.

На другое утро, 17-го, в день нашего отъезда, нас разбудил сильный дождь, сопровождавший нас до самого парохода. Я пошла проститься с г-жой Зиновьевой, в доме которой я жила. Мне всегда бывает приятно видеть эту женщину. Прежде всего она имеет для меня прелесть преодоленной трудности. На первый взгляд это женщина совершенно сухая, холодная, жеманная и застывшая в своей застенчивости. Но если удастся пробить эту ледяную кору, то находишь в ней душу страстную, пылающую любовью к России, ум чрезвычайно развитой и интересующийся всеми вопросами общего характера. Сухость и прямота ее характера помешали ей создать себе место при дворе, хотя по положению своего мужа она близка к императорской семье. Она держится совершенно в стороне, и в этом она неправа, так как другие могли бы очень выиграть от ее общества.

В два часа в проливной дождь мы сели на пароход. Все дамы Гапсаля собрались на пристани и промокли до костей ради удовольствия сделать реверанс перед императрицей, которая, платя учтивостью за учтивость, тоже стояла под дождем, к моему большому неудовольствию. Маленькие великие князья просили меня рассказывать им сказки в ожидании обеда. Обедали в каюте и после обеда увидели «Грозящий». Государь и государыня простились со своими детьми. Государыня каждого поцеловала в лоб и перекрестила. Она не обнимает и не ласкает своих детей, как другие матери, в ее нежности к ним есть какая-то строгость; только дочь свою она страстно целует.

Вечер был очень хорош, закат солнца великолепен. Я сидела на носу корабля и смотрела на это широкое море, которое всегда вызывает во мне и тоску, и восхищение. Императрица подошла ко мне, я ей сказала, что вид

моря производит на меня то же впечатление, как мысль о вечности. Когда эта великая мысль встает перед моей душой, она внушает сперва чувство восторженной и торжествующей радости, но вскоре от самой необъятности этой мысли у меня делается как бы головокружение, и я с трепетом отворачиваюсь от нее и испытываю потребность ухватиться за существо земное и человеческое. Императрица ответила мне, что она, напротив, любит море именно потому, что видит в нем символ мысли о вечности, которую человеческому уму так трудно уловить, и которая постоянно ускользает от него. Мы говорили о блаженном Августине, о его беседе с матерью за несколько дней перед ее смертью. Я больше всего люблю говорить с императрицей на подобные темы; тут она в своей сфере; в ее душе есть какая-то созерцательность и какой-то аскетизм, которые делают так, что она более походит на святую, чем на светскую женщину. Это не мешает ей быть прекрасной императрицей; всегда исполняешь хорошо свое призвание, когда, как она, выполняешь его во имя служения Богу. Но ее серьезное и сосредоточенное лицо представляет полный контраст со светской и легкомысленной рамкой светскости и легкомыслия, которую создает ей ее положение. Понимаешь мнение тех купцов, которые, увидя ее в концерте, сказали о ней: «Она сидит там, наша голубушка, а все время она шепчет молитвы про себя»¹.

Ночью я хотела спуститься в каюту, чтобы укрыться от Александры. Я разделась и легла не без неприятного впечатления, однако, которое мне всегда дает каюта ночью с тех пор, как на «Николае» я была разбужена криками: «Пожар, пожар»². Я очень скоро заснула, но также скоро была разбужена сильным ударом и громкими криками. Я соскочила с кровати, и, надев панталоны, побежала на палубу. Наше судно только что столкнулось с

¹ Написано по-русски.

² В 1838 г. А.Ф.Тютчева вместе с матерью, — первой женой поэта, Элеонорой Ботмер, по первому браку Петерсон, — ехала из России в Германию, на пароходе «Николай», на котором вспыхнул пожар, вызвавший большую панику среди пассажиров; смерть Элеоноры Тютчевой была ускорена этим несчастьем.

маленьким торговым судном и оторвало у него две мачты. Был большой переполох. Все в одно мгновение оказались на палубе. Государь вышел из каюты и распорядился, чтобы поскорее была оказана помощь бедным людям с поврежденного судна. К счастью, никто не пострадал, и вскоре со всем своим скарбом они перебрались на нашу палубу. Один только маленький мальчик кричал во всю мочь. Государь просил доктора осмотреть его, но тот не нашел ничего, кроме испуга. Государыня высунула голову из каюты. Она была в ночном чепце, правда, очень кокетливым, но все-таки в ночном чепце, чтобы отдать должное исторической правде. Занавеска закрывала ее от взоров публики. Когда мы убедились, что никто не пострадал, мы очень смеялись нашему приключению. Так как колесо нашего судна оказалось поврежденным, мы принуждены были перейти на запасное судно, которое всегда сопровождает императорскую яхту. Я смеялась над ним накануне, говоря, что его должность только синекура, но оно оказалось нам чрезвычайно полезным. Так как ход его был гораздо более медленный, чем «Грозящего», оно очень сильно от нас отстало, пришлось прибегнуть к сигналам. Чтобы вызывать его, пускали ракеты и, наконец, стали стрелять из пушек. Мы всячески придавали себе интересный вид людей, потерпевших кораблекрушение. Наконец появился «Отважный», мы перебрались на него и в четыре с половиной часа отправились в путь; но сна уже не было, и усталость, причиненная этим переполохом, отразилась на настроении следующего дня. Вид у нас был заспанный и жалкий; качка была небольшая, недостаточная для морской болезни, но достаточная, чтобы придать нам вид людей серьезных и сосредоточенных, готовящихся к тому, что их будет тошнить. В Петергоф мы приехали только в десять часов. Я изнемогала от усталости и бросилась в кровать.

26 августа.

День, назначенный для коронации, наконец наступил. Государь и государыня накануне покинули свою прелестную резиденцию в Останкине, чтобы быть в Москве к 4 часам, к тому моменту, когда первый удар колокола

к вечерне должен был возвестить москвичам о приближении великого торжества. Погода была великолепная, оживление и шум на улицах, особенно на кремлевских площадях, были оглушительны.

Вечером состоялась всенощная в церкви Спаса за Золотой Решеткой, в присутствии государя, государыни, всей императорской фамилии, иностранных принцев и всей свиты. Служба продолжалась очень долго, так как читались еще молитвы последования к причастию. После этого государь и государыня облобызались со всеми членами семьи и, поклонившись нам, удалились к себе для исповеди. В этот день я императрицы больше не видела, но послала ей образа, которые мне прислал один отшельник из Саровского монастыря, чтобы благословить ее к венцу, как это говорится по-русски. Так как образа пришли как раз накануне коронации, я непременно хотела, чтобы они были переданы императрице немедленно. Вечером я получила от нее несколько слов, написанных карандашом, с благодарностью и просьбой молиться за нее. Не могу сказать, до какой степени я была этим тронута.

В воскресенье с пяти часов утра Кремль был запружен рядами экипажей и толпой народа. Весь этот шум совершенно разогнал сон, и все были на ногах гораздо раньше, чем было нужно. В восемь часов я отправилась в Екатерининский зал, уже полный статс-дамами и фрейлинами. Мы слишком поторопились, как это часто бывает в подобных случаях, и нам пришлось ждать целый час, прежде чем появилась вдовствующая императрица. Она вышла в императорской мантии и в короне; за ней следовала вся императорская фамилия, иностранные принцы и двор; процессия направилась в Успенский собор. Четверть часа спустя появился государь под руку с императрицей. Он был бледен и даже грустен. На императрице было платье с тренем из расшитой серебряной парчи, обрисовывавшее ее тонкий, еще девичий стан; несмотря на большой рост, ее худоба и хрупкое сложение придают ей вид очень молодой девушки. На голове у нее не было никакого убора, волосы были зачесаны совсем просто, с двумя длинными локонами, спускавшимися на плечи. Она двигалась медленно; казалось, что она едва прика-

сается к земле; глаза ее все время были опущены вниз, и во всем выражении лица было столько чистоты и сосредоточенности, что сердце сжималось от чувства благоговения, но в то же время и грусти. Меня всегда поражало это выражение лица императрицы среди всей пышности и блеска двора. Кажется, будто она уходит в себя, в собственный внутренний мир, чтобы спастись от мира внешнего, чуждого ее душе. Этим выражением она привлекает меня и вместе наводит на меня грусть, точно воспоминание о дорогом умершем человеке. Сегодня это выражение особенно ощущалось...

За государем следовал великий князь Константин и принц Ольденбургский, за государыней — ее брат, принц Александр и герцог Георг Мекленбургский. За ними шли четыре статс-дамы, которые должны были укрепить корону на голове императрицы: княгиня Воронцова, княгиня Салтыкова, г-жа Клейнмихель и г-жа де Рибопьер, и восемь дежурных фрейлин, среди которых была и я. Минута, когда мы вышли на Красное крыльцо, была поразительная. Погода была великолепная; это был лучший день за все лето, которое было очень дождливо. Солнце сияло, и в его лучах сверкали на солнце оружие и мундиры войск, расположенных на площади между тремя соборами. Эстрады были переполнены публикой, дамами в нарядных туалетах; за решеткой виднелись потоки народа. Во всех церквах трезвонили колокола, пушки гремели; поклон царя народу был встречен оглушительным криком и военная музыка заиграла национальный гимн. Спустившись с лестницы, их величества стали под балдахин, который несли высшие сановники государства. При входе их в Успенский собор Филарет обратился к государю со словом; затем их величества подошли к мощам и к иконам, прежде чем взойти на ступеньки трона, где их уже ожидала вдовствующая императрица и у подножия которого находилась вся императорская фамилия и иностранные принцы. Иностранные послы стояли на ступеньках справа от трона, особы первых четырех классов, предводители дворянства и т.п. — на задних ступеньках, статс-дамы, фрейлины и свитские кавалеры, участвовавшие в шествии, — на ступеньках слева. Торжество началось.

Государь прочел «Верую» твердым и громким голосом, прозвучавшим по всей церкви. Я стояла, к несчастью, так, что ничего не видела. Я была за колонною, закрывавшей от меня трон. Было точно так же невозможно различить голос Филарета. Он говорил так тихо, что даже те, кто окружали трон, говорили мне, что ничего не слышали. Впрочем, благодаря тому, что я накануне прочла молитвы, я могла мысленно следить за всем ходом обряда. В ту минуту, когда митрополит надел на государя императорскую мантию и царские регалии и передал ему корону, во всем соборе наступила полнейшая тишина. Затем государь подозвал государыню, которая встала перед ним на колени, коснулся ее чела своей короной, затем надел на нее маленькую корону, которую статс-дама должна была укрепить на ее голове посредством бриллиантовых булавок. Ничего этого я не видела, но всей душой присоединилась к той молитве, в которой в эту минуту церковь призывает благословение Божие на голову государей.

В этом возвышенном и величественном акте выражается религиозный символ, которым церковь освящает союз между государем и народом. Присутствуя при этом, естественно испытывать волнение, но, не знаю почему, я почувствовала в эту минуту, что моя душа полна печали; я горько заплакала, и сердце мое невыразимо жалось. Я невольно стала мысленно произносить молитву: «Господи, если ты не можешь дать им земного счастья, даруй им долю избранных твоих и земными страданиями очисти их для вечной жизни». После этого государь коленапреклоненно произнес громким голосом ту чудную молитву, в которой он призывает помощь Божию для выполнения своего тяжелого, но высокого призвания. Затем Филарет прочел молитву, во время которой все присутствующие, кроме государя, становятся на колени; диакон громко провозгласил все титулы императора, призывая на него благословение Божие. Певчие запели «Тебе Бога хвалим». Торжество коронавания закончилось, и началась обедня.

Меня очень огорчили невнимание и равнодушие окружающих меня лиц. Никто не молился; смеялись, болта-

ли, шептались, спрашивали друг друга о назначениях и милостях, которые должны были быть дарованы по случаю коронации. Некоторые даже взяли с собой еду, чтобы подкрепиться во время длинной службы. В самые торжественные минуты становились на цыпочки, чтобы видеть, что происходит, а те, кто ничего не видел, высказывали свое неудовольствие словами, совершенно не соответствующими моменту. Около меня молилась только Антонина Блудова. Все это еще усилило мою печаль. Я не могла неоднократно не задавать себе вопроса, какое будущее ожидает народ, высшие классы которого проникнуты глубоким растлением, благодаря роскоши и пустоте, и совершенно утратили национальное чувство и особенно религиозное сознание, которое одно только может служить ему основой, низшие же классы погрязают в рабстве, в угнетении и систематически поддерживаемом невежестве. Во время самого торжества коронавания эта мысль невольно встала передо мною при виде поведения присутствующих и больно поразила мне сердце. Между тем обедня кончилась, государь подошел к царским вратам для миропомазания; я ничего не видела и ничего не слышала из всей церемонии, но молилась всей душой. Император в этот день причащается сам на престоле, как священники. Я слышала молитву императрицы перед причастием и мысленно присоединилась к ней...

Общее впечатление, вынесенное мною из всего этого торжества, была глубокая грусть, ибо никогда я так сильно не ощущала суеты, непрочности и мимолетности человеческой жизни...

Вышли из собора. Государь был бледен и грустен, но изумительно красив в сияющей своей короне. Императрица походила на святую. Они прошли сквозь толпу под грохот пушек, который почти заглушался радостными криками тысяч человеческих голосов, приветствовавших своего венчанного государя. Никогда я не видела прежде ничего более великолепного, никогда солнце не освещало более величественного зрелища. Для глаз все было радость, откуда же в сердце эта великая грусть? Они вошли в Архангельский собор, где покоятся их предки... Оттуда они прошли в Благовещенский собор. Тут Антонина

Блудова сказала мне, что при возложении короны на голову императрице ее так плохо укрепили, что она сейчас же упала. Императрица подняла ее и сказала: «Это знак, что я недолго буду носить ее». Это произвело на меня очень тяжелое впечатление. Мне хотелось скорей уйти в свою комнату, чтобы плакать, меня душили слезы, и мне было совестно их показывать.

Помолившись во всех трех соборах, государь и государыня поднялись на Красное крыльцо, поклонились народу и затем удалились в свои покои. В Екатерининском зале мне удалось подойти к императрице и поздравить ее. Она горячо поцеловала меня; она была взволнована и прелестна. Передышка была небольшая. Через час пришлось в парадном костюме идти в Грановитую палату на торжественный обед, на котором присутствуют только особы двух первых классов империи и духовенство. Император и обе императрицы восседали за обедом на тронах. Во время обеда иностранные принцы и послы, по обычаю, приветствуют их и по известному сигналу удаляются, пятась. Гости садятся только тогда, когда государь попросит пить. Поэтому, когда государь встал, мы сидели еще только за жарким; но все были довольны, что пришел конец, и что можно было пойти к себе и подышать на свободе.

В шесть часов я спустилась к императрице. Я застала ее на кушетке бледную и очень усталую на вид. Я поцеловала ее руку. Она мне сказала, что она была счастлива, что ей удалось в минуту причастия быть вполне сосредоточенной и всецело отдаться священному действию, которое она совершала. Затем она прибавила: «Для начала я очень дурно повела себя: первое, что я сделала — я потеряла корону. Я не сдержалась и сказала Толстому: это знак, что я не долго буду носить ее». Я не решилась расспрашивать ее об этом эпизоде, опасаясь, что все это выдумка трагически и фантастически настроенных умов, как это часто бывает в таких случаях, которая могла задним числом произвести на императрицу тяжелое впечатление, какого в первую минуту у ней вовсе не было. Но так как она первая заговорила со мной об этом, я сказала ей: «Ах, ваше величество, зачем допускать такую

мысль; а если она пришла вам в голову, зачем говорить об этом и создавать тяжелое впечатление в обществе, которое скоро узнает, что вы сказали и будет это преувеличивать?» — «Не знаю, — сказала она, — мне пришла эта мысль и я невольно высказала ее; впрочем, — с грустью прибавила она, — я в этом убеждена: корона слишком тяжелое и тягостное бремя, чтобы его можно было долго вынести». — «Ах, ваше величество, — ответила я, — вы слишком нужны России, чтобы Бог отнял вас у нее». Но на сердце у меня было слишком тяжело, я расплакалась и рыдала так, что не могла остановиться. Она посмеялась надо мной и побранила за мою несдержанность. Между тем вошла маленькая великая княжна с государем, которого я поздравила. Девочка необычайно мило ластилась к отцу, как будто тоже хотела чувствовать его. Императрица подарила мне старинную маленькую икону на память о коронации и отпустила, сказав, чтобы я приходила к чаю в восемь часов с m-lle де Грансе и Александрой с тем, чтобы затем сопровождать ее на иллюминацию.

Город был блестяще иллюминирован в этот вечер. Кремль со своими зубцами и причудливыми башнями походил на огромное огненное сооружение. Театральная площадь была вся окружена огненными аркадами. Театр представлял сплошной огненный фасад, точно так же, как и все дома улиц, выходящих на Кремль. Это был сон из «Тысячи одной ночи». Однако густые облака пыли, поднятые народом и экипажами, крики, шум толпы, которая с неистовым одушевлением бросалась вслед за императорскими экипажами, страх, что лошади понесут, и люди будут раздавлены, все это вместе взятое испортило мне прогулку, и я была очень довольна, когда выбралась из всей этой суматохи и вернулась домой. Но поздно вечером, когда толпа схлынула, и наступила тишина, я поднялась на террасу дворца, откуда взор мог сразу окинуть все сказочное зрелище соборов и Ивана Великого, контуры которого обрисовывались огненными линиями, обширную панораму Замоскворечья, иллюминированного а gignon тысячами плашек, все эти мириады огней, отражавшихся в воде Москвы-реки. Это было нечто волшеб-

ное и над всей этой картиной царила полнейшая тишина, так как толпа, утомленная столькими зрелищами и разнообразными впечатлениями, разошлась по домам. Мои нервы были напряжены до последней степени, и в тихом прохладном ночном воздухе среди этого города, сиявшего огнями, точно воплощенная сказка из «Тысячи одной ночи», я испытывала одно из тех головокружительных впечатлений, воспоминание о которых сопутствует в течение всей жизни, но которые человеческие слова бессильны передать...

27 августа.

Государь и государыня принимали поздравление духовенства, дворянских депутатов, представителей восточных народностей, дипломатического корпуса, купечества и государственных крестьян. Прием был очень продолжителен и длился с 11 часов до 5 часов, но был очень интересен. Никанор Петербургский держал государю речь и поднес ему великолепный образ, точно так же, как и императрице. Представители губерний и купеческих обществ подносили хлеб-соль на золотых и серебряных с позолотой блюдах совершенно восточной роскоши. Этого серебра было на полмиллиона рублей. Прием дипломатического корпуса был интересен по тем оттенкам, которые вносились с той и другой стороны. Вечером был бал в Грановитой палате. Ничего не могло быть красивее. Залы московского Кремля ни с чем не могут сравниться, когда они празднично освещены. Они так велики, что толпа не заполняет их.

28 августа.

Прием военных чинов гвардии и армии. Должно и скучно.

29 августа.

Прием всех дам без различия ранга. Физиономии с того света и такие же туалеты. Императрица довела свою любезность до того, что говорила со всеми дамами, из которых были такие, с которыми люди и не такие важные, как императрица, не стали бы разговаривать.

30 августа.

Именины государя. Обедня, поздравления дипломатического корпуса. Вечером праздничный спектакль, из которого я ничего не видела, так как была дежурной и сидела сзади государей за красной занавескою.

31 августа.

Обед в парадных платьях с тренами.

1 сентября.

День передышки. Во время всех этих празднеств и торжеств императрица была нездорова. Ее так тошнило, что ей пришлось несколько раз покидать зал, где шли представления, затем она возвращалась на свой пост, похожая на покойницу. Заподозрили, что она беременна, и намеченное в Киев путешествие отложено.

3 сентября.

Состоялся народный бал, на который допускаются все классы общества в национальных костюмах и где императрица и великие княжны появляются в сарафанах, сверкающих драгоценными камнями. На великой княгине Марии Николаевне был золотой парчовый сарафан, голубая бархатная душегрейка, отделанная бахромой из жемчуга, и бриллиантовая ривьера; на императрице — золотая парчевая душегрейка, шитая изумрудами и рубинами, и юбка из серебряной парчи, шитой золотом. На великой княгине Александре Иосифовне был костюм наполовину польский, отороченный мехом, оттенявший поразительно ее красоту.

4 сентября.

Бал в Дворянском собрании. Огромная толпа. На мне было платье из белого тюля, отделанное нарциссами идеальной свежести. Едва я сделала шагов двадцать в толпе, как от них осталась только бесформенная масса.

Бал у английского посла, лорда Гранвилля. Для танцев была устроена палатка, довольно просторная, но в ней все-таки было тесно вследствие большого скопления народа. Съехался весь город с предместьями. По словам са-

мого посланника, на балу появилось с полсотни человек, которых он не приглашал. Таково чувство собственного достоинства наших милых соотечественников! Надо сказать, что во время коронации не приходилось гордиться нравами нашего милого общества, оно выказало печальное неумение вести себя и владеть собой. Бал лорда Гранвилля не стоил того, чтобы стремиться на него с таким азартом. Во-первых, давка в танцевальном зале была так велика, что после первой же кадрили пропало все мое мужество, и я искала убежища в соседнем салоне. Кроме того, с люстр струился дождь растопленного воска. Смешно было видеть, как люди, которым на лицо или на плечи падала эта жгучая роса, подпрыгивали, делая страшные гримасы. Освежающих напитков совсем не было. Буфет, очень небольшой и наскоро сервированный, до такой степени был осажден толпой, что не было никакой возможности добыть даже стакан лимонада. За ужином дело обстояло еще хуже. Приборов хватило только на половину приглашенных; остальная половина ворча сидела с пустым желудком в соседних салонах. Отсутствие ужина было очень чувствительным ударом для русских патриотов; все те, которых война не сделала врагами Альбиона, стали таковыми по этому поводу.

24 сентября.

Государь и его семья вернулись сегодня в Царское. День был пасмурный, холодный и дождливый, настоящий северный осенний день. Какая тишина! Какое уединение! Передо мною парк, с деревьями, обнаженными осенним ветром, большие лужайки, покрытые сухими листьями; вокруг меня ни звука, ни малейшего движения. Мне кажется, что все это сон. Я ли это, которая еще вчера была в Кремле среди шума и толпы? Какой контраст между этими пятью неделями блестящей фантасмагории, этим непрерывным рядом празднеств, пиршеств, балов, этим ни с чем несравнимым по богатству и пестроте калейдоскопом незнакомых лиц, мелькавших перед нами среди моря света, драгоценных камней, цветов, кружев, золотого шитья, газа и — величественным и безмолвным дворцом в Царском, в котором мне

предстоит проводить теперь длинные осенние месяцы. Я воспользуюсь этим временем, чтобы привести в порядок в своей голове и в своем дневнике смутные и блестящие воспоминания. Ах, не обо всем этом шуме я жалею. Он меня очень утомил. Тем не менее, я плакала вчера, покидая Москву: под этим бальным нарядом, который на нее нахлобучили на время, я нашла свою старую и подлинную Москву, город старых и благочестивых преданий, которому нет равного. Москва — это город прошлого, не того мрачного прошлого, которое на каждом шагу бросает вам в лицо свое *memento mori* и показывает свой уродливый лик, но того прошлого, которое любит и благословляет, как ласковая улыбающаяся бабушка, которое внушает радость и надежду на будущее¹...

1857 год

3 февраля.

Императрица была так добра ко мне сегодня. Был день моих именин и она позвала меня к себе после обедни. Уже несколько дней я всячески стараюсь доказать ей, что я совсем ее не люблю, потому что мне показалось, что она дурно относится ко мне. Вчера вечером она пригласила меня в свою ложу во французском театре; я уехала раньше конца и не дождавшись того, чтобы она меня отпустила. Это было в высшей степени неучтиво, но я сделала это нарочно, чтобы задеть ее, как это ни глупо. Я ожидала выговора. Но императрица очень нежно поцеловала меня и сказала: «Я сегодня у обедни молилась за вас, чтобы Господь даровал вам мир». Тогда мне стало стыдно и я сказала: «Ваше величество, а ведь я сердилась на вас все эти дни». Она ответила мне: «Я это очень хорошо видела, потому я и молилась за вас; я не знаю, как

---

¹ В 1863 г. А.Ф.Тютчева писала Победоносцеву: «Нет другого места в мире, которое бы заставляло меня так чувствовать себя дома, как Москва, так наполняло бы меня чувством нежности, покоя и мира».

помочь вашему горю, так как оно в вашем воображении». Затем она прибавила: «Я хотела вас поздравить вчера вечером, но вы скрылись». Как хорошо действует ласковое обращение, когда чувствуешь себя раздраженным и особенно, когда бываешь виноват! Если бы императрица чаще прибегала к этому способу действия, я, конечно, исправилась бы. Но она почти всегда так холодна, так сдержана, что иногда мной овладевает отчаяние. Я никогда не знаю, в каких мы с ней отношениях; мне кажется, что мы стали чуждыми друг другу, что с моей стороны смешно хотеть ее любить, что между нами нет ничего общего. Тогда я стараюсь стать равнодушной, стремиться не видеть ее, не говорить с ней, не беспокоиться о ее здоровье, и это так трудно в то время, как так естественно любишь ее от всей души. Императрица обещала заказать для меня образ св. Симеона и св. Анны со словами св. Симеона: «Ныне отпускаеши раба твоего, владыко, с миром». Она мне сказала, что это была любимая молитва императора Николая, что в церкви он всегда слушал ее с особенным благоговением, и что он произнес ее за несколько часов перед смертью. Она часто говорит мне об императоре Николае и всегда с такой большой нежностью, что чувствуется, как сердце ее поглощено этим воспоминанием. Однажды, рассказывая о том, как ее любил государь и какой тревожной заботливостью он ее окружал, она мне сказала: «Мне стыдно теперь вспоминать, что меня эта заботливость раздражала, и я не могла удержаться и высказывала ему свое нетерпение, а между тем, — добавила она, — Бог знает, что он один, кого я больше всего любила, или лучше сказать, больше всего люблю и буду любить вечно». Она говорила все это очень просто, но чувствовалось, что это не фраза, что это идет из глубины ее души. Она обыкновенно очень сдержанна, но во всем, что она говорит о себе, чувствуется правда, чистая, как золото...

Мама, Дарья и дети¹, Антуанетта² и Алина³, Павел Вяземский и Мария Бек, все приезжали поздравить меня.

---

¹ Дети Ф.И.Тютчева от второго брака с Эрн.Фед.Пфедфель (по первому мужу бар. Дернберг) — Мария, Дмитрий и Иван.

² Блудова.

³ Козлова.

Позднее пришел государь. Мое окно было все заставлено гиацинтами, подаренными мне к именинам. Государь сказал мне, что запах вызывает в нем воспоминания о дяде его, императоре Александре, и о детстве и стал рассказывать о своих впечатлениях солнца и весны в юности. В нем есть настоящая поэзия, та, которая сама себя не сознает. Это душа кроткая, нежная, склонная к грусти, мало созданная для того мрачного трона, к которому он призван против своей воли. Я ничего не могу с собой сделать: у меня всегда сжимается сердце, когда я думаю о нем, о будущем России, о будущем его и его семьи. Да хранит их Господь!

18 февраля.

Вчера вечером я узнала довольно интересные подробности о деле m-lle Анненковой, возбудившем прошлой осенью всеобщее любопытство и всякие догадки. Вчера вечером за чаем государь получил депешу от великой княгини Марии Николаевны, в которой, между прочим, она говорила, что m-lle Анненкова снова исчезла, после того, как ее одно время разыскал ее отец. Завязался разговор на эту тему, и государь и государыня рассказали мне следующую историю, в которой очень трудно разобраться.

Во время нервных припадков m-lle Анненкову магнетизировала великая княгиня Александра Иосифовна. Анненкова впадала в состояние сомнамбулизма, во время которого ей бывали откровения из сверхчувственного мира; она видела сонмы небесных сил, впадала в экстаз, вступала в сношения с духами; ей являлась Мария-Антуанетта, которая открыла ей, что она вовсе не то лицо, за которое себя считает — не дочь своего отца, но дочь герцога Ангулемского и одной датской принцессы, правнучка Карла X и внучатая племянница Людовика XVI и Марии-Антуанетты, доказательство чему она найдет на образе, находящемся у ее так называемого отца, который сомнамбула описала. Образ, действительно, нашелся у г-на Анненкова и был прислан сюда. С обратной стороны образ был покрыт розовой тафтой, а под тафтой на доске оказалась надпись: «Этот образ принадлежит Марии Бурбон». Анненков был очень удивлен. ему

ничего не было известно о надписи, и он дополнил роман, сочиненный его дочерью, следующими данными: его собственный отец был женат на молодой девушке, усыновленной семейством Прозоровских (это именно была принцесса Матильда Датская), он имел от нее сына, теперешнего г-на Анненкова, и умер. Вдова поселилась за границей, от времени до времени она возвращалась в Россию, но всегда не надолго, жизнь ее за границей была окутана таинственностью, так что ее сын не знал даже ни места, ни времени ее смерти. Вероятно, за границей эта г-жа Анненкова, — она же принцесса датская, — вышла замуж за сына герцога Ангулемского, жившего в Австрии под именем графа Рейхенбаха, и от него имела эту дочь, Марию Анненкову, сомнамбулу. Остается непонятным, каким образом эта девочка с рождения своего очутилась в доме своего брата, который считал ее своей дочерью и как таковую воспитывал до того момента, как откровения Марии-Антуанетты возвестили высокое происхождение этой молодой девушки.

У г-на Анненкова была дочь, родившаяся такой хилой, что доктора тут же объявили, что она не может жить. На другой день после этого в колыбели нашли толстенького и здорового ребенка, которого накануне оставили тщедушным и умирающим. Няня ребенка была в услужении у г-жи Анненковой-матери, и перед смертью она покаялась г-ну Анненкову, что совершила по отношению к нему великий грех, который, однако, она отказалась точнее объяснить. Таким образом, настоящая дочь г-на Анненкова была подменена сестрой его, дочерью его матери от второго брака с сыном герцога Ангулемского. Следует добавить, что по хронологическим исчислениям, между возрастом отпрыска королевского дома — г-жи Анненковой, и возрастом графа Рейхенбаха должно было быть лет тридцать разницы, но магнетизм не останавливается перед столь мелкими соображениями. Г-жа Анненкова перед смертью приезжала в Россию, и, желая благословить своего сына, велела ему принести ей тот самый образ, на который впоследствии указала Мария-Антуанетта ясновидящей во время сна и на котором находится надпись.

В эту нелепую сказку, которую маленькая негодница упорно повторяла с невероятной наглостью, сочинив ее совместно с отцом, человеком совершенно разоренным, с целью вытянуть деньги и другие выгоды от императорской семьи — в эту сказку благоговейно уверовала великая княгиня Александра Иосифовна, которая так много и так часто повторяла свои магнетические опыты, что кончила тем, что с ней сделался выкидыш, и она чуть не сошла с ума. Императрица в то время была здесь одна, так как государь и великие князья находились в Николаеве; она разобрала дело со свойственным ей спокойствием и хладнокровием; присутствуя на магнетическом сеансе, она, однако, не была введена в заблуждение комедией, великолепно разыгранной молодой девушкой; она решила отправить ее за границу для поправления здоровья и, невзирая на слезы и отчаяние великой княгини, страстно любившей эту девушку, та должна была уехать в сопровождении г-жи Берг, первой камерфрау великой княгини, которая казалась уравновешенной и рассудительной женщиной и до тех пор не давала себя обмануть ясновиденьем Анненковой.

С тех пор императрица получала от Анненковой письмо за письмом; эти письма были написаны ею в состоянии сомнамбулизма от имени Марии-Антуанетты, которая требовала, чтобы Анненкова была признана принцессой Бурбонской и ей были обеспечены почести и положение, присущие ее званию. Она писала и государю, обещая ему, что она, Мария-Антуанетта, откроется ему, если он согласится иметь свидание с Марией Анненковой. Государь, возвращаясь из Николаева, заехал к ней в Курск, где она находилась в то время перед отъездом за границу. Он напомнил ей ее обещание показать Марию-Антуанетту. Она закрыла глаза, вздрогнула, и спустя несколько минут, сказала: «Это я», и начала говорить с ним, как будто через нее говорила Мария-Антуанетта и рассказала свою историю. Однако, это государя не убедило.

Маленькая негодница в состоянии бодрствования притворялась ничего не ведающей обо всех тех историях, которые она рассказывала во время сна, до тех пор, пока

в Дрездене ей во сне не явился император Николай, который открыл ей тайну ее рождения. В последний раз, когда она написала государю и государыне, она грозила им, все в качестве Марии-Антуанетты, что явится им в дворцовой церкви, что она будет видима только им и их духовнику; что она будет в белом платье с зеленым шарфом, признаком вдов. Но когда государь и государыня ответили ей, что они будут очень рады получить такое убедительное доказательство, она ответила им, что предоставляет их их неверию, и перестала им писать. С тех пор она скитается по Германии с места на место вместе с г-жой Берг, которая, сама ли была обманута, или же ввергнута в обман ясновидящей и находит удобным и приятным путешествовать на казенный счет по красивым местам, — так или иначе сделалась горячим приверженцем Анненковой. Они ускользнули от надзора, чтобы съездить в Париж, рассказали свою сказку Луи-Наполеону, который был очень ею удивлен. Он сказал, что более всего его удивляет то, что это, несомненно, не сумасшествие, хотя очень похоже на сумасшествие. Эта ложь так часто повторялась той, которая ее сочинила, что она стала для нее реальностью¹.

Вот та страшная форма, которую принял дух зла, чтобы проявить себя в наш просвещенный и рационалистический век, форма кощунственной лжи, которая смеет проникать в таинственные сферы сверхчувственного мира, того мира, куда одна вера может дерзать со

---

¹ Дальнейшая судьба М.С. Анненковой следующая. Оставшись жить за границей, она вышла замуж за герцога де Феррари. В 1884 г. на нее пало подозрение в попытке шантажировать герцога Николая Максимилиановича Лейхтенбергского, князя Романовского, женатого на ее сестре Надежде Сергеевне Акинфиевой, письмом, подписанным «Chevaliers de Lys». В целях себя реабилитировать, она в 1885 г., впервые после высылки в 1858 г., поехала в Россию и через благоволившего к ней Победоносцева пыталась добиться от Александра III признания ее невиновной в этом деле ценою отказа от составленного ею завещания, содержание которого было неугодно русскому двору. Несмотря на то, что император признал себя удовлетворенным ее объяснениями, он отказался ее принять, и она уехала обратно за границу, не получив аудиенции. В 1886 г. она обращалась к Победоносцеву с новой просьбой о поручительстве для получения взаймы 180 000 рублей.

страхом и благоговением поднимать свои взоры. Нельзя не трепетать и не чувствовать унижения, когда видишь, до какой аберрации доводят суеверие и легковерие тех, кто не придерживается строго христианской истины. Очень комично, что г-жа Берг позволила убедить себя сомнамбуле, что муж ее умер, и надела по нем траур. Как ни волнуется бедный муж, узнавший здесь об этом, как он ни пишет ей письмо за письмом, чтобы убедить ее в своем существовании, г-жа Берг все продолжает считать его умершим, оплакивает его и носит по нем траур.

4 апреля.

После причастия я была у императрицы. Она читала «Агасфера» Жуковского и говорила со мной об этой вещи со слезами на глазах: до такой степени ее взволновали красоты чудной поэмы, особенно место о Божественной любви...

7 апреля.

Императрица не могла присутствовать у обедни в большой церкви вследствие своей беременности. Для нее служили утреню и обедню в маленькой церкви, где она была совершенно одна. При ней были только княгиня Салтыкова, Полина Бартенева, у которой болит нога, и я. Было очень грустно присутствовать при пасхальной службе в этой церкви, совершенно пустой и уединенной. У меня сжималось сердце при виде императрицы одной, без императора, без детей, без кого-либо из членов семьи, без свиты, безо всякой торжественности. Вообще я чувствую себя такой счастливой и радостной во время пасхальной обедни: как будто небо открывается передо мной. Но вчера у меня невыразимо сжималось сердце. На меня нашла какая-то тоска, как во время коронационного торжества. Я не могла сдерживать своих слез во время всей заутрени и обедни; я так плакала, что мне было стыдно перед Полиной, священником и певчими.

Заутреню и обедню отслужили очень скоро, и, когда императрица выходила из церкви, за большой обедней еще не читали Евангелия. Мы выпили кофе и съели яиц. Императрица подарила мне яйцо с изображением Иоан-

на Богослова. У нее был прилив крови к голове, как с ней теперь часто случается, и она немного прошлась, чтобы освежиться. Она не казалась грустной оттого, что была одна. После того, как она отпустила нас, и я уже поднялась к себе, императрица еще раз позвала меня одну в свою уборную и подарила мне хорошенькое платье и белую вышитую кисейную мантилью. Я тогда могла похристосоваться с ней и три раза от души поцеловала ее. Вернувшись к себе, я застала там своего брата и сестер, которые приехали ко мне разговляться. Мария только что причащалась, Дмитрий, по своему обыкновению, был расположен говорить массу глупостей. Я очень устала и легла, как только они ушли. Но только что я улеглась в постель, мною овладело желание плакать. Когда я думаю, что не осталось месяца до родов императрицы, мною овладевает невыразимая тревога. Я стала молиться... Это меня несколько успокоило, и я могла заснуть. Но проснулась я очень грустная; небо было так пасмурно, было так темно, что совсем не было похоже на праздник...

30 апреля.

У императрицы вчера, 29 апреля, родился сын — маленький великий князь Сергей Александрович...

1 мая.

Погода великолепная. Я была у обедни, молилась за свою императрицу, которая спала хорошо и хорошо себя чувствует. Я дала урок великому князю Владимиру и затем поехала в город навестить свою семью, которая завтра уезжает в Москву... Вечером к нам приехали Титов и Вяземский; Титов, как всегда, переполненный проектами воспитания наследника...

2 мая.

Сегодня вечером я еще раз ездила в город, чтобы проводить своих на поезд. Они уехали в Москву в 12 часов. Я была у обедни во дворце вместе с Дарьей, затем мы поехали на вокзал. Было нелегкое дело собрать паспорта, билеты, портпледы, чемоданы, мальчиков, девушек, лакеев и, наконец, моего отца, который тоже исчез; на-

конец, все рассеянные части каравана были собраны воедино и, как полагалось, усажены в вагон; но среди всей этой суеты не остается времени для волнений расставания, которые совершенно упраздняются прозаическим изобретением железных дорог. В час я вернулась домой с г-жой Мальцевой...

Май, без числа.

Я совершила очень приятное путешествие¹.

В четверг утром 9 мая я поехала в город, отстояла обедню и оттуда отправилась к m-lle Шубиной, с которой должна была ехать в Москву. Так как меня сопровождал придворный лакей, то на железной дороге мне дали отдельное купе, в котором я была с m-lle Шубиной; по дороге я пригласила к нам Соню Гагарину, ехавшую в том же поезде со своею маленькою девочкой. Погода была жаркая. Это был первый весенний день в этом году. Мы ехали великолепно, и по мере того, как мы удалялись от Петербурга и приближались к Москве, трава становилась все зеленее, а деревья все больше покрывались листьями. В восемь часов я была в Москве, где меня ожидала тетина карета. Я нашла вид Китти гораздо лучше, чем я ожидала после болезни, перенесенной ею весной. Этот день я отдыхала, около трех часов я поехала только в Кремль, приложиться к Иверской и к мощам. Но соборы были заперты, и я могла проникнуть лишь в Чудов монастырь, где заказала молебен у раки св. Алексия.

На другой день около 11-ти мы с m-lle Шубиной поехали к Троице. Она приготовила для нас прекрасную карету и почтовых лошадей, мчавших нас с быстротою ветра. Погода была прелестная, воздух напоен благоуханием весны, на полях и в лесах распускалась свежая, блестящая зелень, птицы пели, и толпы богомольцев, которых мы встречали, имели праздничный вид. Это были первые мои весенние впечатления в этом году, и я очень наслаждалась ими, и, тем не менее, странно сказать, все это мне казалось чуждым, я испытывала какое-то

---

¹ А. Ф. Тютчева ездила на богомолье в московскую Троицкую лавру, согласно обету, данному ею во время родов императрицы.

недоверие и говорила себе: «Все это исчезнет, как сон». И я не ошиблась: через два дня я вернулась в Петербург, где застала голые деревья, высохший газон и ледяной воздух. В 4 часа мы приехали к Троице и увидели пестрые купола собора, сиявшие на солнце. Мы вошли в ограду, где толпились богомольцы. Вечерня только что отошла. Мы пошли приложиться к мощам преподобного Сергия...

Из церкви я отправилась к Филарету, которого застала больным. Он мне сказал, что, когда из Петербурга был прислан приказ, чтобы он поехал к Троице и отслужил там благодарственный молебен¹, он, чувствуя себя больным, просил у Закревского разрешения отложить поездку дня на два. Но Закревский со свойственной ему грубостью потребовал, чтобы он отправлялся немедленно. Он поехал, отслужил молебен и с тех пор чувствует себя так плохо, что не может двинуться из кельи. Этот рассказ приводит к печальным размышлениям об отношениях у нас светской власти и власти церковной. От митрополита я пошла к отцу Антонию; он, как обычно, был очень елеен. Я заказала благодарственный молебен у раки с мощами. Мы пообедали и затем пошли ко всеобщей, которая окончилась после десяти часов. В церкви было очень тесно и жарко. В монастырской гостинице нам отвели хорошую комнату, где я прекрасно провела ночь. На другой день я вышла очень рано, чтобы сделать покупки образков и игрушек. Маленький великий князь Алексей просил меня привезти ему образ преподобного Сергия, воскрешающего младенца. Обедня началась в 9 часов...

Перед отъездом мы заказали молебен преподобному Сергию. В другом конце церкви служили панихиду по схимонахине Марии. Я пошла проститься с Филаретом и с Антонием, после этого мы уехали.

Погода была все такая же хорошая. На последний станции мы остановились, чтобы выпить чая у крестьян, так как вода этого местечка пользуется известностью и туда ездят из Москвы пить вкусный чай²...

¹ По случаю благополучного исхода родов императрицы.

² Мытищи, «в 20 верстах от Москвы по большой Ярославской дороге», славилась издавна ключами. В описываемое время вода мытищинских ключей была «собрана там в водоемы или бассейны, а от них прове-

В этот вечер я должна была поехать на свадьбу своей кузины Шереметевой с графом Пушкиным, но я чувствовала себя для этого слишком утомленной и осталась с бабушкой. На другой день я пошла к обеду в Успенский собор и отслужила благодарственный молебен св. Петру. Вечером я поехала с Китти кататься в Останкино. Пели сотни соловьев, все было зелено, все благоухало, все было полно восхитительного покоя, которым так редко пользуются те, чья жизнь связана с местопребыванием двора. Я нарвала примул для императрицы, которая любит Останкино по воспоминаниям о коронации. Вечером у тети были гости. Я познакомилась там с Щебальским, написавшим исторический очерк о царствовании царевны Софьи.¹ Это умный человек. Я доставила ему большое удовольствие, сказав, что их величества прочли его сочинение и остались им очень довольны. «Я спросила его, не думает ли он продолжать свои исторические работы; он ответил мне, что боится навлечь на себя недовольство начальства своими историческими трудами, так как без службы он не может существовать. Он состоит в Москве полицеймейстером.

На другой день рано я пошла к обеду и выехала в 12 часов с отцом и m-lle Шубиной. Китти должна была ехать с тетей и дядей в их поместье во Владимирскую губернию. В июне она поедет в Брянск к маме и Дарье. В 60 верстах от Москвы погода неожиданно переменялась. Воздух из жгучего вдруг стал ледяным. С отцом сделался припадок подагры, а так как он не взял с собой пальто, я отдала ему свое, чтобы закрыть его бедную больную ногу. Ночью мне было очень холодно.

Вернувшись в Царское, куда я приехала в восемь часов утра, я легла в кровать, чтобы хорошенько отдохнуть и вспотеть. Государь, которому я из Москвы привезла

дена кирпичною трубою к водопроводному зданию близ села Алексеевского», откуда «чугунной трубою» шла «в резервуар, помещаемый в Сухаревой башне». Этот водопровод обслуживал исключительно общественные нужды; фонтаны на площадях, баки, пожарные колодцы и водоемы, Кремлевский дворец и Воспитательный дом. (Захаров, Указатель Москвы, часть I, 1851 г.).

¹ П. К. Щебальский. «Правление царевны Софьи». М. 1856.

канарейку, был настолько любезен, что в три часа пришел меня навестить, но я была в постели, и ему сказали, что я сплю. В 6 1/2 часов меня вызвала к себе императрица. Я застала ее в кровати, но вид у нее был очень хороший. Накануне она в первый раз вставала на один час. Сканцони очень ее бережет. К ней совершенно вернулась ее прежняя живость; она весела и оживлена, какой я ее видела в то время, когда она была еще цесаревной и какой она не была с начала войны и со времени всех несчастных событий, воследовавших с тех пор. Я надеюсь, что она вполне оправится и что к ней вернется вся ее энергия и железная сила, необходимые ей в ее положении. Это не очень выгодно для меня, потому что как только она делается энергичной, ей все во мне не нравится и она постоянно меня бранит. Я ее редко вижу; это приводит меня в дурное расположение духа. Я ей это недавно сказала, и она очень дурно приняла это признание...

29 мая.

Я вернулась в Царское 15-го и видела в этот день императрицу, которая накануне встала в первый раз после двух недель, проведенных в постели. Ее выздоровление идет правильно. Вид у нее хороший, и к ней вернулась ее прежняя живость, совершенно ею утраченная во время последней беременности.

В течение первой недели после моего возвращения из Москвы я ее видела очень редко, что меня чрезвычайно огорчало, во-первых, потому, что для меня всегда огорчение ее мало видеть, а во-вторых, потому, что это было лишнее доказательство того, как мало я ей нужна. Я раз пожаловалась ей на это, и она сильно меня побранила. Г-жа Мальцева уехала за границу. Императрица видела ее два раза перед ее отъездом и подарила ей браслет, украшенный прекрасными сапфирами с выгравированным на внутренней стороне словом: *Perseverance* (настойчивость).

Врачами решено, что императрица не повезет с собой за границу новорожденного, которому путешествие могло бы повредить. Императрица очень об этом плакала.

Она говорила со мной об этом дней пять или шесть после того, как было принято такое решение, и опять заплакала. Она мне сказала, что ее характер совершенно изменился, что она обо всем беспокоится и боится всякого рода несчастий. В этот день она мне высказывала опасение, что великого князя утопят или задушат во время крестин.

Крестины состоялись в Троицын день. Императрица позвала меня с себе и подарила мне бриллиантовое украшение для ношения на шее...

Государь направился в церковь в сопровождении великих князей. Августейшего младенца несла княгиня Салтыкова. Я оставалась последней в комнате императрицы. Она сказала мне, чтобы сейчас же по окончании крестин я пришла ей сообщить, не случилось ли какого-нибудь несчастья. Наследник был восприемником от крещения своего маленького брата и с большим достоинством и умением выполнял роль крестного отца. Восприемницей была великая княгиня Екатерина Михайловна. Было еще множество крестных матерей и крестных отцов, но они не присутствовали. Младенец очень кричал, когда его погружали в воду, мазали миром и остригали. Эти крики вполне могли успокоить императрицу, и как только церемония закончилась, я побежала сказать императрице, что ее августейший сын чувствует себя отлично. Орлов пришел на пять минут после меня. Я попала в глупое положение, опередив это важное лицо. Очень неуместно испытывать живое чувство по отношению к императрице — оно вовлекает в целый ряд неловких поступков.

Состоялся большой обед на восемьсот человек. По случаю этого торжества была проявлена роскошь в подарках и расходах, совершенно неуместная в такое время, когда все жалуются на дурное состояние финансов, когда в мелочах обрезают расходы на армию и несчастных чиновников. Говорят, что в обществе очень много неудовольствия. Я ничего не понимаю в делах, не могу судить ни о чем, но я слышу мнение многих серьезных людей, и боюсь, что государь поступает не так, как следует. Он замыкается в себе, отдаляется от всех, живет только для своей семьи и своих фаворитов. Дела идут плохо, реформы сопряжены с большими трудностями, государь должен был бы лично приобрести любовь наро-

да, чтобы пережить это критическое время; наоборот, он уединяется сколько может, и подает повод для самой нелепой клеветы. Он прекраснейший отец и муж, а его представляют развратником. Он работает день и ночь с рвением, может быть, большим, чем понимание дела, а его обвиняют в том что он проводит ночи в пьянстве. Вот слухи, которые доходят до меня и от которых сжимается мое сердце, тем более, что я знаю, что невозможно заставить их изменить свое окружение и свой образ жизни, дискредитирующий их в глазах общества. Императрица показала мне в день крестин великолепные сапфиры, подаренные ей императором. Она сказала мне: «Дон-Карлосу¹ пришлось продать эти камни от бедности. Кто знает, не придет ли моя очередь продавать их?» Мне хочется верить, что с ее стороны это были слова, сказанные на воздух. Религиозное и монархическое чувства имеют у нас слишком глубокие и слишком прочные корни, чтобы они могли быть расшатаны революционным духом. У нас могут быть дворцовые перевороты, но никогда не может быть революции против династии. Наши государи сами не подозревают на каких непоколебимых основах покоится их власть. Легкомысленное общество, которое образует поверхностный слой русского народа, заслоняет от них подлинную физиономию этого народа, который находится еще в детском возрасте, но в который заложены поразительные задатки жизни и славного будущего.

Императрица была очень огорчена необходимостью оставить здесь няню великой княжны, которая должна состоять при маленьком Сергее. Ее величество сказала мне, что она мне доверит свою дочь на это лето. Это будет первый опыт моей будущей профессии гувернантки. Мне, конечно, доставит удовольствие активно служить императрице и заботиться о ее дочери, которую она так любит, но, в то же время, меня пугает ответственность этой должности, особенно ответственность перед Богом, и кроме того, я знаю, что в конце концов ничего не будет кро-

---

¹ Речь идет о сыне испанского короля Карла IV, младшем брате короля Фердинанда VII, претенденте на королевский престол Испании. В 1844 году он отрекся от своих прав на престол в пользу сына и с 1847 г. жил изгнанником в Австрии, где умер в 1850 году.

ме разочарований. Гувернантка — орудие, которое употребляют и которое затем бросают, когда цель достигнута. Как бы она ни отдавала свою жизнь и свое сердце ребенку, — она есть и всегда останется для него чужой...

3 июня.

Вчера я сделала открытие, чрезвычайно меня огорчившее. Я должна была подозревать это и раньше, но мне не хотелось верить дурному. Увы, как печальна жизнь! С шестнадцатилетнего возраста, с тех пор, как я покинула институт, не проходило года, чтобы мне не пришлось испытать чего-нибудь дурного от окружавших меня людей. Все те, кого я считала добрыми, чистыми, добродетельными, неожиданно проявляли слабости и пороки, в которых я никогда не могла бы их заподозрить¹. И, тем не менее, это, — люди честные по светским понятиям, люди до известной степени верующие... Все это очень печально. Я должна особенно любить императрицу и хорошо служить ей. Она очень нуждается в верной и проникательной любви, она очень одинока и очень обманута²...

1858 год

28 февраля.

Вчера у меня был Иван Сергеевич Аксаков; это один из наших так называемых московских славянофилов.

Я до сих пор никогда не могла уяснить себе значение, которое придают слову «славянофилы» — его применяют к людям самых разнообразных мнений и направлений. Достаточно того, чтобы человек имел сколько-ни-

---

¹ Неизвестно, на что намекает Тютчева; может быть, до нее дошли слухи о каком-нибудь романе императора.

² Конца дневника за 1857 год не сохранилось. О пребывании А. Ф. Тютчевой с императрицей и ее детьми за границей в августе 1857 года см. «Собрание сочинений» Кавелина, «Из дневника». Отъезд императорской семьи в заграничное путешествие с большим юмором описан Ф. И. Тютчевым в письме к жене от 13 июня 1857 года.

будь определенную индивидуальность, сколько-нибудь оригинальную мысль, чтобы он имел смелость быть самим собой, а не бледным сколком с иностранного образца, и он будет причислен к славянофилам. У нас есть двоякого рода культурные люди: те, которые читают иностранные газеты и французские романы, или совсем ничего не читают; которые каждый вечер ездят на бал или на раут, добросовестнейшим образом каждую зиму увлекаются примадонной или тенором итальянской оперы, с первым же пароходом уезжают в Германию на воды и, наконец, обретают центр равновесия в Париже. Другого рода люди это те, которые ездят на бал или на раут только при крайней необходимости, читают русские журналы и пишут по-русски заметки, которые никогда не будут напечатаны, судят вкривь и вкось об освобождении крестьян и о свободе печати, от времени до времени ездят в свои поместья и презирают общество женщин. Их обычно называют славянофилами, но в этом разряде людей существуют бесконечные оттенки, заслуживающие изучения. Людей, принадлежащих к первой категории, наоборот, легко определить в целом: это безвредные люди, не вызывающие неудовольствия князя Долгорукого, шефа жандармов, в свою очередь человека в высшей степени безвредного и благонамеренного.

После этого общего вступления я обращаюсь к Аксакову. Мы много беседовали, во-первых, о новом сочинении его отца «Детские годы Багрова-внука»; с точки зрения психологической, это настоящий шедевр. Поэтические, но смутные впечатления раннего детства схвачены и переданы с невероятной тонкостью и мастерством анализа; он сумел с неподражаемым искусством передать сказочное обаяние внешнего мира, особенно природы, для восприимчивой души ребенка; сумел объяснить радости и горести раннего детства, которые испытали все мы, но которые никто из нас не может снова уловить. На каждой строчке восклицаешь: «Это так, это именно так!». Все его рассказы касаются самых обыкновенных событий будничной жизни, но как умеет он запечатлеть в них идеал! Действующие лица у него живут; когда вы прочли его книгу, вы пожили с ними, вы уже прониклись к ним

симпатией или антипатией, вы никогда их не забудете. Это обаяние правды, не является ли оно в литературе, как и в живописи, признаком истинного таланта?

Мы беседовали далее о многих крупных событиях, заполнивших последние три года, о лицах, игравших в них роль, сами того не желая, иногда и не подозревая, из чего Аксаков вывел заключение, «что премудрость Божия в глупости совершается». Он спросил меня, записываю ли я свои воспоминания, имея возможность видеть так много разнообразных людей и вещей. Я ответила ему, что не делаю этого потому, что, поддаваясь слишком сильно впечатлению данной минуты, вообще слишком страстная, я, перечитывая написанное через две недели, сама себе кажусь смешной. Он советовал мне преодолеть это чувство, потому что через двадцать лет эта эпоха, все значение которой мы в настоящее время не можем оценить, будет представлять огромный интерес, и все воспоминания, относящиеся к ней, будут драгоценны. Я обещала ему исполнить это, но не знаю, насколько сдержу свое слово.

Вечером у императрицы был музыкальный вечер. Играли только классическую музыку: трио Вебера и септет Бетховена. Императрица хотела устроить себе маленький праздник и пригласила на этот вечер только таких лиц, относительно которых она была уверена, что они не будут скучать. Поэтому количество избранных было очень невелико. Кроме графа Матвея Виельгорского и князя Львова, которые сами участвовали в исполнении септета, присутствовали только герцог Мекленбургский и великий князь Константин (остальные члены императорской фамилии отказываются слушать классическую музыку), граф Нессельроде, барон Мейендорф, граф Апраксин, граф Сумароков, князь Одоевский, Литке, графы Адлерберг, отец и сын, и из дам — Полина Бартенева, Александра Долгорукая и я. Было грустно видеть такое собрание стариков и думать, что когда их не станет (а это случится в ближайшем будущем), в России не останется никого, кто бы умел слушать Бетховена и Вебера.

Единственным утешением было добродушное и веселое лицо молодого Мансурова, представляющего отрадное исключение в своем некультурном поколении, так

как он хороший музыкант, лучше этого, — он человек увлекающийся и очень умный. Он был послан в Иерусалим великим князем Константином, якобы для составления дорожника для богомольцев, отправляющихся в Палестину. Из этого дорожника вышла интереснейшая записка о русском влиянии на Святой земле, о страшной невыгодности нашего положения по сравнению с положением французов и даже англичан. Он не ограничился тем, что указал на зло, он предложил средство устранить его, средство, состоящее в том, чтобы при помощи сборов, которые у нас так легко организовать в виду усердия народа к религиозным делам, собрать денег для поддержания нашей миссии и для основания в Назарете и в Иерусалиме приютов, школ и больниц, которые были бы поручены сестрам милосердия. Его записка вызвала большое неудовольствие со стороны министерства иностранных дел, не любящего, чтобы вмешивались в дела, которые оно считает своими, а также со стороны Святейшего Синода, где всяких нововведений боятся, как самого черта. Эти господа хотели бы забальзамировать Россию с тем, чтобы о ней не было больше речи, разве только для того, чтобы поставить ей надгробный памятник с прочувствованными и хвалебными надписями «на вечную память». Но курилка еще жив. После многих «но» и «если», у великого князя Константина состоялось заседание комитета министров и, несмотря на горячие возражения, предложения Мансурова были приняты в совете министров, о чем он мне сам сообщил с сияющим видом. Хороший человек, сохранит ли его Бог?

29 июня.

Мы вернулись из очень удачной поездки на Валаам. Императрицу сопровождали ее четыре сына и великая княгиня Ольга¹. Свиту составляли из дам: m-lle Окулова, Александра Долгорукая и я; из мужчин: граф Шувалов, Зиновьев, Гогель и Grimm. Императрица ехала на «Александрии», за ней шла «Стрельна», на которой должен

---

¹ Дочь Николая I — Ольга Николаевна, супруга наследного принца (с 1864 г. короля) Вюртембергского Карла, летом 1858 г. с мужем гостила в Петербурге.

был ночевать персонал свиты. В семь часов приехали в Шлиссельбург, где посетили церковь и крепость. Ночь на Ладожском озере была бурная и ледяная. В 8 часов утра бросили якорь в Лодейном поле, в ожидании государя, который возвращался из Архангельска. Мы совершили с великими князьями экскурсию внутрь страны по болотам и дремучим лесам, сопровождавшуюся разными приключениями. Государь приехал в три часа; у него был хороший вид, и он казался очень довольным своим путешествием в Соловки. Мы долго обедали, затем отправились в невероятных экипажах по невероятным дорогам в Александро-Свирский монастырь, с виду бедный и разоренный, со старой разваливающейся церковью и другой, новой, очень дурного вкуса¹.

Ночь была покойна. В 8 часов мы увидели в ослепительном солнечном свете Валаам. Нет ничего живописней этого острова. Из лазоревых волн поднимаются темные массы скал, увенчанные роскошной зеленью, вековыми соснами и елями, перемешанными с березами. При повороте залива, образуемого озером, вдруг открывается монастырь, купола которого подымаются в небо на вершине высокой горы, поднимающейся террасами, засаженными садами, где, благодаря трудолюбию иноков, созревают плоды юга в недрах этого ледяного края. В церкви Сергия и Германа отслужили обедню, затем молебн этим святым. Завтракали у архимандрита, святого монаха, долго жившего отшельником среди леса, что не помешало ему быть крупным администратором, так что под его управлением монастырь процветает, но он очень скромен, мало говорит и избегает выставлять себя и свой монастырь.

Нас повели в скит — поэтический уголок леса, в котором среди старых деревьев разбросаны хижины отшельников. Доступ к нему возможен только водой через рукав, образуемый озером, отделяющий скит от монастыря. Мы переехали через этот рукав на лодке, построенной монахами; гребли человек двадцать монахов, ка-

---

¹ Александро-Свирский монастырь основан в 1506 г.; церковь Преображения в нем, построенная в 1613 г., была разрушена литовцами в 1624 г. и вновь возобновлена по распоряжению Михаила Федоровича.

завшиися скорей автоматами, чем живыми существами. Их движения были так размеренны, так точны и спокойны, что, казалось, они заставляли лодку двигаться без малейшего усилия. Черты лица у всех были неподвижные и застывшие, глаза опущены, и за все время переезда ни один не поднял их на нас. Скит был залит солнцем, нежная травка, расстилавшаяся у подножия высоких деревьев, пестрела множеством лесных цветов. Птицы пели, пчелы жужжали и этот отшельнический уголок имел теперь вид праздничный, ликующий, но что же это должно быть в течение тех девяти, десяти месяцев, когда зима окутывает все своим ледяным покровом! Поэтому в маленьких покинутых хижинах и не было пустынных; нужно очень много силы духа, чтобы в этом одиночестве выдержать суровость зимы. В скиту было только четыре схимника, в клобуках с изображениями черепов. Мы посетили монастырскую трапезу, затем кладбище, где нам показали могилу какого-то принца Магнуса Шведского, исчезнувшего с своей родины в конце XVI века и пришедшего сюда, чтобы окончить свою жизнь отшельником¹. Но все это мы осмотрели мимоходом, наспех, как всегда это бывает при дворе. Мы сели на пароход в 4 часа и из атмосферы июньской сразу перенеслись в октябрьскую, так как от озера к вечеру поднимаются совершенно ледяные испарения. В 7 часов осмотр

---

¹ Легенда имеет в виду шведского короля Магнуса Эриксона (род. в 1316, ум. в 1374 г.). В 1348 г. он ходил крестовым походом на Новгородскую землю, но потерпел неудачу, которая усилила существовавшее против него в его стране недовольство; после долгих смут он был свергнут с престола и заключен в тюрьму в 1356 году. Новгородское предание повествует, что он пострадал за свою гордыню, но его сын освободил его из тюрьмы и повез в Мурманскую землю на корабле; буря выкинула их на русский берег; раскаявшись, Магнус составил «рукописание», в котором «признавал свои бедствия наказанием Божиим за то, что покушался на Новгород и завещал своим потомкам и приемникам никогда не трогать войною русских». В действительности Магнус умер в Норвегии, и легенда, по выражению Костомарова, есть «плод национального чувства новгородцев, одержавших победу над шведами», и «не имеет никакого фактического основания, кроме того, что Магнус воевал против новгородцев и был разбит».

Коневского монастыря и Конь-Камня¹. При возвращении озеро было очень бурно.

10 июля.

Приезд Юма-столовращателя². Сеанс в Большом дворце в присутствии двенадцати лиц: императора, императрицы, императрицы-матери, великого князя Константина, наследного принца Вюртембергского, графа Шувалова, графа Адлерберга, Алексея Толстого, Алексея Бобринского, Александры Долгорукой и меня. Всех нас рассадили вокруг круглого стола, с руками на столе; колдун сидел между императрицей и великим князем Константином. Вскоре в различных углах комнаты раздались стуки, производимые духами. Начались вопросы, которым отвечали стуки, соответствующие буквам алфавита. Между тем духи действовали вяло, они объявили, что слишком много народа, что это их парализует и нужно исключить Алексея Бобринского и меня. Впоследствии они полюбили Бобринского, но против меня навсегда сохранили зуб. Нас удалили в соседнюю комнату, откуда, впрочем, мы очень хорошо слышали все, что происходило. Стол поднялся на высоту полуаршина над полом. Императрица-мать почувствовала, как какая-то рука коснулась воланов ее платья, схватила ее за руку и сняла с нее обручальное кольцо. Затем эта рука хватала, трясла и щипала всех присутствующих, кроме императрицы, которую она систематически обходила. Из рук государя она взяла колокольчик, перенесла его по воздуху и передала принцу Вюртембергскому. Все это вызывало крики испуга, страха и удивления. Я все слышала из другой комнаты, и мной овладела тоска. Я не сомневалась в том, что сами черти игриво забавляются тут³.

¹ Конь-Камень — камень на о-ве Коневце, первоначально предмет языческого культа окрестного финского населения, получивший название от сходства с фигурой лошади.

² О приезде Юма см. письма Ф.И. Тютчева к жене от 12 и 21 июня 1858 г.

³ Ф.И. Тютчев в письме к жене от 16 июля 1858 г. так описывает этот сеанс, очевидно, со слов Анны Федоровны: «Стол висел в воздухе с лампой на нем, которая не упала; звонок из рук им-

Должна сказать, что вид Юма во время сеанса произвел на меня более сильное впечатление, чем все остальное. В обычное время лицо Юма довольно незначительно: мелкие женственные неопределенные черты, вид почти глупый, ничего привлекающего к себе внимание, кроме большой моложавости¹. Но во время сеанса какой-то внутренний огонь как будто излучается от него сквозь смертельную бледность, покрывающую его черты; глаза его широко раскрыты, уставлены в одну точку и сияют фосфорическим блеском, рот полуоткрыт, как у человека, который дышет с трудом, а волосы, по мере того, как происходят откровения духов, от испуга медленно вздымаются и стоят на голове, образуя как бы ореол ужаса. Тогда этот маленький человечек, мягкий и невзрачный, принимает облик Пифии на треножнике. Он говорит, что во время сеансов сильно страдает. Глядя на него, совершенно не получаешь впечатления, что он шарлатан и ставит себе задачей обмануть вас. Он очень молчалив, часто говорит о Боге и религии и, по совету стола, из англиканского вероисповедания перешел даже в католицизм. С точки зрения православия, я считаю, что черт при этом ничего не теряет по существу, делая все-таки вид, что интересуется религиозными вопросами. Факты слишком очевидны, чтобы можно было их оспаривать, и так как я верю в дьявола, я говорю, что это дьявол хочет овладеть доверчивыми людьми, устраивая для них по своему образцу мир невидимый и мистический, грубо материализованный, в который можно проникнуть не очищением души, а посредством разного рода манипуляций, магнетических флюидов и лжи...

ператора перешел в руки наследного принца Вюртембергского... императрица-мать испытала не совсем обычное ощущение руки, гладившей ее и т.д., и т.д. Но Анна сама опишет вам все это лучше меня, если только она не хранит обиду к духам, потребовавшим изгнания из комнаты ее, Александры Долгорукой и графа Бобринского, как трех существ, им антипатичных.

¹ В письме от 23 июля 1858 г. Ф.И.Тютчев говорит про Юма, что «никогда не видал человека с таким полным отсутствием выразительности в лице»: «Во всяком случае, ничего похожего на шарлатана в этом лице нет. А, между тем, в Петергофе все были под таким впечатлением чудесных вещей, свидетелями которых были, что никто не допускал даже возможности сомневаться в их реальности; зато никто в не просил повтора зрелища».

Между тем Юм и его духи имели такой огромный успех, что сеанс был повторен на другой день у великого князя Константина в Стрельне; кроме того, состоялось еще много сеансов, которыми страстно увлекся государь.

10 августа.

Мы покинули Петергоф, и я вступила в должность гувернантки при маленькой великой княжне Марии Александровне. Государь и государыня присутствовали утром в 8 часов у обедни и на благодарственном молебне по случаю рождения у великого князя Константина второго сына, которому дали имя отца. Великая княгиня накануне еще была на вечере у императрицы-матери, красивая и свежая, а в шесть часов утра она родила. Мы уехали по железной дороге в Петербург, где должны были сесть на поезд в Москву. Мою маленькую воспитанницу привели всю в слезах после расставания с английскими боннами¹. Мне самой хотелось плакать не меньше чем ей, ибо, хотя я сама желала иметь должность более серьезную, чем должность фрейлины, сама искала работы и известных обязанностей, тем не менее, нельзя без сожаления навсегда лишиться свободы. Уже давно я простилась с надеждой на личное счастье, такое, какое я бы желала, но сегодня я как бы подписала свое полное отречение. Отныне я уже не буду принадлежать самой себе, я буду отдавать всю свою жизнь и свои силы другим, которые, вероятно, за это ничего мне не дадут и даже не будут знать, что я чем-нибудь для них жертвую. Но пусть, — лишь бы я, наконец, обрела на этом пути мир и внутреннее удовлетворение, которых я так давно ищу.

10-го мы доехали до Твери, где должны были ночевать. Государь и государыня взяли с собой в это путешествие только маленькую великую княжну. Великие князья остались в Петергофе. Сопровождают государя: граф Шувалов, графы Адлерберг, отец и сын, князь Василий Долгорукий, Чевкин, пруссак Лоен, адъютант Рылеев. Принц Вюртембергский присоединится к нам в Ярославле вместе с г.г. Вимпфен, Бетанкур и Слепцовым.

¹ Томасина Андреевна Ишервуд и Екатерина Ивановна Струттон.

Поездка была довольно скучная и утомительная. Быстрое движение железной дороги имеет всегда дурное влияние на нервы. Это сильно отразилось на моей маленькой великой княжне, она была плаксива и взволнованна. Я чувствовала себя немногим лучше ее и была рада очутиться в темном вагоне, в котором вечером уложили малютку, чтобы поплакать на свободе. Я думала, что девочка спит, но я ошиблась, она заметила, что я плачу, и это вызвало во мне угрызения совести. Мы очень поздно приехали в Тверь. Долго устраивали кроватку великой княжны, так что было уже 11 часов, когда я ее уложила. Она очень боялась своей новой камер-фрау, m-lle Тизенгаузен, и требовала, чтобы я ни на минуту не отходила от нее. Я опасалась, что во время укладывания ко сну будут слезы, вызванные воспоминаниями об английских боннах, но девочке показался так забавен мой вид в ночном чепце, и она так смеялась, что все остальное было забыто. Она часто просыпалась ночью и всякий раз в очень хорошем настроении. Я почти не спала, так меня волновала близость этого маленького существа.

11 августа.

Тверь. Императрица в течение всего дня была занята приемом тверских дам, посещением церквей и монастырей и учреждений этого города. Ее величеству был дан большой обед. Я же провела день со своей маленькой воспитанницей среди гораздо более идиллической обстановки в дворцовом саду. Великая княжна сделала целый сбор картофеля и тыкв, которых очень много в этом царском саду, почти совершенно превращенном в огород; мы играли в лошадки, ездили кататься в коляске, и я повезла ее приложиться к мощам св. Михаила Тверского и св. Иллариона в Отрочь-монастырь. Само собой разумеется, что она не может сделать шагу без того, чтобы толпа не окружила нас. Она очень хорошо ведет себя в таких случаях: кланяется с большим достоинством, но при этом у нее делается грустное личико, которое показывает, до какой степени ее беспокоят эти почести. После обеда с великой княжной пришли поиграть дети тверского губернатора князя Баранова: две девочки и один мальчик — очень живые. Бегали, играя в лошадки, и очень

разгорячились, вследствие чего девочка плохо спала ночью. Я должна была провести вечер у императрицы, но великая княжна объявила мне, что она заснет только, когда я лягу. Тем не менее, она очень настаивала на том, чтобы я пошла к ее маме. Я вернулась через полчаса, девочка еще не спала; тогда я уже не пошла на вечер и легла спать. Как только я была в кровати, девочка заснула.

12 августа.

Мы покинули Тверь. Государь должен был оставаться там до вечера и ночью присоединиться к нам у Троицы, где нам предстояло провести ночь. В Клину мы покинули поезд и взяли дорогу, ведущую прямо в монастырь. Пыль была ужасная. Великая княжна ехала в карете императрицы. У нее был сильный насморок, и от пыли она все время чихала. Обедали в Дмитрове, в доме одного помещика при самом въезде в город. За одну станцию не доезжая Троицы, императрица отправила великую княжну в ее собственную карету, чтобы не подвергать ее холодному вечернему воздуху во время торжественного приема. Было совсем темно, когда мы подъехали к Троице, но монастырь, весь иллюминированный, выделялся огненными арабесками на темном небе. Мы еще не видали его, как нас издали приветствовал гармоничный звон колоколов, всегда вызывающий во мне особенное чувство радости, смешанной с печалью. Подъезжая к монастырю, я заставила великую княжну прочесть молитву и рассказала из жизни преподобного Сергия то, что было доступно ее детскому уму. Нас повезли в карете до покоев, приготовленных для императрицы, между тем как ее величество пошла пешком в церковь приложиться к мощам. Было довольно поздно; прошло много времени, пока было приготовлено все необходимое для сна девочки; она устала, стала капризничать и плакать, и императрице долго не удавалось ее успокоить...

Девочка провела утро, играя с игрушками, которые в огромном количестве выделяют у Троицы.

13 августа.

Мы выехали из монастыря в 11 часов после обедни. Митрополит Филарет был очень болен, он не только не

мог служить, но даже не был в силах принять императрицу. Государь зашел к нему на минуту. Местность между Троицей и Ярославлем очень хороша и даже живописна; здесь видно богатство и благосостояние, каких вообще мы не привыкли видеть в России. Во всех деревнях, через которые мы проезжали, перед каждой избой стоял убранный стол, на нем хлеб-соль, и вокруг него вся семья.

В Переславле-Залесском государь и государыня ходили осматривать старый ботик, построенный Петром Великим. Они взяли с собой великую княжну и хотя их сопровождала свита, они мне не дали знать, чтобы следовать за ними; это мне очень не понравилось, так как я имею претензию, чтобы со мной обращались как с гувернанткой, а не держали на одной ноге с бонной.

Вообще с тех пор, как я вступила в свою должность, я имею основание быть недовольной тем, как со мной обращаются. В Ростове, где мы остановились для обеда, я высказала императрице свое отношение к этому, но, к несчастью, я сделала это с сердцем, что со мной часто бывает и что весьма мало совместимо с моими обязанностями. Императрица рассердилась не без основания. После обеда их величества должны были посетить ростовские церкви, и так как было поздно, то мне пришлось поехать вперед с великой княжной. Девочка заснула у меня на коленях. От времени до времени она просыпалась, просила меня рассказать ей сказку и затем снова засыпала под звуки моего голоса. Было одиннадцать часов, когда мы приехали в Ярославль. Девочку вынесли из кареты совершенно заспанную, она проснулась среди официальной толпы в орденах и лентах, собравшейся для встречи государя, и потребовала сказку о козочке, которую мирно выслушала, пока пила чай. Затем она улеглась и спокойно заснула.

Дом Бутурлина, ярославского губернатора, просторный и удобный. Уверяют, что он разваливался, но его очень хорошо отремонтировали к нашему приезду. На другой день императрица принимала дам и посетила монастыри, церкви и учебные заведения...

Ярославль чрезвычайно красиво расположен, и дома на набережной смотрят так весело, вид из них так красив, что кажется, там могут жить только счастливые люди.

Следующий день был 15-е, Успенъев день. Их величества были у обедни в соборе, и после обедни мы сели на пароход, чтобы по Волге спуститься до Костромы. Дул ледяной ветер, и я чувствовала себя очень дурно от сильных болей в груди. Мы высадились у Бабаева монастыря¹, который осмотрели наспех по обычаю августейших путешественников. Долго обедали на пароходе, а выйдя из-за стола увидели Кострому, также очень живописно расположенную на берегу Волги. Их величества были встречены огромной толпой. Они поехали в собор, а я повезла великую княжну прямо в дом губернатора Романа, лица совершенно неизвестного. Нас сопровождало человек двадцать бородачей, которые бежали за нашей коляской и не отставали от лошадей, что очень забавляло маленькую княжну. И здесь дом губернатора был убран с большим изяществом, но полон клопов. Императрица посетила собор, в котором находится образ Феодоровской богородицы, которым был благословлен Михаил Федорович при восшествии на престол, и Ипатьевский монастырь, в котором он жил в уединении с матерью, когда был избран в цари гласом народа. Я повезла туда великую княжну...

При доме губернатора мы нашли большой сад, в котором великая княжна могла играть весь день. Бабы влезали на забор, чтобы посмотреть, как она играет, и кричали мне: «Нянюшка, приведи ее сюда, покажи нам ее царское лицо»². Девочка здоровалась с ними, и они по своему осыпали ее выражениями нежности и похвалы, а обо мне говорили: «Какая маленькая нянюшка, какая молоденькая»². Я совершенно не соответствовала их представлению о «царской мамушке».

Вечером имел место бал, данный костромским дворянством, на который привели очень много детей. Я туда не поехала, так как очень страдала от болей в груди, которые еще усиливались необходимостью целый день быть в движении и говорить. Государь и государыня принимали утром депутацию от крестьян деревни, где живут потомки Сусанина. Со времени Михаила Федорови-

¹ Николо-Бабаевский мужской монастырь.

² По-русски.

ча все жители этой деревни пользуются полной свободой от всяких налогов, но эта привилегия не только не принесла им никакой пользы; наоборот, вследствие лености они впали в нищету и в состояние почти полного варварства. Несколько лет тому назад туда послали священника, чтобы вывести их из этого состояния отупения. Это очень развитый человек, который пишет умные, но чересчур патетические реляции о прогрессе и усовершенствованиях в его приходе. Он и находился во главе депутации и держал речь, очень вычурную, с театральными жестами, заставив этих добрых людей в определенный момент пасть на колени. Эти показательные выходы меня мало трогают; я чувствую, что я в таких случаях принимаю выражение совершенно не соответствующее минуте.

На следующий день после обедни мы уехали из Костромы. Ветер был так силен, что невозможно было оставаться на палубе. Я почувствовала себя ужасно дурно и спустилась в каюту с великой княжной, так что не могла насладиться красотой волжских берегов. Около трех часов государь и государыня сошли с парохода и поехали в экипаже в деревню Сусанина. Я оставалась на пароходе с великой княжной, которую не хотели утомлять этой поездкой.

Наследный принц Вюртембергский, присоединившийся к их величествам в Ярославле, с тем, чтобы принять участие в дальнейшем путешествии, оставался с нами. Он не любезнее во время путешествия, и настроение его не лучше, чем на месте. Он имеет несчастную привычку стараться быть глубокомысленным в своих разговорах. Если он вас поймает на лестнице, на подножке кареты, в какой бы то ни было момент вашего брэнного существования, когда голова занята чем-нибудь другим, он с места в карьер вступает в обсуждение одного из великих моральных или социальных вопросов, и вы принуждены разделять с ним его глубокомыслие или чувствительность. Это очень несчастная склонность в принце, так как строгость этикета заставляет нас сносить эти разговоры с таким же терпением, с каким мы бы сносили его случайные фразы. В этом случае я предпочитаю принцев старого закала, которые не брали на себя роли умных людей и довольствовались тем, что двадцать раз сряду надоедали вам одним и тем же вопросом. Я была очень счастлива,

когда наступил вечер, и я могла удалиться в каюту великой княжны, как только она легла, так как я чувствовала себя все более и более больной.

Волга очень обмелела; пароход не мог двигаться ночью вследствие мелей, и нам пришлось простоять на месте целых восемь часов. На другой день ветер не прекратился. Я чувствовала себя все так же плохо и не могла подняться на палубу с моей маленькой великой княжной, которую я с трудом занимала, так как, совершенно потеряв голос, не могла рассказывать ей сказок, а это в дороге главный ресурс для развлечения маленьких детей. Няня Тизенгаузен делала все, что только могла, чтобы развлечь ее. Я очень довольна сделанным мною выбором. Она хорошо умеет ходить за детьми, любит их, умеет с ними говорить, мягка и терпелива, аккуратна, усердна и очень ко мне привязана. Я знаю, что могу на нее положиться, а это редко можно сказать о служащих при дворе: большей частью, это алчное и подлое отродье.

После обеда на другой день мы приехали в Нижний. Расположение города на довольно значительных высотах при впадении Оки в Волгу поистине восхитительно. Оживление, которое ярмарка придает городу и пристани, представляет большой контраст с обычным видом провинциальных городов в России. Здесь толпа была так густа и так теснилась вокруг нас, что разбила окна кареты, в которой я находилась с великой княжной; по этому поводу она высказала малолиберальное пожелание: ей хотелось сорвать прут с дерева и прогнать народ. Три женщины были раздавлены в толпе.

По обыкновению, мы расположились в губернаторском доме. Это — дворец, расположенный на вершине высокого холма, откуда открывается прелестный вид на город, на обе реки и на простирающуюся бесконечно далеко равнину по ту сторону Волги. Губернатором здесь Александр Муравьев, прекрасный человек, весьма деятельный и усердный, очень любимый ярмарочным купечеством и очень не любимый дворянством, потому что он открыто выступает за эмансипацию крестьян, а дворянство здесь более цепко и упорно держится крепостного права, чем где бы то ни было. Во главе оппозиции стоят Шереметев и некий Стремюхов. Шереметев, вер-

нувшись из Петербурга, уверял дворянство и даже убедил их, что в уме государя произошел резкий поворот в вопросе об эмансипации, что он больше не стоит за нее и что в конце концов, уступит; это сильно приободрило непримиримых и утвердило их в фрондирующем настроении. Говорят, что государь произнес по этому поводу очень строгую речь, в которой весьма определенно им высказал свою твердую волю, чтобы меры к эмансипации были приняты в течение самого короткого срока, так что на другой день на балу дворянства Стремоухов сказал одному из своих друзей; «Ах, мой друг, никакой больше надежды. Государь — красный». Я узнала эти подробности от одной из моих кузин, баронессы Розен, муж которой служит в Нижнем.

Сама я не имею возможности никуда выходить — ни посмотреть город, ни присутствовать на балах, из которых один дается дворянством, другой купечеством. Мой грипп принял такой неприятный характер, что мне пришлось даже пролежать целый день в постели, и не будь моей добрейшей Тизенгаузен, я была бы очень озабочена своей маленькой воспитанницей, так как императрица, будучи целый день занята своими поездками и приемами, не могла много времени отдавать малютке. К счастью, я нашла для нее здесь двух товарок для игр, маленьких Арсеньевых, внучатных племянниц губернатора; они приходили к великой княжне проводить с ней день, в сопровождения своего кота, общество которого приводило ее в восторг еще больше, чем общество девочек, так что эти последние были очень обеспокоены, как бы великая княжна не присвоила себе над этим котом право собственности и постоянно повторяли ей: «Ты не увезешь нашего кота!» Отсюда споры, окончившиеся раз даже дракой. Вообще маленькие Арсеньевы очень независимые и властные девочки, а великая княжна, привыкшая быть центром мира и чтобы все ей уступали, чувствовала себя очень не по себе. Что касается меня, то я в восторге, когда она встречает противоречие, так как боюсь, что заботы и восхищение, предметом которых она всегда является, в конце концов сделают ее эгоистичной и нервной, и я не знаю, где найти силу, способную оказать этому противодействие. Большинство детей

нашего времени уже от рождения настолько благовоспитанны, что сейчас же уступают великой княжне...

Нижегородский губернатор вдов, но он живет с целым табором невесток и племянниц. Это старые княжны Шаховские, очень некрасивые и очень экзальтированные, но прекрасные существа. У одной из них, княжны Клеопатры, умной, но больной женщины, парализованы левый глаз и щека, что не мешает ей разговаривать с необычайным оживлением. Они все принадлежат к учению Сведенборга и горячо привержены той фантастической религии, которую сами себе создали. Сам Муравьев перевел Библию с еврейского языка. Так как эти княжны Шаховские всегда были в дружеских отношениях с моей семьей, они считали своим долгом занимать меня в те редкие часы, когда уходит моя маленькая великая княжна, так что мне не оставалось даже это время, чтобы дать покой своей бедной груди, от которой я очень страдала. Поэтому Нижний, с его армией старых дев, произвел на меня кошмарное впечатление. Моя маленькая великая княжна очень там веселилась; она принимала депутацию от купечества, которая поднесла ей самые великолепные игрушки, между прочим часы с тремя обезьянами, играющими на разных инструментах. Часы заводятся и тогда эти три маленькие фигурки приходят в движение: двигают ртом, глазами, руками и ногами с таким искусством, точно живые.

Императрица, которой пришлось присутствовать на двух балах, так устала, что не была в состоянии уехать 21-го, как это было назначено по маршруту. Мы выехали из Нижнего только 22-го. Садясь в карету, я издали увидела Александра Карамзина, который находился тут среди предводителей дворянства губернии. Я очень пожалела, что не видела его во время моего пребывания в Нижнем. Он, наверное, сообщил бы мне интересные подробности по вопросу об эмансипации крестьян в их губернии, так как он очень интересуется этим вопросом и относится к нему очень умно. Мы обедали в этот день в Красносельске на скверненькой почтовой станции, а вечером ночевали в Вязниках у богатого фабриканта полотна. Ввиду посещения государя он совершенно заново меблировал свой дом мебелью, привезенной из Москвы. Один каби-

нет государя стоил ему 4000 руб. Впрочем, он говорил об этом совершенно просто, как о самой естественной вещи и, конечно, чувствовал себя вполне вознагражденным за весь свой труд теми несколькими ласковыми словами, с которыми государь и государыня обратились к нему при отъезде...

23 августа.

Вечером мы приехали во Владимир. Следующий день был воскресенье. Государь был у обедни в Дмитриевском соборе. Императрица чувствовала себя не совсем хорошо и не поехала к обедне, но позднее посетила собор, очень интересный по своей древности...

Их величествам был предложен парадный обед, но бала не было. Выехали 25-го довольно рано утром. Государь делал смотр в Покрове. В ту минуту, когда мы селись в карету, я так удачно попала в толпу, что меня чуть-чуть не раздавили. Нет ничего более ужасного, как состоять в свите их величеств во время путешествий. Всюду там, где они проезжают, толпа похожа на разбушевавшееся море; она расступается только для того, чтобы пропустить их и вслед за ними немедленно смыкается перед теми несчастными людьми, которые следуют сзади. С Александры Долгорукой однажды было совершенно сорвано платье, что касается меня, то, помню, меня однажды так помяли, что целые сутки после того у меня болела грудь. Маленькая великая княжна большей частью забавляется этими шумными проявлениями восторга, ей нравится, «что народ ее знает»¹.

После обеда мы уехали с великой княжной вперед, чтобы приехать пораньше. Во время путешествия она обыкновенно по утрам сидит в карете императрицы, а по вечерам со мной в своей собственной карете. Я рассказывала ей разные истории, она делала предположения о том, чем могут быть заняты волки в лесу во время тумана, и затем обычно засыпала у меня на коленях. На этот раз ожидание приезда в Москву не давало ей спать. Мы были в Кремле в 9 часов. Я застала там свою сестру²,

¹ Слова великой княжны записаны по-русски.

² Екатерину Федоровну.

которая ждала в помещении, приготовленном для меня рядом с моей маленькой великой княжной...

26 августа.

Годовщина коронации. Был молебен в Успенском соборе. После обеда государь и государыня отправились в Останкино, которое им предоставил Шереметев. Я раньше поехала туда с великой княжной. Мы сделали большую прогулку в парке; когда возвращались домой, день уже склонялся к вечеру, девочка прижималась ко мне, поглядывала на кусты и ставила бесконечные вопросы о том, что делают в этот час медведи и волки и где они гуляют. Вечером у императрицы было общество: г. Исаков, граф Бобринский, — наши обычные летние гости. Они воспользовались отсутствием государя и ездили в свои именья. Граф Бобринский, один из фанатиков эмансипации, сообщил нам подробности о настроении крестьян. Он уже много лет занят тем, что старается обеспечить им свободу и улучшить их быт. Несмотря на это, он встретил с их стороны большое недоверие. Чего же могут ожидать помещики, крестьяне которых имеют основание быть недовольными?

Мы провели 27-е и 28-е в Останкине. Погода была отвратительная; дождь не переставал лить ни на одну минуту; в доме, построенном на низком месте, было сыро и очень холодно. Я все время чувствовала себя больной, и это недомогание, в связи с постоянным утомлением и невозможностью отдохнуть и набраться сил, заставляло меня видеть вещи в очень мрачном свете. Сестра Китти проводила со мной дни. Она была в восторге от моей маленькой воспитанницы, которая в свою очередь пристрастилась к ней. Глядя, как она играет с этим ребенком, я жалела, что у нее нет своих детей. Из нее бы вышла прекрасная мать. Самое приятное событие в Останкине была встреча с маленькой серенькой кошечкой, которая стала бегать за великой княжной, проводила ее домой и больше с ней не расставалась. Надо сказать, что это действительно очаровательная кошечка, которая по своим качествам во всех отношениях заслуживает быть придворной кошкой.

28-го в Москву приехал отец.

29-го августа прибыли четверо молодых великих князей, чтобы провести в Москве именины государя. К обеда все возвратились в город. Утром государь и государыня ездили навестить старого князя Сергея Голицына в его имении в Кузьминках, так как он слишком болен, чтобы приветствовать их в Москве.

30 августа.

Состоялась обедня и выход. Маленькая великая княжна, которая еще не появляется в торжественных случаях, присутствовала у обедни со мной в церкви Рождества Богородицы. Затем, чтобы провести утро, я повела ее на выставку кур и других птиц, устроенную Московским Обществом сельского хозяйства. Ее очень торжественно встретили директор и служащие, и она провела больше часа, любуясь курами, гусями и голубями, с очень серьезным лицом ставя самые наивные вопросы этим важным чиновникам. В ней очаровательно то, что она совершенно естественна и никогда не меняется при чужих. Она обращалась к этим господам с такой же простотой, с какой обратилась бы ко мне. В ней нет ни излишней смелости, ни застенчивости, но доброжелательство и природная учтивость сделают из нее очень милую принцессу. Вечером в собрании состоялся бал. Я пробыла там только минуту, но встретила массу старых знакомых, которых не могла навестить этот раз потому, что была слишком занята.

31-го мы должны были посетить Бородино, но так как дорога слишком испортилась от нескольких дней дождя, императрице пришлось отказаться от этой поездки, и было решено, что мы останемся в Москве до 2-го сентября. Утро я провела в Александрии вместе с моей великой княжной и с Китти. День был прелестный. Солнце сияло, цветы благоухали. Девочка была очень мила с Китти, которая обладает талантом ее особенно оживлять. Вечером государь и государыня поехали в театр, а я провела вечер у своей тетки¹. Дарья в этот же вечер приехала с дядей из деревни.

¹ Дарья Ив. Сушковой.

Мы еще раз съездили в Александрию, и девочка просила опять побывать на выставке кур. Императрица посетила учебные заведения.

Вечером император уехал, продолжая свой путь на Варшаву. Мои сестры провели последний вечер у меня. Затем я пошла к императрице, которая была одна. Я довольна, когда с ней нет ее мужа; тогда еще бывает возможно изредка ее видеть с глазу на глаз. Иначе она всегда или с ним, или с детьми, а в то время, когда она одна, я обыкновенно занята с девочкой; поэтому я ее больше не выдаю, как в те времена, когда я была фрейлиной. Это мне очень досадно, потому что я люблю здесь одну ее, и единственная хорошая сторона этой каторжной жизни — быть около нее. Я не знаю, буду ли я когда-либо иметь исключительную привязанность к маленькой княжне. До сих пор я ее люблю только той любовью покровительственной и сострадательной, которую испытываешь ко всем маленьким детям, но в ее натуре нет ничего такого, что бы меня особенно привлекало.

Мы выехали из Москвы 1-го сентября. На станции Крюково оставили железную дорогу и прямой дорогой поехали в Воскресенский монастырь. Мы подъезжали к нему при ярком солнечном свете, в лучах которого сияли чудные купола церквей. Императрица пригласила генерал-адъютанта Исакова, ездившего в прошлом году во Святую землю, сопровождать нас, с тем, чтобы подробно объяснить нам разницу и сходство этого храма с храмом гроба господня, по образцу которого он построен. В течение двух часов мы осматривали этот огромный собор с его сорока приделами, из которых некоторые расположены под сводами на хорах, как гнезда ласточек. Купол, построенный Растрелли в царствование императрицы Елизаветы, поражает своей красотой и размерами. Как жаль, что его так испортили скверными фресками. Великая княжна хотела все видеть, но при выходе из церкви я предпочла повести ее побегать на солнце в монастырском огороде, чем дольше подвергать ее сырому и холодному воздуху церквей. Мы пообедали постным обедом с игуменом, лукавая мина которого мне совсем не понравилась, и сели на поезд с тем, чтобы переночевать в Твери. Девочка очень устала и бесконечно капризничала, преж-

де чем лечь спать. На следующий день после длинного, скучного и очень утомительного путешествия, во время которого мы проезжали через местности, сильно пострадавшие от пожаров этого лета и продолжавшие местами гореть, мы, наконец, приехали в Царское. Я, со своей стороны, была совершенно разбита, с болью в груди и с невыносимым кашлем, и была счастлива наконец прибыть на место, отдохнуть и восстановить свои силы. Императрица на другой день поехала в Петергоф, чтобы проститься там с наследным принцем и принцессой Вюртембергскими, которые в этот день на пароходе отъезжали в Германию...

8-го сентября, день рождения наследника провели очень скромно. Великие князья устроили в саду фейерверк, который очень взволновал маленькую княжну.

10-го из Москвы приехала моя сестра Дарья и 13-го ее взяли во дворец, чтобы заменить меня в должности фрейлины, что возбуждает по отношению к нам много зависти и недоброжелательства и вызвало много неприятных разговоров по поводу оказываемых мне милостей и моих интриг. Много говорили также о посещении государя в Варшаве принцем Наполеоном, но гораздо меньше, чем о назначении моей сестры, что, конечно, было гораздо более важным историческим событием. 11-го вернулась вдовствующая императрица, а 20-го — государь. Мы все поехали его встречать в Гатчине, т. е. царствующая императрица с сыновьями и ее двор.

8 октября.

Императрица ездила в город по случаю открытия новой женской гимназии, а государь провожал до Кронштадта великого князя Константина и его супругу, уезжавших на Средиземное море, где великий князь должен крейсировать эту зиму. По поводу этого отъезда идет очень много толков. Одни говорят, что великий князь уезжает, потому что он не доволен, другие говорят, что он принужден уехать, потому что им недовольны и что он запутывает тут все дела. Я не могу решить этого вопроса, но очень довольна, что он уезжает. Вечером мы были у императрицы: один из наших стереотипных вечеров в составе княгини Салтыковой, Александры, Дарьи

и меня. Впрочем, Дарья больна и не могла присутствовать. Государь читал мемуары Левенштерна¹. Княгиня Салтыкова вязала, Александра и я, по обыкновению, не слушали. Александра схватила список приглашенных в Гатчину и по-своему иллюстрировала его. Государь бросил его в камин.

9 октября.

Мы должны были уехать в Гатчину, но великий князь Сергей схватил лихорадку, и императрица отложила отъезд на завтра.

10 октября.

Великому князю Сергею стало лучше, и мы уехали в Гатчину в три часа. Государь уже в час поехал туда на охоту. Погода чудная; я провела почти весь день в саду с великой княжной. Я очень люблю гулять с ней одной без сопровождения. Мне хочется иногда представить себе, что она обыкновенный маленький ребенок. Я бы ее тогда так сильно любила, но полк женщин и лакеев, окружающих ее во всякое время дня, вызывают во мне отвращение к ее положению и к моему...

Мы обедали в Гатчине. Я уже не бываю на обедах в Арсенале, потому что обедаю с девочкой, но вечером, уложивши ее спать, отправилась туда. Я возобновила при этом прежние впечатления, застала тех же статс-дам, тех же фрейлин, тех же адъютантов, тех же обычных гостей. Играли в ту же игру в почту. Катиш Адлерберг пела те же романсы тем же голосом. По-прежнему много стояли на ногах, по-прежнему делали открытие, что ничего не имеют сказать друг другу, и я подумала, как это часто со мной случается, что придворная жизнь — жизнь скучная и печальная. Чтобы развлечься, я пококетничала с адъютантом графом Крейцем, победоносный вид которого меня в душе забавляет. Адъютант князь Горчаков, который за лето имел время излечиться от несчастной страсти к маленькой Бек, способствовавшей ухудшению его харак-

¹ Извлечения из записок бар. В.И. Левенштерна напечатаны в 1858 г. в Гейдельберге под загл. «Denkwürdigkeiten eines Liflanders aus den Jahren 1790—1815».

тера, показался мне приятным и умным собеседником. Но больше всех мне нравится граф Владимир Бобринский своей естественностью и благодушием, тем, что он ничего о себе не воображает и не важничает перед другими. Я жалею об Исакове и об Алексее Бобринском — главных столпах придворных бесед. Что касается женщин, то, кроме Александры Толстой, они все в высшей степени незначительны. Обязанность, которую налагают на себя фрейлины, — несмотря на свои годы оставаться всегда молодыми и наивными сердцем и мыслью, положительно лишает их всякой прелести. *Qui n'a pas l'esprit de son age, de son age a tout le malheur*¹ — вот истина, которую приходится часто вспоминать при дворе. Старая фрейлина имеет, конечно, мало прелести, но если она просто любезна и разговорчива на вечерах, кокетлива без серьезной задней мысли и искренно смотрит на себя, как на приятный *hors d'oeuvre*², она может еще иметь известное местное значение. Не нужно только, чтобы фрейлина разыгрывала роль серьезной женщины и слишком интенсивно думала о любви и браке. Это поведет ее по совершенно ложному пути.

11 октября.

Сегодня утром я водила маленькую великую княжну гулять в парк и показала ей оленей и ланей, а затем мы ходили осматривать конюшню для ослов. Олени и ослы не оказали нам никакого внимания, к великому разочарованию девочки, которая взяла с собой хлеба, чтобы накормить их, но мы нашли у сторожа американскую козочку, очень хорошенькую и ручную, приветливо принявшую авансы великой княжны. Было прелестно видеть миленькую девочку и хорошенькую козочку скачущими вместе. До сих пор моя девочка испытывает живую симпатию только к животным; с ними она чувствует себя совершенно свободно; о них она всегда вспоминает, их касаются все ее проекты; все ее разговоры вращаются вокруг этого предмета неиссякаемого для нее интереса.

---

¹ «Кто не имеет ума, соответствующего своему возрасту, тот имеет соответствующие своему возрасту несчастья».

² Закуска.

Ребенок похож на первого человека в раю, первоначальное общество которого составляли животные, и который только впоследствии испытал потребность в подруге равной ему.

Вечером, уложив великую княжну, я пошла в Арсенал. Там была музыка. Играл Рубинштейн, пела некая m-lle Штубе, обладающая прекрасным голосом, которую великая княгиня Елена Павловна привезла из Германии. К несчастью, императрица-мать, которая любит оживление, пожелала, чтобы молодежь бегала в горелки в одном конце Арсенала, в то время как в другом конце происходила музыка. Это и делалось с ужасным гвалтом. Я краснела, глядя на лицо Рубинштейна; он совершенно не старался скрывать впечатления, которое производил на него этот шум. В настоящее время это первый пианист в Европе, всюду его слушают с восторгом и благоговением, а здесь он принужден играть перед двумя русскими императрицами под крики и шум веселящейся молодежи. Присутствие артистов в императорских салонах причиняет мне всегда страдание. Я так живо представляю себе впечатление этих чутких натур, я так хорошо понимаю то, что они думают и чувствуют. Их талант сам по себе ставит их выше всех этих титулованных ничтожеств, которые считают своим правом и даже своим долгом обращаться с ними с покровительственным доброжелательством. В предупредительности и любезности, которая им оказывается, есть что-то унижительное. Мы должны представляться им такими смешными и такими ненавидимыми. Если с ними не разговариваешь и оставляешь их в одиночестве, — это неловко как по отношению к ним, так и к самим себе; если с ними заговариваешь первая, это имеет часто вид будто для них делаешь любезность, которой не сделал бы для равного себе. Прибавить к этому, что артисты, как все избранные натуры, обидчивы и дики. Поэтому, как только в комнате есть хотя один из них, я уже не чувствую себя свободно. Можно представить себе, что я испытала вчера. Я не могла не подойти к Рубинштейну и не принести ему смиренно самых формальных извинений. Мы вместе ужинали. Это очень умный человек, простой и естественный и не слишком надменный для артиста. Он умеет вести беседу обо всем

и обладает хорошим тоном человека вполне культурного, который так редко встречается в нашем петербургском свете.

12 октября.

Была обедня, затем охота с гончими. Моя маленькая княжна и я пошли навестить свою козочку, затем мы делали пирожки из песка и предавались другим детским занятиям. Вечером состоялся спектакль и танцы в Арсенале. Великая княжна, увидя меня в туалете, когда я пришла за ней к императрице, чтобы уложить ее спать, спросила меня, иду ли я в церковь. Вот верные представления, которые двор внушает детям: они привыкли видеть, что дамы декольтируются и надевают цветы, чтобы идти в церковь и выводят из этого...¹ К счастью, дети выводов не делают.

Давали очень смешную маленькую пьеску: «Ужасные женщины». Я пошла в Арсенал, чтобы посмотреть немного на танцы и затем удалиться в 11 часов, как подобает гувернантке, которая встает в семь часов. Но сначала я разговорилась с прелестной m-lle Раден, фрейлиной великой княгини Елены Павловны, затем ко мне подсел Тотлебен, наш севастопольский герой, и у нас завязался разговор, который увлек меня до часу ночи. Про него нельзя сказать, что он умный человек и блестящий собеседник, но это одна из натур, редких в наше время, натура прямая, чистая, прозрачная, честная, исполненная любви к человечеству и к добру; чистота ребенка в соединении с силой и разумом взрослого человека; одна из тех натур, которые дают вам чувствовать, что действительно Бог создал человека, в чем иногда начинаешь сомневаться при виде всех тех подделок под человека, которые заполняют наши салоны. Характер Тотлебена отражается на его физиономии, наивной, доброй и в то же время умной. Он говорил со мной о Севастополе, героем которого он был, и о своем пятилетнем сыне с одинаковой простотой и одушевлением. В этом человеке нет ни тени тщеславия. Ложась спать, я благодарила Бога, что есть люди, подобные ему.

¹ Многоточие в подлиннике.

13 октября.

Императрица-мать со вчерашнего дня больна и не появляется в Арсенале. Императрица Мария Александровна ездила вчера в Царское навестить великого князя Сергея, которого нельзя перевезти сюда, так как у него режутся зубы. Мы гуляли с великой княжной, навещали своих друзей, козочку и осла. Что касается осла, я никогда не видела более глупого. Девочка очень забавляется им; она стоит перед ним, безумно хохочет и кричит: «Какой он глупый, какой он глупый». Между тем, очень злой мул высовывает свою голову из конюшни и диким ржанием говорит нам разные гадости. Никогда девочка не бывает так оживлена, как в обществе этих зверей...

До сих пор она совершенно поглощена впечатлениями внешнего мира. Остальное не привлекает ее внимания. Когда я рассказала ей о сотворении мира, она спросила меня, не укусили ли дикие звери Бога, когда он их сотворил. Я всегда стараюсь стать на ее уровень и зорко слежу за пробуждением этой маленькой души.

Вчера вечером в Арсенале состоялся французский спектакль.

14 октября.

Общество в Арсенале было очень оживленное. Ставились шарады и представлялись пародии на сцены из опер. Мирбах представлял Амура, а Кавелин — Норму. Вся постановка была импровизирована в один день Огаревым и графом Куселевым; они составили комическую театральную афишу, которую написали на плакате гигантского размера, служившем занавесом. Рубинштейн играл на рояле. Ему положительно не везет при дворе, где никак не могут отнестись к нему серьезно. Первый попавшийся тапер был бы все, что нужно, за исключением исполнения фуги Баха, которую Рубинштейн сыграл в заключение мирбаховской шарады. После спектакля были танцы. Императрица удалилась к себе около часа. Проходя через комнату великой княжны, государь и государыня всегда так крепко ее целуют, что будят ее, и нередко при ее большой нервности она после этого засыпает лишь с большим трудом. Я протестую, но все напрасно, меня не слушают.

15 октября.

Сегодня маленькая княжна задала мне много забавных вопросов. Она меня спрашивала, будет ли ее муж ее бранить и вообще, бранят ли мужья своих жен. Затем она меня спросила, будут ли у нее дети, когда она будет большой...

Императрица вчера была нездорова и не появлялась в Арсенале. Вечером состоялся русский спектакль и затем бал. Я не присутствовала на представлении пьесы, написанной Львовым и вызвавшей много шума, так как это пьеса, якобы изображающая современные нравы.

Я воспользовалась всеобщим отсутствием, чтобы провести полчаса вдвоем со своей императрицей — счастье, для меня теперь очень редкое. Гатчина напоминает мне мое первое пребывание здесь с моей дорогой императрицей, тогда еще цесаревной. Я в то время с ней форменно кокетничала. Как я люблю все воспоминания, связанные с ней, — это воспоминания о моем счастье.

После спектакля были танцы, я беседовала с молодым графом Левашовым и с Тотлебенем. Тотлебен вчера танцевал. Он так искренно веселится, так чистосердечно смеется всякой веселой проделке, танцует с таким оживленным видом и так наивно признается, что все это его забавляет и приятно отвлекает от серьезных трудов, что поражаешься, видя, как человек его закала сохранил душевную свежесть и простоту, тогда как наши салонные ветрогоны разыгрывают людей разочарованных и пресыщенных...

19 октября.

Утром Тизенгаузен показывала мне покупки, сделанные ею, и много, по своему обыкновению, говорила. Девочка хотела во что бы то ни стало завладеть моим вниманием и с своей стороны пищала. Это вывело меня из терпения, и я ей так резко сказала, чтобы она не прерывала, когда говорят взрослые, что бедная девочка горько заплакала. Виновата была я, не было никакого основания ни сердиться на нее, ни особенно строго выговаривать за такую вещь. Мне было очень стыдно и очень грустно, когда девочка, которая всегда считает, что она виновата, когда я ее браню, пришла просить у меня прощения и поцеловать меня. Для облегченья совести я

рассказала императрице о том, что случилось. Она была очень добра ко мне, как всегда, но если бы она и сделала мне упреки, они не могли быть для меня такими тягостными, как те, которые я сама себе делала. Нет ничего ужасней, как несправедливость и вспыльчивость по отношению к ребенку, не умеющему даже еще различать добра и зла достаточно для того, чтобы понять, что вы неправы, и страдающему, но не обвиняющему вас. Хватит несколько раз так вспылить, чтобы сделаться дурным; это до такой степени отнимает уважение к самой себе, что уже не имеешь больше силы к тому, чтобы поступать правильно.

Вечером у великой княжны были гости: трое Вяземских, Мария Адлерберг, три девочки Шуваловы, двое маленьких Бобринских, — сыновья Александра Бобринского, женатого на Соне Шуваловой. Это два очаровательных существа, хорошенькие и очень умненькие. Они пошли оба в отца и честолюбивы, как все Бобринские. Когда вошел государь, старший, которому шесть лет, сказал: «Я хочу быть твоим адъютантом», и маленький, которому четыре года, тут же закричал: «И я тоже, я тоже». Вся эта детвора бегала вразброд; невозможно было показать им даже «горелки». Мария все время бегала с мальчиками и вечером, когда я ее спросила, кто ей больше понравился, она без колебаний ответила: «Мальчики».

Вечером в большом зале ставили спектакль. Было 200 приглашенных. Играли две глупейшие французские пьесы.

20 октября.

Ничего особенного. Вечером государь уехал на охоту. Императрица провела вечер у императрицы-матери, где Гримм читал вслух роман собственного сочинения¹. Я в большой немилости в этих сферах; не только меня вечером никогда не приглашают, но когда я привожу маленькую великую княжну, меня никогда не просят войти; я остаюсь в передней, ни более, ни менее, как простая нянька.

---

¹ Известен роман Гримма, жившего в 1858—60 гг. в Петербурге: «Die Fürstin der siebenten Werste». (СПб. 1858.).

21 октября.

Антонина Блудова представлялась сегодня государыне. После этого она пришла к великой княжне навестить меня. Девочка с двумя маленькими Вяземскими устроили игру в обед. Вдруг поднимаются громкие крики по поводу куска бисквита, который Ара похитила у великой княжны. Мария Александровна разразилась пронзительными криками. Пришлось увести ее в другую комнату. В сущности, виновата была Ара, так как она силой отняла вещь, которая ей не принадлежала. Я и ее побранила, когда великую княжну увели. К несчастью, великая княжна всегда одна и благодаря этому очень избалована, неуступчива и неохотно отдает свои игрушки. Я очень боюсь, как бы она не стала очень эгоистичной, эгоистичной вдвойне — в качестве великой княжны и избалованного ребенка; поэтому я с ней строже, чем была бы с другим ребенком, когда она не хочет делиться с другими своими игрушками или конфетками. Вообще, девочка очень мила, мягка, послушна, пока она со мною одна. Недостатки ее проявляются в присутствии императрицы, безграничное обожание которой она инстинктивно чувствует, и с детьми, которые приходят к ней играть и которыми она хочет помыкать. Она очень любит заниматься, с большим интересом рассматривает картинки по естественной и по священной истории, запоминает все, что я рассказываю, и запоминает легко, так как у нее хорошая память. Она несколько пассивна, лишена живости воображения, предпочитает сидячие занятия и требует, чтобы ее занимали. Насколько я могу судить, в ее натуре нет самобытности, но она чрезвычайно способна к восприятию культуры и будет тем, что из нее сделают. Ею нужно руководить мягко, но неуклонно, нельзя обращаться с нею резко, ни слишком много с ней рассуждать...

23 октября.

Лиза Карамзина представлялась императрице и провела большую часть дня со мной, что доставило мне большую радость. Императрица позволила мне пригласить ее к столу великой княжны. Вечер государыня провела у императрицы-матери, где читал Grimm.

24 октября.

Утром панихида по Марии Федоровне у императрицы-матери...

В девять с половиной часов вечера собрались у государя к чаю. Вечер был «домашний», в составе княгини Салтыковой, Александры, Дарьи и меня. Скучнее трудно себе вообразить.

25 октября.

Все как обыкновенно. Когда у императрицы обедают гости, я вожу туда великую княжну как можно поздней. Тогда после нашего обеда она просит, чтобы я велела затопить камин. В это время начинает смеркаться. Мы усаживаемся против огня, и я должна ей рассказывать истории. Она обожает уютные уголки. Вечером государыня опять была у императрицы-матери, чтобы слушать чтение Гримма. Лиза Карамзина представлялась сегодня императрице-матери и пила у меня чай. Я забыла написать вчера, что г. Грот, преподаватель русского языка великих князей, был у меня и читал мне начало краткой истории России для младшего возраста, которую он начал писать вследствие одного разговора, бывшего у нас с ним.

2 ноября.

Мне нездоровилось эту неделю и я не могла делать записи каждый день.

Моя маленькая княжна продолжает жить своей растительной жизнью. Она здорова, хорошо кушает, правильно гуляет и почти хорошо спит, хотя иногда бывает нервна по ночам. Доктор Шольц вернулся из-за границы, где он провел лето для восстановления здоровья. Я была этим не очень довольна; он стар и отстал от науки. Кроме того, в нем мало благородства, он лжет и льстит; это большой царедворец, а врач, прежде всего, должен быть честным и независимым. Императрица из деликатности не хочет удалять его, хотя у нее нет к нему ни доверия, ни уважения. Мы часто наблюдаем подобное при дворе. Великие мира сего дурно окружены не по недостатку проницательности, но по слабости характера. Часто они допускают большое зло по отношению к людям, совершенно того не заслуживающим, чтобы избе-

жать меньшего зла по отношению к людям, вполне того заслуживающим. Конечно, нужно внушать государям доброту, но еще больше справедливость.

На этой неделе во вторник был вечер у императрицы Марии Александровны. Присутствовали: барон Ливен, супруги Адлерберг, князь Горчаков и граф Бобринский. Говорили о привидениях, о магнетизме, — всегда любимая тема разговора в присутствии Бобринского. Возвратился Юм со своими вертящимися столами и стучащими духами. Бобринский присутствовал на одном из его сеансов, где он ввел его в общение с Монго-Столыпиным, только что умершим. Дух схватил Бобринского за правую ногу и заставил его вертеться вместе со стулом, на котором он сидел. Чрезвычайно игриво для духа! Хотелось бы представить себе другой мир несколько серьезнее нашего, но те, кто возвращаются из него, кажется, очень шаловливы. Все эти руки, прохаживающиеся по вашим ногам и щекочущие их, все эти пустые ответы на пустые вопросы кажутся мне очень мало достойными духов, освобожденных от плоти. Страшнее всего то, что при самом скептическом уме тот, кто присутствовал на сеансах, не может отрицать чего-то действительно сверхъестественного, так как шарлатанство здесь исключено. Нет ни приготовлений, ни приспособлений, — все на виду и все открыто. Юм держится совершенно в стороне. Он сам так прост, так естествен, можно сказать, даже немножко глуп для человека, всегда находящегося в общении с духами. Он ничего не объясняет, не старается убеждать; он только констатирует факт, причина которого ему неизвестна. Он относит его к душам умерших, а я отношу скорее к душам элементарным, к тем, которых блаженный Августин в своем «Граде Божиим» называет духами лжи, — к тщеславным, любопытным, лукавым, пустым, всегда пребывающим в заблуждении и старающимся завлечь с собой и человека, обитающим в самых низких слоях земной атмосферы, к духам воздуха, о которых говорит апостол Павел. В древности они выдавали себя за богов, в средние века проявляли себя как колдуны, а в наше время превратились в стучащих духов и в невидимые руки. Я думаю, что иметь с ними дело — грех, а еще более — безумие, потому что они хотят отвлечь нас от

Бога; с этой целью они пользуются языком религии. Несмотря на такое мое убеждение, очень трудно не поддаться любопытству, которое мне внушают этого рода опыты. К счастью, во время сеанса Юма у императрицы сами духи просили, чтобы меня удалили.

В четверг у императрицы-матери состоялся спектакль, играли комедию нравов сочинения Львова, по-моему, довольно скучную и мало содержательную.

В пятницу был опять вечер у императрицы Марии Александровны: барон Ливен, генерал Тотлебен и Бобринский. Государь захотел вертеть столы. Стол завертелся. Это очень заинтересовало Тотлебена, который никогда не видел такого рода опытов. На другой день был вечер у императрицы-матери, где опять вертели столы. В сущности, это очень скучное развлечение, тем более, что мы никогда не узнаем, что их заставляет вертеться: магнетический ли флюид или нервное сжимание рук. Я подаю голос за последнее предположение.

В воскресенье при дворе был спектакль; давали чисто французскую пьесу «Волшебные пальцы», где героиней и образцом добродетели изображается девушка из хорошей семьи, сделавшаяся модисткой и занимающаяся тем, что разоряет на тряпки парижских светских дам. Она полна всех добродетелей и в то же время играет на тщеславии, пустоте и всяких дурных инстинктах своих клиенток. Такова моральная основа пьесы; но есть люди, которых захватывают и трогают до слез эти прекрасные слова. Ах, как низко пало французское общество, как оно достойно презрения! Что бы сказал великий семнадцатый век, если бы он мог на минуту подняться из могилы?

Вечером мы были с фрейлинами у императрицы. Читали «Le roman d'un jeune homme pauvre» Октава Фелье.

Сегодня случилось несчастье на Царскосельской железной дороге. Сгорел локомотив со всем, что в нем было. Для обслуживания железной дороги остается один только локомотив; это очень затруднит сообщение.

4 ноября.

Мама представлялась сегодня императрице и обедала у меня. У императрицы была m-lle Раден по поручению великой княгини Елены Павловны, которая все еще боль-

на. Я ее видела и была очень довольна побеседовать с ней; у нее такой приятный ум и, как мне кажется, много сердечности под холодной внешностью. Сегодняшний вечер императрица провела у императрицы-матери на чтении Гримма.

5 ноября.

Императрица ездила сегодня в город навестить великую княгиню Елену Павловну и детей великого князя Константина, которые после отъезда родителей остались одни с своей гувернанткой.

Вечером у государя состоялся сеанс с Юмом. Императрица, не желая на нем присутствовать, поехала к императрице-матери на чтение Гримма. На сеансе присутствовали Александр Адлерберг, Иван Толстой, адъютант Горчаков и графы Владимир и Алексей Бобринские. Государь и государыня рассказали мне подробности о сеансе. Стол поднялся, завертелся и застучал, выбивая такт гимна «Боже, царя храни». Слышны были удары стучащего духа, три раза для «да», один раз для «нет», пять раз для алфавита. Все присутствующие, даже скептики Горчаков и Владимир Бобринский, чувствовали прикосновение таинственных рук и видели, как они быстро перебежали под скатертью. Государь говорит, что он видел пальцы руки, прозрачные и светящиеся пальцы. Ливен утверждает, что прикосновение их — нечто среднее между материальным прикосновением и толчком электрического тока. Только государь и Алексей Бобринский получили откровение присутствующих духов: как и во время первого сеанса в Петергофе, это были якобы дух императора Николая и дух маленькой великой княжны Лины¹, оба они отвечали на вопросы государя, указывая стуками буквы алфавита по мере того, как государь отмечал их карандашом на бумаге, лежавшей перед ним. Во всем этом есть странная смесь глупости и чего-то сверхъестественного. Нельзя отрицать явлений прикосновения и стуков (скептики объясняют их магнетической силой, до сих пор не известной); но зачем духам проявлять себя этими глупыми прикосновениями,

¹ Старшая дочь Александра II вел. княжна Александра, родившаяся в 1842 г. и умершая в 1849 г.

щипанием, поглаживанием, похлопыванием, наконец, своими ответами, такими глупыми, банальными, плоскими, что умный человек с плотью и с кровью никогда бы себе их не позволил? Хотелось бы представить себе мир духов несколько более серьезным, более глубоким. Я, с своей стороны, все больше прихожу к тому убеждению, что это низкие духи, духи воздуха, которые стремятся обмануть и провести людей, нетвердых в вере. Я не поверю, что душа, искупленная Спасителем, после своей смерти может возиться со столами и щипать людей, чтобы убедить их в бессмертии души.

Сегодня ночью со мной случилась очень странная вещь. В комнате великой княжны есть часы с механизмом и тремя обезьянами, играющими на разных инструментах. Эти часы заводятся довольно туго большим ключом, и как только они заведены, обезьяны начинают играть. Уже несколько дней как мы не заводили эту игрушку. Ночью я просыпаюсь от сильного шума, в причине которого я себе сначала не могу дать отчета; постепенно я понимаю, что он происходит от колес механизма, и что все обезьяны находятся в движении. Шум был так силен, что он разбудил великую княжну и камерфрау в соседней комнате. Я была несколько удивлена этим фактом, так как с вечера камерфрау запирает двери, и никто не мог проникнуть через них, чтобы завести машину; впрочем, никому бы это и не пришло в голову. Юм сказал вечером во время сеанса, что духи будут продолжать проявлять себя ночью, и это и есть форма проявления, достойная таких глупых духов, каковы его духи.

6 ноября.

Обед по случаю праздника гусарского полка, на котором я не присутствовала, так как оставалась со своей великой княжной. Я так счастлива, когда все беснуются, оставаться в нашей маленькой детской с девочкой, за нашими точно распределенными занятиями. Вечером у императрицы-матери был любительский спектакль. Первой шла маленькая пьеса в стиле рококо, но очень пикантная, в которой все актеры — Екатерина Адлерберг, Лиза Толстая, Трубецкой и Иван Голицын, — очень плохо играли и с ужасающим французским акцентом. Один

только Фредро играл хорошо. Но костюмы эпохи Людовика XV были красивы. Вторая же пьеса, в которой много пения, шла гораздо веселей. Фредро превзошел себя, Иван Толстой играл и пел очень хорошо, Кавелин в роли трактирщика — идеальный комик, Екатерина Адлерберг пела цыганкой и была действительно прелестна. Она делается другим человеком, когда поет, все ее существо преобразается; из вульгарной и жеманной она становится грациозной и одухотворенной. Фрейлины в цыганских костюмах исполняли танцы. Было очень весело и красиво. Присутствовали и молодые великие князья, даже Владимир Александрович. Я собрала впечатления присутствовавших о вчерашнем сеансе. Здоровый скептицизм Горчакова меня несколько поколебал. Но у Бобринского был вид такой таинственный, такой рассеянный, он был так бледен и удручен, что можно было его самого принять за выходца из мира духов. Он мне сказал, что ему было очень страшно на последнем сеансе, а государь мне говорил, что он кричал и страшно бледнел при каждом прикосновении духа. Можно действительно опасаться, как бы это не повредило ему с его нервной и впечатлительной натурой.

7 ноября.

Очень печальный день. Мне пришлось лишиться великую княжну сладкого, от чего у меня самой разрывалось сердце. Уже давно она отказывается есть всякого рода овощи, хотя кушает страшно много мяса; я считаю необходимым изменить эту склонность исключительно к мясной пище. Поэтому вчера, когда она с большим упрямством отказывалась есть земляную грушу, я объявила, что сладкое блюдо не появится на столе. Бедная девочка заплакала, и когда она бросилась мне на шею, прося прощения, мне трудно было не счесть себя жестоким чудовищем и не велеть подать сладкого, но это подорвало бы мой авторитет...

Сегодня вечером государыня была опять у императрицы-матери, где Гримм читал свой бесконечный роман. Этому интересному занятию посвящаются три вечера в неделю, которые можно было бы употребить на то, чтобы многое прочесть из русской литературы или пови-

дать умных людей. Я знаю, что императрица смертельно скучает на этом чтении, но она делает это из принципа и из чувства долга, как она вообще употребляет всю свою силу воли и свою энергию на то, чтобы снизить себя до ничтожества окружающего ее уровня. Это, может быть, очень возвышенно, но до сих пор я не вижу, чтобы это принесло пользу обществу и стране. Императрица удивительно заботлива, полна уважения и почтения к своей свекрови, но я иногда спрашиваю себя, не лучше ли она сделала, если бы противопоставила свои серьезные вкусы и умственные интересы фривольным и рутинным обычаям старого двора и настояла на своем: имеет ли она право, будучи женщиной выдающейся, постоянно позволять себя затирать тем, кто ее совершенно не стоит?..

9 ноября.

Сегодня вечером давался бал для гусаров, праздник которых бывает 6-го числа. Все дамы были в белом и красном, в платьях более или менее походивших на гусарский мундир. Я не танцевала и беседовала с несколькими кавалерами, князем Багратионом, адъютантом государя и умным малым, Кушелевым, также адъютантом и большим поклонником вертящихся столов, явления, которое он объясняет магнетическим действием, но не действием духов. Кстати, Юм написал Бобринскому, что он потерял свою способность и что до нового года он не в состоянии будет давать сеансов. Духи покинули его. Пока находишься под впечатлением его чудес, склонен им верить, но стоит только выспаться, чтобы убедиться, что тут ничего нет.

Одно из лиц, которых я люблю видеть на балу, это — княгиня Даддани Мингрельская, веселая толстушка, по-видимому, вполне примирившаяся с потерей своей короны и наслаждающаяся прелестями развращенной цивилизации XIX века. Петербургские салоны заставили ее позабыть свои чудные кавказские горы, и она весело рсточает те полмиллиона, которые ей выплачивает правительство взамен утраченного величия. В общем бал не доставил мне удовольствия.

Моя маленькая великая княжна обогатилась сегодня новым познанием по естественной истории. Она меня вдруг спросила, без малейшего повода, несут ли свиньи

яйца, как куры. Я ответила, что нет. «Откуда же выходят их маленькие?» — спросила она. Я ей тогда ответила: «Они приходят к ним без яиц так же, как к курам — в яйцах». Я не считаю нужным делать для детей тайну из того, что естественно, особенно если они, так сказать, сами попадают на суть вопроса.

10 ноября.

Дарья сообщила мне несколько сведений о бале, которые заставляют меня предполагать, что молодой граф Петр Ш.¹ сильно увивается вокруг Маруси² и был бы не прочь заключить блестящий союз. Но это ему не удастся, во-первых, потому, что девочка очень дорожит своим высоким положением и объявила, что она выйдет замуж только за принца с хорошим положением, так как ее совершенно не соблазняет пример брака ее матери³. Эти господа очень хитры, но им следовало бы быть не столь откровенными в своей хитрости...

11 и 12 ноября.

Ничего особенно интересного. Маленькая великая княжна просила купить ей сетку, чтобы поймать солнечные лучи, проникающие в комнату сквозь окно. Она очень настойчиво добивалась исполнения этого желания. Ей сделали маленькую сетку из тюля. Боюсь, что охота ее будет неудачна.

12-го вечером у вдовствующей императрицы был спектакль.

13 ноября.

Вдовствующая императрица переехала из Царского в Петербург. Императрица Мария провела у нее три часа утром, чтобы прослушать конец романа Гримма: «Die Fürstin der siebenten Worste». Это одна из тех вещей, которые мне доставляют настоящее горе... Везде будут знать и всюду повторять, что обе императрицы в течение двух

---

¹ Шувалов?

² Мария Максимилиановна, дочь вел. кн. Марии Николаевны и герцога Лейхтенбергского.

³ См. выше о мorganатическом браке великой княгини Марии Николаевны с гр. Строгановым.

месяцев проводят по три вечера в неделю и даже утра, слушая чтение скверного романа немецкого педагога, который, к большому неудовольствию страны, руководит воспитанием наследника престола. Со стороны императрицы-матери это никого не удивит. Уже привыкли считать ее немкой. Но тем более будут недовольны императрицей Марией, от которой ждут и требуют очень много. Я откровенно высказала свое мнение императрице, но великие мира сего не хотят допустить того, что ни один из их поступков не проходит незамеченным, что все имеет значение и все становится известным. Всему, что они делают случайно, по небрежности или по безразличию, приписывается характер преднамеренности и сознательности. В этих случаях императрица всегда говорит мне, что она ни в чем не хочет допускать над собой давления общественного мнения, что она не признает иного мерила для своих поступков, кроме совести.

Великих мира сего компрометирует то, что они не в состоянии понять, какое большое значение придается малейшим их словам и поступкам. Они в положении человека в стеклянном шаре, на который направлен микроскоп: если бы этот человек захотел произвести те интимные действия, которые мы позволяем себе в своей комнате, это становится уже компрометантным. Что касается Гримма, мой отец, состоящий начальником цензурного комитета, рассказал мне, что он получил от одного из цензоров такой отзыв о его романе: немецкий учитель позволил себе написать очень скверный бытовой роман в самом враждебном смысле по отношению к России, и что следовало бы запретить книгу. Странно было б, однако, запрещать книгу за ее враждебность России, когда автор этой книги руководит занятиями наследника русского престола. Отец принужден был отменить запрещение цензуры и разрешить книгу. О, Россия! самое твое существование — противоречие здравому смыслу.

Императрица дала мне прочесть письмо Герцена в «Колоколе», обращенное к ней по поводу воспитания наследника. Он разносит Гримма и систему военного воспитания великих князей. Герцен — мерзавец, но увы, в этом вопросе, как и во многих других, он прав. Ужасно то, что императрица, при всей пронизательности и

беспристрастии своего ума, понимает лучше, чем кто бы то ни было, все слабые стороны, все недостатки и несовершенства системы воспитания, принятой для ее сыновей, а также того персонала, который их окружает. Она часто со мной об этом говорит и еще недавно сказала: «Пусть мне во всей России назовут человека, который с природным умом соединял бы истинное образование с сильной волей — твердые принципы, веру и неиспорченную нравственность, и я ручаюсь вам, что преодолею все препятствия и поставлю этого человека к своим сыновьям. Но в том-то и несчастье, что если бы начинать сначала, то пришлось бы вернуться к тем же лицам». И это верно. Наше общество таково, что вы не встретите в нем ни одного человека, действительно достойного и способного подготовить наследника престола. Титов — умный человек, сторонник прогресса, совершенно бескорыстный и лояльный; но мы видели его на деле: он вел себя, как ветреник и школьник, и компрометировал правое дело.

14 ноября.

Вчера был вечер у императрицы. Кроме «домашних» были Алексей Бобринский, супруги Лобановы и старый граф Шувалов. Чтобы не разговаривать, играли в макао. Я была так глупа, что не поняла игры; это не помешало мне выиграть всю ставку. Я испытала при этом чувство глубокого унижения: в первый раз в жизни я дотронулась до игорных денег, и у меня было такое чувство, как будто меня настигли за кражей рубля из кармана моего соседа. Я поспешила передать эти деньги Тизенгаузен для наших бедных.

Сегодня моя воспитанница вела себя отвратительно. Я ей показывала гравюры; она играла ножницами, я их у нее отняла, опасаясь, как бы она себя не поранила. Она надулась и не захотела больше смотреть картинки. Я, ни слова не говоря, оставила ее и взяла книжку. Тогда она подошла и ударила меня. Я приняла ужасно разгневанный вид. Она просила прощения, но продолжала дуться и хныкать. Я выдержала характер и сидела за книгой, пока она сама не пришла ко мне с гравюрами, с улыбающимся личиком. Мне всегда трудно не рассмеяться и не уступить.

15 ноября.

У императрицы вечером было несколько человек гостей: Владимир Барятинский, Алексей Бобринский, Тотлебен, Эссен, Рылеев, Шувалов, А. Адлерберг. Мы станем совсем светскими. Александра Долгорукая не была на вечере, она ездила в город навестить своего брата, который дрался на дуэли и, говорят, будет разжалован в солдаты и сослан на Кавказ. Это пойдет ему на пользу. Он красивый малый, с симпатичным и умным лицом; он совершенно испортился бы в Петербурге, а провести несколько лет на Кавказе будет очень полезно...

16 ноября.

Вечером был спектакль. Турецкий посланник представлялся императрице, чтобы проститься с ней. Я видела на вечере Исакова, который ездил в деревню и после того заболел. Мне было очень приятно его вновь встретить; я познакомилась с его женой; у нее очень вульгарная наружность, как у всех жен выдающихся людей.

20 ноября.

Я ничего не записывала в свой дневник все эти дни потому что положительно ничего нет нового. Серое небо, оттепель, гнилой воздух. Я очень рада, что у меня есть дело, и рядом со мной живая весна; без этого я бы впала в меланхолию. Девочка весела, как зяблик, и румяна, как цветок яблони. Она развивается с каждым днем и необычайно мила. Наши разговоры всегда вращаются вокруг всяких зверей и растений. Естественная история — действительно естественная история детства, прекрасная сказка, которую им рассказывает Господь Бог. Сегодня мы беседовали о кукушке и о ее дурной привычке навязывать своих птенцов другим птичкам, которые бывают принуждены кормить и воспитывать этих больших нахлебников. Вдруг девочка спросила меня совершенно серьезно: «Когда я буду большой, кукушка меня тоже обманет?»

Со времени отъезда вдовствующей императрицы мы проводим очень приятные вечера. Присутствует всегда кто-нибудь из кавалеров. Государь играет свою партию в карты. Государыня беседует за столом. Обычные посетители: граф Шувалов, граф Адлерберг-сын, барон Ливен, граф

Алексей Бобринский, адъютант князь Горчаков, иногда генерал Тотлебен, но последний живет в городе, тогда как остальные находятся в Царском. Разговор всегда оживленный и приятный. Княжна Долгорукая играет в карты с государем...

9 декабря.

Я надолго прервала свой дневник. По возвращении в город я так плохо себя чувствовала, что с большим трудом исполняла свои обязанности и всегда приходила в свою комнату такой усталой и разбитой, что совершенно была неспособна ни к чему. Мы возвратились в город 23 ноября в три часа дня. Государь и государыня спустились в новые покой великой княжны, где священник уже ждал царскую семью, чтобы отслужить молебен по случаю переезда. В этот час было почти темно, день был пасмурный и дождливый и бросал мрачную тень на все предметы. Мое первое впечатление при входе в новое помещение было чувство грусти и сжатие сердца, не покидавшие меня в течение многих дней. Это первое впечатление было так сильно, что я приняла бы его за дурное предзнаменование, если б не знала, до какой степени обманчивы подобные впечатления...

22 декабря.

Для императрицы с великой княжны пишут портрет, и сеансы очень ей надоедают; в этом случае единственное средство заставить ее сидеть смирно и сохранять оживленное и веселое лицо, это задавать ей арифметические задачи. Все ее вопросы вращаются вокруг чисел, цифр, мер, весов, и для нее нет более строгого наказания, как запрещение считать орехи. Вчера, ложась спать, она спрашивала меня по поводу своего брата Владимира, которому двенадцать лет, очень ли большая цифра двенадцать. Я ей ответила, что нет. «Но вспомните, — сказала она, — как Иисус говорил Петру вложить свой меч в ножны и что если он попросит у Бога, Бог пришлет ему двенадцать легионов ангелов. Вы мне тогда сказали, что это много». Я была очень поражена той сообразительностью, которую обнаруживает это замечание со стороны такого маленького ребенка. Сегодня, когда пришел ху-

дожник для сеанса, меня в комнате не было. Она заупрямилась и не хотела позировать, пока я не вернулась. Я сделала ей замечание, но так как я не хотела, чтобы она плакала, то сказала, что еще поговорю с ней об этом после. Когда художник ушел, она мне сказала: «Теперь вы хотите меня бранить». Я очень мягко стала выговаривать ей, говоря, что маленькая девочка не должна быть капризной, и что она должна слушаться m-lle Тизенгаузен, когда меня нет. На это она мне очень забавно ответила: «Это не называется бранить, это называется баловать».

Когда камер-лакей назвал мне лиц, которые сегодня обедают у императрицы и между прочим г-жу Мальцеву, она очень рассудительно заметила: «Как только папа не обедает дома, г-жа Мальцева всегда обедает с мамой». Это настоящий *enfant terrible*¹.

---

¹ А.Н.Мальцева, супруга брянского помещика в заводчика С.И.Мальцева, пользовалась в течение долгих лет фавором у императрицы Марии Александровны. «В то время при большом дворе, — пишет кн. Мещерский про середину 60-х годов, — проносилось часто одно громкое имя: имя Анастасии Николаевны. Кто тогда не знал этого имени? Его носила в полном смысле слова прелестная женщина А.Н.Мальцева... Женщина эта была близким другом Т.Б.Потемкиной, была другом Марии Николаевны и затем, мало-помалу, сблизилась с императрицей до такой степени, что считалась самым близким и доверенным к ней лицом. Я часто в это время с ней виделся и не мог, подобно всем ее знавшим, не находиться под ее чарующим влиянием. В умном и красивом лице кипсека было столько жизни, столько оригинальной физиономии, что, несмотря на далеко не молодые годы, она производила свою наружностью именно чарующее впечатление. Но главное впечатление она производила своим умом, своею бойкою, так сказать, всегда энергичной сердечностью». Далее он говорит о том «странном, страстном и ревнивом образе, коим она осуществляла свой культ к императрице...» «К тому же А.Н.Мальцева была остроумна и ей ничего не стоило прибегать к острому словцу, чтоб той или другой личности не давать делать лишнего шага к придворной интимности. А так как в это время сама императрица старалась держать себя как можно отдаленнее от всего, что могло казаться политикой, то А.Н.Мальцевой было тем удобнее поддерживать свое привилегированное и исключительное положение самого близкого лица». «Она была при императрице тою призмою, через которую люди и события или получали производное освещение, или уменьшались в размерах — сегодня под влиянием заботы не слишком тревожить или беспокоить, завтра из опасения какого-нибудь другого влияния. Но в то же время, ничего не желая, кроме блага императрице, и одаренная от при-

1859 год

5 января.

Я присутствовала вчера на самой любопытной в мире вещи, именно на сеансе Юма. Император пригласил на этот сеанс несколько мужчин. Происходить он должен был в комнатах, находящихся против комнат государя в настоящее время свободных. У императрицы, которая не одобряет эти сеансы и не хочет больше присутствовать на них, было несколько дам: принцесса Маруся, в сопровождении графини Толстой, г-жа Мальцева, кн. Долгорукая и я. Здесь был и наследник-цесаревич, который умирал от любопытства знать, что происходит на сеансе, и не давал покоя императрице, чтобы она позволила ему пойти хотя бы в соседнюю комнату. Государь пришел к нам во время одного из антрактов сеанса. Мы попросили его спросить стол, допустит ли он дам. Стол в этот день оказался любезным и предложил нам войти. Александра Долгорукая, г-жа Мальцева и я вошли. Графиня Толстая отказалась из религиозных соображений. Мы застали там князя Суворова, графов Шуваловых,

---

роды добрым сердцем, она постоянно казалась мне лишенной главного — светлого спокойствия духа, ибо непрестанно должна была бороться сама с собой посреди ежедневного отлива и прилива впечатлений личных стремлений к добру. Она страшно желала, чтобы все доброе проходило только через нее и только через нее доходило до храма богини своего культа. А раз такая нота является доминантною, так сказать, нотою в культе к особе, то невольно она призывает к себе в союзники ум, а ум в этих случаях, в особенности когда он остер и тонок, дает подчас указания если не совсем, то немного лукавые относительно того или другого лица».

Другую, более резкую характеристику Мальцевой дает в своем дневнике кн. Черкасская со слов великой княгини Елены Павловны: «Теперь (1859 г.) самая влиятельная особа (при молодой императрице) — М. Она суетлива, беспокойна, окружена людьми самыми ненадежными, которые пользуются ее влиянием. Это рупор, который не понимает значения того, что его заставляют передавать».

отца и сына, графа Адлерберга, барона Ливена, Кушелева и Гримма, но трое последних пошли к императрице и к дамам, оставшимся при ней; все они поместились в соседней комнате. Мне тут пришлось быть свидетельницей всех тех любопытных явлений, о которых до сих пор я только слышала. Стол, на который мы только слегка положили руки, поднимался над землей на значительную высоту, наклонялся направо и налево, причем ни лампа, ни карандаш, ни другие предметы лежавшие на нем, совершенно не двигались с места, даже пламя лампы не колыхалось. Он отвечал ударами; один означает — нет, два раза — может быть, три раза — да; пять раз означает, что он требует алфавит, и тогда он стуками указывает буквы. Я получала ответы на свои вопросы посредством ударов под моим стулом, а так как у меня стул был соломенный, то я столько же чувствовала удары, сколько слышала их. Я спросила сперва у стола, дух ли он. Он ответил, что он дух умершего человека и потребовал алфавит, но отказался писать для кого-либо, кроме князя Суворова, и для него написал имя Фридриха. Ставя ему вопросы, я обращалась к нему на ты, он рассердился, стучал очень сильно, потребовал алфавит и продиктовал мне: «Можно говорить «ты» только Богу».

Кто-то вошел, в комнате произошел беспорядок, и проявления духов прекратились. Однако затем они возобновились. Мы увидели, как акордеон, который держал Юм, управляемый невидимой рукой, заиграл очень трогательные церковные напевы. Он играл также в руках г-жи Мальцевой и кн. Долгорукой, Мы услышали шуршание руки по шелковому платью кн. Долгорукой, и этим способом давались ответы: «да» и «нет». Я чувствовала, как меня сильно схватили за колени. Все время я и все присутствовавшие ощущали на руках и на ногах движение ледяного воздуха. Что касается меня, то я совершенно окоченела и, сверх того, едва боролась с охватывавшим меня сном, хотя я была в высшей степени заинтересована тем, что происходило. (В эту ночь я проспала беспросыпно восемь часов сряду, хотя уже много ночей страдала от бессонницы вследствие головной и зубной боли.) Один из моих первых вопросов духу заключался в том,

может ли он проявляться в стульях, так же, как в столах, и я все время чувствовала маленькие удары по своему стулу. Когда граф Адлерберг вышел из комнаты, стол перестал вертеться и, когда его спросили, почему это так, он попросил, чтобы граф Адлерберг вернулся, так как он помогает манифестациям. Все удары производились с невероятной быстротой, никакое движение человека, или даже нескольких людей не могли бы с такой быстротой поднимать большой и тяжелый стол. Это или магнетическое явление, до сих пор неизвестное, или же явление сверхъестественное. Но в таком случае спрашиваешь себя, почему же эти проявления так глупы. Если здесь замешан черт, он должен был бы быть умней. Он пользуется своим искусством только для того, чтобы говорить общие места и делать плоские замечания, никогда не говорит о грядущем, ни о мире духов, ни о будущей жизни, ни о чем таинственном, как любят делать злые духи, чтобы обмануть любопытный ум человека. Он вам только сообщает: «Меня зовут так-то и так-то, я тебя знаю или не знаю», — вообще глупейший маскарадный разговор. Никогда я не слышала чего-либо заслуживающего внимания в откровениях этих духов, ничего такого, чтобы превосходило понимание самого среднего человека.

Вчера я была в настроении припереть к стене духа вопросами, но меня прервали, и у меня ничего не вышло. Самая любопытная вещь, по моему мнению, это то, что большие часы с играющими обезьянами, о которых я рассказывала и которые после последнего сеанса Юма в Царском разбудили меня ночью, так как весь механизм пришел среди ночи в движение, не будучи заведен, — эти самые часы, перевезенные сюда и поставленные на шкаф, с тех пор не заводившиеся и не игравшие, сегодня утром опять-таки пришли в движение, хотя их никто не трогал; все обезьяны задвигались и произвели ужасающий шум. Между тем, эта машина заводится с большим трудом толстым ключом, и тогда лишь все три обезьяны начинают играть на своих инструментах. Этот инцидент, должна сказать, вызвал во мне неприятное чувство. Во время самого сеанса, наоборот, мне совершенно не было страшно, я скорее была склонна забав-

ляться и смеяться; только почувствовав прикосновение, я невольно вскрикнула. Я спрашиваю себя, есть ли во всем этом что-нибудь дурное или нет. Это времяпрепровождение кажется довольно невинным, а, между тем, я боюсь, как бы тут не было скрытого искушения, а все-таки это так забавно и так любопытно. Как разрешить все эти вопросы?

23 января.

Я сегодня вечером одна и мне очень грустно. Императрица выказывает мне полное равнодушие...

8 февраля.

Я получила сегодня отчет о расходах великого князя Сергея и великой княжны Марии за прошлый 58-й год. Я с удовольствием заметила, что ввела значительные улучшения. До 1 августа, когда я стала вести расходы, на туалеты великой княжны было израсходовано 2405 р., а на великого князя 2411 р.; с того же момента, как я взяла ведение расходов на себя и до 1 января, для великого князя истрачено было 482 р. а для великой княжны — 909 р. До меня расходы на извозчиков доходили до 150—180 р. за треть года, а теперь тоже за треть тратится около 16 р. И то же самое для мелких расходов. Я наслаждаюсь при мысли о том, что таким образом мешаю моим подчиненным красть. Я не понимаю того, почему господа министры не доставляют себе того же удовольствия в своих департаментах. Это такое наслаждение — искоренять злоупотребление и заставлять людей быть честными. Я очень довольна m-lle Тизенгаузен. Она — сама честность и толковость. Я установила все расходы, просматриваю их каждый месяц и нахожусь в курсе того, что у нас есть, и всего того, что покупается, но не вмешиваюсь в мелкие детали, не экономлю на огарках; великая княжна одета лучше, чем прежде; тем не менее, расход сокращен наполовину, потому что на этом деле у меня человек деятельный, толковый, и во всем порядок.

Вчера из Рима получены дурные известия о маленьком Строганове. Он умирает, бедная великая княгиня Мария Николаевна в полном отчаянии. Она боготворила этого

ребенка, но, несмотря на эти дурные вести, у императрицы-матери состоялся маленький французский спектакль; императорская семья, впрочем, удалилась, как только пьеса была сыграна, и в десять часов нас отпустили.

10 февраля.

Ребенок великой княжны Марии Николаевны еще жив, хотя все депеши за последние три дня говорят о том, что он при смерти.

В воскресенье при дворе был бал, блестящий и невыносимо скучный, как всегда. Я не могу сказать, до какой степени свет и особенно двор наводят на меня тоску и злость с тех пор, как я ясно понимаю все, что скрывается за этими масками, сколько мелкого честолюбия, пустого тщеславия, как мало правды и великодушных стремлений. Ложь и тщеславие. Выходя оттуда, испытываешь потребность молиться.

Императрица очень озабочена и грустна; я думаю, ее тревожит не только болезнь ребенка великой княгини, но и тот оборот, который принимает внешняя политика. Австрия опять играет с нами скверную игру. Она оказывает сопротивление избранию Кузы в объединенных княжествах¹ и хотела бы вызвать с нашей стороны выступление, которое бы нас скомпрометировало. Если Россия выскажется против избрания, она пойдет против собственных своих интересов, служа интересам Австрии и отчуждая от себя молдаво-валашские и славянские народы. Если же выскажется за Кузу, она тем самым молчаливо, но активно становится на сторону княжеств против Турции и Австрии, а в настоящее время воевать для России так же невозможно, как пойти на бал женщине во время родов.

Война между Францией и Австрией за Италию кажется неизбежной. И конечно, если только война разразится, остальные европейские государства должны будут стать на ту или другую сторону. Но если Россия будет

---

¹ Александр-Иоанн Куза, избранный 5 февраля 1859 г. князем Молдавии и 23 января того же года князем Валахии, был утвержден султаном только в 1861 г.

втянута в войну в настоящую минуту, когда у нас более чем достаточно дела у себя дома с освобождением крестьян, когда отношения между народом и так называемым дворянством очень ненадежны, Бог знает, что из всего этого может выйти. В воздухе носится как бы предчувствие чего-то рокового. Наше общество слишком развращено, чтобы оно могло обойтись без великого искупления. Может быть нехорошо то, что я сейчас скажу: я жажду страданий за себя и за других; меня тяготит эта обстановка материального благополучия, роскоши, тщеславия, в которой погибают или, лучше сказать, уже погибли все нравственные устои, всякий порыв, всякое идеальное стремление, всякие религиозные и политические убеждения, всякая способность к самопожертвованию...

24 марта.

Вчера, поднявшись к императрице после ее обеда за маленькой великой княжной, я застала девочку в слезах. Императрица сказала мне, что государь рассердился на наследника и бранил его за то, что он в то утро дурно выполнил какое-то упражнение при верховой езде. Девочка пришла в такое огорчение, что заплакала, и целый час не могла утешиться. Как только государь остался один, она пошла к нему и просила его простить брата, что он ей обещал, только тогда прекратились и слезы. Вообще она не может выносить, чтобы бранили кого-нибудь из ее братьев. Это приводит ее в состояние настоящего отчаяния; иначе она никогда не выказывает особенных чувств к ним. Сегодня утром она спросила меня, хорошо ли то, что она плакала, потому что бранили ее брата. В этом наивном вопросе я нашла зародыш тщеславия, которое мы черпаем из нашей сострадательности и добрых чувств. У меня сжалось сердце. Увы! Добро так близко от зла, даже в этих чистых дорогах маленьких душах. Я сказала, что лучше плакать из-за этого, чем из-за каприза, и что очень естественно, что она огорчилась от того, что бранили брата.

2 апреля.

Злосчастный день. Я повела великую княжну к императрице-матери в Аничков дворец. Сначала она была очень

мила и вежлива, но после того, как императрица увела ее одну в свой кабинет, я, придя за ней через четверть часа, застала ее в слезах. Она с отчаянием повторяла: «Мне скучно здесь, я хочу уйти». Императрица имела вид не очень довольной этим слишком чистосердечным признанием. Я сочла нужным применить большую строгость, чтобы избежать повторения подобных сцен. Я сказала великой княжне, что не повезу ее на вербное гуляние, которое только что открылось и от которого она ожидала много удовольствия. Когда мы вернулись домой, она стала просить у меня прощения и очень плакала. Мне очень хотелось ее поцеловать, но я осталась тверда и сказала ей, что когда государь и государыня вернутся, она сама должна им рассказать, как она вела себя, и что я ее прощу только после того, как они ее простят. Она меня спросила, сколько часов я буду еще на нее сердиться, с таким комическим отчаянием, что мне трудно было удержаться от смеха. Затем, несмотря на все свое горе, она мне сказала: «А если я еще раз сделаю то же самое, вы не простите меня никогда?». Вообще в критические минуты она любит предполагать самое худшее. Когда государь и государыня вернулись, она со слезами рассказала им свой большой грех: «Мне всегда скучно у бабушки, и мне хочется плакать, даже когда там мама; только я удерживаюсь, но сегодня я была одна и не могла удержаться»...

В пятницу и субботу маленькая великая княжна была больна. В пасхальное воскресенье пришлось позвать доктора и дать ей слабительное. Однако она не лежала и принимала поздравления своих домашних и раздавала им яйца. Очень забавно видеть серьезность и важность, с которыми она выполняет свои обязанности по представительству, с каким жестом маленькой императрицы она дает яйцо и подносит руку для поцелуя. Это у ребенка врожденное, этому невозможно научить. Здесь говорит кровь. Эту неделю я окружила ее детьми, чтобы она играла с ними и немножко поглупела. Я боюсь ее слишком быстро развивать, давая ей чересчур много серьезных впечатлений. Она все еще не совсем здорова, довольно капризна и плаксива. В ней начинает развиваться большое самолюбие, и она больше всего боится, чтобы с

ней не обращались как с маленьким ребенком. Недавно она не хотела идти в церковь, потому что императрица сказала, что ее надо посадить, чтобы она не слишком устала. В один из праздников она не хотела обедать у государя, потому что должны были подать ей ее собственный обед, а не давали обеда больших. Упорство ее кроткое, но настойчивое, она никогда не забывает того, что решила, и с ней не помогает время, как с другими детьми, так как она всегда возвращается к своим мыслям.

16 апреля.

Сегодня вечером за чаем государь рассказал нам, что он получил письмо от австрийского императора, который снова взывает к великодушию России. Государь сказал, что он ответил Карольи, привезшему письмо, что есть оскорбления, которые он, как человек, мог бы, быть может, забыть, но, как русский император, — никогда. Когда государь говорит об Австрии, его лицо принимает прекрасное выражение ненависти, радующее сердце; это лучшая гарантия, что мы не впадем больше в глупые ошибки, так дорого стоившие России. Императрица рассказывала мне, что недавно на танцевальном вечере у Ольденбургских добрейший принц Петр затеял с ней политический разговор с тем, чтобы доказать ей, что Австрия совершенно права и что не подобает быть заодно с теми, кто нападает на ее итальянские владения. На это государь сказал: «О, у нас здесь не мало трусов, которые думают так же и дрожат при мысли о войне и желают только одного, как можно скорее восстановить приятельские отношения с Австрией». Это верно. Атмосфера полна *Deutsche Stromungen*¹, как их остроумно называет великая княгиня Елена Павловна. Барон Петр Мейендорф, мнение которого имеет большое значение при дворе, его жена, сестра графа Буоля, военный министр Сухозанет, министр Чевкин, Панин, Долгорукий — все они на стороне Австрии, все они твердят, что, владея Польшей, нельзя поддерживать права угнетенных народностей. Но Горчаков теперь держит себя превосходно.

¹ Немецкие течения.

17 апреля.

Был большой бал, на котором присутствовал дипломатический корпус и даже австрийцы. Карольки наивно сказали императрице, что он находит в Петербурге большую перемену, изменилась даже нравственная атмосфера. Я думаю! Он был здесь последний раз в те дни, когда император Николай благословлял императора австрийского, считал его своим пятым сыном, а на самого себя смотрел, как на краеугольный камень общественного порядка. С тех пор времена изменились.

Сегодня получено известие, что герцоги Тосканский и Пармский бежали, в их столицах возникли временные правительства, а Виктор-Эммануил объявлен диктатором Италии. Дай Бог успеха моим дорогим итальянцам, и потом да поможет он возлюбленным славянам. Я поздравила Горчакова и сказала ему, что с радостью вижу, как он начинает заботиться об замужестве моей великой княжны; я намекала на шуточный разговор, который когда-то имела с ним; я ему тогда говорила, что буду ждать, какой выбор он предложит великой княжне, когда ей минет 16 лет: короля греческого, короля венгерского, принца сербского, черногорского, румынского или чешского и т.д., и т.д. Федерация славянских народов! Осуществится ли когда-нибудь это слово, так много осмеянное и так долго отвергавшееся?

21 апреля.

Императрица страшно устала за последнюю неделю. Кроме двух поездок в Царское по случаю рождения маленького Николая Михайловича, ни одного дня не прошло без выхода аудиенций, обеда или бала. Я удивляюсь, как ее тщедушный организм выдерживает все эти геркулесовы труды. Мы сегодня рано переехали в Царское, где императрица-мать живет уже неделю.

Сегодня день моего рождения. Мне тридцать лет. Я провела день невыразимо утомительный: убирала, укладывала, забывала, вспоминала, приказывала, разрешала затруднения, принимала скучных посетителей, прощалась. Приехав сюда, пришлось все начинать сначала в обратном направлении: надо было устраиваться вновь, и сре-

ди всего этого маленькая девочка, которая требует, чтобы ее занимали. Мне очень хотелось в этот день повидать хоть немного своих, но не было никакой возможности, к тому же я была так задержана, что у меня не было места ни для малейшего чувства. Так проходят у меня все праздники — между волнениями и одиночеством! Вечер, уложив свою девочку, я провожу одна в холодной и плохо меблированной комнате. Что за скверная жизнь — жизнь при дворе; тем более, что так трудно удержаться от горького чувства к горделивым счастливым, которые, поглощая наше жалкое существование, принимают это как должное, не задумываясь, вероятно, никогда, над тем, что наше время, наши силы, наш ум, которыми они так бесцельно, расточительно пользуются, мы могли бы, быть может, употребить на то, чтобы дать счастье другим и себе. Печально, что столько существ должно быть стеснено для того, чтобы одному было хорошо, и так много людей должно страдать для того, чтобы один мог наслаждаться, да еще, наслаждается ли он, и хорошо ли ему? Это общий и роковой закон.

Маленькая великая княжна подарила мне, проснувшись, веточку fleur d'orange¹, которую она потом хотела непременно отнять у меня, когда я ей сказала, что это дают только невестам. В тридцать лет — это подарок, который уже не имеет значения.

15 мая.

Чудная погода, жара совершенно июльская. Мы сделали сегодня очень хорошую прогулку в Павловске вдвоем с моей маленькой княжной. Мы рвали цветы. Она их так любит, и спрашивала меня, есть ли красивые цветы в раю. Сегодня вечером у меня был Рачинский, который читал мне свои письма из Болгарии, и монах, который был миссионером на Алтае и собирается вернуться туда, как только его здоровье поправится. Он провел восемь лет непрерывно верхом на лошади, питаясь одним чаем, в разъездах по этой дикой стране, чтобы обратить в христианство народы, поклоняющиеся дьяволу. Он собира-

---

¹ Флердоранж, цветок апельсина.

ет деньги для вновь обращенных и для основания монастыря, а Рачинский просит денег для основания школы в Кукуше, в Болгарии. Вот очень различные интересы, и, тем не менее, это все интересы России, великой России.

Австрийцы разбиты при Монтебелло, но они молчат об этом поражении. Последняя телеграмма из Англии определяет потери австрийцев в 500 человек. Французы говорят про 2000 человек.

24 мая.

Сегодня получена депеша о страшном поражении, понесенном австрийцами близ Новары. 15 000 человек убито или ранено. Подробностей еще нет. Императрица думает, что ее брат, принц Гессенский, участвовал в этом сражении. Очень грустно, что к удовольствию видеть австрийцев разбитыми у нее примешивается тревога за брата. В течение недели у нас стояла июльская жара; за неделю растительность произвела всю ту работу, которую она обыкновенно совершает в течение месяца. Затем пошел дождь, и температура упала с 20° в тени до 2°, и от кисейных платьев мы перешли на ватные пальто. Меня беспокоит здоровье великой княжны. Во время этой жары она как бы впала в расслабленность, не разговаривала, не играла, не кушала и не спала. Лицо ее стало бледным до прозрачности и нервно осунулось. Она страшно растет, худеет, и у нее постоянное расстройство желудка. Я очень беспокоюсь, и Шольц, доктор детей, не внушает мне никакого доверия. Это — пошляк, и, чувствуя, что я его не люблю, он всегда соглашается с моим мнением. Но я не доктор! Он был болен, и я обратилась к Гартману, который дал великой княжне порошки. Ей лучше с тех пор, как стало свежей. Тем не менее, она так нервна, что сегодня плакала от сказки об аленьком цветочке. Она так любит цветы и так счастлива, когда может рвать те, которые растут в полях и лесах. Она мне говорила: «Я не люблю нарядных цветов». Она так называет садовые цветы.

24 мая.

Известия о сражении при Мадженте подтверждаются, хотя австрийская телеграмма сообщила, что францу-

зы перешли обратно через Тичино. По-видимому, сражение с переменным успехом продолжалось три дня, но австрийцы были окончательно разбиты. Вчера и сегодня утром были одно за другим получены известия, что в Милане восстание, что войска сардинского короля вступили в Милан, что Виктор-Эммануил провозглашен королем Ломбардии, и что сегодня утром император Наполеон совершил торжественный въезд в Милан среди неописуемого восторга. Принц Гессенский участвовал в сражении при Мадженте; но Балабин телеграфирует из Вены, что он невредим. Императрица-мать уехала вчера в Петергоф. Императрица Мария Александровна сегодня утром ездила в город, проститься с великой княгиней Еленой Павловной; она послезавтра едет к своей дочери, великой княгине Екатерине Михайловне, у которой третьего дня родился сын. У нас сегодня совершенно летний день, жара неописуемая вперемежку с чудными грозами, какие бывают только в июне. Воздух благоухает. Я пригласила сегодня маленькую княжну Тамару, дочь бывшей царицы Грузинской. Эта девочка больна от тоски по родине. Она одних лет с великой княжной; ее личико исхудало от болезни и печали. Я никак не могла заставить ее играть, а через два часа она со слезами стала просить, чтобы ее отвезли домой. Меня беспокоит, что у моей маленькой великой княжны нет товарищей для игр. Для детей так вредно быть одним.

9 июня.

Моя сестра Дарья опасно заболела. Мы были на вечере у императрицы и разговаривали о мономании Натальи Бартеневой; государь обратился к моей сестре, но она ему не ответила. Я взглянула на нее; глаза ее куда-то уставились; лицо совершенно исказилось. Она делала усилия что-то сказать, но издавала только нечленораздельные звуки. Я поспешила увести ее, думая, что это нервный припадок. Вернувшись к себе в комнату, она вдруг разразилась слезами и криками, а вскоре потеряла сознание. Когда она открыла глаза, с ней вдруг сделались судороги. Она не могла говорить, и совершенно неподвижные глаза как бы выходили из орбит. Знаками она объяснила мне, что хочет причаститься.

Я поняла, что у нее прилив к голове и поспешила послать за докторами, но они все не являлись. Я велела поставить ей горчичники и послала за пьвяками. Припадки становились все сильнее и сильнее, и я побежала к императрице за имевшимися у нее мощами, о которых, как мне казалось, просила сестра. Государь и государыня спустились к ней. Между тем прибыли Енохин, врач государя, и Жуковский, врач епархиального училища. Ей положили на голову лед, поставили пьвяки, все тело покрыли горчичниками. Доктора сказали, что это прилив к голове, и были очень озабочены. Пришел священник, но так как она больше не требовала его, я не решилась его позвать к ней. Вдруг она страшно заволоновалась, из ее груди раздался глухой звук, который я и остальные присутствующие приняли за предсмертное хрипение. Доктора сказали, чтобы позвали священника. Никогда, никогда в жизни не испытывала я такого глубокого ужаса, тем более, что все это совершилось в течение полутора часа. Я готова была убежать куда-нибудь в сад (у меня и была только одна мысль — бежать), если бы императрица не удержала меня силой, не поставила на колени перед образами и не приказала мне молиться. Тогда я машинально стала повторять слова молитвы, которые она произносила, но так как во мне и вокруг меня был сплошной хаос, я ничего уже не видела и до моего сознания доходил только один этот голос, произносивший слова молитв.

Боже, сколько мыслей навеяла на меня впоследствии эта ночь о том крайнем легкомыслии, с которым мы проводим жизнь, из-за чего Господь находит нас совершенно не подготовленными, когда он приходит и стучит к нам в дверь! Когда священник подошел к сестре, она вдруг испустила крик такого неопишемого ужаса, что я пришла в себя. Тут ее начало непрерывно рвать потоками желчи. Доктора говорили, что это ее спасло, но она уже не могла причаститься.

Государь и государыня ушли в половине первого. Мое сердце не сумеет выразить той глубочайшей благодарности, которую мне внушила их доброта. Да воздаст им Господь тысячекратно! Судороги и рвота продолжались еще

до пяти часов утра. Енохин ушел, Жуковский оставался всю ночь. В пять часов к Дарье вернулась способность речи, хотя она еще говорила одно слово вместо другого. Она заснула глубоким и покойным сном. На другой день она проснулась еще слабой, но в полном сознании, и совершенно ничего не помнила из того, что произошло.

В этот день из Москвы приехала Китти, которая должна была со мной вместе ехать в Гапсаль. Наш отъезд, сначала назначенный на 13-е, был затем отложен до 16-го. Вдовствующая императрица в тот же день должна была ехать за границу. Доктора решили, что Дарье тоже нужно ехать за границу пить карлсбадские воды, и было решено, что ее перенесут на пароход, на котором императрица-мать должна была ехать в Германию. Мысль об отъезде и приготовления к нему так взволновали мою бедную сестру, что накануне дня, назначенного для отъезда, с ней сделался второй и еще гораздо более бурный припадок: она восемь часов была без сознания, все время в ужасных судорогах и с кровавой пеной у рта. На этот раз я сохранила самообладание, так что во все время припадка оставалась при ней, держа ее за голову и за руки. Это продолжалось восемь часов, после чего она пришла в себя достаточно, чтобы ощутить боль в языке, который она искусала зубами во время припадка. Но в течение суток не восстанавливались ни ее память, ни способность речи.

Я была вне себя при мысли о том, что на другой день я должна ехать, оставив ее в таком положении, казавшемся мне смертельным, тем более что Здекауэр, которого позвали на консультацию, сказал, что он ни за что не ручается, прежде чем не отдаст себе отчета в болезни. Я тогда особенно живо почувствовала неприятную сторону зависимого положения; я должна была ехать якобы для здоровья ребенка, в сущности здорового, и покинуть свою умирающую сестру среди чужих. Я была вне себя и умоляла императрицу позволить мне остаться. Она была очень добра ко мне и, переговорив со Здекауэром, решила в тот же вечер, что великая княжна не поедет на другой день с великими князьями Алексеем и Сергеем, но что мы подождем парохода, который отвезет обратно

в Гапсаль наследника после его приезда на торжество открытия памятника императору Николаю 25 июня. Это мне давало десять свободных дней. Императрица была так добра, что я никогда не буду в состоянии выразить своей благодарности не только за самое ее благодеяние, но и за то, как оно было оказано; мне трудно выразить также свой стыд и раскаяние в чувстве горечи, которые я испытала от своей зависимости по отношению к лицу, которое умело смягчать эту зависимость любовью и великодушием.

На этот раз моя сестра поправлялась очень медленно. Слабость была страшная, боли в голове и печени очень сильные. При дворе стали говорить, что у нее припадки эпилепсии, и хотя Здекауэр сказал, что мозговая болезнь, которой она страдает, совершенно другого рода, чем эпилепсия, никто не обратил на него внимания, и я убеждена, что как бы она ни поправилась, тем не менее, при дворе она до конца дней своих будет слыть эпилептичкой. Сестра призналась мне за время своей болезни, что одна из причин, которая привела ее в такое состояние были сплетни, переданные ей услужливыми друзьями, о ее флирте с государем. Она чуть не умерла от этого, так велико было огорчение, которому еще способствовала ее обычная ипохондрия — вот до чего доводят эти мелкие пересуды и на воздух сказанные вздорные сплетни, которые обыкновенно считаются такими забавными и невинными.

Все эти волнения, утомления и тревоги, вызванные болезнью сестры, вдобавок утомление от службы, которой я не могла и не хотела пренебрегать, столько бессонных ночей — все это на меня тоже сильно повлияло, и я чувствовала себя совершенно больной, когда поехала в Гапсаль. 25-го весь двор отправился в город для участия в торжестве открытия памятника. Великая княжна не присутствовала на торжестве, но мы потом ездили смотреть статую, которая показалась мне чрезвычайно безвкусной и совершенно не к месту. Двор в тот же вечер переехал в Петергоф. На следующий день, 26-го, государь и государыня поехали поздравить великую княгиню Александру Иосифовну с днем ее рождения, а мы долж-

ны были сесть на пароход в Стрельне. Я была смертельно грустна, расставаясь с сестрой; ей, правда, было гораздо лучше, но она была еще очень слаба и 4 июля должна была ехать за границу на неопределенное время. Здекауэр послал ее на воды в Эмс, а затем в Швейцарию для лечения виноградом и советовал ей даже оставаться там целый год.

Я расставалась с императрицей в первый раз за те семь лет, которые состою при ней, когда всякий день, проведенный вдаль от нее, всегда казался мне величайшей пыткой. Государь и государыня проводили детей до Кронштадта, где мы пересели на «Гремящего». Я не могу сказать, до какой степени я чувствовала себя грустной все время этого переезда. Мне так хотелось услышать несколько хороших ободряющих слов со стороны императрицы, но она не сказала мне ни слова. Совершенно в ее духе выказывать холодность и равнодушие в серьезные минуты. Девочка горько плакала, расставаясь с матерью. Императрица, видимо, владела собой до последней минуты, но, спускаясь с «Гремящего», она расплакалась. Она расставалась второй раз с дочерью. Когда мы снялись с якоря, я увидела ее на палубе «Александрии», издали осенявшей крестным знаменем свою дочку; крупные слезы струились по ее щекам. Девочка истерически рыдала. К счастью, на пароходе оказалась обезьяна, которая отвлекла ее от ее горя, и вскоре я увидела, что она играет и смеется, и могла сама свободно предаться своим слезам. Переезд был очень удачен. С нами ехало несколько генералов, приехавших из Эстляндии на торжество освящения памятника, которых наследник пригласил на свое судно, между прочим, Суворов, генерал-губернатор прибалтийских губерний. Вечером он подсел ко мне и долго говорил со мной об императрице с таким одушевлением и с такой восторженной любовью, что мне было очень приятно его слушать.

Мы приехали в Гапсаль 24-го. Это место унылое и некрасивое, а я была в таком настроении, что даже самое прелестное место в мире показалось бы мне некрасивым. Я нашла Сергея Александровича похудевшим и побледневшим от грязевых ванн.

Доктора, которых я созвала для установления лечения великой княжны, нашли, что ни грязевые, ни морские ванны ей не годятся ввиду ее крайней нервности, и что ей нужны теплые ванны с отрубями, которые с таким же успехом можно было делать в Петергофе, если бы у императрицы не было страсти мучить себя и других ненужными жертвами. Первое ее письмо ко мне было полно упреков самой себе за то, что решилась расстаться со своей маленькой дочкой.

Мы помещались в самом лучшем доме местечка, принадлежавшем графине ла Гарди. Но и здесь нам было очень тесно и плохо, так как большинство комнат было необитаемо вследствие сильного запаха от уборной. Сад, принадлежавший дому, был обширный и нравился детям, которые собирали в нем всякого рода плоды и овощи. Мы вставали в семь часов, пили чай и отправлялись на целое утро в сад. Сергей Александрович оставался там до одиннадцати часов, когда он шел брать ванну. Две девочки Гримм, дочери инспектора классов великих князей, также приходили играть с великой княжной. Когда это мне удавалось, я немного читала со своей сестрой¹, но дети требовали такого напряженного внимания, которое при моем состоянии крайнего нервного возбуждения не давало мне возможности чем-либо заняться. Я мало помню в своей жизни периодов, столь тяжелых, как эти несколько недель, проведенных в Гапсале. Я находилась целый день при великой княжне, не имея для отдыха даже тех часов, которые она обыкновенно проводила с императрицей. Болезнь сестры меня окончательно надорвала, я проводила совершенно бессонные ночи, и когда мне случалось заснуть, то немедленно просыпа-

---

¹ Екатериной Федоровной, которая сопровождала А.Ф.Тютчеву в эту поездку. В письме к Победоносцеву от 4 августа 1880 г. она вспоминает свое пребывание в Гапсале: «Помню этот городок с 1859 г. Провела там лето с Анной при Марии Александровне, тогда ребенке. Мы жили в большом доме, а наследник, которому не минуло еще 16 лет, с воспитателем Н.В.Зиновьевым жили во флигеле. Николай Александрович часто писал нам записки, уславливаясь о разных прогулках, и его почерк и правописание были достойны 8-летнего мальчика. Но как он был мил и радостен в этот золотой 15-летний возраст на свободе!»

лась с чувством невыносимой тоски. Я старалась самой себе не признаваться в своем горе от разлуки с императрицей, мне самой это представлялось смешным, но мне было тяжело на сердце, а в голове проносился целый ряд нелепых страхов относительно ее здоровья; если же проходило несколько дней без телеграммы или одна почта без письма, я впадала в отчаяние, тем более тяжелое, что я старалась скрыть его даже от самой себя, понимая его бессмысленность...¹

1881 год

20 марта.

Мой муж и я приехали в Петербург; мой муж — по приглашению членов Славянского комитета², которые писали ему в Москву и просили его принять участие в чрезвычайном заседании комитета, посвященном памяти убитого государя; я же — по приглашению великой княгини Марии Александровны и великого князя Сергея. Я остановилась у сестры своей³ во дворце, мой муж в гостинице.

---

¹ В дневнике 1859 г. имеются еще две записи под 26 и 27 декабря, касающиеся великой княжны Марии Александровны. Этими записями заканчивается текст сплошных дневников. Далее следуют разрозненные записи за 1870 (на сугубо внешнеполитические темы — о Восточном вопросе, Парижском трактате, политике Бисмарка и т.д. — и об адресе Московской городской думы государю-императору; они опущены в этом издании), 1881 и 1882 гг.

² Славянский благотворительный комитет основан в 1858 г. кружком московских славянофилов во главе с М. П. Погодиным и имел целью помощь православным славянам. В связи с приездом славянских гостей в Петербург на этнографическую выставку в 1867 году, в следующем, 1868 году образовался Петербургский отдел Славянского благотворительного комитета. Отдел с большой энергией занимался сбором пожертвований и изданием книг. В 1877 году после начала русско-турецкой войны отдел был преобразован в Петербургское Славянское благотворительное общество. В 1878 году И. С. Аксаков выступил в Москве в Славянском комитете с речью, заключавшей в себе критику действий русских дипломатов на Берлинском конгрессе, за которую был выслан из Москвы.

³ Фрейлины Дарьи Федоровны Тютчевой.

Это был двадцатый день смерти государя. Я присутствовала на обеде во дворце. В 12 часов служили панихиду в крепости для царской семьи и для лиц свиты. Государь и государыня отсутствовали. Баранов, только что вступивший в должность градоначальника, сказал моему мужу, что через иностранную полицию получены такие тревожные известия о новых готовящихся покушениях, что пришлось принять строгие меры предосторожности и не выпускать государя из ограды Аничкова дворца. Петербург, несмотря на оживление большой столицы, имеет очень мрачный вид. Дворцы Зимний и Аничков окружены канавами, около которых расхаживают патрули. Это производятся раскопки в поисках мин, которые, как предполагают, проложены около дворцов, хотя о реальности этих мин ходят только смутные и противоречивый слухи¹.

По возвращении из крепости великая княгиня и великий князь Сергей посетили меня в комнате моей сестры и оставались довольно долго. Все недавнее прошлое, протекшее с того момента, как я рассталась с ними после похорон их матери, все это прошлое, так печально ознаменованное, во-первых, злосчастным браком государя², доставившим столько горя его семье, а затем ужасной катастрофой его смерти, было таким предметом разговора, которого нам было чрезвычайно тяжело касаться; между тем, наши сердца были слишком подавлены этими тяжелыми воспоминаниями, чтобы говорить о чем-либо другом. Поэтому, несмотря на грустную радость свидания с моими прежними воспитанниками, мы чувствовали себя неловко по отношению друг к другу.

---

¹ Об этом пишет Победоносцев к Ек.Ф.Тютчевой 13—15 марта 1881 г.: «Перед Зимним дворцом против Салтыковского подъезда роют по распоряжению Баранова канаву; при этом успели перерезать 17 проводов от мины».

² Александр вступил в мorganатический брак с княжной Екатериной Михайловной Долгорукой 19 июля 1880 г., через два месяца после смерти Марии Александровны. Брак этот произвел удручающее впечатление на семью императора и на лиц, близких к умершей императрице. Очень резко реагировала на такое неуважение к памяти императрицы Дарья Федоровна Тютчева, которая откровенно выразила свои чувства в письме к императору, демонстративно покинула дворец, уехала в Москву и до смерти Александра не появлялась при дворе.

Позднее я более откровенно говорила с великой княгиней. Она, со свойственной ей честной искренностью, сказала мне, что покидая Россию в августе, она совершенно ничего не знала о вторичном браке государя, что из России никто ей ни слова об этом не писал, что фактически было и невозможно, ввиду перлюстрации переписки, пересылаемой как по почте, так и с курьерами. Великая княгиня не придавала никакой веры иностранным газетам, которые говорили о браке государя, как о достоверном факте. Только в ноябре великая княгиня получила письмо от самого государя, который объявлял ей о браке со своей прежней любовницей, опираясь, в виде оправдания, на полное одобрение сестры своей Ольги, королевы Вюртембергской, которая, оставаясь верной своему низкому и льстивому характеру, приняла сделанное ей сообщение об этом недостойном браке выражениями самой восторженной симпатии. Это письмо королевы Ольги было послано как бы в виде циркуляра великой княгине и ее братьям, как образец того, как они должны держать себя. Я не знаю, каков был ответ великой княгини; она мне только сказала: «Вы понимаете, что Россия для меня была закрыта навсегда. Впрочем, я просила своего мужа и всех близких мне людей никогда не касаться со мной этого вопроса, так что до кончины государя я никогда не имела никаких подробностей относительно его новых семейных обстоятельств». В этом молчании было много достоинства и дочерней любви.

Что касается молодых великих князей, то государь сообщил им о своем браке через их воспитателя Арсеньева, ссылаясь и в этом случае на авторитет своей сестры. Для них это был страшный удар; они питали культ к памяти своей матери, так недавно скончавшейся. Сергей Александрович знал о связи своего отца, но он поставил себе задачей помешать тому, чтобы младший брат его, великий князь Павел, что-нибудь узнал об этом. И когда этот юноша, с душой, чуткой и чувствительной, узнал о том, что его отец не только женился вторично, но и то, что его теперешняя жена была его любовницей в течение пятнадцати лет и имела от него троих детей, признанных и узаконенных этим браком, он был так потрясен, что опасно заболел. Тем не менее, эти молодые люди, точно

так же как и их сестра, наложили на себя по этому вопросу полное молчание. Великий князь Сергей не говорил со мной о браке своего отца. Вообще, он произвел на меня впечатление человека, глубоко сосредоточенного на своем горе и со страхом избегающего всякого разговора, имеющего какое-либо отношение к печальным событиям последнего времени. Великий князь Павел так плохо себя чувствовал, что ему пришлось уехать в Италию через два дня после похорон государя.

22 марта.

Состоялось заседание Славянского комитета в большом зале банка Взаимного кредита. На этом собрании присутствовало около 2 000 человек. Сначала отслужили панихиду, сопровождавшуюся довольно неудачной проповедью. Затем Бестужев-Рюмин произнес несколько вступительных слов. После этого на кафедру вступил Аксаков; его появление было встречено продолжительными рукоплесканиями, которые возобновлялись несколько раз во время его речи. Он говорил со своим обычным красноречием, но более горячо и страстно, чем когда-либо, клеймя своим мощным словом преступление, повергшее Россию в горе и позор, дописывал самыми потрясающими красками современное положение России и с большой убедительностью выступал против неразумных и преступных поползновений и стремлений джелиберализма, который хочет толкнуть Россию на ложный путь конституционных реформ, чуждых ее национальному гению и истинным нуждам страны.

Его речь произвела грандиозное впечатление. Многие плакали, одни были красны, другие бледны от гнева — одним словом, сенсация была громадная. Было много представителей высших сфер общества, между прочим, генерал Игнатъев.

На другой день я встретила у великой княгини Марии Александровны великого князя Алексея. Он мне сказал обычным своим насмешливым тоном, довольно неуместным: «Фурор, Анна Федоровна, фурор. Речь вашего мужа произвела фурор». Я ответила ему довольно сухо: «Я не знаю, произвела ли речь фурор; я знаю только, что были по достоинству оценены здравые мысли, талант-

ливо выраженные». Великий князь сказал мне: «Что бы ни говорил ваш муж, а России придется в конце концов прийти к конституции». — «Какую конституцию желает ваше высочество: английскую, французскую, германскую, бельгийскую?» — «Само собой разумеется, конституцию, соответствующую стране»... — «А если страна не желает отнять у государя власть, которую она ему доверила, чтобы передать ее в руки партии так называемых петербургских либералов, совершенно чуждых народу? Вопрос такой важности не может быть решен в Петербурге при закрытых дверях. Прежде чем заносить руку на краеугольный камень социального и политического строя в России, нужно узнать, чего хочет страна, а чтобы страна могла высказать то, чего она хочет, нужно чтобы она была правильно представлена. Но очень сомнительно, чтобы в настоящее время страна была достаточно зрела, чтобы иметь такого рода представительство».

Я не сильна в политике, но мне кажется, что великий князь еще менее меня силен в ней. У него есть смутная мысль, что нужно быть либеральным, и сделать что-нибудь либеральное для страны¹. В этом отношении он таков, как большая часть петербургского общества, которое думает, что достаточно заимствовать у Запада некоторые либеральные учреждения и применить их к России как непогрешимую панацею для того, чтобы все устроилось; никто из них ни на минуту не останавливается на том простом соображении, что Россия совершенно своеобразный организм, обладающий очень определенной индивидуальностью, с присущими ему условиями существования, от которых зависит и закон ее развития.

25 марта.

Я была у обедни в крепости и стояла около гробницы государя и государыни. Толпа была так велика, что, раз

---

¹ Со слов Анны Федоровны Екатерина Федоровна Тютчева пишет 29 марта 1881 г. Победоносцеву: «Великие князья ничего не знают о мыслях и намерениях государя, вас бранят за ваши вздохи, за то, что вы против конституции, находятся все, кроме Сергея, под обаянием Лориса». Со своей стороны Победоносцев писал ей 11 марта про совещание, имевшее место у государя 8 марта: «И великие князья говорили жидкие, дряблые речи, в коих слышалось жалкое слово, что надобно же что-нибудь сделать...»

ставши, нельзя было сделать ни малейшего движения. В течение тех двух часов, что длилась служба, ни на минуту не останавливался поток людей, проходивших мимо гробницы государя, чтобы поклониться ей. Тысячи людей приходили почтить эту могилу, буквально утопавшую под серебряными венками, нагроможденными на ней. Какая загадка — страстный культ, воздаваемый памяти покойного государя и возможность чудовищного покушения, таким ужасным образом прервавшего его жизнь среди белого дня, в центре его столицы, среди того самого народа, который его боготворил! Мысль цепенеет перед этой странной загадкой.

Вернувшись домой в 12 часов, я застала записку от великой княгини, извещавшую меня, что молодая императрица желает меня видеть в половине второго. Я не ожидала этой милостивой аудиенции, и оказалось, что мне нечего было надеть, так как нужно было быть в полутрауре, ввиду празднования дня рождения великой княжны Ксении, которой исполнилось шесть лет. Мне пришлось надеть шляпу и платье сестры и взять шаль у m-lle Макушиной. Императрица приняла меня в большом салоне. Я нашла ее похудевшей, но вид у нее был не так плох, как мне говорили. Я спросила ее, не беременна ли она, как об этом распустили слух. Она мне ответила, что нет, и что она здорова. Я спросила ее, не боится ли она. Она с живостью ответила: «О, нет, я благодарю Бога, что ни на минуту не теряла бодрости духа. Я до такой степени проникнута чувством, что мы в руках Божьих». Мне показалось, что она чувствует себя немного неловко и боится, что я коснусь животрепещущего вопроса, о котором ей наверное тяжело было бы говорить. Поэтому я сейчас же перевела разговор на свой приют, который просила ее взять под свое покровительство. Она с удовольствием говорила на эту тему. Когда она встала, чтобы отпустить меня, я сказала почти невольно, так как совершенно не думала об этом, идя к ней: «Ваше величество, я бы так хотела видеть государя». Она ответила мне: «Подождите, я посмотрю, не занят ли он». Вскоре она вернулась и сказала мне: «Пойдемте ко мне в будуар, государь придет туда».

Действительно, через несколько минут вошел государь. Он с сердечностью пожал мне руку и сказал: «Я

очень рад, что могу лично поблагодарить вас за образок, который вы мне прислали. Вы не могли доставить мне большего удовольствия. Я был тронут». (Я послала государю через великого князя Сергея маленькую старинную икону Троицы, которую я подарила покойной императрице в день и в час ее восшествия на престол. Эта икона всегда оставалась в киоте императрицы и мне ее отдали после ее смерти. Я послала ее государю и просила ее принять не от меня, но как благословение его матери). Государь сел и усадил меня подле себя. Он сказал мне: «Я читал все статьи вашего мужа за последнее время. Скажите ему, что я доволен ими. В моем горе мне было большое облегчение услышать честное слово. Он честный и правдивый человек, а, главное, он настоящий русский, каких, к несчастью, мало, и даже эти немногие были за последнее время устранены; но этого больше не будет». Он продолжал: «Я сочувствую идеям, которые высказывает ваш муж. По правде сказать, его газета единственная, которую можно читать. Что за отвращение вся эта петербургская пресса — именно гнилая интеллигенция¹. Они вообразили, что теперь хороший случай ставить мне условия». Я отвечала: «Воображаю, какой шум поднимет либеральная пресса по поводу речи моего мужа».

Государь улыбнулся. «Да, — сказал он, — мне доложили об этом заседании; я знаю все подробности от Игнатьева, который там был. Нашли неуместным, что он, будучи членом Государственного совета, присутствовал на заседании Славянского комитета, но я ему сказал, что он хорошо сделал. Мне показали адрес, который мне должен поднести Комитет. Я внес в него некоторые изменения. Есть вещи, о которых в настоящее время преждевременно говорить, да кроме того, инициатива этих вещей может и должна исходить только от меня». Государь намекал на слово «земский собор», которое упоминалось в адресе и которое он вычеркнул.

Я говорила государю о том стыде и горе, которые испытывает всякий русский при мысли о страшном преступлении, ответственность за которое падает на всю страну. «Нет, — живо возразил государь, — страна тут ни при чем; это кучка негодных и фанатичных мятеж-

¹ «именно гнилая интеллигенция» — написано по-русски.

ников, введенных в заблуждение ложными теориями, у которых нет ничего общего с народом. Теперь нужно позаботиться оградить школы, чтобы яд разрушительных теорий, проникнувших в высшие классы, не проник в народные массы. К сожалению, выяснилось, что Желябов, стоявший во главе заговора, — крестьянин и очень способный человек».

Я была очень взволнована и должна сказать, очень изумлена и поражена, слушая государя, а еще больше, глядя на него. Я знала государя с детства, так как ему было лет восемь-девять, когда я вступила в должность фрейлины к покойной императрице. С этого раннего возраста отличительными чертами его характера всегда были большая честность и прямота, привлекавшие к нему общие симпатии. Но в то же время он был крайне застенчив, и эта застенчивость, вероятно, вызывала в нем некоторую резкость и угловатость, что часто встречается у тех натур, которые для внешнего проявления требуют тяжелого усилия над собой. В его взгляде, в его голосе и движениях было что-то неопределенное, неуверенное, и я замечала это еще очень немного лет тому назад.

Теперь, глядя на него, я с изумлением спрашивала себя, каким же образом произошла эта полнейшая перемена, которая меня в нем поразила; откуда у него появился этот спокойный и величавый вид, это полное владение собой в движениях, в голосе и во взглядах, эта твердость и ясность в словах, кратких и отчетливых, — одним словом, это свободное и естественное величие, соединенное с выражением честности и простоты, бывших всегда его отличительными чертами. Невозможно, видя его, как я его видела, не испытывать сердечного влечения к нему и не успокоиться, по крайней мере, отчасти, в отношении огромной тяжести, падающей на его богатырские плечи; в нем видны такая сила и такая мощь, которые дают надежду, что бремя, как бы тяжело оно ни было, будет принято и поднято с простотой чистого сердца и с честным сознанием обязанностей и прав, возлагаемых высокой миссией, к которой он призван Богом. Видя его, понимаешь, что он сознает себя императором, что он принял на себя ответственность и прерогативы власти.

Его отцу, покойному императору, всегда недоставало именно этого инстинктивного чувства своего положения,

веры в свою власть; он не верил в свое могущество, как бы реально оно ни было. Он всюду подозревал противодействие и, раздражаясь собственными сомнениями, сам создавал это сопротивление вокруг себя. Благодаря этому, несмотря на его доброту, его боялись больше, чем любили, и, несмотря на его смирение, влияние на него имели только льстецы; поэтому-то он в конце жизни был так плохо окружен и попал в руки к дурным людям. Чувствуя себя слабым, он не доверял самому себе, но еще менее доверял другим; в людях, которыми он пользовался, он предпочитал ничтожества, потому что думал, что над такими людьми легче властвовать и легче направлять их, тогда как наоборот, они более склонны к обманам и лести. Эта слабость характера покойного государя делала его весьма непоследовательным и двойственным во всех его словах, поступках и отношениях, а это в глазах всей России дискредитировало самую власть и привело страну в состояние самой плачевной анархии, в котором мы находимся в настоящее время. Прекрасные реформы царствования Александра II, мягкость и великодушие его характера должны были бы обеспечить ему восторженную любовь его народа, а, между тем, он не был государем популярным в истинном смысле слова; народ не чувствовал притяжения к нему, потому что в нем самом совершенно отсутствовала национальная и народная струнка и в благодарности за все благодеяния, оказанные им России, в величественном поклонении, оказанном его памяти, чувствуется скорее влияние рассудка и оценка разумом, чем непосредственный порыв чувств масс. Человеческая природа такова, что она более ценит людей за них самих, чем за их дела. По своему характеру и уму покойный император был ниже тех дел, которые он совершил. Он был действительно высок неисчерпаемой добротой и великодушием своего сердца, но эта доброта сердца не могла заменить силы характера и ума, которых он был лишен. В обычное время, особенно в его взгляде, чувствовалась трогательная и проникновенная доброта, которую всегда с умилением вспоминал тот, кто раз видел его. В молодости на его лице преобладало это выражение. Позднее, став императором, он сделал большую ошибку, желая создать себе выражение властное и величественное по примеру императора Николая, у которого это выражение было ес-

тественно, в то время как для императора Александра II это была маска и, скажу даже, маска, карикатурная, лишавшая его лицо приятного естественного выражения и придававшая ему нечто скорее отталкивающее, чем величественное. В чертах Александра III, наоборот, есть естественное выражение энергии и в то же время честности и доброты. Да создадут эти свойства, вместе взятые, отличительные черты его царствования!

3 апреля.

Мы получили из Петербурга письма, в которых говорится, что великий князь Николай Константинович арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Говорят, что он скомпрометирован участием в происках нигилистов.¹ Я с раздражением слежу за процессом убийц государя. Все это показное соблюдение юридических норм и законного беспристрастия, проявленное по отношению к этим висельникам, имеет в себе что-то искусственное, фальшивое, карикатурное и создает слишком тяжелый контраст со справедливым негодованием, которое не может не испытывать всякое благородное сердце по отношению к этим дерзким и преступным нарушителям всякого порядка божеского и человеческого. Бывают случаи, когда сама справедливость должна снять повязку, бросить весы и вооружиться мечом, и, конечно, данный случай именно таков.²

---

¹ В обществе действительно циркулировали слухи о политических причинах ареста; кроме «сумасбродных выходок молодого вел. князя по кончине покойного императора», ему будто бы инкриминировалась «переписка с одним жандармским штаб-офицером, оказавшимся неблагонадежным в политическом отношении». Настоящей причиной ареста были, по-видимому, признаки kleptomании, выразившейся в похищении у матери бриллиантов. Николай Константинович был помещен под домашний арест в здание Управления в Гатчине, носившее название «крепости», отсюда слух об отправке в Петропавловскую крепость.

² Отношение к процессу в обществе, в котором вращалась Анна Федоровна, отражается в переписке ее сестры Екатерины Федоровны с Победоносцевым. 28 марта 1881 года Победоносцев пишет ей о судебном разбирательстве: «Преступники рисуются, высказывают свои «убеждения», ухмыляются между собой и с адвокатами, а наши сановники торжествуют: вот-де, и такие преступники пользуются всеми гарантиями на суде». Его корреспондентка пишет 29 марта: «Процесс — настоящий скандал; это не может так продолжаться, к чему все эти подробности в газетах!»

1882 год

9 января.

Вчера я беседовала в течение часа с генералом Скобелевым, героем последней войны. Проходя случайно через переднюю, я увидела там военного, который спрашивал моего мужа. Я видела портрет Скобелева и тотчас же узнала его. Я ему сказала, что муж только что вышел и просила его войти ко мне на минуту, говоря, что я буду счастлива с ним познакомиться. Он вошел, и мы долго с ним беседовали.

Он мне сказал: «Я пришел к Вашему мужу, потому что мне нужно с ним сговориться: время очень серьезное. Когда в прошлом году при вступлении на престол государя мы присягали в верности самодержавию, мы делали это в надежде и с твердым убеждением, что новое царствование откроет эру национальной политики, и что правительство не будет больше продавать Германии интересов России. И что же, — с жаром говорил он, — вот мы опять на том же скользком пути; и накануне того, чтобы принести в жертву Пруссии и Австрии Россию и ее интересы в славянских землях».

Я ему ответила, что не думаю этого, что, зная государя с детства, я уверена, что он чрезвычайно тверд в своих взглядах и убеждениях. Скобелев спросил меня, какие у меня основания так думать. Я передала ему часть своего разговора с государем в прошлом году. Скобелев рассказал мне о том, до какой степени дерзко и деятельно ведется немецкая интрига в семье государя через великих княгинь Марию Павловну и Ольгу Федоровну, имеющих большое влияние на своих мужей. Скобелев рассказал, что недавно он был на обеде у великого князя Михаила. В первый раз великий князь был одет в мундир нового образца — русские шаровары и кафтан и меховую шапку, но с немецкой кокардой. Скобелев сказал великому князю: «На месте этой кокарды должен был бы быть старообрядческий крест; это было бы знаком единения всех славянских народов». Великая княгиня воскликнула: «Я не-

достаточно русская, чтобы понять эти тонкости, и если вы будете продолжать в таком тоне, я выйду из-за стола». И это русская великая княгиня! Что касается Марии Павловны, то ее прямо считают агентом Бисмарка.

Скобелев сказал мне, что он вернется на другой день поговорить с моим мужем.

Он пришел сегодня в одиннадцать часов утра и оставался у мужа до 4¹/₂ часов. Он сказал ему, что 12-го в Петербурге состоится банкет для ознаменования взятия Геок-Тепе — что он, Скобелев, намерен произнести речь и воззвать к патриотическому чувству России в пользу славян, против которых вооружаются в настоящее время мадьяры, и что он хочет открыть подписку в пользу кривошиев¹. Мой муж советовал ему не предпринимать этого последнего шага, говоря что с его стороны это будет равносильно призыву к войне; что правительство принуждено будет отречься от него, чтобы не встать по отношению к Германии в положение открытой враждебности, что, кроме того, подписка такого рода не имеет никаких шансов на успех, который один мог бы оправдать его замысел; что страна боится войны и не забыла еще ужасного разочарования Берлинского мира, что она преодолет апатию и равнодушие, овладевшие ею, только в случае нападения со стороны, но что инициатива разрыва должна исходить извне, а не от нас.

Впрочем, из того, что мой муж мне рассказал о разговоре Скобелева, недавно ездившего в Париж, где он много виделся с Гамбеттой и много с ним беседовал об интересах славянства, которые одни могут быть с успехом противопоставлены пангерманизму, мне кажется, что в настоящее время в русской политике подготавливается нечто совершенно новое; вероятно, между Скобелевым и Игнатьевым заключен договор; они хотят привести к союзу между Францией и Россией против Германии. Из

---

¹ Речь эта была произнесена Скобелевым на банкете 12 января 1882 г. и вызвала сильное раздражение в Австрии и Германии. Кривошии — черногорское племя в южной Далмации, входившей в состав австрийских владений, — в 1881 г. подняли восстание вследствие попытки австрийского правительства ввести у них обязательную воинскую повинность. Повстанцы были разбиты на голову в феврале — марте 1882 г.

слов Скобелева невозможно догадаться, известно ли государю обо всех этих переговорах, одобряет ли он их, или они только еще стараются его увлечь. Но я уверена, что в Петербурге что-то затевается и появление в Петербурге некоей г-жи Адан, приятельницы Гамбетты, состоящей редактором довольно влиятельной газеты, тоже одна из нитей интриги. Катков находится в Петербурге, вероятно, с теми же целями. Скобелев не до конца открылся моему мужу. Я думаю, что он, главным образом, имел в виду узнать от мужа, что думает общественное мнение по поводу войны. Все это еще очень смутно, но среди современного хаоса, где все в состоянии смутном и неопределенном, сильная воля и страстное честолюбие, которые, мне кажется, соединяются у Скобелева, легко могут захватить бразды и направить средства России по своему усмотрению.

Троекурово. 26 июня.

Вчера мой муж вернулся из города к обеду; уже когда он входил, я увидела, что у него было страшно расстроенное лицо. Я его спросила, не болен ли он. Он кратко ответил: «Вчера Скобелев приехал в Москву и дал мне знать, что будет у меня сегодня, а ночью, в первом часу скончался от разрыва сердца». Я остолбенела. Еще один из столь редких славных людей России сломлен во цвете лет, полный сил и здоровья, каким-то таинственным образом насильственно вырван из жизни, открывшей ему широкую и мощную деятельность! Как будто какое-то проклятие тяготеет над нашей несчастной родиной: все сколько-нибудь гениальные, сколько-нибудь талантливые, сколько-нибудь идеальные люди роковым образом обречены на гибель, прежде чем принесут свои плоды.

За последнюю зиму Скобелев очень сошелся с моим мужем. Несколько раз во время своих частых поездок через Москву, он проводил у него целые дни, с увлекательным красноречием и живостью беседуя с ним о своих видах на будущее России, о своей прошлой и предстоящей деятельности, о наиболее сложных вопросах дня, о внутренней и внешней политике. В невероятно бесцветной среде нашего современного общества этот человек, действительно гениальный по природе, горячий и увле-

кающийся, исполненный честолюбия к ревности о славе родины, представлялся метеором, может быть, тревожащим, угрожающим, но сияющим в противоположность бледным созвездиям нашего туманного неба. При виде этого человека невольно возникала мысль, что он может сделать много добра или много зла, но что во всяком случае эта мощная натура призвана идти не обычным путем. К несчастью, этот человек, столь одаренный, имел дурную репутацию, с точки зрения нравственности, и его смерть была как бы неумолимым возмездием за те эксцессы, в которых его упрекали. Его адъютант рассказал моему мужу, что он умер в гостинице «Англия».¹

Эта гостиница служит местом свиданий для немецких актрис и кокоток. Скобелев ужинал там с тремя немками неопределенной профессии. Около часа одна из них прибежала к живущему поблизости доктору, прося у него помощи для генерала Скобелева, которому сделалось дурно. Когда доктор прибежал — он уже был мертв. Его положили в карету и увезли в «Славянский базар», где он снимал номер². Здесь и видел его мой муж на следующий день утром. Густая толпа осаждала гостиницу, требуя, чтобы ее допустили к покойнику, чтобы поклониться его праху, но полиции был дан приказ никого не пускать. В то время, когда тут был мой муж, врывается бедный сельский священник и падает ниц перед телом со всеми признаками глубочайшего горя. Скобелев был народным героем; наш народ посвятил ему восторженный культ. Какая странная судьба, что этот отважный человек, которого никогда не коснулась пуля среди стольких сражений, где он всегда был на почетном посту, внезапно и бесславно угас во время ужина с кокотками!

Мой муж возвращается сегодня, чтобы участвовать в процессии, которая будет сопровождать тело покойника в церковь близ Красных ворот, откуда оно будет перевезено по железной дороге в поместье Скобелева и постав-

---

¹ Гостиница «Англия», пользовавшаяся плохой репутацией, находилась на Петровке.

² Кажется, ошибка. Скобелев останавливался у «Дюссо» (Театральный проезд, против памятника Ивана Федорова), откуда и был вынос. (Из воспоминаний П. И. Щукина, «Рус. Арх.» 1912, II, стр. 586). Эти сведения нам подтвердил очевидец выноса.

лено в фамильный склеп. Кого теперь сразит смерть? Она нависла над Россией, поражая всех выдающихся людей и погружая во мрак эту несчастную страну.

Похороны Скобелева состоялись 28-го. Стечение народа было огромное. Говорят, что около 60 000 человек приходило поклониться праху покойника в течение двух дней, когда он стоял в церкви Трех святителей, и все это — простонародие, так как высшие классы дворянства и купечества в это время года отсутствуют из Москвы. На отпевание прибыли великие князья Николай Николаевич и Алексей Александрович, первый из Петербурга, второй из Николаева. Мой муж рассказывал мне, что все пространство от церкви и до вокзала железной дороги было покрыто сплошным ковром из лавровых и дубовых листьев, и вся огромная площадь перед вокзалом представляла собою море голов. Когда гроб вынесли из церкви, народ, который не мог проникнуть в церковь, чтобы отдать покойному последнее лобзание, бросился на помост, с которого только что сняли гроб и покрыл его поцелуями. По этому эпизоду можно судить, до какой степени Скобелев успел сделаться народным героем за короткие годы его славной карьеры.

Немецкие газеты не скрывают своей радости по поводу смерти того единственного генерала, который был страшен нашим врагам. Они говорят, что в случае войны им будет легко справиться с нами, а война, утверждают они, не замедлит разразиться. Моему мужу пишут из Вены, что Австрия и Пруссия вооружаются и что не пройдет и девяти месяцев, как будет объявлена война.

Анна Федоровна Тютчева. Петербург, 1862.

Мать Анны Элеонора Тютчева, около 1827 года.

Отец Федор Иванович Тютчев, 1838.

Сестры Анна, Дарья и Екатерина Тютчевы. Мюнхен, 1843.

*Клотильда фон Мальтиц,
тетка и воспитательница
Анны Тютчевой, конец 1850-х.*

Ф.И.Тютчев. Петербург, 1856.

*Цесаревна Мария Александровна, жена наследника престола
Александра Николаевича. Анна Тютчева стала ее фрейлиной в 1853 году.
Акварель работы Кристины Робертсон. Петербург, 1850.*

Император Николай I.

*Цесаревич Александр Николаевич.
Оба портрета работы Ивана Винберга, около 1850 года.*

Александр II и Мария Александровна в день 25-летия со дня свадьбы, 1866.

Александр II с детьми Марией, Сергеем, Владимиром, Александром (будущим Александром III), Алексеем и Николаем. Петербург, 1861.

А. Ф. Тютчева со своими воспитанниками вел. княжной Марией Александровной и вел. князем Сергеем Александровичем. Петербург, 1862.

Сергей и Мария, дети императора Александра II и императрицы Марии Александровны. Петербург, 1862.

*Иван Сергеевич Аксаков, за год до женитьбы на А.Ф.Тютчевой.
Петербург, 1865.*

АННА ФЕДОРОВНА ТЮТЧЕВА И ЕЕ ЗАПИСКИ

Статья С.В.Бахрушина

Записки и дневники дочери поэта Тютчева — А.Ф.Тютчевой, фрейлины жены Александра II Марии Александровны в 1853—1858 годах, а позднее, до 1866 года, воспитательницы ее младших детей, должны занять не последнее место среди материалов по середине XIX века.

Анна Федоровна провела при дворе тринадцать лет, с 1853 по 1866 год, совпадающих с одной из самых исключительных по своему значению эпох в русской истории. На глазах у нее произошла смена венценосцев, олицетворявшая переживавшийся страной перелом в социальной и политической жизни России — смерть «последнего самодержца» Николая I и вступление на престол Александра II Освободителя. Записки молодой фрейлины и отражают с большой выпуклостью этот переломный момент в жизни петербургского двора.

Они написаны в том несколько экзальтированном тоне религиозного благоговения перед «высочайшими особами», который не мешает, однако, автору тонко разбираться в окружающей ее среде и давать порой убийственные по меткости характеристики. Она говорит о представителях царской семьи с тем «выражением преданности и уважения, соединенным с грустью», с каким говорила о них Анна Павловна Шерер, в лице которой Л.Н.Толстой воплотил черты, замеченные им в целом поколении фрейлин, в том числе едва ли не в самой

Статья печатается с сокращениями, в том числе за счет тех мест, где автор пишет о «развале самодержавного государства, построенного на сословно-крепостных основах», и о «запоздалых и робких попытках переустройства этого государства на буржуазно-правовых основах». Изъяты также устаревшие библиографические указания и ссылки.

Анне Федоровне и ее сестре Дарье; но этот условный тон придворного подобострастия не должен закрывать перед глазами читателя и несомненной искренности, с которой написаны дневники, и самостоятельности многих суждений, а главное, ценности тех фактических данных, которые в них сообщаются, а сама манера изложения, придавая им своеобразный налет чего-то старомодного и отжившего, еще живее отражает характерные черты тогдашнего придворного общества.

Анна Федоровна Тютчева, старшая дочь поэта Ф.И.Тютчева от первого его брака с баварской графиней Ботмер, родилась 21 апреля 1829 года в Мюнхене, где отец ее служил при русской миссии и где он женился. В Мюнхене Анна Федоровна и провела свое детство и молодость и здесь же получила воспитание в Мюнхенском королевском институте. В Россию, куда отец, пребывавший все время за границей, переселился в 1844 году, она окончательно переехала только в 1847 году, уже взрослой 18-летней девушкой.

Первые годы по приезде в Россию А.Ф.Тютчева провела частью в отцовском имении Овстуг в Орловской губернии вместе со своей мачехой, урожденной баронессой Дернберг, на которой отец ее женился вскоре по смерти ее матери в 1838 году и к которой она была страстно привязана, частью в Петербурге, где в Смольном институте воспитывались ее две младшие сестры, Дарья и Екатерина.

Стесненное материальное положение заставило Ф.И.Тютчева хлопотать через младшую сестру Николая I великую княгиню Марию Николаевну о назначении одной из его дочерей фрейлиной к супруге тогдашнего наследника, будущего Александра II, — Марии Александровне. Кандидаткой на это место в семье считали вторую дочь — Дарью, слышную интересной, но выбор цесаревны, не желавшей иметь при себе слишком молодых фрейлин, неожиданно для Тютчевых остановился на старшей — Анне Федоровне. В январе 1853 года она водворилась во дворец, в котором ей суждено было пробыть в течение 13 лет — сперва в качестве фрейлины при цесаревне, потом фрейлины при императрице, наконец, гувернантки при единственной дочери Александра II — Марии Александровне, и младших его сыновьях — Сергее и Павле.

Окруженная дома атмосферой славянофильского политического сентиментализма, выросши под сильным влиянием националистических тенденций отца-поэта, молодая Тютчева вступила в исполнение своих новых обязанностей с несколько наивным чувством благоговения к тем лицам, в которых, по учению славянофилов, разделяемому ее отцом, мистичес-

ки должна была выявляться национальная идея, — чувством, которое свойственная ей экзальтированность делала особенно острым.

Замкнутость и полная «какого-то патриархального добродушия» чисто семейная обстановка «молодого двора» способствовали сближению цесаревны с ее новой фрейлиной, превратившемуся для страстной натуры Анны Федоровны почти в болезненную привязанность. Близость к наследнице престола, при большой простоте отношений, господствовавшей вокруг нее, дала возможность умной и деятельной молодой Тютчевой играть уже в это время некоторую политическую роль; через нее вручались цесаревне, для передачи дальше ее супругу, различные меморандумы и записки друзей ее отца, главным образом по вопросам внешней политики, живо интересовавшей самого Федора Ивановича.

Со вступлением на престол Александра II положение при дворе Тютчевой, доверенной фрейлины новой императрицы, любимицей которой, если не другом, она считалась, становилось совершенно исключительным. Милости, которыми ее осыпали, и явный фавор вызывали зависть не только среди придворных, но даже в среде императорской фамилии. Когда в 1858 году она была назначена гувернанткой к дочери императрицы, а одновременно пожалована была в фрейлины ее сестра Дарья Федоровна, то с особенной силой заговорили при дворе о ее фаворе и «интригах», и не случайно великая княгиня Елена Павловна в 1859 году рекомендовала деятелям крестьянской реформы «всячески стараться сблизиться с Тютчевой», чтобы через нее влиять на императрицу.

Но под внешностью фавора и милости начиналось охлаждение между молодой фрейлиной и ее венценосной госпожой. Императрица тяготилась навязчивостью, с которой Тютчева отстаивала свои воображаемые права на ее расположение, тяготилась вообще теми отношениями близости, которые создались в условиях жизни при дворе наследницы и не соответствовали ее новому положению, как супруги монарха.

Со своей стороны Анна Федоровна оскорбленная переменой отношений, переживает тяжелое разочарование как в императрице, так и в императоре, которых недавно, в бытность их наследниками, она идеализировала и почти обожествляла. Тяжелым ударом для нее явился Парижский мир, в котором она, отражая настроение близких к ее отцу славянофильских кругов, видела позорную измену национальной русской идее.

Единственный интерес, привязывавший ее ко двору, — личные отношения к императрице («моя императрица» назы-

вала она Марию Александровну), таким образом, понемногу угасали, не обрываясь, но постепенно превращаясь с обеих сторон из непосредственного чувства в лишенную содержания привычку, а пребывание во дворце утрачивало для нее при таких условиях всякий внутренний смысл. К двору как таковому она питала отвращение и была слишком умна, чтобы не понимать унизости и фальши положения «*femme de chambre*» императрицы¹.

«Меня тяготит отсутствие серьезного дела», — пишет она в своем дневнике. Такого серьезного дела она ищет в педагогической работе при детях императора. В 1858 году А. Ф. Тютчева была назначена гувернанткой к единственной дочери Александра II — Марии Александровне, которой в то время было всего 5 лет.

К своим новым обязанностям она отнеслась очень серьезно; в ее бумагах сохранились две тетради, в которых она излагает свои мысли относительно воспитания великой княжны, показывающие, насколько вдумчиво она вникала в порученное дело. Записи в ее дневниках за 1858—1859 годы посвящены главным образом жизни маленькой ее воспитанницы и свидетельствуют о недюжинных педагогических способностях и такте воспитательницы. Позднее ей поручены были и младшие сыновья Александра II — Сергей и Павел.

Новые обязанности еще более удаляли Тютчеву от императрицы, способствуя дальнейшему охлаждению их взаимных отношений. В 1863 году дело почти доходило до выхода ее в отставку. Но порвать долголетние связи было трудно. Императрица сделала первый шаг примирения. В это время Тютчева уже не питала никаких иллюзий. К императрице ее привязывала еще сила воспоминаний, а ко двору — привязанность к ее воспитанникам.

Служба при дворе А. Ф. Тютчевой прекратилась в январе 1866 года, когда она вышла замуж за известного славянофила И. С. Аксакова. Она покинула дворец не только без сожаления, но с чувством облегчения.

С браком и переездом в Москву связи Анны Федоровны с двором не вполне прервались, она сохраняла теплое чувство к своим воспитанникам, которые, по-видимому, платили ей тем же, и к некогда столь горячо ею любимой императрице, находилась со всеми ними в переписке и изредка видалась с ними. Но интересами, стремлениями, запросами она была далеко от двора, при котором прошли ее молодые годы. Попав в среду

¹ Выражение А. Н. Карамзина о фрейлинах.

фрондирующих славянофилов, она восприняла их взгляды и чувства к правящим петербургским сферам и ушла с головой в интересы и настроения, господствовавшие в либерально-националистических кругах, к которым принадлежал ее муж.

Это был период расцвета публицистической и политической деятельности И. С. Аксакова. Его оппозиция правительству, выражавшаяся в руководимых им органах печати и в публичных выступлениях, не раз навлекала гонения на издаваемые им газеты, а в 1878 году речь, произнесенная им в Славянском комитете в разгар Берлинского конгресса с резкими выпадами по адресу русской дипломатии, привела к высылке его из Москвы, и он вместе с женой вынужден был удалиться на время в имение к ее сестре Екатерине Федоровне Тютчевой — Варварино.

Опала, впрочем, не была продолжительна, и менее чем через полгода была снята лично императором.

В кипучей деятельности мужа Анна Федоровна принимала горячее участие. Законодательница славянофильских салонов Москвы, «неумолимая громовержица», по выражению И. С. Тургенева, она пользовалась сохранившимися связями с царской семьей, чтобы влиять на младшее поколение ее в духе любезных ей славянофильских идей¹. Отношения к императрице были уже настолько холодны, что она избегала пользоваться ее покровительством в делах своего мужа.

27 января 1886 года скончался муж Анны Федоровны И. С. Аксаков. Остаток жизни она посвятила изданию его сочинений и переписки. Сама она умерла 11 августа 1889 года, пережив мужа лишь на несколько лет.

Наиболее интересным периодом в жизни А. Ф. Тютчевой является, несомненно, время ее пребывания при дворе, совпадающее с поворотным моментом в истории новой России. Тютчева не была простой свидетельницей происходивших вокруг нее событий. Ее вкусы, ее темперамент, таланты, наконец, связи — все способствовало выступлению ее на общественном поприще, и эта сторона ее деятельности заслуживает особенного внимания при оценке ее литературных произведений.

Не только близость к Марии Александровне, но и образование, и природный ум, и независимость суждений выделяли ее из общей массы придворных и привлекали к ней наиболее

¹ В письме от 31 марта 1867 г. Победоносцев пишет Анне Федоровне: «А. А. (наследник) на днях писал к Вам. Он хотел просить Вас, чтобы Вы прислали ему «Рижские письма» Самарина; статьи о немцах в «Москве» очень его заинтересовали».

интеллигентных представителей окружавшего ее общества. «В свете, — писала она в 1857 году, — ко мне относятся как к важному лицу, мужчины ищут моего общества, желают знать мое мнение и приписывают мне значение большее, чем я имею в действительности». В широких кругах публики не только в Петербурге и в Москве, но даже в далекой провинции ходили слухи, что она очень умна и «с либеральными идеями».

Из общественных группировок 50-х годов ближе всего к А.Ф.Тютчевой стояла, по ее выражению, та «небольшая группа людей, которых наше глупое общество прозвало иронически славянофилами, ввиду их националистических тенденций, но которые, по существу, были первыми мыслящими людьми, дерзнувшими поднять свой протестующий голос во имя самобытности России, и первые поняли, что Россия не есть лишь бесформенная и инертная масса, пригодная исключительно к тому, чтобы быть вылитой в любую форму европейской цивилизации и покрытой, по желанию, лоском, английским, французским или немецким». В таких восторженных выражениях отзывалась А.Ф.Тютчева о своих друзьях в конце 70-х годов, но связи ее со славянофильскими кругами относятся уже к концу 40-х и началу 50-х годов, благодаря близости к этим кругам ее отца и особенно ее тетки Дарьи Ивановны Сушковой, в доме которой она встречалась со всеми светилами славянофильства — Хомяковым, Киреевскими, Ю. Самариным, Погодиным; в Петербурге местом встречи служил салон гр. А.Д.Блудовой. Начало ее сближения с Иваном Сергеевичем Аксаковым относится к апрелю 1858 года, когда И.С. посетил ее и, начав разговор с произведений своего отца, затем перевел беседу на «события, которые заполнили последние три года», и на «личности, которые играли в них роль, произвольно и часто бессознательно»; позднее он посылает ей свою газету «День» и не позже 1861 года вступил с ней в деятельную переписку.

В конце 50-х и начале 60-х годов был, по-видимому, близок к славянофильским кругам и Победоносцев, впоследствии резко с ними разошедшийся. Одно время А.Ф.Тютчева находилась под обаянием его своеобразного ума; с ним у нее связаны воспоминания о «восхитительных золотистых днях Крыма», где они вместе проводили лето 1861 года; с 1862 года они ведут довольно оживленную переписку, в 1865 году она способствует назначению его преподавателем к наследнику и его жене и к великому князю Владимиру, но, по мере того, как Победоносцев все определеннее отходит от наивного либерализма славянофилов, отношения слабеют, хотя и не порываются.

Сблизившись очень рано с московскими славянофилами, А. Ф. Тютчева не чуждалась, однако, людей противоположного направления. В 1857 году в Дармштадте она не только радушно принимала Кавелина, но и стремилась обеспечить ему хороший прием у императрицы.

Вращаясь среди наиболее просвещенной части дворянской интеллигенции, дочь поэта, являющегося наиболее утонченным и вдохновенным представителем этой интеллигенции, А. Ф. Тютчева естественным образом стала стремиться сделаться при дворе проводником взглядов и настроений, господствовавших в окружавшей ее среде.

«Обязанности всех тех, кто приближен к государям, — говорит она, — быть выразителями общественного мнения, чтобы правда могла дойти до них; молчание в таких случаях — это недостаток лояльности».

«Не то что словами, но улыбкой, глазами она умела выразить то, что думала, а зато, что думала, то высказывала всегда прямо и безбоязненно, — говорит про нее князь Мещерский. — Сколько раз, я помню, в молодые годы приходилось на царскосельских вечерних собраниях слышать, как говорит А. Ф. Тютчева; бывало, она, склонив голову и глядя на скатерть, такие вещи высказывала в правдивой речи, что, с одной стороны, и страх брал, ибо государь слышал эти речи, и смех брал при виде испуганных этой правдой физиономий царедворцев; но государь искренно любил и уважал А. Ф. Тютчеву и не стеснял ее свободы речи; я не замечал, чтобы он сердился, хотя иногда он отвечал ей колкости. У государя было то, что французы называют *la gaietie vive*, и в долгу он перед Анной Федоровной не оставался»¹.

Лица, близкие к Тютчевой, пользовались ее положением, чтобы через ее посредство направлять во дворец всевозможные записки, меморандумы, литературные произведения по самым разнообразным вопросам. Через руки Тютчевой проходила, в частности, вся славянофильская литература, предназначенная для выпуска в свет.

Хотя Тютчева и утверждала, что она своего мнения не имеет и лишь выбирает из слышанных ею разговоров то, что считает существенным, у нее была известная программа, которую она и проводила при дворе. Это была, в сущности, программа славянофилов, отдельные пункты которой она выдвигала вперед в соответствии со своими личными вкусами. Главный интерес ее составляли вопросы внешней политики. В этой области она

¹ «Записки» В. П. Мещерского выходят в ближайшее время в «Захарове».

прочно усвоила панславистские тенденции своего отца и славянофилов. Основная ошибка Николая I, унаследованная от эпохи Священного Союза и приведшая к разгрому, заключается, по ее мнению, именно в измене, во имя мнимых интересов Европы, национальным интересам России, которые требовали тесного единения славянства. Николай I, предпочитавший разыгрывать роль покровителя враждебно к нам настроенных германских государей и упорно отмахивавшийся от роли «всеславянского царя», к которой его вдохновенно звал Ф. И. Тютчев, пал «искупительной жертвой» за свое непонимание исторических судеб России. Впоследствии А. Ф. Тютчева со страхом видела колебания по этому вопросу и в политике его преемника. Она и вела пропаганду своих панславистских идей или, вернее, идей своего отца и его друзей «с оружием в руках», как она сама выражалась, не пропуская ни одного случая, чтобы напомнить сперва наследнику и наследнице, позднее императору и императрице высокую, согласно представлениям славянофилов, миссию России в деле объединения православного славянства, не останавливаясь ни перед чем, не считаясь ни с требованиями этикета, ни даже иногда здравого смысла. При Николае I ее суждения об австрофильской политике Нессельроде вызвали скандал в придворных кругах. При Александре II она необычайно резко выступала против мысли о заключении мира, и когда вопрос был решен в положительном смысле, имела по этому поводу чрезвычайно горячее объяснение с императрицей.

С такой же резкостью выступала она против «немецких» симпатий и вкусов при дворе, как это видно из эпизода чтения романа Гримма. В польском вопросе, со свойственной ей горячностью, граничившей с неуравновешенностью, Тютчева стала на самую непримиримую позицию, занятую славянофилами и особенно ее отцом. Летом 1863 года она находит политику князя Горчакова относительно Польши недостаточно твердой и высказывает это в письме к отцу, «трепещущем от негодования и предвещающем самые низкие уступки с нашей стороны».

С точки зрения своего воинствующего шовинизма, Тютчева вместе с гр. А. Д. Блудовой горячо поддерживала знаменитого Муравьева, когда жестокость его мероприятий в Западном крае оттолкнула от него даже высшие сферы. И тут опять мы узнаем дочь панегириста Ф. И. Тютчева — Муравьева, хотевшего видеть в нем национального героя.

Гораздо менее интересовали А. Ф. Тютчеву вопросы внутренней политики, если не считать, может быть, вопроса о

свободе слова, которому она в духе славянофильства придавала исключительное значение.

В общем итоге политическая физиономия молодой фрейлины представляется нам довольно ясной. При дворе она ведет определенную, не всегда целесообразную, часто неудачную, агитацию в пользу господствовавших в образованном дворянском обществе того времени либерально-славянофильских воззрений, ведет эту агитацию с глубоким убеждением и сознанием исполняемого долга. Политическая деятельность Тютчевой при дворе делала ей много врагов. При дворе ее не любили за резкость суждений и порицали за «дурной нрав», придворные дали ей кличку «Ерша», намекая, очевидно, на ее колкость. Зато в общественных кругах она пользовалась большими симпатиями. «Чем более вижу Тютчеву, — писала княгиня Черкасская, — тем более ее люблю, у нее возвышенная душа и образ мысли; как несправедливо к ней здешнее общество». Когда она покинула двор, Победоносцев писал ей: «Ах, Анна Федоровна, рад я за вас, что вас теперь нет здесь, но для них сколько раз приходится пожалеть, что замолкло около них ваше прямое и горячее сердце».

Впрочем, Тютчева и после ухода от двора не прекращала своих попыток влиять на ход политической жизни. Теперь ее воздействие направляется на младшее поколение императорской семьи, выросшее у нее на глазах и сохранившее к ней доброе чувство. Она переписывается с великими князьями, действует на них в духе славянофильства и знакомит их со славянофильской публицистикой, причем старания ее на этот раз не проходят бесследно. В 70-х годах будущий Александр III, тайком, по-видимому, от отца, ведет с ней переписку, за которой следили. В 1877 году Анна Федоровна послала ему речь своего мужа, в которой ему «многое понравилось». Точно так же влияла она и на других великих князей.

Если бурный национализм Тютчевой производил мало впечатления при дворе Александра II, то относительно его преемника ее влияние, кажется, не подлежит сомнению, и националистическое направление политики Александра III одним из корней своих имеет, по-видимому, те негласные внушения, которые шли через нее из Москвы.

Положение А. Ф. Тютчевой при дворе и в обществе, ставившее ее в связь с интересными событиями и людьми, невольно вызывало в ней самой и окружающих мысль о необходимости ей запечатлеть для потомства то, чему она была свидетельницей. В 1858 году И. С. Аксаков при посещении Анны

Федоровны спросил ее, записывает ли она «свои впечатления, имея возможность видеть столько людей, вещей». «Я сказала, что нет — записала в дневнике Тютчева, — по той причине, что всегда поддаюсь слишком легко впечатлениям и страстям настоящего момента; поэтому случалось, что, перечитывая свою запись через две недели, я сама себе казалась смешной. Он советовал мне преодолеть это впечатление, потому что через 20 лет эпоха, важность которой мы сейчас не можем еще вполне оценить, представит исключительный интерес, и все воспоминания, к ней относящиеся, будут драгоценны. Я обещала ему это делать, но не знаю, в какой мере исполню свое слово».

Отрицания А. Ф. Тютчевой были не совсем правдивы. Принадлежа к представителям литературно высоко образованной дворянской интеллигенции, воспитанной досугом, блестящим образованием и отсутствием серьезных занятий, она любила и умела писать; каждое письмо, вышедшее из-под ее пера, было шедевром литературного стиля и французского языка, в изящные формы которого она искусно облекала не менее изящную и хорошо отточенную мысль. Недаром ее письма ценились ее друзьями, как литературные образцы, и цесаревна Мария Александровна по этим письмам, представленным ей на прочтение, составила себе первоначальное представление о своей будущей фрейлине.

Дневники она начала вести задолго до поступления во дворец и продолжала их вести при дворе.

Дневники А. Ф. Тютчевой сохранились до нас далеко в не удовлетворительном виде; при жизни она довольно охотно дарила или давала на прочтение отдельные тетради своего Journal, и этим объясняется то обстоятельство, что в настоящее время подлинники дневников разбросаны в различных местах: в Мурановском архиве, у наследников Д. Ф. Тютчевой, к которой перешла часть архива ее старшей сестры, наконец, в руках частных коллекционеров. Несомненно, что часть дневников пропала; кое-что было, по-видимому, уничтожено самим автором, так как в Мурановском архиве имеются отдельные страницы, вырванные из несохранившихся тетрадок, и страницы, у которых половина преднамеренно оторвана.

По-видимому, А. Ф. Тютчева не ставила себе целью по дням описывать факты своей и окружающей ее жизни. Ее интересуют, главным образом, ее собственные переживания, — не столько лица, с которыми она встречается, сколько впечатление, которое они на нее производят, не столько события, свидетельницей которых она оказалась, сколько те мысли, которые они в ней вызывают. В дневниках ее мы и находим главным образом анализ чувств и ощущений, возбуждаемых в

ней придворной жизнью, а не описание в строгом смысле слова этой жизни, — не хронику двора, а психологию фрейлины, не удовлетворенной условиями своей службы и мечущейся бесцельно в узких рамках традиционного быта двorca.

Более чем через 10 лет после оставления двора А. Ф. Тютчева приступила к составлению своих *Мемуаров*, к сожалению оставшихся незаконченными. За эти мемуары она принялась осенью 1878 года в Варварине, где разделяла с мужем его ссылку, вызванную речью в Славянском комитете, и располагала поэтому невольным досугом.

Однако Тютчева — автор мемуаров резко отличается от Тютчевой — автора сантиментальных дневников. Перебирая свои старые записки и извлекая, по ее выражению, «из-под груды метафизики и сантиментальности историческую нить, которая мне нужна», она уже не может заставить себя чувствовать по-старому и невольно относится к воспоминаниям своих молодых лет с легкой усмешкой. «Поистине — настоящий подвиг терпенья, а еще больше подвиг самоуничуженья, — пишет она сестре, — разбираться во всех глупостях своей жизни. Я теперь прекрасно вижу, что принадлежу к числу тех Schwaben, которым ум приходит только в сорокалетнем возрасте. Только в 30 лет моя мысль начинает несколько высвобождаться из-под окутывавших ее со всех сторон пеленок сантиментальности. Я была невероятно наивна, и одно, что можно сказать в мое оправдание, — это то, что недостатки моей головы не отражались на моем сердце». «Мало интересного попадает в этой куче наивных размышлений, — пишет она в другом письме, — поразительных в человеке того возраста, какой я имела в годы пребывания при дворе, и что особенно удивительно — это то, что чем дольше я жила при дворе, тем я становилась все более похожей на наивную институтку. Первые годы еще встречается несколько остроумных черточек и общие обзоры, позднее сантиментальность и мистическая наивность затмевают все. Я положительно не понимаю, как это я могла заслужить репутацию остроумной женщины...»

Более зрелое отношение к явлениям и людям, описываемым ею, не могло не отразиться на мемуарах. Сохраняя в них свежесть и колоритность, почерпнутые из дневников, Тютчева судит о событиях и лицах более спокойно, более объективно, делая выводы о них не на основании случайного впечатления сегодняшнего дня, а с более широкой точки зрения, устанавливаемой некоторым удалением от изображаемого времени.

Мемуары, начатые А. Ф. Тютчевой, остались незавершенными, они обрываются на первом появлении Тютчевой во дворце.

Ценность литературного наследства А. Ф. Тютчевой заключается в большой осведомленности автора. Живя при дворе в повседневном общении и даже в интимной близости с членами императорской семьи, вращаясь в кругу высших сановников империи, будучи постоянно свидетельницей тех сторон жизни государей, которые обычно скрыты от глаз публики, А. Ф. Тютчева непосредственно видела и слышала много интересного и характерного для окружавшей ее среды, и, поскольку дело касается двора и его быта, ее записки не имеют себе равных по полноте.

Находясь в таких благоприятных условиях для ведения записок, А. Ф. Тютчева обладала и целым рядом необходимых для этого качеств. Она блестяще владела пером. Ее острый и парадоксальный, унаследованный от отца ум, в который, по его собственным словам, влюбился И. С. Аксаков, был общепризнан и делал общение с нею таким привлекательным. За нею рано сложилась репутация «*d'une femme d'esprit*», как она пишет сестре в одном из своих писем. С чувством тонкого юмора у нее сочетается склонность к анализу и к критике. «Мы все очень умны, — говорит она про свою семью, — умом нашего века, разлагающим, мятежным и пренебрежительным». Своими парадоксами она сердила Марию Александровну и вместе с тем забавляла и смешила ее. При дворе ее остроумие создавало ей успех. «С некоторых пор, — пишет она в июле 1854 года, — я, как принято говорить при дворе, в милости. Во время прогулок императрица и великие княгини часто делают мне честь разговаривать со мной: у меня составила репутация говорить забавные вещи, и решено, что я занимательна».

Недостаточно красивая, чтобы блистать в свете внешностью, сознавая это и, может быть, преувеличивая отсутствие внешней привлекательности, она вся ушла в умственную жизнь и в духовные интересы.

Природные свойства ума она развила наблюдательностью и чтением. Она сама вспоминает в своих записках, как при отсутствии успеха в обществе она приобрела привычку к наблюдению окружающего. Ее чтение было чрезвычайно разнообразно и носило серьезный характер. С юных лет она избегала, по ее словам, книг типа французских романов, зато она много читала по философии, по религиозным вопросам, по истории и по политике.

Тонкая наблюдательность, насмешливый ум, привычка и умение мыслить — все эти свойства проявляются в литературных произведениях Тютчевой, особенно в ее блестящих характеристиках. Не говоря о таких шедеврах, как характерис-

тики, включенные в ее мемуары, — в дневниках рассеяны порой коротенькие, но всегда меткие отзывы о людях. У нее даже выработался известный прием при обрисовке характеров, заключающийся в том, что она любила сопоставлять характерные черты внешнего облика человека со свойствами его внутреннего существа.

Из каждой строчки, написанной А. Ф. Тютчевой, выглядывает лицо этой крохотной женщины, с умными, прищуренными глазами и насмешливой складкой у кончиков губ, на язык и на перо которой было страшно попасть.

Этот тонкий, критически настроенный и насмешливый ум не гарантирует нам, однако, полного беспристрастия. Рассудочность мысли уживалась в А. Ф. Тютчевой с большой нервозностью и страстностью. Нервная впечатлительность налагает отпечаток на всю личность этой умной женщины, парализуя нередко способность к холодному наблюдению и суждению. «Натура страстная и порывистая», «неспокойный дух», она болезненно и сильно воспринимала окружающие впечатления и реагировала на них чрезвычайно бурно и глубоко.

Способность сильно чувствовать делала Тютчеву склонной к мечтательному сентиментализму и к увлечениям. Ее «горячая душа», по выражению Победоносцева, неуравновешенная и бурная, проявляла себя в болезненной страстности, которая мучила и терзала и ее самое, и тех, кто делался предметом ее любви. Это был поистине «несчастный характер», как она сама говорила про себя. Она сама сознавала вопиющее противоречие между свойствами ее ума и чувств. При свойственной ей страстной впечатлительности А. Ф. Тютчева в своих суждениях нередко поддается минутному настроению. «Впечатления меняются у нее скоро», — добродушно пишет про нее в 1881 году ее сестра Екатерина Федоровна. Сама она сознавала этот недостаток, когда говорила Аксакову, что всегда поддается «слишком легко впечатлениям и страстям настоящего момента». Страстность и неуравновешенность А. Ф. Тютчевой проявляются с особенной яркостью в ее отношениях и чувствах к Марии Александровне, к которой она питала настоящее обожание. Она сама тяготилась в этом «заколдованном кругу несчастной страсти к женщине» и в свойстве страстно привязываться к людям видела «слабую сторону» своей природы. Отсюда ее изливания в любви к цесаревне, отсюда в позднейшее время ее быстрые переходы от раздражения и негодования по отношению к императрице к внезапным возвратам нежного чувства. Все пребывание при дворе рассматривается ею с точки зрения этих отношений к ее государыне; ее

служба началась (употребляя ее выражение) «форменным кокетничанием» с цесаревной, которое сменилось затем ревностью к императрице в первые годы ее царствования и позднее полным охлаждением, переживавшимся ее страстной натурой чрезвычайно болезненно.

Эта страстность и неуравновешенность характера А. Ф. Тютчевой не позволяют нам полагаться на объективность ее суждений. Она пишет под влиянием минутных настроений и сменяющихся впечатлений. Она — в высшей степени субъективна. Картину двора, которую она дает, она дает сквозь призму своих симпатий и антипатий, своих увлечений и страстей и главным образом своих общих убеждений и взглядов, своего миропонимания и своей философии. Поэтому при оценке ее записок необходимо в первую очередь остановиться на ее религиозно-политическом мировоззрении, под влиянием которого слагаются наиболее яркие ее суждения и выводы.

Религия и политика для А. Ф. Тютчевой являются одним нераздельным целым: государственная власть, по ее представлению, не просто основана на религии, она выражает собою религиозный идеал на земле, и религия как социальная сила проявляется на земле в известных формах государственного строя. Этот политический мистицизм был первоначально ею усвоен от отца, но лежащее в основе его религиозное миропонимание сложилось в ней помимо ее отца, и корни его лежат еще в воспитании, полученном на католическом Западе, в Мюнхенском институте, руководимом католическими патерами. Русское православие вначале ей было чуждо. «Не понимая по-русски, — говорит она в своих мемуарах, — я не могла следить за нашей службой, которая казалась мне длинной и утомительной». Но ее мистическая натура требовала религиозных возбуждений, и она скоро всей душой отдалась религии своей родины. Огромное влияние на религиозные взгляды Тютчевой оказали славянофилы, особенно Хомяков, один богословский трактат которого, «яркий и вдохновенный», по ее словам, произвел «целый переворот» в ее «нравственном сознании». При дворе цесаревны А. Ф. Тютчева попала в атмосферу пиетизма, обрядового благочестия и суеверий, которые еще сильнее повлияли на нее в смысле развития собственной ей религиозной экзальтации. Главной почвой сближения цесаревны с ее фрейлиной послужили общие религиозные интересы обеих, и дневники Тютчевой наполнены беседами с Марией Александровной на религиозные темы. Протестантка по воспитанию, цесаревна вносила в восприятие православия чисто протестантские рассудочность и фанатизм,

но с ревностью прозелитки усвоила обрядовую сторону православия; суеверная по природе, она верила в приметы, в сны, в чудесные видения. Близость к цесаревне, таким образом, усилила те религиозно-мистические настроения, которые так характерны для Тютчевой и наполняют собой страницы ее дневника.

На религиозном мистицизме строятся все политические концепции А. Ф. Тютчевой, и тут она находится под непосредственным влиянием политических увлечений своего отца и его ближайших друзей. Как славянофилы, как сам Ф. И. Тютчев, Анна Федоровна глубоко верила в самобытность России и в ее высокую историческую миссию, которую она видела в объединении славянства. «О, если бы разразившийся кризис, — восклицает она по поводу Восточной войны, — заставил Россию понять, что ее историческая роль совершенно иная, чем роль народов Запада, что жизненный двигатель у нее совершенно отличный, что условия ее развития зависят от будущности славянских народов, освобожденных от турецкого ига и от всякого вообще иноземного ига, потому что эти народы наши братья по крови и по вере и наши естественные союзники». Подобно Ф. И. Тютчеву, его дочь, вдохновляемая его поэтическими фантазиями, видела в будущем «царя России» в образе «всеславянского царя», возглавляющего мировую православно-славянскую империю, — новая вариация на тему о третьем Риме.

Вождем России по ее историческому пути в глазах А. Ф. Тютчевой, как и в глазах ее отца и славянофилов, является отвлеченный, идеализированный, окутанный облаком мистицизма царь. Власть этого стилизованного царя резко отличается от власти государей Западной Европы, так как основывается на религии. «Власть в России, — пишет она, — такая цельная и величественная, между тем, как всюду в других странах, от нее осталось одно имя: она носит у нас религиозный и, так сказать, сверхъестественный характер, который действует на воображение». «Высшая власть в России есть исторический факт, — говорит она в другом случае, — служение которому нужно считать для себя честью, тем более что сан присовокупляет еще известное обаяние, действующее на воображение».

Из двух императоров, о которых говорят записки Тютчевой, Николай I как более цельный и определенный характер, своей деятельностью вызывает с ее стороны также более определенное критическое отношение. Личность этого, как она называет его, «Дон-Кихота самодержавия» обаянием своего величия невольно привлекала ее, и после первого свидания с

ним ее сердце, по ее собственным словам, «было им пленено». «Но, — прибавляет она тут же, — по своим убеждениям я оставалась решительно враждебной ему». Эти убеждения, враждебные Николаю, сложились, следовательно, еще до непосредственного знакомства с ним, еще под домашним кровом и под влиянием ее отца, видевшего в Николае только «*façade d'un grand homme*», не царя, а «лицедея», который служил не Богу и не России, «служил лишь суете своей», в котором всё — «дела его и добрые, и злые, — всё было ложь», «всё призраки пустые», и негодовавшего на «ложную систему, нелепую и антинациональную, в которой Россия, правительство, кабинет и то, что называется обществом, путается в течение последних 40 лет».

В характеристике, которую в своих мемуарах Тютчева посвящает Николаю I, она необыкновенно искренно сочетает преклонение перед ним как перед человеком исключительного, по ее мнению, благородства души, с резким, доходящим до пафоса осуждением его как политического деятеля. Основной грех Николая I — это измена национальному делу. «Мы дорого расплачиваемся сейчас за наше стремление играть роль полиции в Европе, и нас ненавидят, как вообще всегда ненавидят полицию». Не менее резко суждение Тютчевой и о внутренней политике Николая I: «Ничего не было предоставлено частной инициативе отдельной личности, все было организовано, координировано, завершено самодержавной и деспотичной волей».

С Александром II за те годы, к которым относятся дневники А. Ф. Тютчевой, у нее еще связывались надежды на отказ от антинациональной внешней и внутренней политики его отца. Но в 1870 году этих надежд уже не было; в нескольких словах она характеризует «бюрократический механизм, заменивший в России проявление жизненных сил народа». Тотчас после смерти Александра II она бросает ему жестокий в ее устах упрек в том, что «в нем самом совершенно отсутствовали национальная и народная струнка» и что, сознавая свою слабость, он предпочтительно окружал себя «ничтожествами».

Если цари далеки от славянофильского идеала, то положение придворных при них не только не соответствует понятию о чести, а, наоборот, сопряжено с тяжелыми переживаниями.

Со свойственной ей впечатлительностью и чуткостью А. Ф. действительно не могла не ощущать чрезвычайно глубоко той фальши, которая господствует при дворе, созданной ненормальными отношениями между слугами и их господами.

При отсутствии искренних личных отношений между господами и слугами роль придворных, говорит она, сводится к

недостойному прислуживанию. Весь обиход придворной жизни тяготит Тютчеву. «Мой дух слишком демократичен, — говорит она, — чтобы я могла чувствовать себя хорошо в этих собраниях полубогов, где постоянно боишься нестати повернуться спиной к кому-нибудь из великих мира сего или пропустить случай сделать глубокий реверанс тем, кому подобает». Чем дальше, тем чувство отвращения ко двору и придворным условиям делается у А. Ф. Тютчевой все глубже и сильнее. Вместо иронии, вместо декламации, звучит уже отвращение к жизни.

Служение государям на практике превращалось для А. Ф. Тютчевой в «тяжелую повинность», а жизнь при дворе — в «каторжную жизнь».

Наблюдения над придворным бытом открывают перед А. Ф. Тютчевой и более широкую картину духовной несостоятельности столичного дворянского общества в целом. Внешний блеск этого общества ее не ослепил. Развитый в ней клерикальным воспитанием пуританский дух приучил ее с детства относиться отрицательно — отрицательно почти по-книжному — к тому, что в те времена было принято называть «большим светом», и внушил ей «спасительный страх перед тщеславием, легкомыслием, светскими удовольствиями, спектаклями, нарядами, чтением дурных книг». «В течение всей моей молодости, — говорит она, — я никогда не стремилась ни к развлечениям, ни к нарядам». «Свет и светский образ жизни», по ее словам, всегда возбуждали в ней «грустное чувство пустоты». Среди «блестящей толпы, нарядной и оживленной, среди улыбок и банальных фраз, среди кружев и цветов» ею овладевает, как она говорит в другом случае, «какая-то тоска, чувство пустоты и одиночества».

В заключение приходится поставить вопрос о том, какой фактический материал для понимания эпохи дают дневники и записки А. Ф. Тютчевой.

1. Во-первых, нельзя не остановиться на блестящих характеристиках отдельных лиц. В мемуарах имеется несколько таких характеристик, написанных, как сказано выше, по истечении значительного времени, хорошо продуманных и литературно обработанных. Сравнение с дневниками позволяет выяснить отдельные элементы, из которых они сложились, и изменения, которым подверглись в более поздние годы, первые впечатления. Таковы характеристики членов императорской семьи: Александра II, Марии Александровны, Николая I, Александры Федоровны, вел. кн. Марии Николаевны, брата цесаревны принца Александра Гессенского. О всех этих лицах

Тютчева говорит с уважением, совершенно в духе своих общих представлений о носителях верховной власти, но это не мешает ей не только с беспристрастием, но даже с большим пафосом отмечать их слабые стороны, благодаря чему получаются объективные и живые образы.

В тех же записках мы находим живую картину «фрейлинского коридора» — целый калейдоскоп типов придворных дам двух царствований. Чрезвычайно ярко изображен и салон Карамзиных — «истинный оазис литературных и умственных интересов среди блестящего и пышного, но мало одухотворенного петербургского света». Кроме этих прекрасно написанных характеристик, мы имеем и в дневниках коротенькие, но меткие изображения отдельных лиц. Таковы, например, характеристики великой княгини Александры Иосифовны, великого князя Константина Николаевича, к которому Тютчева возвращается несколько раз, но законченного портрета которого все-таки не дает, других братьев Александра II (тоже разрозненные замечания), наследного принца Вюртембургского, «магушки-гусыни» кн. Салтыковой, воспитательницы императрицы Марии Александровны — M-lle de Grancey, спирита Юма и других лиц из придворного круга. Кроме отзывов о тех или иных лицах, Тютчева записывает ряд мелких фактов и разговоров, дополняющих характеристики. Таковы многочисленные записи разговоров ее и Марии Александровны, преимущественно на религиозные темы, довольно однообразные, но дающие много данных для выяснения этой до сих пор мало понятной личности, сочетавшей в себе большой здравый смысл и сознательное стремление к политической деятельности с тем безжизненным пиетизмом, который так ярко проявляется в соединении протестантского рационализма с обрядовым мистицизмом православия и при ее безволии постепенно поглотил более сильные черты ее характера.

II. Наряду с отдельными характеристиками мы находим у Тютчевой блестящую картину придворной жизни в России в середине прошлого столетия. Общее описание двора Николая I по выразительности, краткости и силе равно классическому описанию Кюстина. Чрезвычайно показательны отдельные эпизоды, рисующие дворцовый быт, записанные Тютчевой с тем легким налетом тонкой иронии, который делает ее описания такими живыми. К числу шедевров юмора и изобразительности можно отнести такие сцены, как вечерние собрания у Александры Федоровны во время ее вдовства или приезд старомодной императорской тетушки — королевы Нидерландской Анны Павловны и т.д.

Некоторые подробности дают разгадку придворных явлений позднейшего времени. Так, очень рельефно обрисовывается увлечение мистицизмом в самых разнообразных формах, начиная с господства церковной обрядности и кончая самыми грубыми суевериями. Очень любопытны, например, рассказ императрицы о тех предсказаниях, которые были получены от какого-то отшельника великим князем Михаилом Павловичем, — предсказаниях о чем-то страшном, но оставшихся сокровенными, ее же рассказ о чудесном сновидении старухи кн. Гагариной, предвещавшем рождение великой княжны Марии Александровны, и другие мелкие факты, рельефно изображающие то настроение повышенного мистического чувства и просто грубого суеверия, в котором жила императорская семья. В этой обстановке, пропитанной верой в чудесное и сверхъестественное, находили обильную пищу и увлечение демонологией в форме всевозможного спиритизма. В конце царствования Николая I это было «столоверчение», которым увлекались такие умные люди, как Ф. И. Тютчев; в царствование Александра II — правильные спиритические сеансы. В дневниках А. Ф. Тютчевой есть несколько описаний таких сеансов. Любопытен эпизод с вел. кн. Александрой Иосифовной, дошедшей в своем увлечении «магнетизмом», как тогда говорилось, почти до утраты умственного здоровья, и с ее фрейлиной и фавориткой Анненковой.

При описании придворного быта Тютчева дает не просто статическую картину, она изображает те изменения, которые в нем происходят. Особенно интересны указания на то, как двор реагировал на события Севастопольской кампании. «Все здесь дышало обычным миром, той покойной рутинной, которая окружает великих мира сего, как атмосфера Олимпа. Тучи собираются с часу на час более грозные, гром гремит; дождь снаружи льет ручьями, а здесь все тот же мягкий полусвет, тот же ласкающий ветерок». Лишь постепенно это безмятежное настроение сменяется чувством глухой тревоги, которая переходит в сознание роковой обреченности. Этот переход от одного настроения к другому прекрасно изображается дневниками Тютчевой. После смерти Николая I Тютчева отметила упадок придворной дисциплины и упрощение придворной жизни, грозившие принять характер распушенности. Высочайшие особы, с одной стороны, стремятся жить «по-обывательски» (*bourgeoisement*), и в дневнике имеется дышащий иронией рассказ о поездке императрицы в 1855 году инкогнито к графине Мейендорф и о связанных с этим недоразумениях, закончившихся опозданием на поезд и необходимостью зака-

зять спешно поезд экстренный. С другой стороны, свита, не чувствуя грозного взгляда умершего государя и избалованная слабостью и благодушием его преемника, совершенно освободилась от всяких стеснений, налагаемых не только этикетом, но даже приличием, и первыми в этом отношении были великие князья, братья Александра II.

III. На фоне придворной жизни дневники А. Ф. Тютчевой описывают несколько крупных исторических моментов. В них можно найти интересный материал по истории Восточной войны, особенно в первых ее стадиях. Это по большей части небольшие детали, рисующие отношение к отдельным вопросам лиц императорской фамилии, отзывы и суждения главным образом наследника, будущего Александра II, и с его слов мнения Николая I. Очень живую картину дают дневники той борьбы, которая в 1855 году шла при дворе по вопросу о заключении мира, и колебаний или, может быть, скрытности императора в этом деле.

Исключительным по своей важности является у А. Ф. Тютчевой описание смерти Николая I. Ее дневники совершенно точно отмечают постепенное усиление болезненного состояния императора и позволяют следить до известной степени за ходом его болезни. Вместе с тем из ее дневников видно, до какой степени мало обращали при дворе внимания на эти грозные симптомы. Самое описание смерти императора, в полном смысле слова — шедевр по силе и яркости легко поддается проверке путем сравнения с воспоминаниями других современников.

IV. Помимо материала общеисторического значения дневники Тютчевой дают много новых данных для характеристики ее отца — поэта Ф. И. Тютчева. В общем, в них сравнительно мало упоминаний о ее семье, может быть, потому, что часть дневников сохранилась в позднейшей редакции, из которой было устранено все, что касалось личных и семейных отношений автора. Тем ценнее рассеянные по всем дневникам отдельные сведения о Тютчеве, в частности его отзывы о событиях и людях. Очень интересны указания на то, как поэт одно время пробовал через дочь войти в непосредственные сношения с наследником, чтобы влиять на него в духе московского славянофильства. Любопытным моментом в биографии Тютчева, характерным для его мистического умонаправления, является увлечение говорящими столами, над которым слегка посмеивалась, к большому его негодованию, его дочь.

Несмотря на свою обычную сдержанность в вопросах, касающихся семьи, А. Ф. Тютчева роняет некоторые замечания, позволяющие представить себе тяжелую, в нравственном от-

ношении, семейную обстановку, в которой прошла ее молодость, — ту «непрерывную пытку», в которую превращена была жизнь в доме поэта, благодаря господствующему в нем «духу уныния, порицания и сплина», неумению «пользоваться маленькими радостями жизни», и способности, вследствие «неуживчивости, превращать мелкие жизненные неудачи в настоящие несчастья».

В. Наконец, сама А. Ф. Тютчева представляет собой интересный тип, характерный для той эпохи, — это тип негласной советчицы супруги самодержавного государя, тип, созданный благодаря условиям переходного времени, когда среди наиболее развитой части еще недавно господствовавшего сословия уже чувствовалось приближение катастрофы, которую необходимо было предотвратить, а формы самодержавного строя давали лишь один способ воздействовать на власть в том или ином направлении — путь частного влияния, облегчавшегося той патриархальной простотой, которая господствовала при дворе, особенно вокруг наследника престола и его жены. Личные связи, устанавливавшиеся в бытность императора наследником, открывали впоследствии возможность негласного воздействия на венценосца. При Александре III одно время, в бытность его наследником, такую роль «маркиза Позы» хотел играть его сверстник кн. В. П. Мещерский, прославленный впоследствии издатель «Гражданина», позднее с фанатическим упорством и не без успеха исполнял знаменитый Победоносцев; при Александре II «бесстрашным сказателем правды» мечтал быть его товарищ детства поэт Алексей Толстой. Такое же положение, как мы видели, стремилась занять А. Ф. Тютчева при Марии Александровне. Неудовлетворенная тем зависимым положением, в которое ее ставила служба при дворе, слишком умная и образованная, чтобы, по ее словам, «с охотой и достоинством играть одновременно роль друга и холопа, чтобы легко и весело переходить из гостиной в лакейскую, всегда быть готовым выслушивать самые интимные поверенности владыки и нести за ним его пальто и галоши», сознавая всю фальшь, в которую ее ставила близость к «высочайшим особам», она сначала тщетно старалась воплотить в жизнь тот невозможный идеал придворного, посредством которого она с свойственной ей наивностью думала осмыслить свое пребывание при дворе.

«Придворные, — думала она, — так же как и прочие люди, могут выполнить свое призвание в христианском смысле слова. Они должны уметь быть одновременно гибкими и твердыми, вкрадчивыми и правдивыми, услужливыми и бескорыстными, уметь все-

гда быть приятными, но не в целях эгоистичных и личных, а ради добра и милосердия. Они должны выше всего ставить служение идее и принципу». По мере того как годы шли, Тютчева все более разочаровывалась в лицах, к которым питала такое благоговейное почитание, все более тяготилась своим положением. «Дело в том, — писала она впоследствии сестре (7 авг. 1880 г.), — что ничто не могло менее подходить моей натуре, как атмосфера двора. У меня не было ни одного из тех органов, которые необходимы для того, чтобы там наслаждаться и иметь успех или приносить пользу; даже в качестве воспитательницы мое несомненное педагогическое призвание не могло принести настоящих плодов, потому что все хорошее во мне было парализовано средой, слишком антипатичной моей натуре». Эволюцию настроений Тютчевой в отношениях ко двору и представляют с большой яркостью ее дневники, дающие много материала для характеристики мятежной души этой талантливой девушки, не сумевшей примениться к тому блестящему положению, которое она занимала при дворе. Напрасно Победоносцев внушал ей, «что в домах царских надо искать людей, одетых в мягкие одежды, кто пышно одевается и ест сладко, а слово пророка раздается в пустыне, и туда народ идет его слушать. Так было в старое время, так и всегда будет. А она хочет, чтобы на крапиве рос виноград!» «Вам Бог указал на такой земле работать, — писал он ей 1 мая 1865 года, — где все убито и укатано и всякую неровность почвы тутчас сглаживают работники, не ждите здесь глубоких следов, не надейтесь, что здесь услышат грозный голос пророка и услышат его обличения... Не обманывайтесь — на крапиве не вырастет виноград, на репейнике не станете собирать смоквы. Вам приходит мысль: не бежать ли отсюда (от двора)? Но убежав, не провиниться ли, не покинуть ли дела своего, которое Бог положил на руки? И куда бежать? Те идолы, которые стоят около вас, позолоченные и разукрашенные, расставлены всюду. Станете искать пустыни, но где она?»

Эта зависимость Тютчевой от окружающих не умаляет интереса ее записок, но, наоборот, позволяет говорить о ней как о представительнице известного слоя современного ей общества.

Цветок, выросший на почве угасавшей дворянской культуры, А. Ф. Тютчева — с ее мистицизмом, с ее экзальтированным националистическим чувством — во многих отношениях кажется нам сейчас наивной и старомодной. Она была искренна и в жизни, и в своих писаниях. Эту искренность ценили люди, знавшие ее ближе. «Кто, как она, перешел через горнило дво-

ра, не утратив самостоятельности и личного достоинства, не охладев душой, тот выдержал одно из самых трудных испытаний в человеческой жизни», — писал П.Х.Граббе, в январе 1866 года. А отец писал ей:

*Нет, жизнь тебя не победила,
И ты в отчаянной борьбе
Ни разу, друг, не изменила
Ни правде сердца, ни себе.*

Дневники и записки А.Ф.Тютчевой, отражающие так полно и художественно и личность их автора, и описываемую эпоху, являются в общем итоге ценным источником для истории 50-х годов прошлого столетия, давая ряд конкретных образов и картин этой эпохи, в настоящее время уже ускользающей от нашего восприятия.

Сама Тютчева в письме к сестре от 5 ноября 1880 года так определила их значение: «Все прошлое, как живое, встает передо мной во всей его яркости, и мне кажется, что после нас эти воспоминания будут интересны для тех, кто будет изучать историю нашей эпохи: в них они найдут в каждой строчке жизнь, как она была во всей ее наивности, и именно этот характер непосредственности я и старалась сохранить в своем дневнике».

Разнородность имеющегося в распоряжении редакции материала затруднила издание всех записок А.Ф.Тютчевой целиком без предварительного научного обследования сохранившихся подлинных рукописей. Поэтому в настоящее время печатаются лишь выдержки из них. Пропуски касаются преимущественно тех частей дневников, в которых автор излагает свои личные ощущения и чувства; любопытные для характеристики самой Анны Федоровны, они могли быть тем не менее опущены без особенного ущерба для общей картины дворцового быта. Далее, пропущены почти целиком записи разговоров с Марией Александровной преимущественно на религиозные темы, интересные для уяснения личности жены Александра II, но несколько однообразные по содержанию, а также некоторые записи, касающиеся чисто семейной жизни цесаревны.

В основу «Воспоминаний» при печатании положена копия, проверенная и дополненная за 1853—1855 годы по подлиннику.

Перевод сделан Е.В.Герье. Примечания, не отмеченные особо, принадлежат редакции.

*С. Бахрушин.
1 января 1928 года.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Августин (354—430), знаменитый церковный писатель первых веков христианства; из его сочинений самые замечательные: «De civitate Dei», «Confessiones», «Meditationes», «Soliloquia» и др. В русском переводе его «Избранные сочинения» были напечатаны впервые в Москве в 1788 году — 253, 309.

Адан (Adam) **Жюльетта** (род. 1835), французская писательница, основательница газеты «Nouvelle Revue»; в 70-х годах играла некоторую роль в республиканской партии; поборница франко-русского союза, автор популярной книги о Скобелеве — 350.

Адлерберг Александр Владимирович (1819—1889), граф, мин-р двора и уделов (1870—1882), на каковом посту он сменил своего отца после ухода его в отставку вследствие старости. Пользовался исключительным доверием и дружбой Ал-ра II — 88, 183, 207, 245, 280, 286, 309, 311, 318, 319.

Адлерберг Владимир Федорович (1790—1884), граф (с 1847), генерал-адъютант; начал службу в 1811 в Литовском полку; участвовал в войне 1812—1814 гг.; в 1817 назначен адъютантом будущего имп. Николая I, сопровождал его в Турецкую кампанию 1828—1829 гг.; позже директор канцелярии военного мин-ва; в 1841 — главноуправляющий почт и телеграфов; в 1852—1870 — мин-р двора — 124, 176, 183, 245, 280, 284, 286, 322, 323.

Адлерберг Екатерина Николаевна, урожд. Полтавцева (1822—1910), графиня, жена гр. Ал-дра Влад. Адлерберга — 207, 245, 300, 309, 312, 313.

Адлерберг Мария Александровна (род. 1849), дочь Ал-дра Влад. Адлерберга, впоследствии замужем за кн. Ник. Давид. Мингрельским (1847—1903) — 245, 306.

Адлерберг Мария Васильевна, урожд. Нелидова (1797—1870), графиня, жена гр. Влад. Фед. Адлерберга — 245.

- Адлерберг Николай Александрович** (1844—1904), граф, сын гр. Ал-дра Влад. и Эк. Ник. Адлербергов, ровесник и товарищ наследника Николая Александровича, впоследствии генерал-майор — 245, 246.
- Аксаков Иван Сергеевич** (1823—1886), известный славянофил, публицист и поэт; редактировал ряд сборников и журналов («Московский сборник», «Русская беседа», «Парус», «День», «Москва», «Русь»), которые последовательно закрывались правительством. Его публицистические статьи (в 7 т.) и стихотворения (в 2 т.) изданы после его смерти; женат с 1866 на фрейлине А.Ф.Тютчевой — 165, 238, 278—280, 338, 339, 341, 342, 344, 348—352.
- Аксаков Константин Сергеевич** (1817—1860), известный писатель-славянофил; историк по образованию, автор ряда публицистических и исторических сочинений; три первых тома полного собрания его сочинений вышли в 1861—1880 гг. — 165, 241.
- Аксаков Сергей Тимофеевич** (1791—1859), писатель, отец славянофилов Конст. и Ив. Сергеевичей Аксаковых, автор знаменитой «Семейной хроники» (1856), «Детских годов Багрова-внука» (1858), «Записок ружейного охотника» и т. д. — 238, 279, 280.
- Александр Гессенский** (1823—1888), принц Дармштадтский, брат Марии Александровны, жены Александра II — 13-15, 24, 154, 155, 157, 162, 166, 256, 331, 332.
- Александр I Павлович** (1777—1825), император с 1801 г. — 17, 92, 107, 114, 115, 118, 187, 191, 196, 230, 266.
- Александр II Николаевич** (1818—1881), наследник престола, с 1855 г. император — 6, 13, 23—25, 29, 30, 73, 75, 79, 83, 87, 88, 93, 94, 101, 102, 104, 107, 108, 111, 114, 118—124, 126, 128, 130—132, 135—140, 142—162, 165, 166, 168, 172—192, 195, 196, 198, 203, 206, 207, 209, 211, 214—234, 236, 237, 241—243, 245, 247—252, 254—263, 266, 268, 274—277, 282, 284, 286, 288—291, 294—300, 304, 306, 310, 311, 313, 314, 318, 319, 321, 325—329, 332, 333, 335—343, 345, 347.
- Александр III Александрович** (1845—1894), второй сын Александра II, с 1881 г. император — 24, 98, 141, 148, 149, 249—252, 281, 282, 313, 339, 343—345, 347, 348, 350.
- Александра (Фредерика-Вильгельмина-Александра-Мария-Елена, 1803—1892)**, герцогиня Мекленбург-Шверинская, сестра императрицы Ал-дры Федоровны, вдова вел. герцога Фридриха (ум. 1842) — 54, 141, 159, 163, 174.
- Александра Александровна** (1842—1849), вел. княжна, старшая дочь Александра II — 24, 71, 83, 311.
- Александра Иосифовна** (1830—1912), вел. княгиня, жена вел. кн. Конст. Николаевича, дочь герцога Саксен-Альтенбургского — 34,

54, 91, 94, 95, 99, 106, 110, 111, 116, 121, 131, 137, 153, 174, 182, 183, 204, 205, 209, 210, 211, 262, 266, 268, 286, 299, 335.

Александра Николаевна (1825—1844), вел. кн., младшая дочь Николая I; в 1843 вышла замуж за герцога Гессен-Кассельского Фридриха; в следующем году умерла от неудачных родов — 83.

Александра Петровна (1838—1900), принцесса Ольденбургская, замужем за вел. кн. Николаем Николаевичем; с 1881 жила в Киеве, где основала Покровский монастырь с хирургической клиникой, в котором постриглась в монахини с именем Анастасии — 217, 218, 225, 226, 228, 229, 246.

Александра Федоровна (Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина, 1798—1860), императрица, жена Николая I, старшая дочь прусского короля Вильгельма III — 33, 35, 36, 41, 42, 48, 50—52, 54, 59, 68, 69, 73, 74, 76, 77, 84, 89, 94, 96, 106, 110, 113, 114, 116, 117, 121—126, 134, 136, 138, 139, 142, 143, 145—147, 149, 150, 152, 156, 157—160, 169, 174, 179, 186, 187, 193, 195, 206, 208, 210, 212, 213, 217, 226, 239, 255, 256, 284, 286, 299, 302, 306—308, 310—316, 318, 325—327, 329, 332, 334.

Алексей Александрович (1850—1908), вел. князь, сын Александра II — 24, 88, 118, 148, 162, 199, 249—252, 273, 281, 282, 313, 334, 339, 340—342, 352.

Алексей Михайлович (1629—1676), царь, вступил на престол в 1645 — 191.

Алексий (ум. 1378), митрополит московский, современник Дмитрия Донского — 184, 196, 272.

Альбединский Петр Павлович (1826—1883), генерал-адъютант; начал службу в 1843 корнетом л.-гв. конного полка; в 1853 — флигель-адъютант; в 1854 командирован в Крым в распоряжение главнокомандующего армиями; женат на кн. А.С.Долгорукой — 109.

Андроников Иван Малхазеевич (1798—1868), генерал; участвовал в Персидском походе 1827, в Турецкой кампании 1828—1829 гг. и в войнах на Кавказе; в 1849 тифлисский военный и гражданский губернатор, в 1853 был послан на вырубку Ахалцыха и при Суфлисе разбил турок; в 1854 одержал победу над турками при Чолоке — 90.

Ангулемский (Angouleme) Луи-Антуан, герцог Бурбонский (1775—1844), старший сын графа Артуа, впоследствии короля Карла X; бежал в 1789 с отцом из Франции; в 1799 вступил в брак с дочерью Людовика XVI Марией-Терезой-Шарлоттой (1778—1851); вернулся во Францию в 1814; в 1830 после Июльской революции отрекся от своих прав на престол в пользу своего племянника графа Шамбора и бежал в Англию; в 1832 переехал в Прагу и в 1836 в Герц, где и умер — 266, 267.

Авшкеева, княгиня, монахиня Серафимо-Дивеевского монастыря — 228.

Анна Павловна (1795—1865), вдовствующая королева Нидерландская, дочь Павла I; в 1809 за нее сватался Наполеон I, но предложение было отклонено; в 1816 вышла замуж за принца Оранского Вильгельма (с 1840 король Нидерландский); овдовела в 1849 году — 188, 208, 209, 216, 217, 219, 220, 222, 226.

Анненков Сергей Петрович (род. 1815) — 266, 267.

Анненкова Мария Дмитриевна, урожд. Прозоровская (род. 1784), жена Петра Аврамовича Анненкова, мать предыдущего — 267.

Анненкова Мария Сергеевна (род. 1837), фрейлина вел. кн. Александры Иосифовны — 210, 241, 266—269.

Антоний (1789—1877), наместник Сергиево-Троицкой лавры, официальным настоятелем которой числился митрополит московский; по происхождению вольноотпущенник из дворовых людей — 189, 191, 273.

Апраксин Степан Федорович, (1792—1862), граф, генерал-адъютант, состоял при императрице Марии Александровне — 212.

Аркас Николай Андреевич, флигель-адъютант, капитан I ранга — 249.

Арсеньев Дмитрий Сергеевич, вице-адмирал; состоял попечителем вел. князей Сергея и Павла (сыновей Александра II); впоследствии начальник Морской академии и Морского училища — 340.

Арсеньев Константин Иванович (1789—1865), статистик, историк и географ; с 1811 преподаватель Петерб. педагогическ. ин-та; в 1819 с преобразованием ин-та в ун-тет назначен адъюнктом по кафедре географии и статистики; лекции его, напечатанные в 1819, вызвали неудовольствие попечителя Рунича, но благодаря заступничеству вел. кн. Ник. Павл. дело ограничилось устранением его из ун-та; в 1828 он был приглашен к наследнику для преподавания статистики и истории; в этих целях ему было предоставлено право извлекать из архивов документы, необходимые для преподавания новой русской истории. Результатом его архивных изысканий явился ряд работ по русской истории XVIII века, основанных на неизданных материалах («Царствование Петра II». СПб, 1839; «Царствование Екатерины I». СПб, 1856); в качестве преподавателя он в 1837 сопровождал наследника в путешествии по России. В 1832 он, кроме того, был назначен членом совета мин-ва вн. дел, в качестве которого до 1853 заведовал учрежденным по его идее статистическим комитетом. С 1836 — член Акад. наук; с 1838 — почетный член Петерб. ун-та; в 1845 был одним из инициаторов основания Русск. географ. о-ва, товарищем предс. которого он состоял в 1850—1854 гг. — 77.

Арсеньевы, девочки, дочери камер-юнкера Сергея Федоровича Арсеньева (ум. 1892) и Елизаветы Михайловны Волинской (1817—1877), находившихся в родстве с А. Н. Мура-

- вьевым и его женой: София Сергеевна, вполн. замужем за Павл. Ив. Логиновым (ум. 1913), и Мария Сергеевна (ум. 1919) — 293.
- Багратион Петр Романович** (1818—1876), князь, генерал-майор — 314.
- Баженов Василий Петрович** (1800—1883), духовник царской семьи с 1835 года — 121, 126, 129, 130, 248.
- Бакунин Александр Павлович** (1797—1860), тверской губернатор — 183.
- Балабин Виктор Петрович** (ум. 1864), дипломат; в 1858—1864 гг. представлял Россию в Вене — 332.
- Баранов Николай Михайлович** (ум. 1901), капитан-лейтенант; с 1871 флигель-адъютант; во время Турецкой войны командовал пароходом «Веста» и участвовал в ряде морских операций, за которые получил чин капитана 2 ранга; однако по окончании войны его деятельность подверглась судебному расследованию, в результате которого он должен был покинуть службу во флоте и потерял звание флигель-адъютанта; в 1881 назначен и. д. губернатора Ковенской губ., а после убийства Александра II по рекомендации Победоносцева был сделан петербургским градоначальником, на этом посту проявил полную несостоятельность, после чего перемещен губернатором в Архангельск, а оттуда (в 1885), в Н.-Новгород — 339.
- Баранов Павел Трофимович** (1814—1864), князь, тверской губернатор в 1857—1862 гг.; генерал-лейтенант; у него были дети: сыновья — Алексей, служивший впоследствии прокурором Московского окружного суда, Николай и Александр; и дочери — Юлия, впоследствии по мужу Муханова, Александра, по мужу Лопухина, Екатерина, по мужу гр. Хребтович-Бутенева, и Евгения, по мужу Писарева — 287.
- Баранова Юлия Федоровна** (урожд. Адлерберг, 1789—1864), воспитательница детей Николая I. Пожалована в фрейлины в 1806, состояла гофмейстериной при вел. кн. Марии Никол.; в 1839 — пожалована статс-дамой; в 1846 получила графское достоинство; в 1855 назначена гофмейстериной при имп. Александре Федоровне — 35, 37, 125, 126, 128, 212, 251.
- Бартенева Вера Арсеньевна** (1821—1894), фрейлина принцессы Терезии Ольденбургской — 34.
- Бартенева Мария Арсеньевна** (1816—1870), замужем с 1846 за Д.И. Нарышкиным — 34.
- Бартенева Надежда Арсеньевна** (1821—1902), фрейлина императрицы Александры Федоровны и Марии Александровны, впоследствии камер-фрейлина — 33, 34, 56, 178, 206, 212.
- Бартенева Наталья Арсеньевна** (1829—1893), фрейлина вел. кн. Александры Иосифовны — 34, 142, 183, 184, 332.

Бартенева Параскева Арсеньевна (1811—1872), фрейлина имп. Александры Федоровны — 33, 34, 206, 212, 270, 280.

Барятинский Виктор Иванович (род. 1823), князь, моряк, участвовал в Синопском сражении; в 1854—1855 гг. состоял в гарнизоне Севастополя; с 1854 капитан 1 ранга; в 1857 уволен в отставку за болезнью — 184.

Барятинский Владимир Иванович (1817—1875), князь, адъютант наследника Александра Николаевича (с 1847), флигель-адъютант (с 1855), шталмейстер — 137, 183, 318.

Бах Иоганн-Себастьян (1685—1750), знаменитый композитор церковной музыки — 304.

Бек Вера Ивановна, дочь камерюнкера Ив. Алдровича Бека и Марии Аркадьевны Столыпной; вышла замуж за флигель-адъютанта кн. Дм. Серг. Горчакова — 300.

Бек Мария Аркадьевна, см. Вяземская М.А.

Берг Вера Андреевна, надзирательница при дочерях вел. кн. Константина Николаевича и Алдры Иосифовны (до 1856) — 209, 268, 269, 270.

Бестужев-Рюмин Константин Николаевич (1829—1897), выдающийся русский историк, профессор русской истории Петербургского ун-та (1865—1882), основатель и председатель высших женских курсов в Петербурге (1878), председатель Славянского благотворительного о-ва в 1878—1882 гг.,

член Академии наук (с 1890). Блестящая диссертация Бестужева-Рюмина «О составе русских летописей» (1868) явилась поворотным моментом в научной критике летописных текстов — 341.

Бетанкур Альфонс Августинвич, генерал-лейтенант — 286.

Бетховен Людвиг (1770—1827), знаменитый немецкий композитор — 106, 280.

Бибииков Дмитрий Гаврилович (1792—1870), государственный деятель николаевского времени; в 1825—1835 гг. состоял директором деп-та внешней торговли; в 1837—1852 гг. губернатор Юго-Западного края, в бытность каковым ввел систему т.н. инвентарей, подготовившую освобождение крестьян; в 1846 назначен членом Гос. Совета; в 1852 — министр вн. дел; уволен от этой должности в 1855 году — 146.

Бирлева Мария Федоровна, см. Тютчева М.Ф.

Бисмарк Отто-Эдуард-Леопольд (1815—1898), граф, знаменитый государственный деятель Германии, имперский канцлер в 1871—1890 гг. — 36, 349.

Блудов Вадим Дмитриевич — 81.

Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864), граф, известный государственный деятель николаевского времени; с 1830 управлял м-вом внутр. дел; в 1837—1839 гг. м-вом юстиции; в конце 1839 назначен главным управляющим II отделением собственной е. и. в. канцелярии,

членом Гос. Совета и председателем деп-та законов; в 1842 назначен президентом Академии наук и в 1862 — председателем Гос. Совета — 156, 200, 234, 242, 247.

Блудова Антонина Дмитриевна (1812—1891), дочь известного госуд. деятеля николаевской эпохи Д.Н.Блудова; с 1863 камер-фрейлина; большие связи в литературных и политических кругах позволили ей создать вокруг себя влиятельный в Петербурге салон, в котором она деятельно пропагандировала свои политические воззрения; горячая монархистка, преданная идее русской народности и русской церкви, она оказывала, в частности, содействие русификации Юго-Западного края; ей принадлежат интересные записки, напечатанные в «Заре» (1871—1872) и в «Рус. архиве» (1872—1875) и вышедшие отдельно в 1889 году. Она писала также в «Страннике» и в «Семейных вечерах» — 76, 78, 121, 128, 129, 134, 135, 137—139, 147, 176, 177, 179, 189, 198, 200, 239, 240, 242, 246, 258, 259, 265, 307.

Бобринская София Андреевна, см. Шувалова С.А.

Бобринский Александр Алексеевич (1823—1903), граф, обер-гофмейстер, член Госуд. Совета, одно время был петербургским губернатором; от брака с гр. Соф. Андр. Шуваловой у него было четыре сына: Владимир (1853—1877), убитый в чине поручика на Балканах, Александр (1855—1890), известный археолог, занимавший одно время пост министра земледелия; Георгий, во время

мировой войны бывший губернатором в Галиции, и Андрей, состоявший помощником государственного секретаря при Плеве — 14, 245, 296, 306.

Бобринский Алексей Павлович (1826—1890), граф, министр путей сообщ. в 1871—1874 гг.; мистик по натуре, он впоследствии примкнул к секте «пашковцев», последователей приезжавшего в 1874 в Россию лорда Редстока — 180, 245, 284, 285, 301, 309-311, 313, 314, 317—319.

Бобринский Владимир Алексеевич, управляющий м-вом путей сообщ. в 1868—1871 гг. — 245, 301, 311.

Богарнэ (Beauharnais) Евгений (1781—1824), пасынок Наполеона I, сын его первой жены Жозефины и Александра Богарнэ, усыновленный Наполеоном и в 1807 назначенный им наследником итальянского престола; был женат на дочери баварского короля; участвовал во всех войнах Наполеона и прославился своей удалью и искусством. При реставрации Бурбонов он удалился из Италии, где с успехом боролся за дело Наполеона, в Баварию и получил от баварского короля, своего тестя, герцогское звание и графство Лейхтенбергское и Эйштадтское — 31.

Бодэ Юлия Андреевна — 15.

Бомон-Васси (de Beaumont Vassy, 1816—1871), французский писатель, автор сочинений: «Histoire de mon temps», «Histoire des Etats européens depuis le congrès de Vienne» (6-й

том посвящен русской империи), «Histoire de l'empereur Nicolas I», «Mémoires secrets siècle», «Les salons de Paris et la société Parisienne sous Napoléon III», «L'Histoire authentique de la commune de Paris en 1871» и др. — 46.

Боратынский Евгений Абрамович (1800—1844), поэт — 17.

Бреверн Александр Иванович (1814—1890), высочайшим указом 11 декабря 1852 года по ходатайству его дяди, эстляндского дворянина гр. Магнуса де-ла-Гарди, получил фамилию, титул и герб графов де-ла-Гарди; в 1851 командующий кавалергардским е. и. в. полком, в 1852 произведен в генерал-лейтенанты, в 1855 зачислен в свиту; в 1861 — генерал-лейтенант; через год начальник штаба отдельного гвардейского корпуса; в 1864 — начальник штаба гвардейских войск; в 1865 — командующий Харьк. военным округом; в 1879 — Моск. округом. Вышел в отставку в 1888 и получил назначение в Гос. Совет — 95.

Брок Петр Федорович (1805—1875), министр финансов в 1852—1858 гг. — 214.

Булье (Bouillet) Мари-Николя (1798—1864), французский писатель, автор «Dictionnaire Universel d'histoire et de géographie» (1842); раньше им издан «Dictionnaire classique de l'antiquité sacrée et profane» (1826) — 213, 219.

Буоль-Шауенштейн Карл-Фердинанд (1797—1865), граф, австрийский дипломат; был послом в Петербурге в 1848—

1850 гг.; позже министр иностран. дел; в качестве австрийского уполномоченного участвовал в заключении Парижского мира в 1856 году — 227, 328.

Бутурлин Алексей Петрович (1802—1863), граф, генерал-лейтенант, ярославский губернатор в 1858 году — 289.

Василь Кузьмич, см. Стрелков.

Васильчиков Виктор Илларионович (род. 1820), флигель-адъютант (с 1844); в Восточную войну исправлял должность начальника штаба Севастопольского гарнизона; в 1855 генерал-лейтенант; в 1856 начальник штаба Южной армии; в 1857 директор канцелярии военного м-ва; в 1858 сперва товарищ военного м-ра, а затем управляющий военным м-вом; по болезни вышел в отставку в 1860 году — 237.

Вебер Карл (Мария-Фридрих-Август, 1786—1871), барон, германский композитор, автор «Фрейшютца» — 280.

Вьардо-Гарсна Полина (1821—1910), известная французская певица — 59.

Вигель Филипп Филиппович (1788—1856), автор знаменитых «Записок»; не будучи сам литератором, он вращался в литературных кругах Москвы и пользовался известностью — 165.

Вшельгорская Анна (Anolide) Михайловна (1823—1861), графиня, фрейлина, вышла замуж за кн. Ал-дра Ив. Шаховского — 77.

Внелгорский Матвей Юрьевич (1794—1866), граф, виолончелист и меценат — 221.

Внелгорский-Матюшкин Михаил Михайлович (1822—1855), граф, уполномоченный имп. Марии Александровны по оказанию помощи раненым в Крыму; заразился тифом и умер 22 ноября 1855 года — 221.

Внелгорский Михаил Юрьевич (1788—1856), граф, известный меценат, любитель музыки и дилетант-композитор, отец предыдущего — 221, 222, 280.

Виктор-Эммануил II (1820—1878), король Сардинский, энергично работал над созданием единого Итальянского государства под своей властью, с успехом для этой цели использовав народное движение против австрийцев и против папы; в 1861 после присоединения южной Италии принял титул короля Италии; в 1871 перенес свою столицу в Рим — 329, 332.

Вильгельм-Франц-Карл (род. 1827), эрцгерцог Австрийский, двоюродный дядя имп. Франца-Иосифа — 142.

Вильгельмина - Луиза (1788—1836), жена Людвига II, вел. герцога Гессен-Дармштадтского (с 1804), мать имп. Марии Александровны — 24.

Вимпфен (Wimpffen) Дагоберт, барон, капитан, адъютант при королеве Вюртембергской в 1858; в том же году другой Вимпфен был атташе при Вюртембергском посольстве в Петербурге; трудно сказать,

который из них сопровождал принца Вюртембергского в его путешествии по России — 286.

Владимир Александрович (1847—1909), вел. кн., третий сын Александра II — 24, 98, 149, 246, 249—252, 271, 313, 319, 348.

Воейкова Александра Александровна (ум. 1893), фрейлина вел. кн. Марии Николаевны — 12, 22, 91, 207, 208, 212.

Воейкова Мария Александровна, фрейлина вел. кн. Александры Иосифовны, жены вел. кн. Конст. Николаевича — 91, 94, 95.

Волконская Варвара Михайловна (1781—1865), княжна, камер-фрейлина — 37.

Воронцов Михаил Семенович (1782—1856), граф, с 1845 князь, выдающийся государственный деятель первой половины XIX в.; в молодости отличился на военной службе на Кавказе (1803), в Прусской кампании (1806—1808), в Турецкой войне (1809—1811), в войне 1812—1814 гг.; командовал русской оккупационной армией во Франции в 1815—1818 гг.; в 1823 был назначен новороссийским генерал-губернатором и полномочным наместником Бессарабии и на этих постах проявил недюжинные административные способности и много способствовал подъему благосостояния края. В 1845 назначен главнокомандующим на Кавказ, где управление его ознаменовалось покорением Дагестана и рядом целесообразных мероприятий по устройству недавно завоеван-

ной окраины; за свои заслуги он получил в 1845 княжеский титул, а в 1852 звание «светлейшего». В 1854 ему пришлось, однако, подать в отставку, т. к. вследствие преклонного возраста он не справлялся с задачами, вызванными войной; по случаю коронации получил в 1856 звание генерал-фельдмаршала. В 1823—1824 гг. под начальством Воронцова служил высланный из столицы Пушкин, который имел, однако, основания жаловаться на его отношение к себе — 234.

Воронцова Елизавета Ксаверьевна (1792—1880), жена графа (с 1845 князя) Мих. Сем. Воронцова; в молодости была предметом увлечения Пушкина, и некоторые исследователи считают ее прототипом его Татьяны — 178, 256.

Вяземская Вера Федоровна, урожд. кн. Гагарина (1790—1886), княгиня, жена поэта Петра Андреевича Вяземского (с 1811), друг Пушкина — 233.

Вяземская Мария Аркадьевна, урожд. Стольпина (1819—1889), княгиня, по первому браку Бек, вторым браком замужем за кн. Павлом Петровичем Вяземским — 265.

Вяземские, княжны: Екатерина Павловна, впоследствии замужем за гр. Шереметевым, и Александра Павловна, впоследствии замужем за м-ром внутр. дел Сипягиным — 306, 307.

Вяземский Павел Петрович (1820—1888), князь, сын поэта; в 1856 помощник

попечителя Петербургск. учебн. округа, 1859 попечитель Казанского учебн. округа, позже председатель Петербургск. комитета цензуры иностранной, в 1881—1883 гг. — начальник главного управл. печати; последние годы — сенатор; ему принадлежит ряд исследований по истории, истории литературы и палеографии — 246, 265.

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878), князь, известный поэт и литературный критик, друг Пушкина; при Александре I выступал на дипломатическом поприще, при Николае I служил по м-ву финансов; при Александре II в 1855—1858 гг. был товарищем м-ра народного просвещения и работал по главному управлению печати. О его дружеских отношениях с А. Ф. Тютчевой свидетельствует его «Старая записная книжка», напечатанная в X т. Полного собрания его сочинений (СПб. 1886) — 181, 199, 200, 233, 243, 271.

Вяземский Петр Павлович (род. 1854), князь, сын кн. Павла Петровича Вяземского — 306.

Гагарина Софья Андреевна, урожд. Дашкова (род. 1810), княгиня, вторая жена кн. Григ. Григ. Гагарина — 195, 272.

Гамбетта (Gambetta) Леон-Мишель (1830—1882), известный французский политический деятель, поборник республиканского образа правления, министр внутр. дел в «правительстве народной обороны», образованном в 1870

после низвержения Наполеона III; упорно боролся за установление республиканского строя во Франции; впоследствии глава республиканской партии; в августе 1881 призван на пост президента кабинета, но его программа реформ была слишком радикальна для большинства палаты, и он должен был выйти в отставку в январе следующего года, в конце которого умер — 349, 350.

Де-ля-Гарди — 250, 337.

Гартман Карл Карлович, доктор, впоследствии лейб-медик — 331.

Гауке Маврикий Иосифович (1775—1830), граф, генерал от артиллерии, убит в начале польского восстания 1830 года — 14.

Гауке Юлия Мавриковна (род. 1825), фрейлина цесаревны Мар. Ал-дровны; вышла замуж за принца Ал-дра Гессен-Дармштадтского и получила в 1851 княжеский титул; впоследствии княгиня Баттенберг; мать принца Ал-дра Баттенбергского, князя Болгарского — 14, 155, 157, 162.

Гендриков Александр Иванович (1806 или 1807—1881), граф, камергер (1835); шталмейстер (1885); обер-шенк (1873) — 35.

Георг (1824—1876), герцог Мекленбург-Стрелицкий; в 1851 вступил в брак с дочерью вел. кн. Михаила Павловича Екатериной Михайловной и состоял на русской службе в качестве генерала от артиллерии, генерал-адъютанта и инспектора стрелковых батальонов — 183, 256, 280.

Георгий (1859—1911), сын герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого и вел. княжны Екатерины Михайловны — 332.

Герцен Александр Иванович (1812—1870) — 316.

Гёрген (Gorgei) Артур (1818—1916), один из главных предводителей венгерской армии во время восстания 1848—1849 гг.; в апреле 1849 одержал несколько блестящих побед над австрийцами, но 1 августа, теснимый русскими войсками, вынужден был сдать ген. Ридигеру при Вилагоше; по ходатайству наследника Александра Николаевича был помилован Францем-Иосифом — 230.

Гильдебранд Платон Иванович (1817—1886), капитан, в 1853 командующий резервной батареей 7-й конно-кавалерийской бригады; позже генерал-лейтенант (с 1884) — 106.

Гогель Григорий Федорович (1808—1881), ген.-адъютант, воспитатель сыновей Александра II — 281.

Голицын Евгений Александрович (1822—1854), князь, флота капитан-лейтенант, адъютант вел. кн. Константина Николаевича; утонул в Кронштадтском рейде — 97.

Голицын, князь, — при наследнике Александре Николаевиче в начале 50-х годов состояли адъютантами два князя Голицына — Сергей Павлович (1815—1888), генерал-майор (1868) и генерал-адъютант (1874), и «светлейший князь» Борис Дмитриевич (1819—1869), впоследствии генерал-адъю-

тант. Также близок ко двору в указанные годы был кн. Михаил Павлович (см. ниже) — 110.

Голицын Иван Михайлович (род. 1835), князь, гофмейстер при имп. Марии Федоровне (с 1883) — 312.

Голицын Михаил Павлович (1822—1868), князь, флигель-адъютант с 1851; свиты его в ва контр-адмирал с 1866; служил по морскому ведомству — 80, 249.

Голицын Сергей Михайлович (1774—1859), князь, камергер (с 1797), член Госуд. Совета (с 1837), действ. тайный советник 1-го класса (с 1852); был попечителем Московского учебн. округа (1830) и председателем Московск. опекунского совета (1830) — 106, 297.

Горчаков, Александр Михайлович (1798—1883), князь, дипломат; в 1820—1822 гг. состоял при Нессельроде на конгрессах в Троппау, Лайбахе и Вероне; в 1822—1827 гг. секретарь посольства в Лондоне, позже в Риме; в 1828 советник посольства в Берлине; в 1833 в том же звании в Вене; с 1841 чрезвычайный посол при Вюртембергском дворе (в 1850, кроме того, уполномоченный при Германском союзном сейме во Франкфурте); летом 1854 переведен в Вену. После отставки Нессельроде в результате неудачной Восточной войны назначен (в апреле 1856) минром иностр. дел со званием госуд. канцлера и сохранял эту должность до 1882, хотя фактически перестал участвовать в делах с 1879. Искусная дипло-

матическая деятельность Горчакова в сильно выраженном национальном духе (напр., в польском вопросе) встречала самое восторженное сочувствие в широких общественных кругах его времени — 107, 111, 176, 227, 248, 328, 329.

Горчаков Дмитрий Сергеевич (род. 1828), князь, флигель-адъютант, впоследствии женат на В.И. Бек — 300, 309, 311, 313, 319.

Горчаков Михаил Дмитриевич (1793—1861), князь, генерал-адъютант, главнокомандующий русской армией во время Восточной войны; с февраля по август 1855 года руководил обороной Севастополя, в 1856 назначен наместником Царства Польского, в каковой должности оставался до смерти — 196, 248.

Горчакова, княгиня — вероятно, кавалерств. дама Агафоклея Николаевна (1803—1888), вдова кн. Мих. Дм. Горчакова, назначенная статс-дамой в 1856 — 71.

Граббе (Grabbe) — 109.

Гранвилль (Granville) Джордж (1815—1891), лорд, английский политический деятель, член палаты общин в 1837—1846 гг.; затем перешел в палату лордов, где занял положение лидера либеральной партии; в 1848 вице-президент м-ва торговли, в 1851 занял пост м-ра иностр. дел; в 1852—1866 гг. состоял председателем тайного совета; в 1868 в кабинете Гладстока был м-ром колоний, а с 1870 — м-ром

иностр. дел; в 1871 председательствовал в Лондонской конференции по пересмотру Парижского трактата; во втором кабинете Гладстона снова занял пост м-ра иностр. дел, в третьем (1880) — м-ра колоний. Приезжал в Россию на коронацию Александра II — 262, 263.

Де Грансе (m-lle de Grancey), воспитательница имп. Марии Александровны — 24, 76, 85, 88, 102—104, 131, 185, 245, 260.

Гримм (Grimm) **Август-Теодор** (1805—1878), педагог и беллетрист, воспитатель детей Николая I: Константина, Александра, Николая и Михаила; в 1858 после нескольких лет отсутствия в России был приглашен воспитателем к сыновьям Александра II, но после смерти покровительствовавшей ему имп. Александры Федоровны (жены Николая I) уехал в Германию; ему принадлежит роман «Die Fürstin der siebenen Werste», в котором описывается жизнь высшего петербургского общества, биография имп. Алекс. Федоровны и пр. — 281, 306, 307, 308, 311, 313, 315, 316, 322.

Грот Яков Карлович (1812—1893), языковед и историк русской литературы; с 1840 профессор русского языка и словесности Гельсингфорсского ун-та; с 1852 профессор словесности Александровского лицея; в 1855 избран адъюнктом Академии наук по отделению русского языка и словесности; с 1858 — академик и с 1884 — председатель отделения. Он явился ини-

циатором реформы русского правописания. В 50-х годах преподавал русский и немецкий языки, историю и географию наследнику и его брату, будущему Александру III — 308.

Грюнберг, камердинер цесаревны Марии Александровны — 29.

Гудович Александра Васильевна (ум. 1901), фрейлина имп. Алдры Федоровны, замужем за кн. Мих. Павл. Голицыным (с 1857) — 34, 206.

Гудович Евдокия Васильевна (1825—1901), фрейлина имп. Алдры Федоровны, вышла замуж за А.И.Гендрикова — 34, 120, 206, 212, 215, 216.

Даднани Екатерина Александровна, урожд. Чавчавадзе, княгиня Мингрельская, сестра жены поэта Грибоедова Нины Александровны Чавчавадзе, вдова владетельного князя Мингрелии Давида Даднана. С 1803 Мингрелия находилась в вассальной зависимости от России; отец Давида, Леван Даднан, уступил России Редут-Кале и Анаклию и в 1842 передал с согласия русского двора управление своему сыну, который умер в 1853, оставив наследником семилетнего сына Николая, за которого правила до 1857 его мать Елена Александровна; она вела себя с большим мужеством во время Восточной войны, но вспыхнувшее в 1857 крестьянское восстание в Мингрелии, потребовавшее вмешательства русских войск, привело к уничтожению независимости Мингрелии; княгиня с детьми была вызвана в Петербург; уп-

равление было передано в руки русских чиновников; в 1867 Мингрелия окончательно вошла в состав Кутаисской губ. Эпизод пленения кн. Дадзиани Шамилем имел место в 1854 году — 178, 314.

Дамаскин, настоятель Валаамского Спасо-Преображенского монастыря на Ладожском озере в 1840—1869 гг.; монастырь этот, упраздненный в 1617, был возобновлен в 1712 году — 282.

Дарья Александровна (Дарья Севастопольская), дочь простого матроса, прославившаяся во время Севастопольской кампании как добровольная сестра милосердия — 110.

Дашков Дмитрий Васильевич (1789—1839), госуд. деятель и писатель; в 1801—1816 гг. служил по мин-вам иностр. дел и юстиции; в 1818—1820 гг. состоял при русской миссии в Константинополе; с 1826 статс-секретарь; с 1829 управлял мин-вом юстиции (в 1832 — мин-р); с 1839 член Госуд. Совета и председатель департамента законов. Он известен также как литератор, член «Арзамаса» и горячий поборник нового слога — 17.

Демезон (Desmaison) Петр Иванович (ум. 1873), учитель арабского и персидского языков в Неплюевском училище в Оренбурге; в 1834 был командирован в Бухару, которую изучил под видом татарского муллы; затем был прикомандирован к м-ву иностр. дел и преподавал турецкий и персидский языки в учебном отделении восточных языков (с 1843

заведовал этим отделением) и состоял драгоманом при Азиатском деп-те; в 1857 получил баронский титул от Сардинского короля — 223.

Ден Владимир Иванович (ум. 1888), флигель-адъютант (с 1853); его записки помещены в «Рус. архиве» за 1890 год — 17, 209.

Derond, преподаватель гимнастики — 119.

Дидро (Diderot) Дени (1713—1784), знаменитый французский писатель и философ-энциклопедист — 49.

Долгорукая Александра Сергеевна (род. 1836), княжна, фрейлина Марии Ал-дровны; вышла замуж за генерал-адъютанта Петра Павловича Альбединского; в 1896 назначена статс-дамой — 39—41, 56—60, 66, 67, 76, 77, 85, 88, 93, 94, 99, 102, 120, 141, 142, 150, 152, 176, 183, 187, 189—191, 195, 198, 200, 201, 205, 206, 213, 219, 220, 225, 249, 253, 260, 280, 281, 284, 285, 295, 299, 300, 308, 318, 319, 321, 322.

Долгорукая Екатерина Михайловна (светл. княгиня Юрьевская, 1847—1922), фаворитка Александра II, который после смерти жены (1880) вступил с ней в мorganатический брак — 239, 240.

Долгорукая Мария Александровна, урожд. Апраксина (1816—1892), княгиня, жена князя Сергея Алексеевича Долгорукого (1809—1891), мать княжны Алекс. Серг. Долгорукой — 41.

- Долгорукий Василий Андреевич** (1804—1868), начал службу в л.-гв. конном полку, находился в Зимнем дворце с внутренним караулом во время декабрьского восстания 1825 и с этого момента выдвинулся по службе; он участвовал в Польской кампании 1830; в 1841 — товарищ военного мин.; с апреля 1853 — военный мин-р; в результате неудач Севастопольской кампании, после заключения Парижского мира (1856) был отстранен от исполнения обязанностей мин-ра и назначен членом Госуд. Совета, и в том же году назначен шефом жандармов и главным начальником III отделения собственной е. и. в. канцелярии, каковые должности занимал до назначения оберкамергером в 1866 — 124, 175, 186, 234, 248, 279, 286, 328.
- Долгорукий Владимир Андреевич** (1810—1891), князь, московский генерал-губернатор с 1865; в 1891 по подозрению во взяточничестве подвергся опале Александра III и был заменен на своем посту вел. кн. Сергеем Александровичем — 156.
- Дука Александра Ильинична** (1820—1871), замужем за Влад. Ник. Карамзиным — 20.
- Дюма Александр** (1802—1870), известный французский романист, автор «Трех мушкетеров» и др. романов — 101.
- Дюрер (Durer) Альбрехт** (1471—1528), знаменитый немецкий живописец и гравер — 26.
- Евгения Максимилиановна**, принцесса Лейхтенбергская (род. 1845), дочь вел. кн. Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского, впоследствии была замужем за принцем Александром Петровичем Ольденбургским — 210.
- Екатерина II** (1729—1796), императрица (с 1762) — 43, 91, 144, 145, 161, 171, 187, 242.
- Екатерина Михайловна** (1827—1894), великая княгиня, дочь вел. кн. Михаила Павловича, была замужем за герцогом Мекленбург-Стрелицким Георгом — 182, 183, 202, 276, 332.
- Екатерина Павловна** (1788—1819), в. кн., четвертая дочь Павла I, сестра Ал-дра I, замужем с 1809 за принцем Георгом Ольденбургским и во втором браке (с 1816) за наследным принцем Вюртембергским Вильгельмом, вступившим вскоре на престол. Пользуясь исключительной любовью брата, она в бытность в России оказывала на него значительное влияние — 17, 187.
- Елена Павловна** (Фредерика-Шарлотта-Мария, 1806—1873), княгиня, жена в. кн. Михаила Павловича (с 1824); овдовев в 1848, она предавалась с увлечением общественной деятельности, покровительствовала наукам и искусствам, в начале царствования Ал-дра ее салон играл крупную политическую роль; известно ее участие в разрешении крестьянского вопроса, которым она особенно интересовалась — 88, 123, 131.

174, 175, 211, 215, 219, 221, 239, 245, 302, 303, 310, 311, 328, 332.

Елизавета Алексеевна (Луи-Мария-Августа, 1779—1826), императрица, жена Александра I — 17, 37, 187, 188.

Елизавета Петровна (1709—1761), императрица (с 1741) — 298.

Енохин Иван Васильевич (1791—1863), лейб-медик, главный инспектор медицинской части по армии — 333, 334.

Ермолов Алексей Петрович (1777—1861), генерал, участник кампаний 1805—1807 и 1812—1814 гг. Назначенный в 1816 главноуправляющим в Грузию, он повел очень агрессивную политику в отношении кавказских народов, не подчинившихся русской власти, построив ряд новых крепостей (Грозная, Внезапная, Бурная) и произвел удачные походы на Чечню, в Дагестан и на Кубань, захватил Абхазию и ханства Карабахское и Ширванское. На своем посту он проявил не только военные, но и крупные администраторские таланты. С вступлением на престол Николая I, не доверявшего ему и подозревавшего в либерализме, его положение пошатнулось. Вторжение персов на Кавказ и восстание туземцев, вызванное этим обстоятельством, в 1826 повели ксылке на Кавказ Паскевича в качестве наблюдателя за его действиями. В результате Ермолов в 1827 подал в отставку и удалился от дел, хотя впоследствии получил звание члена Госуд. Совета.

Последние годы жизни он провел преимущественно в Москве и в своем имении в Орловской губ. Он пользовался большим уважением среди общества и вызывал всеобщее сочувствие. В 1853—1856 гг. московское дворянство избрало его начальником ополчения Моск. губ. — 146.

Желябов Андрей Иванович (1851—1881), организатор убийства Александра II — 345.

Жирарден (de Girardin) Дельфина, урожд. Ге (1805—1855), французская писательница, автор стихотворений, романов и драматических произведений; ее «Oeuvres completes» напечатаны в 1860—1861 гг., «Poesies completes» в 1857 — 102.

Жуковская Елизавета Алексеевна (1821—1856), урожд. Рейтерн, вдова поэта; от брака с поэтом у нее были дочь Александра (род. 1842) и сын Павел (род. 1845) — 194.

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852), поэт — 17, 24, 50, 194, 195, 270.

Жуковский-Волынский Феофил Федорович (1804—1879), доктор, впоследствии лейб-хирург — 333, 334.

Закревский Арсений Андреевич (1783—1865), граф; сын бедного дворянина Тверск. губ., он выдвинулся благодаря протекции гр. Каменского, адъютантом которого состоял во время Финляндской войны 1808 и Турецкой — 1810. После смерти Каменского был адъютантом военного мин-ра Барклая-де-Толли и директором его

- канцелярии; участвовал в 1813—1814 гг. в войне с Наполеоном и состоял при Александре I; в 1823 назначен генерал-губернатором Финляндии, в 1828 — министр внутр. дел; неудача его мероприятия по борьбе с холерой привела к его отставке в 1831 и удалению от дел; в 1848 стал военным губернатором Москвы, на каком-то посту прославился мелким властолюбием и стеснительными для населения мероприятиями. После смерти Николая I не смог приспособиться к новому политическому курсу, в частности противодействовал обсуждению дворянством вопроса об освобождении крестьян; в 1859 уволен в отставку — 137, 147, 273.
- Здекауэр Николай Федорович** (1815—1897), врач; в 1846—1848 гг. заведовал Терапевтической клиникой в Петербурге; в 1848—1860 гг. — Диагностической клиникой; в 1860—1863 гг. занимал кафедру госпитальной клиники Петербургского ун-та; в 1860 назначен лейб-медиком, консультантом при Александре II — 334—336.
- Зесбах Мария Карловна**, урожд. Нессельроде (род. 1825), дочь канцлера, замужем за саксонским послом в Париже Лео Зесбахом — 119.
- Зесбах (Seebach) Лео Альбин**, саксонский посол в Париже (с января 1853), был женат на дочери канцлера Нессельроде — 226, 227.
- Зечени (Szecheny) Эмерих** (род. 1825), граф, секретарь австрийского посольства в Петербурге — 230, 231.
- Зиновьев Николай Васильевич** (1801—1882), директор Пажеского корпуса (1846—1849), в 1849 назначен состоять при вел. князьях Николае, Александре и Владимире — 281, 337.
- Зиновьева**, вероятно, Юлия Николаевна, урожд. Батюшкова, жена Ник. Вас. Зиновьева, воспитателя наследника Николая Александровича — 241, 252.
- Зичи Михаил Александрович** (1827—1906), художник, родом из Венгрии. Его картины, выставившиеся в Вене, обратили на него внимание. В 1847 приглашен в. кн. Еленой Павловной в преподаватели рисования к ее дочери Екатерине Мих. и давал уроки в аристократических петербургских домах, но скоро потерял уроки в связи с Венгерской кампанией и жил продажей рисунков и т.п. После вступления на престол Ал-дра II выдвинулся как художник придворной жизни; в 1856 получил звание академика за этюды к коронации Ал-дра II; в 1859—1873 гг. носил звание придворного художника; 1874—1880 гг. жил за границей, а с 1880 вернулся опять в Россию и продолжал свою деятельность в качестве художника-хроникера придворной жизни. Из его картин известны: «Выздоровливающая девушка», «Умиравший рыцарь», «Заколачивание детского гробика» и др., из рисунков: «Мессия и Лютер в Вартбурге», «Человек между разумностью и глупостью», «Еврейские мученики» и др. — 114.
- Игнатъев Николай Павлович** (1832—1908), граф, генерал-

- адъютант, член Госуд. Совета, видный дипломат времени Александра II; в 1860 заключил Пекинский договор с Китаем, подтверждавший и даже расширявший условия Айгунского договора; в 1861 назначен директором Азиатского деп-та; с 1864 до войны 1877—1878 гг. был послом в Константинополе; при его участии заключен Сан-Стефанский договор; последние годы царствования Александра II был в немилости, но с воцарением Александра III пошел быстро в гору благодаря дружбе с Победоносцевым; в марте 1881 был назначен м-ром государствен. имуществ, а в мае того же года м-ром внутр. дел; близкий по взглядам к славянофилам, он вел двойственную и непоследовательную политику; при нем началась ликвидация реформ 60-х годов, но его проект созыва земского собора к коронации навлек на него опалу, и он в мае 1882 должен был уйти в отставку; с 1884 председательствовал в о-ве для содействия русской промышленности и с 1882 — в Славянском благотворительном о-ве — 341, 349.
- Илларион** (Рогачевский, ум. 1742), архиепископ казанский с 1728, прославился на этом посту заботой о духовном образовании и миссионерской деятельностью среди инородцев; в 1732 переведен в Чернигов; в 1738 уволен на покой в Киево-Печерскую лавру; вызванный по доносу в Петербург, умер в пути и погребен в Тверском Отрочем монастыре — 287.
- Иннокентий** (в миру Иван Алексеевич Борисов, 1800—1857), архиепископ Херсонский и Таврический, известный в свое время богослов и церковный оратор — 82.
- Исаков Николай Васильевич** (1821—1891), генерал, попечитель Московского ун-та (1859—1863); главный начальник военно-учебных заведений (1863—1881) — 296, 298, 318.
- Истомин Владимир Иванович** (1809—1855), адмирал, участвовал в Синопском сражении; убит под Севастополем 7 марта 1855 года — 152.
- Ишервуд Томасина Андреевна**, баронна вел. кн. Алексея Александровича — 199, 286.
- Кавелин Александр Александрович** (1793—1850), генерал-лейтенант; в 1834—1841 гг. состоял при наследнике; позже член Гос. Совета — 24, 304, 313.
- Казаков** — 184.
- Калерджи Мария Федоровна** (1822—1874), дочь жандармского генерала в Варшаве гр. Фридриха Нессельроде, по матери полька, воспитанница канцлера гр. К.В.Нессельроде, пианистка-дилетантка; играла известную роль в обществе в 40—60-х гг.; воспета Теофилом Готье и Генрихом Гейне; друг А. де Мюссе, Листа, Вагнера; в 1863 вступила во второй брак с варшавским обер-полицеймейстером С.С.Мухановым — 79.
- Карамзин Александр Николаевич** (1816—1868), сын историкографа, служил в гвардии; автор незначительных стихо-

творений, член Нижегородского губернского комитета по устройству быта крестьян по Семеновскому уезду — 20, 294.

Карамзин Андрей Николаевич (1817—1854), сын историографа, полковник; в начале Восточной войны, 16 мая 1854, командует отрядом в 700 чел. при 4 орудиях, по неопытности вступил в сражение с превосходящими силами турок близ города Каракала в Румынии, потерпел полное поражение и был убит; его отряд потерял 139 чел. убитыми и пушки — 20, 79, 85, 86, 110.

Карамзин Владимир Николаевич (1819—1879), сын историографа; в 1851 поступил на службу в Сенат; в 1854 добровольцем отправился в Крым; по окончании войны вновь поступил в Сенат; в 1858 в качестве члена Курск. губ. к-та принимал участие в крестьянской реформе; после 19 февраля 1861 года — мировой посредник гор. Петербурга, позже член петерб. судебн. палаты; с 1808 — сенатор — 20, 161, 246.

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826), знаменитый литератор, журналист и историограф — 17—20, 196, 197, 246.

Карамзина Аврора Карловна, урожд. Штернваль (Stjernvall) (ум. в 1902), в первом браке за Павл. Никол. Демидовым (1798—1840), во втором (с 1846) за Андр. Никол. Карамзиным; с 1898 — статс-дама — 85, 86, 110.

Карамзина Александра Ильинична, урожд. Дука (1820—1871), жена В.Н.Карамзина — 161.

Карамзина Екатерина Андреевна (1780—1851), урожд. Колыванова, вторая жена историографа Н.М.Карамзина (с 1804), дочь кн. Андр. Ив. Вяземского (1750—1807) от связи с Елиз. Карл. Сиверс (1746—1819), по отцу сестра поэта Петра Андр. Вяземского — 17, 18—21.

Карамзина Елизавета Ивановна (1767—1802), урожд. Протасова, первая жена Н.М.Карамзина — 18.

Карамзина Елизавета Николаевна (1821—1891), дочь историографа, фрейлина — 20—22, 53, 56, 85, 86, 134, 198, 200, 201, 246, 307, 308.

Карамзина Софья Николаевна (1802—1856), дочь Н.М.Карамзина от первого брака с Е.И.Протасовой, фрейлина — 18—22, 79, 86.

Карл Великий (ум. 814), король франков (с 768), римский император (с 800 г.), пытавшийся восстановить мировую Римскую империю — 70.

Карл V (1500—1558), король испанский (с 1516); в 1520 избран императором германским; в 1555 отрекся от престола — 70.

Карл-Фридрих-Александр (1801—1883), принц Прусский, брат императрицы Александры Федоровны (жены Николая I), приезжавший в Петербург на похороны Николая I — 36, 141, 177.

Карл Фридрих-Александр (1823—1891), король Вюртембергский (с 1864), был женат на дочери Николая I — Ольге

- Николаевне — 281, 284, 286, 291, 299.
- Карольн Алоизий** (1825—1888), граф, австрийский дипломат — 328, 329.
- Каррель Филипп Яковлевич** (ум. 1886) — лейб-медик (с 1849) — 120.
- Катков Михаил Никифорович** (1818—1887), редактор «Московских ведомостей» (с 1851), издатель «Русского вестника» (с 1856), известный публицист — 350.
- Киреев Александр Алексеевич** (1833—1910), публицист и богослов; в 1877—1890 гг. состоял при вел. кн. Константине Николаевиче; генерал-адъютант, славянофил, много писал по вопросу о католичестве и о значении церквей — 174.
- Киреев Николай Алексеевич** (1841—1876), служил в кавалерии, член Славянского благотворительного о-ва; в 1876 вступил добровольцем в сербскую армию и убит под Раковичами — 174.
- Киреева Александра Васильевна**, урожд. Алябьева — 173, 174.
- Киреева Ольга Алексеевна** (по мужу Новикова), писательница, подписывавшаяся инициалами О.К., автор многочисленных статей и книг по вопросу о русско-английских отношениях, появившихся на английском языке в Лондоне в 70-х и 80-х годах прошлого столетия: «Russia and England» (1880), «Skobeleff and the Slavonic cause» (1884) и др.; пользовалась дружбой Гладсто-
- на; по взглядам примыкала к славянофилам; сотрудница «Моск. ведомостей» и «Русск. обозрения»; ее шумливая деятельность встречала мало сочувствия среди более серьезной части русского общества, относившегося к ней всегда с легкой иронией; была замужем за ген.-лейтенантом Ив. Петр. Новиковым, попечителем учебного округа в Киеве, позже (с 1885) в Петербурге — 174.
- Киреевские Иван Васильевич** (1806—1856) и **Петр Васильевич** (1808—1856), известные славянофилы; Петр Васильевич прославился как собиратель русских народных песен — 165.
- Киселев Павел Дмитриевич** (1788—1872), граф, известный госуд. деятель времен Николая I; участвовал в походах 1812—1815 гг. и в Турецкой войне 1828—1829 гг.; по окончании последней ему была поручена организация управления в Молдавии и Валахии; справившись с успехом с возложенной на него задачей, он в 1835 был назначен членом Госуд. Совета и членом Секретного к-та по крестьянскому делу. По его инициативе создано было особое управление для государственных крестьян (V отделение собственной е. и. в. канцелярии, потом Мин-во госуд. имуществ), во главе которого он и был поставлен. В 1839 получил графское звание. Его плодотворная 18-летняя деятельность в качестве мин-ра госуд. имуществ не помешала опале, наступившей после смерти доверявшего ему Николая I; в 1856 он получил на-

значение послом в Париж; в 1862 он вышел в отставку вследствие расстроенного здоровья и остаток жизни провел в Париже. Киселев считается одним из первых работников по крестьянскому вопросу; продолжателем его дела явился его племянник, знаменитый Ник. Алексеевич Милютин — 117.

Клейнмихель Клеопатра Петровна (1811—1865), статс-дама, с 1856 графиня, жена П.А.Клейнмихеля — 256.

Клейнмихель Петр Андреевич (1793—1869), граф, сотрудник Аракчеева; в 1842 исправлял должность военного министра; в том же году назначен главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями; в 1855 уволен в отставку; графское звание получил в 1856 году — 175, 208, 209.

Козлова Александра Ивановна (1812—1903), дочь поэта И.И.Козлова — 198, 265.

Коленкур (de Caulaincourt) Арман-Огюст-Луи (1772—1821), французский дипломат, представитель Наполеона I при дворе Ал-дра I — 115.

Константин Константинович (1858—1915), великий князь, второй сын вел. кн. Константина Николаевича; впоследствии генерал от инфантерии, генерал-инспектор военно-учебных заведений, почетный президент Академии наук и поэт, писавший под инициалами К.Р. — 286.

Константин Николаевич (1827—1895), вел. кн., сын

Николая I; при Александре II — председатель Госуд. Совета; деятельный участник крестьянской реформы; в 1862 назначен наместником Царства Польского, но потерпел здесь полную неудачу. После вступления на престол Александра III был вынужден устраниваться от дел — 53—55, 91, 95—97, 111, 131, 132, 142, 148, 156, 168, 174, 183, 187, 210, 211, 215, 225, 241, 242, 256, 280, 281, 284, 286, 299, 311.

Корсаков, адъютант Н.Н.Муравьева — 222.

Крейц Генрих Кирианович (род. 1817), флигель-адъютант — 300.

Ксения Александровна (род. 1875), великая княгиня, дочь Александра III, была замужем за вел. кн. Ал-дром Михайловичем (с 1894) — 343.

Куза Александр-Иоани (1820—1873), князь Молдавии и Валахии, избран в 1859; утвержден султаном в 1861 и свергнут с престола военным заговором в 1866 году — 325.

Куселев Сергей Егорович (1821—1890), флигель-адъютант (с 1840) — 68, 69, 304, 314, 322.

Лабенский Ксаверий Ксавериевич (ум. 1855), тайный советник, старший советник мин-ва иностр. дел — 78.

Лаблаш (Lablache) Лунджи (1794—1858), знаменитый итальянский певец-бас; с 1852 в течение нескольких лет выступал в Итальянской опере в Петербурге — 235, 242, 243.

- Ламберт Карл Карлович** (1815—1865), генерал-адъютант, генерал от кавалерии; заведовал Комиссией по упразднению военных поселений на юге; в 1861 назначен наместником Царства Польского и командующим 1-й армией, но неудача его мероприятий заставила его покинуть высокий пост — 88.
- Ларошфуко (La Rochefoucauld) Франсуа** (1613—1680), французский писатель-моралист, автор неоднократно переиздававшихся «Maximes» — 252.
- Левашов Николай Васильевич** (1827—1884), граф, флигель-адъютант (с 1849); 20 сент. 1854 командирован в Крым, организовал лечебную часть и снабжение армии; принимал участие в Инкерманском сражении; впоследствии — генерал-майор (1861) и и. д. орловского губернатора; в 1866 — петербургский губернатор и генерал-адъютант; в 1871—1874 гг. — шеф жандармов и управляющий III Отделением собственной е. и. в. канцелярии — 108, 110, 305.
- Левенштерн Владимир Иванович** (1777—1858), барон, генерал-майор, участник Итальянского похода 1799 и Отечественной войны — 300.
- Ле-Дюк**, французский публицист — 78.
- Леонард (Leonard) Антония**, урожд. de Mendi (род. 1827), испанская певица; в 1847 выступила на парижской сцене; с 1851 замужем за скрипачом Гюбером Леонардом (1819—1890) — 59.
- Леонтьева Мария Павловна** (1792—1874), начальница Обва благородных девиц (с 1838), в введении которого находились женские институты — 9.
- Леопольд II (Иоганн-Иосиф-Франц-Карл, 1797—1869)**, великий герцог Тосканский — 329.
- Лермонтов Михаил Юрьевич** (1814—1841) — 17.
- Ливен Вильгельм Карлович** (1800—1880), барон, светлейший князь, генерал-лейтенант; в 1855 квартирмейстер Главного штаба; в 1861 генерал-губернатор Прибалтики; с 1863 член Государственного Совета; либо брат его Александр Карлович (1801—1880), флигель-адъютант с 1826 года — 186, 309—311, 318, 322.
- Лиранди Павел Петрович** (1796—1864), генерал; участвовал в войнах 1813—1814 гг., в Турецкой кампании 1828—1829 гг. и в усмирении Польского восстания 1831; в 1853—1854 гг. командовал одной из войсковых частей в Валахии, затем был переведен в Крымскую армию и отличился при Балаклаве — 106, 109.
- Литке Федор Петрович** (1797—1882), адмирал, выдающийся ученый, прославившийся обследованием побережья Ледовитого океана и Новой Земли (1821—1824), северо-восточных берегов Сибири и островов Тихого океана (1826—1829); в 1832 назначен воспитателем вел. кн. Константина Николаевича;

- инициатор Русского географич. о-ва, вице-президентом которого состоял в течение двух десятилетий; в 1864—1881 гг. президент Академии наук — 280.
- Лобановы**, вероятно, кн. Александр Борисович Лобанов-Ростовский (род. 1825 г.) и жена его, Екатерина Ильинична, урожд. кн. Долгорукая — 317.
- Лоен** (Loen), состоял в свите принца Вюртембергского в 1858 году — 286.
- Луи-Бонапарт**, см. Наполеон III.
- Луи-Филипп** (1725—1785), герцог Орлеанский; известный меценат и любитель сценического искусства, современник Дидро (1713—1784) — 49.
- Львов Николай Михайлович** (1821—1872), драматург — 310.
- Львов**, князь — при дворе в 50-х годах бывали два князя Львовых — камергеры Андрей Дмитриевич и Владимир Георгиевич; возможно однако, что автор имела в виду композитора (не князя) Алексея Федоровича Львова (1798—1870), автора гимна, который был известен как скрипач-квартетист, составил в Петербурге постоянный квартет с участием гр. Виельгорского, Маурера и Вильде — 280, 304.
- Людвиг II** (1830—1848), герцог Гессен-Дармштадтский, отец имп. Марии Александровны, свергнут в 1848 году — 24.
- Людовик XV** (1710—1774), французский король с 1715 года — 313.
- Людовик XVI** (1754—1793), французский король с 1774; низложен учредительным собранием 21 сентября 1792 и казнен 21 января 1793 года — 266.
- Магнус Шведский** — 283.
- Макаров Иван Козьмич** (1822—1897), художник — 177.
- Максимлиан** (1817—1852), герцог Лейхтенбергский, сын Евгения Богарнэ, вступил в брак с вел. кн. Марией Ник. в 1837 — 31, 32, 315.
- Макушина Анна Петровна** (ум. 1887), камер-фрау вел. кн. Александры Иосифовны — 343.
- фон Мальтиц Клотильда** (1809—1882), урожд. Ботмер, баронесса, сестра первой жены Ф.И.Тютчева Эл. Ф. Тютчевой, тетка А.Ф.Тютчевой — 7.
- Мальцева Анастасия Николаевна** (1820—1894), урожд. Урусова, жена владельца стеклянных заводов С.И.Мальцева (1810—1890) — 149, 271, 320—322.
- Мандт Мартин** (1800—1858), врач и естествовед; сдал экзамен на врача в 1823—1824 и в 1830 поступил профессором в Грейсвальдский ун-т; основал в Грейсвальде хирургическую школу, директором которой он стал; в 1832 совершил путешествие с научными целями в Италию, Францию и Англию; в 1835 по рекомендации своего учителя

д-ра Руста сделался домашним врачом вел. кн. Елены Павл. и с ней переехал в Петербург; в 1837 привлечен к лечению вел. кн. Марии Ник. и императрицы; в 1840 назначен лейб-медиком; после смерти Николая I выехал из России. Его «Воспоминания» изданы Шлиманом в 1923 под заглавием: «Ein deutscher Arzt am Hofe Kaisers Nicolaus I von Russland. Lebenserinnerungen von prof. M. Mandt. Munchen und Leipzig. 1923». Отрывки его воспоминаний, посвященные смерти и болезни Николая I, напечатаны в переводе в «Русск. арх.» (1884 г. № 1) — 56, 119, 120, 123, 125, 128, 129, 134.

Мансуров Борис Павлович (1826—1910), управляющий делами Палестинского к-та, исследователь палестинских древностей; позже член Госуд. Совета — 280, 281.

Мантейфель (von Manteuffel) Отто-Теодор (1805—1892), прусский министр внутр. дел (с 1848); участвовал в разработке прусской конституции 1848 года и затем в ее отмене в янв. 1850; позже — президент совета мин-ров и мин-р иностр. дел; участвовал в Парижском конгрессе 1856 года — 114.

Марио (Mario de Candia) Джузеппе (1812—1882), граф знаменитый итальянский тенор; приезжал на гастроли в Петербург в 1849 и в 1868 гг. — 15.

Мария, схимонахиня — 273.

Мария Александровна (Максимилиана-Вильгельмина-Августа-София-Мария, 1824—1880),

жена Александра II; с 1855 императрица — 6, 8, 13—15, 22—29, 31—33, 40, 41, 54—57, 59, 61—68, 71—73, 75—77, 82—84, 87, 89, 90, 93—95, 98, 99, 101—104, 107, 108, 111—115, 117, 119—121, 123, 124, 128, 130—132, 135—139, 141—145, 147—155, 157—163, 166, 168, 172—174, 176—217, 219—236, 238, 239, 241—266, 268, 270, 271, 275—277, 280, 281, 284, 286—291, 294—300, 302—311, 313—322, 324—329, 331—336, 338—340, 342, 344.

Мария Александровна (1853—1920), великая княжна, младшая дочь Александра II, в 1874 вступила в брак с герцогом Эдинбургским (позже герцогом Саксен-Кобург-Готским) Альфредом-Эрнестом-Альбертом — 71, 72, 117, 130, 139, 149, 162, 177, 178, 196, 201—203, 216, 220, 243, 247, 252, 260, 277, 286—308, 312—315, 317—320, 324, 326—331, 334—342.

Мария-Антуанетта (1755—1793), французская королева; казнена 16 октября 1793 года — 266—269.

Мария Максимилиановна (1841—1914), герцогиня Лейхтенбергская, княжна Романовская, старшая дочь вел. кн. Марии Николаевны от первого брака с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским, замужем за принцем Баденским Вильгельмом — 228, 315, 321.

Мария Николаевна (1819—1876), вел. княгиня, дочь Николая I; в 1837 вступила в брак с герц. Максимилианом Лейхтенберг-

ским, а после его смерти (1852) тайно повенчалась с гр. Григ. Ал. Строгановым, от которого имела сына Григория (ум. 1859 в Риме) и дочь Елену (1861—1908) — 6, 8, 22, 31—33, 50, 59, 60, 72, 85—89, 98, 106, 114, 120, 131, 149, 153, 156, 157, 174, 176, 183, 198, 202, 207, 208, 210, 211, 218, 220, 224, 228, 262, 266, 315, 324, 325.

Мария Павловна (1786—1859), великая княгиня, дочь Павла I, замужем с 1804 г. за герцогом Саксен-Веймар-Эйзенахским Карлом-Фридрихом (1783—1853), вступившим на престол в 1828; покровительница наук и искусств, друг Гете, Листа и др. — 249.

Мария Павловна (1854—1920), великая княгиня, дочь вел. герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха-Франца II, жена вел. князя Владимира Александровича (с 1874 г.) — 348, 349.

Мария Федоровна (София-Доротея-Августа-Луиза, 1759—1828), императрица, вторая жена Павла I — 17, 308.

Мария Федоровна (Мария-София-Фредерика-Дагмара, 1847—1928), императрица (с 1881), жена Александра III — 339, 343.

Массенбах Эвелина, фрейлина вел. кн. Ольги Никол., королевы Вюртембергской — 77.

Мейендорф Александр Петрович (1831—1855), барон, сын Петра Казим. и Софии Руд. Мейендорфов, убит под Севастополем 28 августа 1855 года — 184.

Мейендорф Петр Казимирович (1796—1863), дипломат, русский посол в Берлине; впоследствии член Госуд. Совета — 280, 328.

Мейендорф София Рудольфовна (1800—1868), баронесса, урожд. Шауенштейн, жена барона Петра Казимировича М., мать бар. Александра Петровича М. — 184, 197, 198, 328.

Мейендорф Феофил Егорович, товарищ наследника Николая Александровича, впоследствии генерал-адъютант — 246.

Меншиков Александр Сергеевич (1787—1869), князь, главнокомандующий во время Крымской войны, участвовал в походах 1812—1815 гг., в Персидской и Турецкой войнах; в 1863 назначен морским министром — 108, 112, 116.

Меншиков Владимир Александрович (1815—1893), князь, сын предыдущего, свиты его величества генерал-майор — 109, 124.

Мещерская Екатерина Николаевна (1805—1867), княгиня, урожд. Карамзина, старшая дочь историографа, замужем с 1826 за кн. Петр. Ив. Мещерским (1802—1876); ее салон играл некоторую роль в Петербурге, особенно в начале царствования Александра II, когда он сделался центром консервативной оппозиции. О салоне Е. Н. Мещерской есть сведения в мемуарах ее сына, известного публициста-реакционера кн. Вл. Петр. Мещерского «Мои воспоминания», СПб, 1897 — 16, 17, 19—22, 77, 79, 80, 196.

- Мещерская София Ивановна**, княжна (ум. 1881) — 76.
- Мещерский Александр Васильевич**, князь, московский предводитель дворянства в 1869—1875 гг. — 19.
- Мещерский Петр Иванович** (1802—1876), князь, муж Екат. Николаевны Карамзиной, отец известного публициста кн. Влад. Петр. Мещерского, издателя журнала «Гражданин» — 19, 246.
- Милютин Дмитрий Алексеевич** (1816—1912), член Госуд. Совета, военный министр в 1860—1881 гг., прославившийся преобразованием армии, которое завершилось уставом 1874 года; примыкая к либеральному крылу бюрократии, он вышел в отставку, когда определилось реакционное направление политики Александра III, и до смерти жил в своем имении в Крыму — 243, 244.
- фон Мирбах Эраст Иванович**, флигель-адъютант — 80, 304.
- Михаил Николаевич** (1832—1909), великий князь, сын Николая I — 53, 59, 72, 108, 109, 116, 117, 145, 148, 215, 216, 228, 281—282, 348.
- Михаил Павлович** (1798—1848), вел. князь, брат Николая I — 145, 146.
- Михаил Федорович** (1596—1645), царь с 1613 года — 282, 290.
- Михаил Ярославич** (1271—1319), великий князь тверской; казнен в Золотой Орде по приказанию хана Узбека — 287.
- Муравьев Александр Николаевич** (1792—1863), декабрист; был выслан в 1826 в Верхне-Удинск, но уже в 1827 получил должность городничего в Иркутске, потом председателя Тобольского губернского правления, позже губернатор в Архангельской губ. и в Нижегородской губ.; был женат на кн. Прасковье Михайловне Шаховской (ум. 1835) — 292, 293.
- Муравьев Михаил Николаевич** (1796—1866), государственный деятель времени Александра II; его административная деятельность началась при Николае I, когда, оправдавшись от обвинения в участии в заговоре декабристов, был назначен вице-губернатором в Витебск, потом (1828) моголевским гражданским губернатором, губернатором в Минск (1831), воен. губернатором в Гродно (1832); на этих постах он отличался как энергичный русификатор. В 1832 переведен губернатором в Курск; потом состоял директором деп-та податей и сборов; в 1842 назначен в Сенат, в 1850 — в Гос. Совет. Возвышение его относится, однако, к царствованию Александра II, когда он назначен председателем деп-та уделов (1856) и затем м-ром госуд. имущества (1857). Противился освобождению крестьян и вышел в отставку в 1861 году. Когда началась реакция, он снова поднялся на поверхность. В 1863 он был назначен ген.-губернатором Сев.-Зап. края, с диктаторскими правами; с неимоверной жестокостью усмирил Польское восстание и проводил русификаторскую политику; под его руководством, в тех же русификаторских целях,

было проведено поземельное устройство крестьян в подчиненном ему крае; в 1865 уволен от должности ген.-губернатора Сев.-Зап. края и получил графское достоинство; в 1866 председательствовал в Комиссии по делу Каракозова; за жестокость мероприятий по усмирению восстания получил прозвище «вешателя» — 146, 214, 215, 229.

Муравьев Николай Николаевич (1794—1866), известный боевой генерал; участвовал в войнах 1812—1814 гг., в Персидской 1826—1827 гг. и Турецкой 1828—1829 гг., причем отличился при осаде и штурме Карса; в 1831 принимал участие в усмирении Польского восстания; в 1835 действовал против египетского паши Мегмета-Али, восставшего против Турции; в конце 1854 назначен наместником Кавказа и главнокомандующим стоявших на Кавказе войск; он с успехом действовал в Азиатской Турции и в ноябре 1855 взял крепость Карс — 189, 201, 214, 222, 223.

Муравьева, вероятно, Евгения Васильевна (1802—1878), тетка А.Ф.Тютчевой, жена Мих. Ник. Муравьева — 195.

Мусин-Пушкин Владимир Иванович (1830—1886), граф — 273.

Муханов Николай Алексеевич (1804—1871), обер-форшнейдер, товарищ министра народного просвещения — 80.

Де Мэстр Ксавье (de-Maistre Xavier, 1763—1852), французский писатель; эмигрировал и

состоял на русской службе, сперва при Суворове, позже (1805) заведовал библиотекой и музеем адмиралтейства; умер в Петербурге; из его сочинений наибольшей известностью пользуется «Voyage autour de ma chambre» (1794); он приходился братом известному публицисту гр. Иосифу де Мэстру — 102.

Наполеон I (1769—1821), французский император — 70, 92, 96, 114, 115.

Наполеон III (Шарль-Луи-Наполеон, 1808—1873), племянник Наполеона I; после революции 1848 избран президентом республики; в 1852 провозглашен императором; после поражения при Седане, при котором он был взят в плен немцами, свергнут с престола; умер в Англии — 150, 181, 188, 226, 269, 299, 332.

Нарышкин Дмитрий Иванович (1816—1866), жен. с 1846 на М.А.Бартеневой — 34.

Нарышкины

— Кирилл (1839—1859) и Василий (1841—1906) Львовичи, камер-юнкеры — 165.

Наср-Эддин, персидский шах, правил в 1848—1896 гг.; в отношении России держался дружественной политики; пробовал провести некоторые реформы, чем вызвал против себя недовольство магометанского духовенства; пал от руки убийцы — 223.

Нахимов Павел Степанович (1802—1855), адмирал, победитель в морском бою на Синопском рейде в 1853; защищал южную часть Севастопо-

ля во время осады; смертельно раненный, умер 30 июня 1855 — 240.

Нелидова Варвара Аркадьевна (ум. 1897), фрейлина, долгое время пользовалась расположением Николая I — 124, 125, 206.

Нессельроде Карл-Роберт (Карл Васильевич, 1780—1862), дипломат, начал свою дипломатическую деятельность в 1801; с 1844 — госуд. канцлер; в своей политической деятельности руководился принципами «Священ. Союза» и был горячим австрофилом и поклонником Меттерниха; в 1849 способствовал подавлению Венгерского восстания русскими силами; на него падает отчасти ответственность за Крымскую войну; увольнение его в 1856, после более чем полувековой дипломатической службы, было вызвано неудачей этой войны — 114, 117, 119, 156, 235, 242, 243, 248, 280.

Нефф Тимофей Андреевич (Timoleon Karl von Neff, 1805—1876), исторический живописец и портретист; в 1832 получил звание придворного живописца Николая I. В 1834 писал иконы для церквей при Петергофском дворце; в 1849 сделан академиком за исполнение образов в Исаакиевском соборе; в 1864 назначен хранителем картинной галереи Эрмитажа. Кроме религиозной живописи, писал много портретов, в том числе членов императорской семьи — 98.

Никанор (Николай Степанович Клементьевский, 1787—1856), митрополит Петербургский (с 1848) — 261.

Николай I Павлович (1796—1855), император с 1825 — 14, 24, 30—32, 36, 43—50, 52, 55, 70, 72, 73, 75, 76, 78—83, 91, 92, 98, 99, 104—107, 110, 111, 113—149, 155, 156, 158, 166, 173, 177, 178, 180, 186, 187, 203, 204, 209, 214, 224, 230, 236, 265, 311, 329, 335, 346.

Николай Александрович (1843—1865), старший сын Ал-ра II, наследник престола, умерший при жизни отца — 24, 98, 148, 149, 199, 200, 223, 224, 246, 249—252, 276, 281, 282, 299, 313, 316, 321, 326, 335, 337.

Николай Константинович, (1850—1894), вел. князь, сын вел. кн. Константина Николаевича; в позднейшие годы проживал за границей и в Ташкенте — 205, 251, 347.

Николай Михайлович (1859—1918), великий князь, сын вел. кн. Михаила Николаевича — 329.

Николай Николаевич (1831—1891), вел. князь, сын Николая I — 53, 72, 108, 109, 116, 117, 145, 148, 187, 217, 218, 226, 228, 246, 256, 352.

Оболенская Наталья Васильевна (1827—1892), княжна, замужем за А.Н.Каразминым с 1850 года — 20.

Огарев Николай Александрович (1811—1867), генерал-майор (с 1849); в 1853—1856 гг. ему была поручена организация обороны Выборга и Киева; с 1857 — генерал-лейтенант — 127, 159, 304.

Одоевский Владимир Федорович (1803—1869), князь, сенатор, гофмейстер, писатель, музыкант и общественный деятель; помощник директора Публичной библиотеки и заведующий Румянцевским музеем, тогда находившимся в Петербурге; заведовал благотворительными учреждениями, находившимися под ведением вел. кн. Елены Павловны — 280.

Окулова Анна Алексеевна, камерфрейлина — 281.

Олсуфьев Александр Васильевич (род. 1843), граф, сын гр. Вас. Дм. Олсуфьева, товарищ наследника Николая Александровича; впоследствии генерал-адъютант, помощник командующего императорской главной квартирой — 246.

Олсуфьев Василий Дмитриевич (1796—1858), обер-гофмейстер; в 1856 получил графский титул — 79, 134, 176, 183, 187, 195, 201, 205.

Ольга Николаевна (1822—1892), вел. княжна, дочь Николая I, замужем (с 1846) за Вюртембергским наследным принцем, впоследствии королем Карлом I — 66, 77, 83, 141, 153, 166, 167, 281, 299, 340.

Ольга (Цецилия) Федоровна (1838—1891), великая княгиня, урожд. принцесса Баденская, жена вел. кн. Михаила Николаевича — 348.

Омер-паша (1806—1871), сын австрийского офицера, принявший магометанство, видный турецкий стратег; в начале Восточной войны действовал против русских на Дунае;

в 1855 был во главе десанта в Евпатории; затем высадился со своим отрядом в Батуме, чтобы идти на выручку Карса, но не имел успеха и отступил в Сухум-Кале. В 1862 действовал против черногорцев и герцеговинцев; в 1867 был послан усмирять восстание на о-ве Крит — 201, 222.

Орлов Алексей Федорович (1786—1861), граф, позже князь, участвовал в войнах 1805—1814 гг.; в качестве командира конно-гвардейского полка способствовал подавлению восстания 14 декабря 1825 г. и получил за то графское звание; принимал участие в Турецкой войне 1828—1829 гг. и в заключении Адрианопольского мира; в 1833 им заключен с Турцией Ункяр-Искелесийский мир, представляющий собой эпизод исключительной важности в русско-турецких отношениях; в 1844 назначен шефом жандармов и главным нач. III отд.; участвовал в Парижском конгрессе 1856 года; позднее занимал пост председателя Госуд. Совета и председателя К-та мин-ров и участвовал в работах по крестьянской реформе, являясь, однако, противником освобождения крестьян — 115, 124, 156, 224, 242, 243, 276.

Орлов Григорий Григорьевич (1734—1783), граф, фаворит Екатерины II — 171.

Орлов Николай Алексеевич (1827—1855), князь, флигель-адъютант (с 1846); в 1854 командирован в распоряжение Паскевича на Дунай; ранен и потерял глаз при штурме Силистрии; в 1856 — генерал-

майор, в 1865 — ген.-лейтенант; позже посвятил себя дипломатической деятельности (посол в Вене в 1869, в Лондоне в 1870, в Париже — в 1871, позже в Берлине) — 72, 90.

Орлов-Давыдов Владимир Петрович (1809—1882), граф — 102.

Орлова-Давыдова Ольга Николаевна, урожд. Барятинская (1814—1876), графиня — 22.

Павел I (1754—1801), император (с 1796) — 104, 105, 243, 244.

Павел Александрович (1860—1918), великий князь, младший сын Александра II — 340—341.

Пальмерстон Генри Джон Темпл (1784—1865), лорд, знаменитый английский госуд. деятель, министр иностр. дел; в 1851 за признание Наполеона III без согласия кабинета должен был выйти в отставку; в 1852 стал министром внутр. дел, продолжал принимать деятельное участие во внешней политике и явился одним из инициаторов войны с Россией; с 1855 года до смерти (с перерывом в 1858—1859 гг.) был премьер-министром; в политике, в частности внешней, держался принципов либерализма — 114.

Панин Виктор Никитич (1801—1874), министр юстиции (1859—1862), член Госуд. Совета; председательствовал в редакционных комиссиях при Главном Комитете по крестьянскому делу; затем состоял членом Комитета об устройстве сельского

состояния; при проведении крестьянской реформы держал сторону противников ее и способствовал ее неудаче — 328.

Паскаль (Pascal) Блез (1623—1662), знаменитый французский философ — 167.

Паскевич Иван Федорович (1782—1856), генерал-фельдмаршал, принимал видное участие в войне 1812—1814 гг.; в 1825 назначен генерал-адъютантом; в 1826 послан на Кавказ для руководства военными действиями против персов вместе с Ермоловым, которого он заменил в 1827, за успешное ведение войны и завоевание Эриванской области получил титул графа Эриванского; в 1828—1829 гг. руководил походом в М. Азию против турок и взял крепости Карс, Ахалкалаш и Ахалцых и занял Эрзерум; по окончании войны произведен в генерал-фельдмаршалы; в 1831 назначен главнокомандующим в Польшу; после взятия Варшавы получил титул светлейшего князя Варшавского и пост наместника Царства Польского; в 1849 командовал русским экспедиционным корпусом, отправленным Николаем I на помощь Австрии для усмирения венгерского восстания; участвовал в Восточной войне, но не стяжал заметных успехов — 145.

Пеллессье (Pelissier) Жан-Жак (1794—1864), французский маршал; в 1855 участвовал в осаде Севастополя, сперва в качестве командующего 1-м армейским корпусом, а затем главноначальствующего над всеми французскими силами;

за взятие Малахова кургана получил от Наполеона III звание герцога Малаховского — 168.

Перфильева Варвара Степановна (ум. 1890), фрейлина — 195.

Петр I Алексеевич (1672—1725), император — 43, 165, 191, 289.

Петр Георгиевич (1812—1881), принц Ольденбургский; с 1830 на русской службе; с 1834 — сенатор; с 1836 — член Госуд. Совета, с 1842 — председатель деп-та гражданских и духовных дел; генерал-адъютант и генерал от инфантерии; с 1860 управлял учреждениями ведомства имп. Марии — 328.

Пиллар фон Пихлау Анна Карловна (1832—1885), баронесса, фрейлина имп. Ал-дры Федоровны — 35, 206, 218.

Погодин Михаил Петрович (1800—1875), профессор Московского ун-та в 1826—1844 гг.; член Академии наук (с 1841) секретарь О-ва ист. и древн. Росс.; известен трудами по русской истории; его диссертация «О происхождении Руси», в которой он выступил сторонником нормандской теории, в момент появления (1824) представляла несомненный научный интерес; позже его лекции и отдельные статьи собраны были в семитомном собрании «Исследований, лекций и замечаний». Наряду с научной деятельностью П. выступает и как публицист в издаваемых им журналах «Московский Вестник» (1827—1830) и «Москвитянин» (1841—1856) — 76, 85, 91—93, 138, 147, 165, 168, 188, 189.

Попов Александр Николаевич (1821—1877), историк, член-корреспондент Акад. наук, автор многочисленных исторических трудов: «Шлецер, рассуждение о русской историографии» (1847), «Материалы для истории возмущения Ст. Разина» (1857), «Пиры и братчины» и ряда работ по истории отношений между Россией и папским престолом, по истории войны 1812 года и т.д.; был близок к славянофильским кругам — 76, 78.

Потемкин Григорий Александрович (1739—1791), князь, фаворит Екатерины II — 171.

Потемкина Татьяна Борисовна (1797 или 1801—1869), петербургская филантропка. С 1827 — председательница С.-Петербургского попечительного о тюрьмах комитета, обязанности которой она несла в течение 42 лет; по ее инициативе и отчасти на ее средства организован приют для детей заключенных и целый ряд других благотворительных учреждений, а также ланкастерская школа в принадлежавшем ей имении под Петербургом; она много заботилась и о церквях, патронировала духовенство, хлопотала о пропаганде христианства среди язычников и об обращении иноверцев в православие; ею восстановлена Святогорская обитель в Харьк. губ., упраздненная в 1787—1785 гг. — 32, 149, 156.

Прозоровские, князья, родственники С.П.Анненкова по матери — 267.

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — 17, 173.

- Пушкин, граф** — см. Мусин-Пушкин.
- Раден Эдита Федоровна** (1825—1885), баронесса, фрейлина вел. кн. Елены Павловны; ее образование и тонкий ум снискали ей видное положение в русском обществе; в числе ее друзей был цвет русского ума, литературы и науки: И.С.Аксаков, Ф.М.Дмитриев, Б.Н.Чичерин, К.Д.Кавелин, Ю.Ф.Самарин и др. — 175, 303, 310, 311.
- Разумовская, графиня** — 234.
- Растрелли Варфоломей Варфоломеевич** (Bartolomeo Francesco Rastrelli, 1700—1771), знаменитый архитектор, с 1715 на русской службе — 161, 298.
- Раух Елизавета Федоровна**, фрейлина имп. Ал-дры Федоровны, впоследствии замужем за гр. Ферзенем — 35—37, 206.
- Рачинский Александр Викторович** (1826—1877), писатель-историк; в качестве добровольца участвовал в Крымской кампании; прапорщиком ополчения пробыл в 1855—1856 гг. в крепости Измаил, где изучил сербский и болгарский языки; в 1859—1862 гг. служил по м-ву иностранных дел и был вице-консулом в Варне; позже служил по м-ву внутренних дел; с 1875 служил в Архиве м-ва иностранных дел; ему принадлежит ряд статей по русской истории XVIII в. — 330, 331.
- Рашель (Rachel, 1821—1858)**, знаменитая французская артистка, дебютировала на сцене Theatre Francais в 1838 году, гастролировала зимой 1853—1854 гг. в Петербурге и Москве — 76.
- Рёссель (Russel) Джон** (1792—1878), английский госуд. деятель; член палаты общин с 1813, принадлежал к партии вигов; в 1830—1834 гг. входил в либеральный кабинет Грея; в 1835—1839 гг. мин-р внутр. дел; в 1839—1841 гг. — мин-р колоний в мин-ве Мельбурна; с 1841 во главе оппозиции; после падения Пия (1846) ему как лидеру вигов поручено формировать мин-во, которое просуществовало до 1851 года; в 1852—1855 гг. состоял в коалиционном мин-ве Абердина, но вышел из него вследствие несочувствия методам ведения войны в Крыму; в 1859 — мин-р иностр. дел в мин-ве Пальмерстона; после смерти Пальмерстона (в 1865) стал премьером; после провала проекта парламентской реформы Гладстона (в 1866) был вынужден подать в отставку, но продолжал принимать деятельное участие в заседаниях палаты лордов, членом которой он состоял с 1861 вследствие пожалования ему графского титула, в своей политической деятельности был либералом чистой воды и не чужд был известной доли идеализма — 78, 80.
- Рибоьер Иван Андреевич** (ум. в 1871), граф, церемониймейстер двора Николая I — 34, 117, 159, 160.
- де Рибоьер Екатерина Михайловна**, урожд. Потемкина (1788—1872), графиня, кавалерственная статс-дама, жена обер-камергера Александра Ивановича Рибоьера (ум. 1865), возведенного в графское достоинство в 1856 году — 256.

- Ридигер Федор Васильевич** (1783—1856), генерал-адъютант, участвовал в Венгерской кампании и заставил венгерскую армию сложить оружие; с 1855 — главнокомандующий гвардейским и гренадерским корпусом — 230.
- Роберт** (род. 1848), герцог Пармский (с 1854) — 329.
- Розен Герман Антонович** (ум. 1892), барон — 293.
- Розен Екатерина Федоровна** (1830—1909), баронесса, дочь Татьяны Львовны Миллер, урожд. Толстой, тетки поэта Ф.И.Тютчева — 293.
- Романус Иван Васильевич** (1803—1861), генерал-лейтенант, костромской губернатор в 1858 году — 290.
- фон Рорбек (Rohrbeck) Вильгельмина** (1803—1889), состояла при имп. Ал-дре Федоровне, сперва старшей камер-юнгфер, а затем камер-фрау; после смерти Ал-дры Федоровны жила на покое в Зимнем дворце — 124.
- Рубинштейн Антон Григорьевич** (1829—1894), композитор — 302—304.
- Рылеев Александр Михайлович** (ум. 1907), генерал-адъютант, личный друг Александра II; был свидетелем при совершении брака императора с княжн. Екат. Мих. Долгорукой и воспитателем их детей — 286, 318.
- Салтыкова Екатерина Васильевна**, урожд. кн. Долгорукая (род. 1791), вдова кн. Серг. Никол. Салтыкова, статс-дама, гофмейстерина двора цесаревны Мар. Ал-дровны — 56, 57, 71, 72, 96, 102, 118, 119, 147, 176, 183, 195, 198, 200, 205, 212, 216, 217, 227, 256, 270, 276, 299, 300, 308.
- Самарин Юрий Федорович** (1819—1876), известный славнофил и деятель по освобождению крестьян — 118, 165.
- Самсоновы**, генерал-лейт. Александр Петрович (1809—1882) и жена его Варвара Петровна, урожд. Озерова (1818—1870) — 16.
- Сен-Симон (de Saint-Simon) Лум** (1675—1755), герцог, французский писатель и государственный деятель, автор знаменитых мемуаров; первое полное издание их вышло в Париже в 1829—1830 гг. (в 21 т.); в 1856—1858 гг. были напечатаны вновь и более тщательно (в 20 т.) и неоднократно переиздавались в следующие десятилетия — 167, 218.
- Серафим** (1760—1833), монах Саровской пустыни — 228, 229.
- Сергей Александрович** (1857—1905), великий князь, сын Александра II — 271, 275—277, 300, 304, 324, 334, 336—341, 344.
- Сергий** (в миру Варфоломей) **Радонежский** (ум. 1392), монах, основатель Троице-Сергиевой лавры, канонизирован в 1452 году — 191, 273, 288.
- Сведенборг (Swedenborg) Эммануил** (1688—1772), мистик, основатель существующей до-

ныне в Англии и Америке теософической секты — 294.

Сканцони фон Лихтенфельс Фридрих-Вильгельм (1821—1891), известный немецкий акушер и гинеколог — 275.

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882), генерал-адъютант, генерал от инфантерии, популярный полководец царствования Александра II, прославившийся в войнах с Турцией и в Средней Азии — 348—352.

Сколков Иван Григорьевич (1814—1879), подполковник корпуса флотских штурманов (с 1851); флигель-адъютант (с 1853); в 1853 состоял при чрезвычайном посланнике кн. Меншикове в Константинополе; участвовал в Синопском сражении и Крымской кампании; неоднократно, сопровождал Александра II в его поездках: в 1857 на «Гремящем» из Кронштадта в Киль, в 1858 по России, в 1859 на «Штандарте» в Гапсаль; генерал-лейтенант с 1868 — 249.

Слепцов Павел Николаевич (1822—1882), гвардии ротмистр, состоял в 1854 при наследнике Ал-дре Ник., в посл. генерал-адъютант — 88, 286.

Смирнова Ольга Николаевна (род. 1834), фрейлина, дочь Ал-дры Осип. Россети-Смирновой, издала мнимые «Записки» своей матери (в «Сев. вестнике» 1893—1895 и отдельно: СПб, 1895—1897), представляющие собой ее собственное произведение — 134.

Снегирев Иван Михайлович (1793—1868), профессор Московского ун-та; его специальностью были римские древности; но он получил известность как исключительный знаток русской старины; ему принадлежат следующие труды, до сих пор не утратившие значения: «Русские в своих пословицах и поговорках» (1831—1834), «Русские простонародные праздники» (1837—1839), «Лубочные картинки» (1844 и 1861), «Русские народные пословицы и притчи» (1848), «Новый сборник русских пословиц» (1857), «Памятники древнего художества в России» (1850), «Памятники московской древности» (1842—1845), «Подробное историческое и археологическое описание Москвы» (1842—1845) и т.д. Он оставил любопытные воспоминания, напечатанные в «Русск. архиве» за 1866 г. — 165.

Соймонов Федор Иванович (1800—1854), генерал-лейтенант, погиб в сражении под Инкерманом — 109.

Соллогуб Владимир Александрович (1814—1882), граф, беллетрист; известен как автор повести «Тарантас» — 215.

София Алексеевна (1657—1704), царевна, дочь Алексея Михайловича, правительница государства с 1682 до 1689 — 274.

София-Фредерика-Доротея-Вильгельмина (род. 1805), эрцгерцогиня Австрийская, дочь Максимилиана Баварского замужем за эрцгерц. Францем-Карлом-Иосифом, мать имп. Франца-Иосифа — 81.

- Столыпин Алексей Аркадьевич** (1816—1858), друг Лермонтова, известный под прозвищем Монго — 309.
- Стрелков Василий Кузьмич**, управляющий именем Тютчевых Овстуг, Орл. губ. — 15, 16.
- Стремоухов Петр Дмитриевич**, член Нижегородского губернского комитета по устройству быта крестьян — 292, 293.
- Строганов Григорий Александрович** (1824—1879), граф, шталмейстер, морганатический супруг вел. кн. Марии Николаевны — 32, 156, 157, 218.
- Строганов Григорий Григорьевич** (ум. 1859), граф, сын гр. Гр. Александровича Строганова и вел. кн. Марии Николаевны, умерший в младенческом возрасте в Риме — 324, 325.
- Струттон Екатерина Ивановна**, бонна вел. кн. Марии Александровны — 286.
- Стюарт Мария** (1542—1587), шотландская королева, казненная в Англии по распоряжению королевы Елизаветы — 110.
- Стюрлер Александр Николаевич** (1825—1901), в 1854 флигель-адъютант; в 1870 состоял шталмейстером наследн. Александра Алекс., в 1874 ген.-лейтенантом при нем же — 106.
- Суворов Александр Аркадьевич** (1804—1882), граф Рымникский, князь Итальянский, внук знаменитого Суворова, генерал-адъютант и генерал от инфантерии; в 1848 был назначен генерал-губернатором Прибалтийского края; в 1861 — петербургский военный генерал-губернатор; в 1866 — генерал-инспектор всей пехоты — 251, 252, 321, 336.
- Суворов Александр Васильевич** (1730—1800), знаменитый русский полководец — 171, 322.
- Сумароков Сергей Павлович** (1793—1875), граф, генерал-адъютант, член Госуд. Совета — 280.
- Сусанин Иван**, крестьянин села Домнино Костромского уезда, принадлежавшего Романовым, — 290, 291.
- Сухозанет Николай Онуфриевич** (1794—1871), генерал-адъютант, военный министр в 1856—1861 гг.; позже член Госуд. Совета — 328.
- Сушков Николай Васильевич** (1796—1871), писатель, близкий к славянофилам; был женат на сестре Ф.И. Тютчева Дарье Ивановне — 16, 298.
- Сушкова Дарья Ивановна**, урожд. Тютчева (1806—1879), сестра Ф.И. Тютчева, замужем за писателем Н.В. Сушковым (1796—1871) — 16, 63, 163, 165, 166, 186, 274, 297.
- Тамара**, княжна, «*fille de l'ex-reine de Georgie*»; по смыслу можно догадываться, что говорится о дочери Мингрельской княгини (а не Грузинской царицы) Екатерины Александровны Дадияни, лишенной владельческих прав и вызванной в Петербург в 1857, но у нее известна только одна дочь Соломония (род. 1848); фрейлина, княжна Тамара Иулоновна Грузинская, племянни-

ца последнего грузинского царя Георгия XIII Ираклиевича (ум. 1800), в описываемые годы была уже преклонных лет — 332.

Таубе — 198.

Тизенгаузен Екатерина Федоровна (1803—1888), баронесса, внучка Кутузова по матери (Елиз. Мих. Кутузовой, по первому браку Тизенгаузен, по второму Хитрово); 10-летней девочкой в воздаяние заслуг ее деда она была назначена фрейлиной (1813); позднее пожалована в камер-фрейлины. Молодость (1815—1827) Е.Ф.Тизенгаузен провела за границей, преимущественно в Италии; слухи о сватовстве прусского короля Фридриха-Вильгельма имели, кажется, основание, судя по тону писем его к самой Екатерине Федоровне и к ее матери в декабре 1824 года, в которых он излагает причины своего брака с гр. Августой Гаррах — 35, 37, 121, 125, 206, 212.

Тизенгаузен Матильда Карловна, баронесса, камер-фрау вел. кн. Марии Александровны, дочери Александра II — 287, 293, 305, 317, 320, 324.

Тимашев Александр Егорович (1818—1893), генерал от кавалерии, генерал-адъютант, министр внутрен. дел в 1868—1878 гг., член Госуд. Совета — 245.

Титов Владимир Павлович (1807—1890), дипломат; с 1843 — русский посланник в Константинополе, потом в Штутгарте; состоял воспитателем при сыновьях Александра II — Николае и Александре; член Госуд. Совета — 199, 271.

Толмачева София Афанасьевна, фрейлина — 195.

Толстая Александра Андреевна (1817—1904), графиня, фрейлина вел. кн. Марии Николаевны; двоюродная тетка Л.Н.Толстого — 85, 176, 210, 212, 301, 321.

Толстая Елизавета Андреевна (1812—1867), воспитательница принцессы Евгении Максимилиановны Лейхтенбергской — 150, 312.

Толстой Алексей Константинович (1817—1875), граф, известный поэт и драматург — 180, 201, 284.

Толстой Иван Матвеевич (1806—1867), граф, обер-гофмейстер, министр почт и телеграфов, член Госуд. Совета — 259, 311, 313.

Тотлебен Эдуард Иванович (1818—1884), военный инженер, защитник Севастополя, генерал-адъютант, с 1859 директор департамента военного м-ва, главнокомандующий действующей армией в 1878; позже виленский генерал-губернатор, получил за свои заслуги звание графа — 237, 303, 305, 310, 318, 319.

Трубецкая Екатерина Никитична (род. 1831), княжна, фрейлина имп. Ал-дры Федоровны; в апреле 1855 года вышла замуж за кн. Павла Вас. Голицына — 35, 121, 142, 159.

Трубецкой, князь — 312.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — 76.

- Тютчев Дмитрий Федорович** (1841—1870), сын Ф.И.Тютчева — 6, 265, 271.
- Тютчев Иван Федорович** (1846—1909), сын Ф.И.Тютчева — 6, 265.
- Тютчев Федор Иванович** (1803—1873), поэт — 6—8, 12, 15, 34, 58, 63, 70, 71, 74, 75, 77—81, 85, 90, 91, 120, 131, 142, 153, 156, 186, 187, 200, 220—222, 245, 253, 271, 274, 284, 285, 296, 316.
- Тютчева Анна Федоровна** (1829—1889), автор записок и дневников, дочь поэта Ф.И.Тютчева, род. в Мюнхене, в 1847 переехала в Россию; в 1853 назначена фрейлиной цесаревны Марии Александровны; по вступлении последней на престол назначена фрейлиной к императрице; в 1858 по ее просьбе назначена воспитательницей вел. княжны Марии Алдровны, воспитывала также вел. князей Сергея и Павла; в 1866 вышла замуж за И.С.Аксакова и удалилась от двора; овдовела в 1886 и умерла в Сергиевом Посаде.
- Тютчева Дарья Федоровна** (1834—1903), дочь Ф.И.Тютчева от первого брака — 6, 9, 13, 54, 62, 63, 84, 95, 110, 116, 161, 221, 265, 271, 274, 297, 299, 300, 308, 315, 332—335, 337—339.
- Тютчева Екатерина Львовна**, урожд. Толстая (1776—1866), жена Ивана Николаевича Тютчева, мать поэта — 163, 196, 274.
- Тютчева Екатерина Федоровна** (1835—1882), дочь Ф.И.Тютчева от первого брака — 6, 9, 13, 54, 62, 63, 163, 165, 166, 271, 272, 274, 295—297, 334, 337.
- Тютчева Мария Федоровна** (1840—1872), дочь Ф.И.Тютчева от второго брака; замужем (с 1865) за Н.А.Бирилевым — 6, 8, 265, 271.
- Тютчева Элеонора** (урожд. гр. Ботмер, по первому браку Петерсон, 1801—1838), первая жена Ф.И.Тютчева (с 1826), родом из Баварии, мать автора записок — 7, 253.
- Тютчева Эрнестина Федоровна** (урожд. барон. Пфеффель, в первом браке баронесса Дернаберг, 1810—1894), вторая жена Ф.И.Тютчева (с 1839 г.), мачеха А.Ф.Тютчевой — 6, 7, 12, 56, 58, 59, 62, 63, 84, 120, 161, 221, 228, 229, 265, 274, 310.
- Уильямс (Williams) Виллиам Фенвик** (1800—1883), английский генерал-лейтенант; в 1854 был прикомандирован к главной квартире Омера-паши; организовал турецкий фронт в Армении и в качестве советника коменданта руководил обороной Карса; после капитуляции Карса оставался военнопленным в России до заключения мира; впоследствии начальник войск в Канаде и губернатор Гибралтара — 222.
- Унгерн-Штернберг Константин Константинович** (род. 1815), барон, камергер, эстляндский предводитель дворянства в 1854—1857 гг. — 251.

- Фелье** (Feuillet) **Октав** (1821—1890), известный французский романист; кроме «Le Roman d'un jeune homme pauvre» (1858), известны его романы: «Monsieur de Camors» (1867), «Julia de Trecoeur» (1872) и «Histoire d'une Parisienne» (1881) — 310.
- Филарет** (в миру Василий Михайлович Дроздов, 1783—1867), митрополит Московский — 69, 185, 189—191, 195, 256, 257, 273, 288.
- Франц-Иосиф** (1830—1916), австрийский император, вступил на престол в 1848 в разгар венгерского восстания, которое было подавлено при содействии русских войск; однако в 1867 был вынужден сделать венграм ряд уступок и короновался венгерским королем. При нем Австрия потерпела сильное поражение от Пруссии в 1866, лишившее ее первенствующего положения в Германии; после неудачи союза трех императоров (Франца-Иосифа, Вильгельма и Александра II) вступил в 1883 в тройственный союз с Германией и Италией; умер в разгар мировой войны — 139, 140.
- Фредерикс Мария Петровна**, фрейлина имп. Ал-дры Федоровны; ее «Записки» напечатаны в «Историч. вестн.» за 1898 год — 33, 105, 120—122, 179, 206, 213.
- Фредерикс Софья Петровна** (1824—1882), фрейлина Ал-дры Федоровны — 33, 159, 206.
- Фредерикс Цецилия Владиславовна**, урожд. графиня Гуровская (1794—1851) — 33.
- Фредро Максимилиан Максимилианович**, граф, камер-юнкер — 313.
- Фридрих Вильгельм III** (1770—1840), прусский король (с 1797), тесть Николая I — 322.
- Фридрих Вильгельм IV** (1795—1861), король прусский, шурин Николая I; вступил на престол в 1840; в 1848 сделал ряд серьезных уступок революции, но взял большую часть их обратно; во время Восточной войны сохранял дружественный России нейтралитет; в 1857 вследствие обнаружившихся признаков размягчения мозга устранился от дел, после чего провозглашено было регентство его брата Вильгельма — 124.
- Фридрих-Вильгельм-Георг-Адольф** (1820—1884), герцог, впоследствии ландграф Гессен-Кассельский — 83.
- Хомяков Алексей Степанович** (1804—1860), известный славянофил — 11, 12, 137, 139, 147, 165, 239, 240, 242.
- Хрулев Степан Александрович** (1805—1870), генерал; принимал деятельное участие в войне 1854—1855 гг., отличился под Силистрией на Дунае и в Севастополе — 237.
- Чаадаев Петр Яковлевич** (1794—1856), известный писатель и философ, автор знаменитых «Философических писем» — 165.
- Чавчавадзе**, княгиня, см. Далиани.
- Чевкин Константин Владимирович** (1802—1875),

генерал-адъютант, главноуправляющий путями сообщения в 1855—1862 гг.; член Госуд. Совета — 286, 328.

Черкасский Константин Александрович, князь (умер 1853) — 74.

Чичагов Павел Васильевич (1765 — 1849), адмирал, участник войн с Наполеоном; ему ставилась в вину медлительность при преследовании отступавших из России французских войск, вследствие чего он в 1814 уехал за границу, где написал свои записки, до сих пор не напечатанные целиком — 230.

Ш. Петр, граф — в описываемое время среди придворной молодежи с графским титулом был, по-видимому, один гр. Петр Андреевич Шувалов, который, кажется, в это время не был еще женат. См. Шувалов П. А.

Шамиль (ум. 1871), знаменитый вождь кавказских горцев в борьбе с русскими — 178.

Шаховские, княжны: Елизавета (1797—1877), Клеопатра (1809—1883) и Марфа Михайловны, сестры жены Алекс. Ник. Муравьева — Прасковьи Михайловны, урожд. кн. Шаховской (ум. 1835) — 294.

Шереметев Дмитрий Николаевич (1803—1871), граф — 296.

Шереметев Сергей Васильевич, граф, член Нижегородского губернского комитета по устройству быта крестьян — 292, 293.

Шереметева Варвара Алексеевна (1832—1885), замужем за гр.

Влад. Ив. Мусиным-Пушкиным, троюродная сестра А. Ф. Тютчевой (мать ее была дочерью Надежды Николаевны Тютчевой, родной тетки поэта) — 273.

Шильдер Карл Андреевич (1785—1853), инженер, генерал, генерал-адъютант, специалист по военно-инженерному делу; в 1853 был командирован в распоряжение кн. М. Д. Горчакова, возвел на Дунае ряд укреплений и истребил турецкую флотилию близ Рущука; руководил осадой Силистрии, в разгар которой умер от ран — 90.

Шмшкина Олимпиада Петровна (1791—1854), фрейлина имп. Елиз. Алексеевны, писательница; ею напечатаны: «Князь Скопин-Шуйский, или Россия в начале XVII столетия» (1835), «Прокопий Ляпунов, или Междуцарствие в России» (1845), «Заметки и воспоминания русской путешественницы по России» (1848) — 37.

Шольц Василий Богданович, лейб-акушер — 308, 331.

Штубе, певица — 302.

Шубина, г-жа — 151, 272, 274.

Шувалов Андрей Петрович (1802—1873), гофмаршал (с 1850); в 1852 управляющий Зимним дворцом; в 1855—1857 гг. состоял при вдовств. императрице Ал-дре Федоровне — 14, 142, 143, 183, 208, 212, 213, 245, 281, 284, 286, 318, 319, 321.

Шувалов Петр Андреевич (1827—1889), фаворит Алек-

сандра II и всесильный временщик; был петербургским генерал-губернатором, директором деп-та общих дел м-ва внутрен. дел, управляющим III отделением собств. е. и. в. канцелярии (1866—1873), генерал-губернатором Остзейского края и в 1866 — 1874 гг. шефом жандармов; затем назначен послом в Лондон; член Госуд. Совета с 1874 года — 245, 315, 319, 321.

Шувалова София Андреевна, графиня, дочь гофмейстера гр. Андр. Петр. Шувалова; замужем за Александром Алексеевичем Бобринским — 14, 245, 306.

Шуваловы, девочки: по-видимому, дочери гр. Петра Павловича Шувалова (1819—1900) и его жены Софии Львовны, урожд. Нарышкиной — Варвара (1850—1872), впоследствии по мужу Орлова, Мария (1852—1871), по мужу Кантакузен, и София (род. 1855), по мужу Бенкендорф, которые были приблизительно ровесницами вел. княжны Марии Александровны — 245.

Щебальский Петр Карлович (1810—1886), историк, автор исследований: «Правление царицы Софы» (1856), «Русская

политика и русская партия в Польше до Екатерины II» (1862), «Политическая система Петра III» (1870) и др., и популярных «Чтений из русской истории с конца XVII в.» (1861—1862) и т.д. Служил полицеймейстером в Москве, затем чиновником особых поручений при главном управлении печати и, наконец, по ведомству народного образования в Польше — 274.

Щеголев, штабс-капитан — 82.

Эссен, либо флигель-адъютант ротмистр Александр Антонович, либо камергер Магнус Оттович — 318.

Эстергази Павел-Антон (1786—1866), австрийский дипломат; был послом в Дрездене, Риме и Лондоне, в 1848 занимал недолгое время пост венгерского м-ра иностранных дел; в 1856 был представителем Австрии на коронации Александра II — 227, 229—231.

Юм (Hume), спирит — 284—286, 309—314, 321—329.

Языков Николай Михайлович (1803—1846), поэт — 173.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	5
Воспоминания А.Ф.Тютчевой	6
Дневники А.Ф.Тютчевой	53
Статья С.В.Бахрушина	353
Указатель имен	376

А.Ф.Тютчева ПРИ ДВОРЕ ДВУХ ИМПЕРАТОРОВ

Редактор
И.В.Захаров

Обложка
А.В.Кокорекин

Верстка
К.А.Лачугин

Корректор
И.В.Смирнова

Директор издательства
Ирина Евгеньевна Богат

Издатель Захаров
Лицензия ЛР № 065779
от 1 апреля 1998 года.
Адрес: 121069, Москва,
Столовый переулок, 4, офис 9
(Рядом с Никитскими воротами,
отдельный вход в арке)

Тел.: 291-12-17, 258-69-10

Факс: 258-69-09

Наш сайт: www.zakharov.ru

Подписано в печать 06.03.2002.

Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Бумага Bulku.

Усл. печ. л. 21,84+0,42 (вкл.).

Тираж 3000 экз. Изд. № 232. Заказ № 126.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Уральский рабочий»

620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

ISBN 5-8159-0232-2

9 785815 902329

*Анна Федоровна Тютчева,
старшая дочь поэта Ф.И.Тютчева,
родилась 21 апреля 1829 года в Мюнхене,
18-летней девушкой переехала в Россию
и в 1853 году была назначена фрейлиной
цесаревны Марии Александровны,
жены будущего царя Александра II.
Была воспитательницей их детей, вел. княжны
Марии и вел. князей Сергея и Павла.
После 13 лет службы двум императорам
в 1866 году вышла замуж за Ивана Сергеевича
Аксакова и удалилась от двора.
В 1886 году она овдовела, а в 1889 году
умерла в Сергеевом Посаде. Ее воспоминания
и дневник — умные, искренние,
проницательные и бесконечно интересные —
давно заслужили самую высокую оценку:
«Кто, как она, прошел через горнило двора,
не утратив самостоятельности и личного
достоинства, не охладев душой,
тот выдержал одно из самых трудных
испытаний в человеческой жизни».*